

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «КАЗАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИМ. А.Н. ТУПОЛЕВА-КАИ»

На правах рукописи

АГЕЕВА АНАСТАСИЯ ВЛАДИМИРОВНА

**КОНВЕРГЕНТНО-ДИВЕРГЕНТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
РОМАНСКОГО ПЛАСТА В ЯЗЫКЕ
РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX – XXI ВВ.**

10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант –
доктор филологических наук,
профессор Габдреева Наталия Викторовна

Казань – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Теория и практика современной контактологии: диахронический анализ эволюции основных концепций	21
§1.1 Теория языковых контактов: дуализм основных дефиниций	21
§1.2 Типология иноязычий: основные направления лингвистических исследований	32
§1.3 Ретроспектива русско-французских языковых контактов как отражение межнациональных и межкультурных связей	43
§1.4 Гносеологические основы отечественной и зарубежной контактологии	47
Глава 2. Функциональные характеристики становления и эволюции романского лексического пласта в языке русской художественной литературы	54
§2.1. XIX век: галломания как определяющий фактор развития русского литературного языка	54
2.1.1. Языковая ситуация в России первой трети XIX в.	54
французско-русский билингвизм образованного общества	54
2.1.2 Специфика тематической классификации французской лексики в русском литературном языке XIX века.....	61
2.1.3 Французские вкрапления в произведениях русской классической литературы XIX века.....	91
§2.2 XX век: идеологический пуризм советского периода.....	108
§2.3 Французско-русские языковые контакты на рубеже.....	116
конца XX – начала XXI веков	116
2.3.1 Тематическая классификация французских лексических единиц в русской литературе новейшего периода.....	116
2.3.2 Типология вкраплений в современных русских текстах.....	120
§2.4 Вариантность как выражение «борьбы» двух языковых систем	131

§2.5 Фразеологические и синтаксические конструкции французской этимологии как системный элемент языка русской художественной литературы первой трети XIX в.	151
Глава 3. Формальная адаптация французской лексики в русском языке	176
§3.1 Алло- и изоморфизм французской и русской фонологии.....	176
3.1.1 Специфика фонологических систем контактирующих языков.....	176
3.1.2 Вокализм	186
3.1.3 Консонантизм	214
3.1.4 Аппроксиманты	230
§3.2 Акцентологические характеристики французской и русской языковых систем	232
§3.3 Морфологический аспект языковых контактов: становление моделей ассимиляции	248
3.3.1 Категория рода во французском и русском языках. Оформление рода галлицизмов	250
3.3.2 Категория числа имен существительных	277
3.3.3 Категория падежа галлицизмов	284
Глава 4. Семасиологические отношения лексических параллелей: семантическая адаптация лексики французского происхождения	291
§4.1 Основные тенденции семантического освоения иноязычной лексики в исторической перспективе	291
§4.2 Семантический сдвиг как источник формирования пар межъязыковых омонимов.....	368
Заключение	378
Список литературы	384
Список иллюстративного материала	406

Введение

«В передовых областях компаративистики в последнее время обнаружилась определенная переоценка возможностей метода внутренней реконструкции <...>. Лишь внешнее сравнение обеспечивает соответствующий контроль и позволяет выбрать единственный максимально приближающийся к реальности вариант исторической реконструкции из многих принципиально возможных», – писал выдающийся советский компаративист Владислав Маркович Иллич-Свитыч во введении к «Опыту сравнения ностратических языков» [Иллич-Свитыч 1971, с. 2].

Природа мысли универсальна для всех живущих на земном шаре, но каждый отдельно взятый язык есть результат взаимовлияния неограниченного множества дистантных и переплетающихся факторов, всякий раз иначе определяющих специфику процесса мышления и, как следствие, способов передачи выражаемой им мысли. Наша работа – попытка исторической реконструкции моментов дивергенции и конвергенции лексических структур разносистемных языков, с привлечением в качестве материала художественной литературы, которая лишь одна способна развернуть перед глазами внимательного исследователя яркое полотно бытия «настоящего живого слова», совершающегося лишь в речи – единственной, по мнению А.А. Потебни, реальности, позволяющей реализовать его потенциал [Потебня 1958].

На любом этапе развития языка и общества иностранная лексика привлекает внимание не только ученого сообщества, но представителей литературных кругов, политических деятелей, философов. Вряд ли существует другое явление сугубо лингвистического порядка, вызывающее к жизни столь напряженную и бурную дискуссию и нет иной проблемы, не связанной напрямую с выживанием социума, которая могла бы расколоть его на два конфликтующих лагеря: сторонников заимствования как средства, обогащающего язык, отражающего тенденцию к межкультурной коммуникации, сотрудничеству в различных сферах человеческой жизни и деятельности, и пуристов, готовых предать анафеме любое из «чужесловов» и задающихся вопросом о правомочности использования

иноязычий – и, более того, во всей общественно-гуманитарной науке нет другого такого феномена, не связанного напрямую с выживанием социума, попытки регулирования которого предпринимаются на уровне высших структур государственной власти. И речь не только и не столько о цензорном аппарате Российской Империи позапрошлого столетия, сколько о современной европейской и мировой практике, в частности, языковой политике Французской Республики, чьи пуристические установки отражены во многих законодательных актах и даже зафиксированы конституционно. В частности, общественный резонанс, вызванный массированным заимствованием английской лексики, побудил французское правительство к весьма жесткой реакции, результатом чего явился закон №75-1349 от 31 декабря 1975 г., носящий название «закон Ба-Лориоля» (фр. Bas-Laugiol) по имени двух его авторов – Пьера Ба и Марка Лориоля. Закон обязывает использовать французский язык в общественных объявлениях, в коммерческой рекламе и запрещает использование любого иностранного термина или выражения. В 1992 г., в результате серии пересмотров Конституции V Республики, обусловленных строительством ЕС, в ст. 2 была внесена, казалось бы, незаметная, по сравнению с глобальными изменениями остальных разделов, но весьма значимая поправка: «Язык Республики – французский», утверждая таким образом государственное одноязычие на конституционном уровне. Последствия не заставили себя ждать: 4 августа 1994 года принят закон № 94-665 об использовании французского языка (т.н. закон Тубона, по имени министра культуры того времени Жака Тубона), обеспечивающий преимущественное употребление традиционных французских терминов по отношению к англицизмам. Этот закон признает французский язык государственным в соответствии с конституцией, основным элементом самобытности и культурного наследия Франции. Французский язык является языком образования, сферы труда, торговли и государственной службы. Французский язык является главным связующим звеном для государств, входящих в организацию франкофонии.

Для реализации данного закона Французской Академии была делегирована новая важная роль: отныне она участвует в работе специальных комитетов, ответственных за предложение новых французских терминов, которые рассматриваются Генеральной комиссией – и лишь последняя даёт разрешение на публикацию терминов и их определений в Журналь Офисьель (издании правительства Франции, где публикуются официальные акты Республики). С этого момента исключительное применение французских аналогов иностранных терминов становится обязательным для администрации и государственных служб. Закон регламентирует использование французского языка в прессе и рекламе, в любом публичном дискурсе.

С другой стороны, попытка предложить полный список французских слов, заменяющих англицизмы (например «*vacancelle*» вместо «*week-end*») в целях содействия франкофонии, успехом не увенчалась: большинство из них не выдержали конкуренции.

Если вернуться к русскому языку и внимательно изучить, например, полемику В.И. Даля с А.Н. Папиным, можно сделать вполне однозначные выводы: как предлагаемые французскими пуристами *vacancelle* (досл. ‘каникулки’), так и придуманные Далем слова: *глазом* ‘горизонт’, *колоземица* (мироколица) ‘атмосфера’, *миловидница* ‘кокетка’, *насылка* ‘адрес’, *самотство* ‘эгоизм’, *чистяк* ‘пурист’ – даже с отсылками к «духу языка», по меньшей мере, неблагозвучны и искусственны, как и практически любые внешние усилия ограничительного характера, направленные на стабилизацию языковой ситуации, вне зависимости от эпохи, ведь особую актуальность данная проблема приобретает сейчас, в эпоху глобализации и всеобъемлющих международных связей, когда, спустя почти век осуждения «низкопоклонства перед Западом», заимствование вновь стало одним из наиболее активных и динамичных источников пополнения лексического состава русского языка.

«История повторяется дважды» – этот гегелевский афоризм как нельзя более точно характеризует современную ситуацию. Не имея в виду квалифицировать ее ни как фарс, ни как трагедию, мы позволим себе привести

слова еще одного выдающегося отечественного ученого, чьи труды в значительной степени определили лингвистическую картину мира автора настоящего исследования. «Что за напасть? Почему такое обилие иноязычных слов в наших средствах массовой информации – на страницах газет, в радио- и телеэфире? <...> Общественность не на шутку обеспокоена обилием американизмов в нашей речи, и кое-кто считает, что это угрожает самобытности русского языка», – иронически замечает Л.П. Крысин в одном из своих очерков [Крысин 2008, с. 5].

Действительно ли бурный поток заимствований ставит под сомнение будущее русского языка? Отвечая на этот вопрос, следует в первую очередь четко отдавать себе отчет в том, что галломания позапрошлого века гораздо сильнее угрожала основам национальной идентичности: ведь элита нации, дворянство, наиболее образованная ее часть, по словам А.С. Пушкина, «по-русски плохо знала», что вовсе не является преувеличением: до сих пор лексика французского происхождения составляет один из наиболее значительных пластов в русском литературном языке. Длительная история француско-русских отношений, отражающая политические, экономические, культурные связи стран, достигла своего апогея в ключевую для русского языка эпоху – в период формирования, становления и развития его современной литературной формы, что не могло не повлиять на конечный результат, найдя свое отражение в первую очередь в обилии галлицизмов не только на лексическом, но и на других языковых уровнях: в его фонетике, морфемике, фразеологии, синтаксисе.

Актуальность настоящего исследования определяется, таким образом, двумя типами причин:

- гносеологическими, т.е. состоянием современной лингвистической науки, осмысливающей процесс заимствования и характеризующейся неупорядоченностью понятийного аппарата, недостаточно строгим подходом к проблеме типологии иноязычной лексики, а также слишком высоким градусом эмоций, затрудняющим научный анализ адаптационных характеристик иноязычий на фоне фонетики, морфологии и семантики прототипов.

Особую важность приобретает проблема вхождения неисконной лексики в парадигматику языка-рецептора (в том числе те своеобразные отношения, которые возникают между формальными разновидностями слова в пределах вариантных рядов), прагматика функционирования иноязычных вкраплений, а также степень и характер влияния языка-источника, которые довольно размыто квалифицируются отечественными учеными как весьма и весьма ограниченные по сравнению с возможностями языка-рецептора, тогда как более детальное исследование характеристик формирования ассимиляционных моделей с учетом алло- и изоморфизма языков зачастую показывает недостаточность подобного подхода.

Отдельного рассмотрения требует проблема функционирования т.н. «скрытых заимствований» – разноуровневых калек: в частности наименее изученным в отечественном языкознании является вопрос фразеологических и синтаксических оборотов, построенных по иноязычным образцам. Сам факт массового их функционирования в речи является показателем системного влияния чужих сочетаемостных норм и синтаксиса языка-источника на русский в плане выражения, что, по нашим данным, до сих пор не отмечалось в специальной лингвистической литературе.

И, наконец, если говорить о плане содержания, динамика общих и специфических характеристик семантических структур прототипа и коррелятивного заимствования, выражающаяся во влиянии семантики французского слова на эволюцию значения галлицизма в русском языке – не говоря уже о кальках семантических – может быть рассмотрена со всей полнотой исключительно в плане диахронического анализа реальных речевых ситуаций, широкий репертуар которых предоставляют исследователю произведения художественной литературы;

- лингвистическими, т.е. уже отмеченным сходством языковой ситуации в российском обществе XIX в. с ее современным состоянием, что выражается не только количественными характеристиками, но и качественными (в какой-то мере можно утверждать, что именно галломания позапрошлого века в значительной

степени предвосхитила и определила векторы развития процесса заимствования), а именно:

1. Языковой материал «поставляется» в основном единственным языком-источником: здесь особо важно подчеркнуть алломорфизм языков, в значительной степени определяющий специфику соотношения дивергентно-конвергентных характеристик всех языковых уровней;

2. Иноязычные вкрапления разных типов широко функционируют в речи в самых разнообразных целях: от номинации нового понятия до выражения снобизма;

3. Активизируются процессы калькирования, причем т.н. «скрытое» заимствование протекает как на лексико-семантическом уровне, так и в области фразеологии, и в сфере синтаксиса, более того, его проявления носят системный характер;

4. Семантическая структура иноязычных слов интенсивно расширяется за счет вторичного заимствования.

Понятно, что подобное исследование, в силу своей специфики (как минимум требований тесного знакомства с языком-источником) вряд ли может быть осуществлено на материале всей иноязычной лексики русского языка. С другой стороны, излишне узкая специализация материала (например, лексика определенной тематической группы, корпус произведений одного автора) либо ограничения, накладываемые целями исследования (изучение только закономерностей формальной либо семантической адаптации), также не должны служить препятствием для его многоаспектности.

Тем не менее, в научной литературе до сих пор отсутствуют монографические работы, посвященные комплексному изучению сравнительно-сопоставительных и исторических закономерностей формирования, эволюции и стабилизации пласта иноязычной лексики французского происхождения в русском языке, предпринятого на таком обширном и специфическом материале, как художественная литература конца XVIII – начала XXI вв.

Основной целью настоящей работы является выявление общего и специфического в системах двух разноструктурных языков на материале художественной литературы и лексикографических источников, а также коррелятивных заимствований на фоне прототипов.

Поставленная цель предполагает решение некоторых задач, выражающих сущность проблемы, сформулированной в настоящей диссертации:

1) описать функционирование языковых единиц французского происхождения в лексической системе русского на материале художественной литературы периода конца XVIII – начала XXI вв., проследив векторы языковых изменений на разных исторических этапах с учетом дивергентно-конвергентных тенденций в обеих языковых системах;

2) выявить черты алло- и изоморфизма фонологической, акцентологической и морфологической систем двух разноструктурных языков с выделением моделей, а также общих и частных закономерностей, определяющих специфику проявления адаптационных процессов на указанных языковых уровнях;

3) описать типологию семантических отношений французских прототипов и коррелятивных заимствований, представив системную характеристику эволюции значений французского слова и галлицизма в русском языке, отражающую реальный семантический объем галлицизмов.

Научная новизна диссертационной работы обусловлена двумя моментами: во-первых, впервые предпринятым в ней комплексным исследованием галлицизмов – обширного пласта лексической системы русского языка – конца XVIII – начала XXI вв. в период формирования и стабилизации национальных норм, во-вторых, тем фактом, что исследование проведено на таком специфическом материале, как художественная литература. Данный материал как никакой другой позволяет проследить динамику черт дивергенции и конвергенции лексических структур двух языков в связи с общими историческими процессами, обеспечивая в то же время возможность максимально детального анализа существующих девиаций и сопутствующих явлений. Взятый

за основу принцип диахронии фокусирует внимание на этапах становления формы и содержания галлицизмов на фоне прототипов, в целом воссоздавая систему формирования пласта лексики французского происхождения в русском языке конца XVIII – начала XXI вв., тогда как принцип максимально детального сопоставительного анализа двух языковых систем позволяет установить характер их взаимовлияния.

Объектом исследования, таким образом, являются отношения между лексическими единицами двух разноструктурных языков.

Предметом исследования является корреляция между французскими прототипами и галлицизмами, пришедшими в русский язык в процессе непосредственных и опосредованных, устных и письменных контактов русского языка с французским в период конца XVIII – начала XXI вв.

Материалом исследования послужили данные сплошной и специальной выборки из произведений русской художественной литературы, включая:

1) художественные тексты второй половины XVIII в., позволяющие с большей или меньшей точностью определить условия первой фиксации большинства галлицизмов в отрыве от прототипа: Д.И. Фонвизин «Бригадир» (1768), «Недоросль» (1781); Н.М. Карамзин «Письма русского путешественника» (1791-1792), «Бедная Лиза» (1792), «Юлия» (1796);

2) произведения русской классической литературы, чей расцвет, как уже неоднократно упоминалось, приходится на эпоху галломании и билингвизма, причем в исследовательскую базу нами были включены не только широко известные и активно изучаемые произведения «золотого фонда» русской литературы, но также малоизвестные и неоконченные тексты известных авторов: А.С. Грибоедов «Студент» (1817), «Горе от ума» (1828); Н.А. Дурова «Записки кавалерист-девицы» (1836), «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения» (1838), «Серный ключ» (1839), «Угол» (1840); А.С. Пушкин «Евгений Онегин» (1823-1832), «Арап Петра Великого» (1827), «Роман в письмах» (1829), «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» (1830), «История села Горюхина» (1830), «Дубровский» (1833), «Пиковая дама» (1834), «Капитанская дочка» (1836);

М.Ю. Лермонтов «Вадим» (1832-1834), «Княгиня Лиговская» (1837), «Герой нашего времени» (1838-1841); Н.В. Гоголь «Петербургские повести» (1835-1842), «Ревизор» (1836-1842), «Мертвые души» (1842); Ф.М. Достоевский «Бедные люди» (1846), «Двойник» (1846), «Неточка Незванова» (1848), «Село Степанчиково и его обитатели» (1859), «Униженные и оскорблённые» (1861), «Игрок» (1866), «Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1868-1869), «Бесы» (1871-1872), «Подросток» (1875), «Братья Карамазовы» (1879-1880); И.А. Гончаров «Обыкновенная история» (1847), «Фрегат Паллада» (1855-1857), «Обломов» (1859), «Обрыв» (1869); И.С. Тургенев «Рудин» (1855), «Дворянское гнездо» (1858), «Накануне» (1860), «Отцы и дети» (1862), «Дым» (1867), «Вешние воды» (1872), «Новь» (1877); А.Н. Островский «Свои люди – сочтёмся» (1849), «Не в свои сани не садись» (1852), «Доходное место» (1856), «Не сошлись характерами!» (1858), «Гроза» (1859), «Женитьба Бальзаминова» (1861), «На всякого мудреца довольно простоты» (1868), «Лес» (1870), «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (1872), «Волки и овцы» (1875), «Правда хорошо, а счастье лучше» (1877), «Бесприданница» (1878), «Дикарка» (1879), «Светит, да не греет» (1881), «Красавец мужчина» (1883), «Не от мира сего» (1885); Л.Н. Толстой «Детство» (1852), «Отрочество» (1854), «Севастопольские рассказы» (1855-1856), «Два гусара» (1856), «Юность» (1857), «Семейное счастье» (1859), «Война и мир» (1863-1873), «Анна Каренина» (1873-1877); М.Е. Салтыков-Щедрин «Губернские очерки» (1856-1857), «Помпадурсы и помпадурши» (1863-1874), «История одного города» (1869-1870), «Дневник провинциала в Петербурге» (1872), «Господа ташкентцы» (1873), «Господа Головлёвы» (1875-1880); А.П. Чехов «Цветы запоздалые» (1882), «Драма на охоте» (1884), «Чайка» (1896), «Дядя Ваня» (1896), «Три сестры» (1900), «Вишнёвый сад» (1903);

3) произведения русской художественной литературы XX в., включающие

а. произведения писателей первой волны эмиграции, в том числе и ранние тексты: А.И. Куприн «Последний дебют» (1889), «Впотьмах» (1892), «Молох» (1896), «Поединок» (1905), «Гамбринус» (1907), «Яма» (1909-1915), «Гранатовый браслет» (1910), «Последний из буржуев» (1919), «Пощёчина»

(1924), «Юнкера» (1928-1932); И.А. Бунин «Деревня» (1908), «Митина любовь» (1925), «Темные аллеи» (1937-1953); Н.А. Тэффи «Alibi» (1907), «Рысь» (1923), «Авантюрный роман» (1931), «Все о любви» (1946); М.И. Цветаева «Метель» (1918), «Фортуна» (1918), «Мой Пушкин» (1937), «Повесть о Сонечке» (1937);

в. художественная проза авторов советского периода, в том числе ранние тексты: М. Горький «Трое» (1900-1901), «Мещане» (1901), «На дне» (1902), «Детство» (1913-1914), «В людях» (1915-1916), «Мои университеты» (1923); И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев» (1928), «Золотой телёнок» (1931); М.А. Булгаков «Белая гвардия» (1922-1924); «Собачье сердце» (1925), «Записки юного врача» (1925), «Копыто инженера» (1928-1929), «Мастер и Маргарита» (1929-1940); В.П. Аksenov «Коллеги» (1959), «Апельсины из Марокко» (1962), «Мой дедушка – памятник» (1969), «Остров Крым» (1979), «Московская сага» (1992);

3) современная художественная проза: В. Пелевин «Омон Ра» (1992), «Жёлтая стрела» (1998), «Священная книга оборотня» (2004), «Ананасная вода для прекрасной дамы» (2010); Г.Л. Олди «Бездна голодных глаз» (1991-2001), «Маг в Законе» (1999), «Богадельня» (2001), «Шутиха» (2003), «Шмагия» (2004), «Приют героев» (2006); Д.И. Рубина «Ангел конвойный» (1997), «Астральный полёт души на уроке физики» (2000), «Холодная весна в Провансе» (2005), «Коксинель» (2015) и др.

В качестве иллюстративной базы привлекались материалы Национального корпуса русского языка, предоставившего хронологические и статистические данные (время фиксации галлицизма в русской речи, период функционирования вариантных рядов, частотность вхождений) и контекстуальные ресурсы, позволяющие описать эволюцию плана содержания лексических единиц в языке-рецепторе.

Среди наиболее авторитетных ресурсов языка-источника следует отметить в первую очередь Национальный центр текстовых и лексических ресурсов (Centre National des Ressources Textuelles et Lexicales), данные которого использовались при этимологических и хронологических изысканиях в рамках французской

лексической системы, и лингвистический портал «Reverso», чья электронно-поисковая база письменных памятников французского языка стала неоценимым подспорьем в исследовании семантических нюансов французского слова. В этих же целях использовались произведения французской художественной литературы: N. Boileau-Despréaux *Satires* (1660-1711); P. Corneille *Médée* (1635), *Le Cid* (1636), *Attila* (1667); J. de La Fontaine *Fables* (1668, 1678, 1694); Molière *Sganarelle, ou le cocu imaginaire* (1660), *L'école des maris* (1661), *L'école des femmes* (1662), *Tartuffe, ou l'imposteur* (1664), *Dom Juan, ou le festin de pierre* (1665), *L'avare* (1668), *Le malade imaginaire* (1673); J. Racine *Andromaque* (1667), *Mithridate* (1673), *Phèdre* (1677); J.-J. Rousseau *Émile, ou de l'éducation* (1762); Voltaire *Zadig, ou la destinée* (1747), *Candide, ou l'optimiste* (1759), *Jeannot et Colin* (1764), *L'homme aux quarante écus* (1767), *L'ingénu* (1767); P. de Beaumarchais *La mère coupable, ou l'autre Tartuffe* (1792), *Le barbier de Séville, ou La précaution inutile* (1775); *Le mariage de Figaro, ou la folle journée* (1784); J. de Saint-Pierre *Paul Et Virginie* (1787); F. Chateaubriand *Atala, ou les amours de deux sauvages dans le désert* (1801), *René* (1802), *Voyage En Amérique* (1827); V. Hugo *Les feuilles d'automne* (1831), *Les chants du crépuscule* (1835), *Ruy Blas* (1838); L. de Saint-Simon *Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon* (1830).

Все исследуемые автором настоящей работы лексические единицы зафиксированы в произведениях художественной литературы. Большая их часть фиксируется словарями иностранных слов: *Словарь русского языка XVIII века, Российский, с немецким и французским переводами* словарь, сочиненный надворным советником И. Нордстетом, Н.М. Яновский. *Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту*, А.Д. Михельсон. *Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней*, Толковый словарь живаго великорусскаго языка В. Даля, А.Н. Чудинов *Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка*, И.И. Огиенко *Словарь общеупотребительных иностранных слов*, Л.П. Крысин *Толковый словарь иностранных слов*, Н.Н. Епишкин *Исторический словарь галлицизмов русского языка* и др. Анализ семантики прототипа осуществлялся по данным толковых

словарей французского языка: Le dictionnaire de la langue française d'Emile Littré, Henri Mitterand, Jean Dubois, Albert Dauzat. Dictionnaire étymologique et historique du français, Le petit Larousse illustré Dictionnaire de l'Académie française, A. Hatzfeld, Darmesteter A. Dictionnaire général de la langue française du commencement du XVII s. jusqu'à nos jours и др.

Основными критериями отбора единиц, вошедших в поле данного исследования, послужили как внешние (фонетико-графические) показатели, так и внутренние (семантическое содержание единиц в момент заимствования). Специфика внешнего облика галлицизмов определяется в первую очередь не характерными для русского языка сочетаниями гласных или согласных:

- **-ya-, -yэ-**(*фермуар, будуар, дуэль*);
- инициальными (анлаутными) **а-, э-** (*афиша, арбалет, эмаль, этаж, эстрада*);
- финальными (ауслатными) ударными **-а, -е, -о, -и, -у, -ю** (*антраша, бра, жалюзи, меню, рагу, су, такси, тире, трюмо, филе, шапито, эю*);
- палатальным [л'] в закрытом слоге либо на конце слова (*альбом, бульон, ваниль, вежеталь, деталь, дуэль, шаль, эмаль*);
- **-фл-, -гл-, -фр-** (*глиссада, гофре, флакон*);
- финальными (ауслатными) сочетаниями **-он, -ан, -ен** (*балкон, бульон, марокен, талисман*) и словообразовательным оформлением языка-источника:
  - суффиксами **-ад, -анс, -ант, -аж, -ет, -ёр, -ур (-юр)**, (*абордаж, аллюр, альянс, амбразура, бриллиант, брошюра, ведет, вояж, галант, котлета, пистолет, променад, рикошет, увраж, хроникёр, шанс, шаржёр*);
  - префиксами **ре-, де-** (*дезавуировать, ремарка, ремонт, ретирада*);
  - префиксоидами **аван-, арьер-, пресс-, порт-, пасс-**(*аванпост, арьергард, паспорт, портмоне, пресс-атташе*) и т.п.

Вполне естественно, что фонетико-графические признаки не могут служить универсальным критерием отбора: значительное количество галлицизмов русского языка либо не обладали ими изначально (*дама, карта, карьера, коридор, лампа, пика, суп*), либо потеряли «французскую» графику в ходе приспособления

к языку-рецептору (*генерал, магазин, салат, свита*), в связи с чем особое значение приобретает второй критерий: корреляция семантического наполнения прототипа и заимствования. Кроме того, при определении источника заимствования, при идентификации семантических новообразований учитывались данные, полученные предшествующими исследователями галлицизмов.

Методы исследования были обусловлены целями и задачами работы. Это традиционные для лексико-исторических исследований диахронно-описательный, сопоставительный и статистический методы. Основной концепцией послужила методика ленинградских ученых Е.А. Биржаковой, Л.А. Войновой, Л.Л. Кутиной, предусматривающая комплексный принцип при изучении заимствованной иноязычной лексики, сочетающий функциональный, формальный и историко-семантический аспекты и позволяющий проследить через историю отдельных слов общеязыковые тенденции, направления и закономерности языковых изменений и уже применявшаяся ранее для изучения конкретного пласта иноязычной лексики на конкретном материале (здесь мы имеем в виду в первую очередь фундаментальный труд Н.В. Габдреевой, посвященный историко-функциональному исследованию галлицизмов русского языка на материале переводных произведений [Габдреева 2011]).

Положения, выносимые на защиту:

1. Романская лексика, ключевой как в количественном, так и в функциональном отношении иноязычный пласт русского языка, формирование которого является прямым следствием непрерывной межкультурной коммуникации и занимает более трех столетий (XVIII – начало XXI вв.) развития, является отражением социальных и психологических изменений российского общества в указанный период.

2. Нормы французской сочетаемости и синтаксиса оказывали системное влияние на становление русского литературного языка на протяжении всего XIX в.

3. В силу разности фонологических систем двух контактирующих языков, лексика французского происхождения полностью встраивается в рамки принимающей системы. Тем не менее, специфика комбинаторных и позиционных

изменений галлицизмов зачастую обусловлена фонематическими условиями, заданными прототипом.

4. В условиях непосредственных языковых контактов морфологические характеристики прототипа продолжают оказывать значительное влияние на оформление грамматических категорий коррелята даже при четко выявляемой разнице морфологических структур языковых систем, способствуя активизации параллельно существующих вариаций одной ассимиляционной модели.

5. В долгосрочной перспективе наиболее продуктивной моделью семантической адаптации иноязычного слова является расширение семантического объема лексических единиц, осуществляющееся за счет т.н. «вторичного заимствования», т.е. освоения языком-рецептором более или менее широкого комплекса значений прототипа.

6. Частным следствием параллельного развития семантических структур прототипа и коррелята является актуализация пар межъязыковых омонимов, причиной которой является не только семантический сдвиг в языке-рецепторе, но и лексико-семантические процессы в языке-источнике.

Теоретическая значимость диссертации. Выявлены черты конвергенции и дивергенции лексических систем двух разноструктурных языков. Предложена типология иноязычных вкраплений, основанная на прагматике их функционирования в литературе. Описаны системные характеристики процесса калькирования фразеологических и синтаксических оборотов французского происхождения – материала, который до сегодняшнего дня в силу разных причин не являлся объектом достаточно пристального внимания ученых. Впервые в научной литературе разработана методика подробного и четкого анализа фонологической адаптации французской лексики, учитывающая алло- и изоморфные черты фонологических структур языка-источника и языка-рецептора. Уточнена и пересмотрена роль грамматического строя языка-источника в процессе морфологического освоения иноязычной лексики, выявлены универсальные и специфические закономерности обеих языковых систем, определяющие формирование и становление ассимиляционных моделей, до

настоящего времени также весьма общо представленные в работах лингвистов. Впервые на материале художественной литературы предпринят контрастивный семантический анализ двух разноязыковых единиц в диахроническом аспекте, системно представляющий общие и специфические тенденции в области семантики французского слова и коррелятивного галлицизма в русском языке в ходе исторического развития в условиях непосредственного и опосредованного языкового контактирования; предложена типология динамических изменений семантической структуры заимствования на фоне прототипа. Впервые на материале художественной литературы рассматриваются такие важные вопросы общего языкознания, как неоднородность процессов языкового развития, взаимодействие формы и содержания единиц разных структурных уровней языка в исторической перспективе, разработка историко-типологического описания лексического строя разнотипных языков.

Практическая значимость диссертации. Материалы исследования могут использоваться в качестве историко-теоретической и иллюстративной базы при изучении франко-русских взаимодействий и языковых контактов в целом. Основные положения работы представляют ценность для разработки курсов по практике перевода художественных и публицистических текстов, пригодны к использованию как лекционный материал по общему и сопоставительному языкознанию, по теории языковых контактов и межкультурной коммуникации, по сравнительной типологии французского и русского языков, по лексикологии французского языка.

Идеи и результаты исследования отражены в разработанных автором спецкурсах: «Художественный дискурс французского языка», «Филологический анализ художественного текста», «Интерпретация текста», «Английские заимствования во французском языке» и в лекционных курсах «Основы языкознания», «Лексикология французского языка».

С 2012 г. в Казанском (Приволжском) федеральном университете при кафедрах романской филологии, европейских языков и культур автором организована научно-исследовательская работа студентов по изучению языкового

контактирования. Результаты этой работы опубликованы в сборниках научных трудов и материалах конференций, в т.ч. входящих в базу цитирования РИНЦ (Французский язык и методика его преподавания: сб. науч. тр. – Казань: изд-во Хэтэр, 2012-2015; Актуальные проблемы романских языков и инновационные методики их преподавания: материалы международной научно-практической конференции. – Казань: Хэтэр, 2014-2016; Terra Linguae: сб. научн. ст. – Казань: ТАИ, 2016; Изд-во Казан. ун-та, 2017).

Теоретической базой диссертации послужили научно-теоретические положения выдающихся отечественных и зарубежных лингвистов: В.А. Богородицкого, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Е.Э. Биржаковой, Л.А. Войновой, Л.Л. Кутиной, Ш. Балли, Ф. де Соссюра, С. Трубецкого; работы современных исследователей: Э.А. Балалыкиной, Н.В. Габдреевой, В.Г. Гака, М.Н. Закамулиной, М.М. Калиневич, Л.П. Крысина, Ю.Т. Листровой-Правды, Г.Ф. Лутфуллиной, Е.В. Мариновой, М. Мартысюка, Л.П. Рыжовой.

Апробация работы. Основные положения настоящего диссертационного исследования излагались в докладах и сообщениях на международных и всероссийских конгрессах, конференциях и семинарах, в том числе: Международная научно-практическая конференция «I Международные Российско-французские лингвистические чтения – 2010» (Казань, 2010), Международная научная конференция «Филология и образование: современные концепции и технологии» (Казань, 2010), Международная научная конференция РОПРЯЛ «Язык, литература, культура на рубеже XX-XXI веков», посвященная 95-летию профессора Б.Н. Головина (Нижний Новгород, 2011), Международная научно-практическая конференция «Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии» (Казань, 2012), III Международная научная конференция «Наука о переводе сегодня: перевод и словесность» (Москва, 2013), Международная конференция «Актуальные проблемы романских языков и современная методика их преподавания» (Казань, 2014), III Международная конференция «Актуальные проблемы преподавания русского

языка в вузе» (Москва, 2014), Международная конференция «И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика» (Казань, 2015), II Международный форум по модернизации педагогического образования (Казань, 2016), INTED (Валенсия, 2016 – 2018).

Автором опубликованы монографии (Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода: монография / Н.В. Габдреева, А.В. Агеева, А.Р. Тимиргалеева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 328 с.; Становление и эволюция романского лексического пласта в языке русской художественной литературы (функциональный аспект): монография / А.В. Агеева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – 130 с.), словарь технических терминов, а также 76 печатных работ (статьи, материалы докладов, тезисы). Двенадцать статей изданы за рубежом.

Структура и объем диссертации определены целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка литературы.

Глава 1. Теория и практика современной контактологии: диахронический анализ эволюции основных концепций

§1.1 Теория языковых контактов: дуализм основных дефиниций

«Языки обогащались иностранными словами лишь настолько, насколько они обогащались идеями», – писал французский мыслитель и путешественник XVIII в., член Французской Академии Жак-Анри Бернард де Сен-Пьер, и эти слова как нельзя лучше отражают самую суть языковых контактов и процесса заимствования чужой лексики как их закономерного результата.

Своеобразие любого языка определяется двумя дистантными факторами: его местом в генетической классификации, т.е. происхождением и спецификой языковых контактов, т.е. характером взаимодействия с другими, родственными или неродственными, языками [Мечковская 1996, с. 200]. Так, современный английский язык, с точки зрения лексического наполнения намного ближе к языкам романским, нежели к другим языкам германской группы: немецкому, фламандскому – и еще дальше отстоит от языков скандинавских: датского, норвежского, исландского, в силу, казалось бы, незначительного исторического казуса, а именно завоевания в 1066 г., в ходе обычных для того времени феодальных войн, Английского королевства нормандским герцогом Вильгельмом. Тем не менее, именно это событие на долгие столетия вперед предопределило историю двух стран – Англии и Франции – и, как следствие, развитие национальных языков народов, их населяющих. Французское влияние на английский язык трудно переоценить и назвать как-то иначе, нежели экспансией, сравнимой лишь с вторжением самого Вильгельма.

Обусловлено оно в первую очередь факторами экстралингвистическими: само единое Английское королевство было основано Вильгельмом Завоевателем, им же была разработана законодательная и административная система государства, созданы армия и флот, проведена первая в средневековой Европе всеобщая перепись земельных владений (т.н. «Книга страшного суда»), построена

система каменных крепостей (само название первой из них – Тауэр (Tower) – есть английское переосмысление французского слова *tour* ‘башня’). Все вышеперечисленное потребовало колоссального напряжения усилий и на долгие годы обеспечило приток специалистов из-за Ла-Манша: законников (легистов), корабельщиков, архитекторов, строителей и т.п., активизировав языковые контакты и, как следствие, спровоцировав массовый приток галлицизмов в английский язык: наименований новых идей, понятий, технологий, инструментов.

Разумеется, неоднократно упомянутый учеными и писателями (вспомним «Айвенго» Вальтера Скотта) «языковой снобизм» также внес свою лепту: долгие два века именно французский был языком элит, сплошь нормандских по происхождению, т.е. наиболее образованной части населения, оперировавшей более сложными конструкциями с формальной точки зрения и более образными понятиями с содержательной, тогда как английскому была уготована участь убогого диалекта, на котором обсуждали примитивный быт и однообразную действительность крестьяне и рабы – однако, на наш взгляд, она не так подавляюще велика, как принято считать. В конце концов, столь же долгое, двухсотлетнее, господство потомков Батыя над русскими княжествами – известное как монголо-татарское иго – не уничтожило русский язык и не обратило его словарный состав в нечеткую кальку тюркского наречия.

Разумеется, многочисленные тюркизмы, насытившие русский язык той эпохи, свидетельствуют об интенсивных языковых контактах, но сказать, что русская лексика на 60-70% – тюркского происхождения будет совершенно неверно, а не просто преувеличенно. На наш взгляд, причина проста: в отличие от Англии эпохи короля Вильгельма на Руси, где каждый образованный человек также вынужден был знать язык Золотой Орды, наблюдался обратный демографический процесс: отток населения, в первую очередь мастеров, отправляемых на работы в Орду. Понятно, что ни о каком *массовом* заимствовании новых реалий речь идти не может (так, вышедший в 1976 г. «Словарь тюркизмов в русском языке», даже будучи, по мнению специалистов, перегруженным единицами с «сомнительной и явно не доказанной этимологией»

[Баскаков Н.А., Добродомов И.Г. Рецензия // Вопросы языкознания, 1978, № 1, с. 141], насчитывает порядка 2000 слов, причем большая часть их пришла в русский язык уже в XVI – XVII вв., в связи с достигшим апогея культурным влиянием Османской империи и сибирскими походами Ермака).

Полагая процессы миграции языковых элементов универсальным источником пополнения и обогащения любого национального языка, основатель Казанской лингвистической школы И.А. Бодуэн де Куртенэ писал о невозможности существования «чистого, не смешанного языкового целого» [Бодуэн де Куртенэ 1963, с. 140]. Сложно не согласиться с выдающимся отечественным лингвистом, тем более что именно это «смешение» и обеспечивает специфику языка, саму его глубинную суть, формировавшуюся на протяжении многих веков.

В работе «Иноязычная лексика современного русского языка» Е.В. Маринова пишет: «Несмотря на то что понятие заимствование известно даже школьнику, в лингвистике нет однозначного подхода в объяснении сути этого явления. Возможно, одна из причин этого заключается в том, что исследователям чаще приходилось противостоять различным пуристическим течениям, выступать «в защиту» заимствования, чем углубляться в объяснение сути процесса» [Маринова 2012, с. 90].

Попытаемся рассмотреть основные концепции отечественной и зарубежной лексикологии, посвященные данному вопросу.

Во-первых, сам термин «заимствование» (впрочем, как и наименование практически любого явления в лингвистике) дуалистичен по своей природе, одновременно определяя и процесс языковой миграции, и его результат: функционирование в языке новых единиц иной, отличной от исконной, этимологии.

Процессуальный аспект заимствования включает в себе механизмы рецепции и адаптации единиц одного языка на почве другого: особенности их активизации и функционирования, формальной и семантической ассимиляции, а также ассимиляции психологической – данный критерий предложен

Н.В. Габдреевой, которая понимает под этим термином осознание единицы как заимствованной, чужеродной либо ее восприятие, в сознании носителя, как средства родного языка [Габдреева 2001, с. 9].

Процесс заимствования универсален: вновь обращаясь к тезису И.А. Бодуэна де Куртене, мы отметим, что все живые языки в той или иной мере подвержены его воздействию, лишь языки мертвые исключены из сферы его влияния. Даже наиболее «закрытые» для посторонних веяний языки (вспомним санскрит, считавшийся идеальным, божественным языком, или японский язык, в силу экстралингвистических факторов долгое время остававшийся в изоляции от остального мира) заимствуют некоторые – необходимые для номинации новых реалий – слова либо в связи с изменением внешних факторов в определенный период переживают бурный всплеск иноязычий в своей системе.

Вторым критерием, обеспечивающим заимствованию универсальный характер, является тот факт, что языковой трансфер характерен для единиц разных уровней языка. Впервые в отечественной лингвистике на этот факт указал И.А. Бодуэн де Куртене, отмечая, что «... заимствование из одного языка в другой может быть заимствованием: 1) знаменательных слов; 2) синтаксических оборотов; 3) известных морфологических компонентов или морфем; 4) известных частиц, партикул; 5) даже звуков или фонем» [Бодуэн де Куртене 1963, с. 93]. Разные уровни языка подвержены процессу заимствования в разной степени: наиболее ригидна в этом отношении морфология, поскольку именно грамматические категории языка заключают в себе его национальную специфику, его своеобразие, представляя его «костяк» [Маринова 2012, с. 88].

Область фонетики немногим опережает ее: за всю историю развития русского языка не было заимствовано ни одной чужой фонемы, хотя и существует мнение об иноязычном характере фонемы [ф], однако мы сочтем уместным напомнить, что данная фонема существует в исконных словах (ср. квазиомонимы *кровь* – *кров*, где [ф'] / [ф] выполняют смыслообразительную функцию), пусть и как результат оглушения конечной [в]. Здесь следует говорить, скорее, о заимствовании характеристик реализации фонемы: в сильной позиции (перед

гласной: *анафема, кафе* – или в начале слова: *факел, флер, фтор*) фонема |ф| действительно фигурирует лишь в иноязычных словах. В последние годы активизируются споры лингвистов о наличии новейшем языке английского звука |dʒ|, проникшего в фонетическую структуру благодаря содержащим его англицизмам [Володарская, с. 104]: *гаджет, джем, джемпер, менеджер* и т.п. Подобные же дискуссии характерны и для других национальных языков: так, ряд французских лингвистов отвергает заимствование фонемы |ŋ| в словах типа *parking, shopping, building*, базируясь на том, что во французском произношении он трактуется двуфонемно |ng| либо трансформируется в палатальный |ɲ|, функционирующий в словах *vigne, signe, ligne* – фонологическая система любого языка активно сопротивляется проникновению любых чужеродных элементов, при любой возможности заменяя их близкими собственными, либо их комбинацией, наиболее, с точки зрения носителя языка, отвечающей заданным условиям (вспомним русское просторечие, где до сих пор функционируют варианты *хвельшер* (фельдшер) либо *хвонарь* (фонарь) и т.п.).

Морфемика, фразеология и синтаксис на определенных этапах развития языка и при условии особой интенсивности межъязыковых контактов вполне успешно заимствуют чужие структуры: например, суффиксы греческого и латинского происхождения во всех европейских языках являются красноречивым свидетельством данного тезиса. Фразеологические выражения ‘take place’ или ‘keep a place’ в современном английском (а также в других европейских языках) и, соответственно, ‘брать место’ или ‘держат место’ в русском языке суть явное и неоспоримое наследие французского языка с его устойчивыми выражениями ‘prendre place’ или ‘garder la place’, функционирующими в лексико-фразеологической системе с XV-XVI вв. [Littré].

И, разумеется, наиболее восприимчива к заимствованию чужих элементов лексическая система языка, наиболее подверженная влиянию внешних факторов, находящаяся в непосредственной связи с жизнью нации, чутко реагирующая на любые происходящие в обществе изменения и потому развивающаяся с особой динамикой.

В силу этой взаимообусловленности, все многообразие причин заимствования может быть сведено к двум большим классам: экстралингвистическим (внеязыковым) и собственно лингвистическим (внутриязыковым, интралингвистическим).

К внутриязыковым причинам заимствования большинство ученых относят:

1. Заполнение лакун в лексической системе языка, когда исконные средства номинации понятий, явлений, предметов, свойств, характеристик недостаточны либо отсутствуют вовсе (Н.В. Габдреева, Л.П. Крысин, Е.В. Маринова и др.).

2. Специализация, уточнение понятий, потребность дифференцировать и детализировать смысловые оттенки (В.М. Аристова, Н.В. Габдреева, В.Г. Гак, Л.П. Крысин, Е.В. Маринова). В этом случае уже существующее в системе языка слово и заимствованная единица буквально делят семантический ареал: так, для обозначения гостиничных номеров разной степени комфорта существуют специальная лексика: *люкс*, *сьют*, *твин* и т.п. Семантика их может пересекаться, но никогда не совпадает в полном объеме.

3. Устранение полисемии исконного слова, упрощение его семантической структуры. Данная причина выделяется как самостоятельная целым рядом ученых – Н.В. Габдреевой, Л.П. Крысиным, Л.Л. Кутиной, Ю.С. Сорокиным – и, в некотором смысле коррелируя с предыдущей, на наш взгляд, иначе, «изнутри», объясняет процесс спецификации: не только понятие нуждается в уточнении и дифференциации оттенков, но и сама семантическая структура слова, будучи далеко не безразмерной, требует избегать излишнего нагромождения сем, утяжеляющих ее и размывающих четкие смысловые рамки. Так, *ник* (от англ. *nickname*) – это не просто имя, это сетевое, как правило, тщательно продуманное пользователем, наименование себя, являющееся такой же характеристикой его личности, как подпись и аватар. И, понятно, что вчленение всех этих сем в структуру слова *имя*, и без того являющегося многозначным, никак не способствовало бы лучшему пониманию.

4. Эвфемизация понятий (А.К. Рейцак, Л.П. Крысин). Данный вопрос освещался многими лингвистами, мы лишь отметим, что зачастую

эвфемизирующий аспект заимствования – это всего лишь частный случай специализации, когда вместо исконного *убийца* употребляется заимствованное *киллер* или распространителя наркотиков называют *дилером*.

5. Потребность языка в новых стилистических (экспрессивных) средствах. Проблематика экспрессивной маркированности иноязычной лексики скорее является предметом литературоведения, однако отметим, что и для лексиколога здесь имеется обширное поле деятельности: это и лексические кальки, такие как *трогательный* ‘touchant’ или змеиться ‘serpenter’, и заимствованные фразеологические конструкции, напр., широко известное быть не в своей тарелке ‘ne pas être dans son assiette’, и прямые заимствования, такие как постепенно становящийся интернациональным в молодежном сленге возглас *vau!* ‘wow’ или знакомые каждому интернет-пользователю англоязычные аббревиатуры *LOL* ‘lots of laughs’ или *OMG* ‘Oh my God’.

6. Экономия языковых средств, ведущая к вытеснению перифраза однословом (Э.Ф. Володарская, Н.В. Габдреева, Л.П. Крысин). Е.В. Маринова упоминает в качестве примера слова *пиар* ‘PR’ или *вип* ‘VIP’, закрепившиеся в языке благодаря своей краткости в сравнении с соотносительными единицами «связи с общественностью» или «особо важная персона» [Маринова 2012, с. 89].

7. Унификация терминологии (В.М. Аристова, Л.П. Крысин, А.А. Реформатский). Данная причина перекликается с выделяемой другими учеными (Е.В. Маринова, например) в самостоятельную тенденцию к интернационализации лексики: так, *бокс* ‘спец. ящик’ или *бизнес* ‘спец. дело’. На наш взгляд, унификация специальной речи и осуществляется посредством насыщения ее интернационализмами для облегчения профессионального диалога в контексте интенсификации международного сотрудничества в области науки и техники.

Среди внеязыковых причин, которые разными исследователями именуется социальными, психологическими либо прагматическими, как правило, называют:

1. Исторические межнациональные контакты, более или менее длительного характера, обуславливающие возникновение на определенном этапе

развития особой формы двуязычия – билингвизма (подробнее об этом см. гл. 2). Понятно, что интенсивность потока заимствований и ареал их распространения прямо пропорциональны длительности контакта.

2. Познание и более глубокое изучение окружающей их действительности, когда возникновение новых реалий апеллирует к их номинации. Некоторые ученые числят данную причину среди собственно лингвистических, однако мы бы хотели обратить внимание в первую очередь на ее социальный характер: появление новых реалий как таковое не является лингвистическим феноменом, напротив, явления социального порядка, научно-технический прогресс и культурная эволюция определяют дальнейшее развитие языка.

3. Новаторство нации в определенной сфере деятельности. Данная причина выделяется Н.В. Габдреевой и, с некоторой точки зрения, представляет собой ее частный случай, однако мы считаем уместным выделить ее в самостоятельную: зачастую вместе с наименованиями новых явлений и предметов в язык проникает лексика из «языка-новатора», не связанная непосредственно с номинацией нового, не представляющая подлинной необходимости, но в довольно короткие сроки закрепляющаяся в профессиональном арго или даже терминосистеме именно этого вида деятельности. В частности, ранее нами рассматривалась лексика разработчиков и пользователей компьютерных игр: *локация* ‘место’, *геймер* ‘игрок’, *спелл* ‘заклинание’, *нуб* ‘новичок’, *лут* ‘добыча’ [Агеева 2015].

4. Языковой снобизм и мода. В нашей работе «Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода» отмечается, что «это сознательное использование молодежью английских слов как средство позиционирования, т.е. принадлежности к определенному типу субкультуры и языковой культуры: *шузы*, *панасы*, *мазер*, *лузер*, *юзер* и т.п. [Габдреева 2013, с. 19]. Вопросы языковой моды и престижа не новы в истории лингвистики: культурологической доминантой для русского общества в разное время отмечались голландский, немецкий, французский языки. Текущая эпоха, характеризующаяся экспансией англицизмов,

не является исключительной в этом смысле: напомним, что из полутора тысяч слов голландского происхождения, зафиксированных в русском языке Петровской эпохи, сохранилось до настоящего времени менее трехсот [Бельчиков 1974, с. 33]. Не дожили до нашего времени галлицизмы *палья* ‘солома’, *вертиж* ‘головокружение’, *франпировать* ‘поражать’. Зачастую языковая мода обеспечивает функционирование иноязычной единицы лишь в момент, когда чужая языковая культура находится на пике своего влияния на национальный язык и национальную культуру, затем регистрируется спад, иногда длительный, как постепенное нивелирование французского влияния на русское общество, практически незаметно уступившее место англomании конца XIX в., иногда резкий, как в веке XX, практически полный обрыв притока иноязычной лексики, обусловленный политикой идеологического пуризма.

5. Международное сотрудничество в ходе интенсивного развития торговли и промышленности, разного рода научные, культурные, образовательные обмены.

6. Путешествия и туризм.

7. В качестве внеязыкового феномена можно выделить доминирующую на сегодняшний день специализацию общественной и профессиональной деятельности, вызывающую развитие гипо-гиперонимических связей [Габдреева 2013, с. 19]. Данный феномен является внешним детерминантом описанного В.Г. Гаком явления специализации лексики (см. выше) и вызывает к жизни заимствования, обладающие дополнительной денотативной (или коннотативной) семой, впоследствии развивающейся в самостоятельное значение: *консалтинг*, *мерчендайзер*.

8. И, наконец, в качестве внешней причины следует выделить ускорение ритма жизни, когда экономия времени становится доминирующим фактором успешной реализации каких-либо профессиональных либо общественных достижений: именно им обусловлена экономия языковых средств, следствием которой является замена исконных слов либо оборотов более коротким иноязычием: *хедхантер* ‘человек, занимающийся поиском людей с необходимым

для данной вакансии профессиональным опытом’, *лизинг* ‘долгосрочная аренда оборудования с возможностью передачи арендатору по истечении договора’, *триллер* ‘фильм ужасов’ и т.п. [Габдреева 2013, с. 19].

Понятно, что феноменология заимствования в целом – и каждый конкретный его случай в частности – не может определяться одной лишь из причин, но целым комплексом взаимосвязанных явлений как лингвистического, так и психосоциального порядка. Тем не менее, в каждую эпоху развития языка в рамках этого комплекса актуализируются и доминируют разные факторы, всякий раз иначе наполняющие и оформляющие пласт заимствуемой лексики.

Говоря о процессуальной стороне заимствования, невозможно оставить без внимания концепции, объясняющие актуализацию единиц данного типа в языке. На данный момент в российской и зарубежной лексикологии господствуют две теории, представляющие полярные точки зрения:

1. Теория трансфера (Л. Блумфилд, Г. Пауль, Э. Хауген, Л.П. Крысин, Ю.С. Сорокин и др.). В рамках этой концепции заимствование представляет собой переход единиц из одного языка (языка-источника либо, в иной терминологии, языка-донора) в другой (язык-рецептор либо язык-реципиент), причем языковой материал постепенно приспособливается к принимающей системе, «подстраивая» под нее свой фонетический и графический облик, определяясь в грамматических категориях, зачастую обрастая словообразовательными элементами и, разумеется, развивая собственную семантическую структуру. Результатом этого процесса является одновременное функционирование в языке иноязычных единиц, проходящих разные этапы адаптации: от иноязычных вкраплений, чье чужеродное происхождение не замаскировано даже формально, до полностью ассимилированных заимствований, воспринимающихся носителями как средства, принадлежащие собственной языковой системе.

2. Теория аналогии (Ю.А. Жлуктенко, Л.А. Ильина). Согласно данной концепции, заимствование не есть механистический перенос единиц, но создание новых элементов по иноязычным образцам: фактически воспроизведение фонетической, морфологической и семантической структуры чужого слова

собственными средствами, реализация потенциальных возможностей самого языка, стимулированная извне [Маринова 2012, с. 91].

Отражая радикально противоположные взгляды лингвистов на процесс заимствования, обе теории, тем не менее, подчеркивают творческую, преобразующую деятельность принимающего языка, будь то переработка иноязычного материала или воссоздание собственной единицы по чужому образцу, что лишь подтверждает слова Ю.С. Сорокина о заимствовании как об «акте творческом, активном, предполагающим высокую степень самобытности усваивающего языка, высокую степень его развития» [Сорокин 1965, с. 174].

В данной работе мы, вслед за большинством исследователей галлицизмов русского языка (В.Г. Гак, Н.В. Габдреева, О.А. Пылакина, М. Калиневич, А.И. Киндеревич и др.), станем придерживаться наиболее распространенной точки зрения, основанной на теории перехода, позволяющей, на наш взгляд, максимально точно и достоверно объяснить особенности рецепции и адаптации иноязычной лексики в русском языке, базирующиеся не только на законах принимающей системы, но обусловленное *непосредственным* влиянием языка-источника, значение которого практически нивелируется в работах адептов теории аналогии.

И, придерживаясь классической позиции, восходящей к А. Шлейхеру, мы не можем обойти вниманием тезис о необходимости разграничения двух концептуальных понятий контактологии: заимствования как единицы, прошедшей период ассимиляции и причисляемой в сознании носителя к средствам литературного языка [Габдреева 2011], и иноязычного слова (элемента) – т.е. лексической (либо принадлежащей иному уровню языка) единицы, не обладающей еще сколь-нибудь значительным ассимиляционным периодом, позволяющим стабилизировать ее структуру и квалифицируемой в сознании носителей языка как чуждое, неисконное, пришедшее из иной системы. Л.П. Ефремов предлагает термин **прототип**, т.е. «лексический материал одной языковой системы, на базе которого создается заимствованное слово другой системы» [Ефремов 1970, с.20]. В нашей работе данный термин также будет

представлен, однако в более узком своем значении: мы предлагаем считать прототипом единицу, функционирующую в языке-источнике (ее следует отличать от этимона – *первоисточника* всех опосредованных и непосредственных заимствований) и послужившую материалом для заимствования; коррелирующую же с ней единицу принимающей системы мы, дабы избежать путаницы в терминологии, назовем коррелятом.

§1.2 Типология иноязычий: основные направления лингвистических исследований

Заимствованная лексика, как правило, представляет собой особое явление в лексике любого национального языка, характеризуя межнациональные связи его носителей как с количественной, так и с качественной стороны. В среднем учеными-контактологами регистрируется порядка 20% заимствованной лексики в общей лексической базе. Понятно, что данная цифра далеко не универсальна и не может быть взята критерием нормального развития языка, особенно если речь идет об исторических исследованиях, поскольку каждая эпоха языкового функционирования обладает своими уникальными характеристиками: от практически полной непроницаемости для внешнего влияния до революционных взрывов, обеспечивающих массивный приток чужих элементов самого разного характера.

Разнообразие иноязычной лексики может быть детерминировано причинами как собственно лингвистического характера (происхождение, степень ассимиляции, стилистическая дифференциация, наличие эквивалентов в языке-рецепторе и т.п.), так и внеязыковыми факторами: тематическая неоднородность иноязычий, например, обусловлена в первую очередь разнообразием объективной действительности, т.е. обслуживая разные сферы человеческой деятельности, иностранные слова различаются областью употребления [Маринова 2012, с. 39].

Любое комплексное исследование элементов иностранного происхождения в языке, пусть даже речь идет о какой-то отдельной, более или менее широкой, их

группе, требует учитывать разные подходы к классификации иноязычной лексики, строящейся на базе дистантных критериев. Отметим также, что необходимость типологического изучения заимствований неоднократно подчеркивалась отечественными и зарубежными учеными и попытаемся разобраться в многообразии основных тенденций, представленных в современных исследованиях, параллельно уточняя и конкретизируя предмет нашей работы.

Универсальные классификации иноязычной лексики строятся на общезыковых критериях и могут быть применены к любому лексическому пласту.

В первую очередь речь идет об уже упомянутой тематике, т.е. функционировании единицы в составе той или иной тематической группы. Тематическая принадлежность галлицизмов русского языка на разных этапах его развития неоднократно и весьма подробно исследовалась учеными (А.В. Агеева, Н.С. Андрианова, С.И. Бахтина, Н.В. Габдреева, О.А. Дмитриева, Т.Р. Димитрова, А.И. Киндеревиц, О.А. Пылакина и др.), в силу чего мы не станем подробно на ней останавливаться, отметим лишь вслед за Е.В. Мариновой тот общеизвестный факт, что «на протяжении XIX в. русский язык активно пополнялся «галльской» лексикой. В результате **все** основные тематические группы лексики русского языка обогатились новыми лексическими единицами» [Маринова 2012, с. 121].

Во-вторых, хронологически (с точки зрения времени вхождения иноязычного слова в лексическую систему языка-рецептора) все заимствования русского языка можно условно разделить на ранние (с момента зарождения по XVII в. включительно), новые (важной хронологической вехой, переломным моментом, когда вектор процесса заимствования сместился к западноевропейским языкам, здесь выступает Петровская эпоха) и новейшие (особенности процесса заимствования периода конца XX – начала XXI вв. и его отличия от предыдущих эпох также не раз освещались учеными, в числе которых В.Г. Костомаров, Л.П. Крысин, Е.В. Маринова и др.). В данной работе мы фокусируем внимание на лексике французского происхождения, активно пополнявшей русскую лексическую систему в период начала XIX – XX вв., т.е. в ключевую для нее

эпоху, эпоху становления и развития основных тенденций и принципов, на которых строится современный литературный язык. Понятно, что при таком подходе нам не удастся обойти вниманием и более ранние заимствования, в первую очередь те, чей формальный облик либо семантическая структура еще не стабилизировались в отмеченный период, т.е. процесс ассимиляции для них еще не был завершен. Кроме того, именно диахроническое исследование, не скованное рамками только лишь синхронного анализа, предпринятого нами на материале лексики французского происхождения новейшего периода [Агеева 2008, 2013] позволит нам проследить процесс рецепции, адаптации, языкового варьирования и стабилизации лексических единиц с учетом исторических процессов, определяющих эволюцию обеих языковых систем.

Немаловажно, наконец, что при описании иноязычной лексики научная литература учитывает принадлежность слов к определенной сфере их употребления (речь идет не о тематике, а, скорее, о стилистической градации). Специфика нашей работы заключается в привлечении в качестве основного материала исследования русской художественной литературы указанной эпохи, где галлицизмы представлены весьма широко и разнообразно – материала, который до сих пор комплексно не исследовался, что, безусловно, представляет собой довольно серьезную лауну в подобного рода исследованиях, поскольку именно художественная литература дает нам максимально полную и всеобъемлющую картину функционирования языковой системы в тот или иной период его истории, сочетая в плане своего лексического наполнения и бытовизмы, и вкрапления наиболее употребительных терминов, и собственно книжную – высокую – лексику, и функционирующие в языке просторечия.

Говоря о специальных, применимых исключительно к иноязычиям классификациях, выделим, во-первых, генетическую классификацию, основанную на этимологии той или иной группы заимствованных слов. Отмеченная еще А.С. Пушкиным «общежительность» русского языка способствовала гетерогенности основных пластов заимствований: заимствования из близкородственных языков, характерные в особенности для самых ранних эпох

развития русского языка (не считая польского, в XVIII в. служившего ретранслятором западной культуры в русское общество) – славянизмы; заимствования из языков европейских (германизмы, галлицизмы, англицизмы), довольно значительное количество ориентализмов, т.е. тюркских, арабских и персидских слов, вошедших в русский язык благодаря интенсивным контактам со странами Востока.

Поскольку объектом нашего исследования являются элементы французского происхождения, следует подробнее остановиться на данном понятии. Мы придерживаемся тезиса Н.В. Габдреевой, согласно которому группа галлицизмов представлена:

1. Лексическими единицами, заимствованными непосредственно из французского языка, содержащими внешние маркеры языка-источника (зачастую это не характерные для исконной русской лексики сочетания гласных и согласных, отсутствие парадигмы склонения и т.п.): *авантюра, афера, будуар, бюро, вояж, жюри, мадемуазель, меню, пальто, портрет, фермуар, экипаж, эшарп* и т.д., а также единицы, сохранившие следы произносительных норм прототипа и близкое к нему значение: *арсенал, билет, бриллиант, камзол, ревани* и т.п.

2. Лексическими единицами иных этимологий, пришедшими в русский язык через французский, для которых в языке-посреднике отмечается изменение понятийного поля, причем на русскую почву переносится именно этот комплекс значений: *жилет, пистоль, роба, сержант, солдат, фрак*.

3. Лексическими единицами французского происхождения, пришедшие в русский язык при посредничестве иных языков, сохранив исконную (французскую) семантику: *бутыль, кастрюля, почта*.

Таким образом, основным критерием отбора, как уже отмечалось, служит корреляция формы (фонетический облик) и содержания (семантическое наполнение) французского прототипа и галлицизма русского языка в период заимствования. К галлицизмам мы, таким образом, причисляем:

Традиционно к заимствованиям не относят дериваты от галлицизмов – т.н. слова-гибриды, пользуясь терминологией, предложенной Э. Хаугеном, т.е. лексемы, чьи компоненты восходят к разным языкам [Хауген 1972; Маринова 2012, с. 14] – и слова, пусть и фонетически близкие к прототипу, но отличающиеся от него семантически – т.н. межъязыковые омонимы или ложные друзья переводчика [Акуленко 1975, с. 3]. Однако для полноты картины франко-русского взаимодействия мы считаем важным ввести в рассмотрение и некоторые частотные словообразовательные дериваты, и лексические единицы, чья семантика по разным причинам отличается от значения прототипа. В поле данного исследования попадают также лексические единицы, не сохранившиеся в современном литературном языке, но функционировавшие в его лексической системе на протяжении истории ее формирования и регистрируемые таким образом в активной лексике рассматриваемого периода.

И, наконец, принимая в расчет первоначальное определение слова галлицизм, представленное Словарем русского языка 1759 г.: «Слово, **оборот речи** (*выделено нами. – А.А.*) по образцу французского языка или буквально переведенное с французского» [цит. по: Габдреева 2001, с. 13], мы не могли оставить без внимания широкий спектр фразеологических клише и синтаксических оборотов, буквально наводнивших русскую художественную литературу первой половины XIX в. и в значительной степени обусловивших тенденции дальнейшего развития русского языка рассматриваемой эпохи.

Возвращаясь к проблеме типологии иноязычной лексики, следует подчеркнуть, что наибольшее количество дискуссий вызывают классификации, основанные на степени освоенности заимствований. Казалось бы, как верно отмечает Е.В. Маринова, необходимо всего лишь верно расположить иноязычные лексемы по некой шкале, что-то вроде «полностью освоенные – незначительно (частично) освоенные – неосвоенные, или с нулевой освоенностью» [Маринова 2012, с. 42]. Однако вопрос о критериях освоенности до сих пор остается открытым, что и порождает множество подходов к этой проблеме как в отечественной, так и в зарубежной науке.

Первые попытки подобной классификации предпринимаются в начале XX в. немецкими лингвистами (Г. Хиртом, О. Бехагелем, Ф. Вреде и др.; еще раньше данный вопрос поднимался А. Шлейхером) выдвинута идея разграничения усвоенных иноязычных слов (*Lehnwörter*) и собственно иностранных (*Fremdwörter*). Данная классификация, несмотря на многочисленные критические замечания, небезосновательно отмечающие ее размытость и недостаточность взятого за основу временного принципа, оставалась доминирующей в языкознании до середины XX в., выдержав в том числе и многочисленные попытки ее уточнения и конкретизации: так, Э. Рихтер предлагает дифференцировать в последней группе: «1. Заимствование чужой формы и чужого значения; 2. Заимствование чужой формы для выражения своего значения; 3. Заимствование чужого значения в родной форме» [цит. по: Крысин 2004, с. 20].

В 1950 г. Э. Хауген разграничивает иноязычия на «заимствованные слова» (*loanwords*), собственно заимствования, характеризующиеся частичным или полным переносом иностранной морфемы, и «заимствования-сдвиги» (*loanshifts*), образованные посредством подстановки морфем родного языка [Хауген 1972, с. 369].

Вообще, следует отметить, что в большинстве проанализированных нами западных исследований, посвященных типологии иноязычной лексики, не определены четкие критерии и подходы к классификации заимствований, вследствие чего происходит некая контаминация понятий: в рамках одной классификации выделяются группы, отличающиеся степенью ассимиляции (освоенные/неосвоенные), природой процесса заимствования (лексические заимствования/семантические заимствования/кальки) и даже этимологией (интернационализмы).

Отечественное языкознание также изобилует разнообразными классификациями иноязычий с точки зрения степени их освоенности, причем чаще всего выделяются также две стадии: усвоенные и освоенные/усвоенные и не освоенные [Реформатский 1996], укоренившиеся и не укоренившиеся [Будагов 1971]. Л.П. Крысин различает как отдельные группы заимствованные слова,

экзотическую лексику и иноязычные вкрапления, обосновывая такую дифференциацию наличием структурных и функциональных различий [Крысин 2004, с. 57]. Наиболее подробная классификация принадлежит И.Б. Иваницкой, которая отмечает, что в отечественном языкознании и сегодня «отсутствуют строгие критерии отнесения слов к той или другой группе» [Голуб 2005, с. 179] и выделяет тем не менее среди заимствованной лексики две большие группы, взяв за отправную точку сферу их употребления:

1) заимствования, имеющие неограниченную сферу употребления, в составе которых функционируют а) слова, утратившие все признаки неисконного происхождения (*тетрадь, школа*), б) слова, сохраняющие маркеры, которые говорят об их иноязычном происхождении (*джаз, жюри*), в) европеизмы и интернационализмы (*прогресс, телефон*);

2) заимствования, ограниченные в сфере употребления, среди которых а) книжные слова (*аморальный, эпатировать*), б) архаизмы, происходящие из салонно-дворянского жаргона (*амурный, плезир*), в) экзотизмы, г) иноязычные вкрапления (*happy end*); д) варваризмы [там же, с. 179-183].

Сегодня сложно согласиться с утверждением, что английское вкрапление *happy end* как-либо ограничено в своем употреблении, равно как и десятки ему подобных терминов, вошедших в узус русского языка: *casual, DVD, e-mail, extra virgin, haute couture, SMS, Wi-Fi* и т.д. Развитие туризма привело к тому, что сотни экзотических наименований элементов чужой культуры на слуху практически у каждого носителя русского языка: *базилика, бунгало, горгулья, гном, грин-кард, драккар, каньон, коррида, наб, тролль, фьорд, шале, эльф* и др., в отличие от некоторых интернационализмов, известных лишь специалистам: *ритейл, стагнация, франчайзинг*. Кроме того, практически невозможно четко разделить элементы салонно-дворянского языка и варваризмы: может ли архаизация лексемы служить критерием подобного разграничения за неимением других?

Особого внимания заслуживает типология Е.В. Мариновой, которая предлагает в качестве классифицирующего критерия наличие/отсутствие эквивалентов в русском языке, выделяя таким образом

1) безэквивалентную лексику, в составе которой функционируют а) пассивные заимствования (экзотизмы): *коммандос*, *ксендз*, *кюре*, *паб*, *прайвес*, *файф-о-клок* и б) активные заимствования (лексика с неэкзотическим значением, т.е., согласно характеристике Л.П. Крысина, актуальные неологизмы, являющиеся *единственными* наименованиями новой реалии, пришедшей в культуру, которая обслуживается языком-рецептором): *ноутбук*, *принтер*, *революция*;

2) эквивалентную лексику, которая включает а) книжную лексику: *абстиненция* ‘воздержание’, *суицид* ‘самоубийство’, *стагнация* ‘застой’, *эсклюзивный* ‘исключительный’; б) однословные номинации нерасчлененных понятий: *йети* ‘снежный человек’, *снайпер* ‘меткий стрелок’, *сейф* ‘несгораемый шкаф’; в) варваризмы: *киндер* ‘ребенок’, *мани* ‘деньги’, *пати* ‘вечеринка’, *тинейджер* ‘подросток’, *шоп* ‘магазин’; г) жаргонизмы: *аскать* ‘спрашивать’, *олдовый* ‘старый/родительский’, *файно* ‘чудесно’, *френд* ‘друг’, *хайр* ‘волосы’ и т.п.

Обосновывая выбор критерия, Е.В. Маринова пишет: «от того, имеют ли иноязычные слова на русской почве равнозначную или близкую по значению лексическую единицу, во многом зависит их судьба (отказ от них или заимствование и полное освоение)» [Маринова 2012, с. 45], однако в силу постоянной миграции чужих реалий границы этих групп подвижны и такая характеристика как эквивалентность не представляется теперь универсальной: в частности, слово *паб*, пусть и оставаясь в целом выразителем английского (или, конкретнее ирландского) национального колорита, вполне прижилось на русской почве, успешно вытесняя исконное слово, особенно если речь идет о более дорогом и «пафосном» заведении, нежели просто *пивная* (ср. *Городские рестораны*, *Пивные бары*, *пабы*, *Ночные развлекательные заведения*). Та же тенденция отмечается для слова *коммандос*, изначально характеризовавшего сначала британские, затем и американские разведывательно-диверсионные войска, сейчас в разговорной речи употребляется для номинации войск специального назначения любой национальной принадлежности (ср. *Первая Чеченская. "Русские коммандос"*). И напротив, интенсивные ритмы научно-

технического прогресса обуславливают то, что некоторые реалии (и слова, номинирующие их) устаревают, не успев закрепиться в действительности – и как следствие в языке: *дискета, пейджер*.

Наличием или отсутствием эквивалентов не всегда можно объяснить, почему одни слова, пусть и имеющие длительный период ассимиляции, словно балансируют на грани исчезновения, тогда как другие стремительно встраиваются в принимающую систему, обрастая словообразовательными аффиксами и дополнительными коннотациями. Нам представляется, что здесь действует сочетание нескольких факторов, обуславливающих т.н. функциональную адаптацию заимствований (впервые данный критерий освоенности выделяет Н.В. Габдреева в работе «Лексика французского происхождения в русском языке (историко-функциональное исследование). Галлицизмы русского языка: происхождение, формирование, развитие»), которая в свою очередь и определяет психологическое осознание носителями языка такой категории как иноязычность слова. Итак, с точки зрения функционального освоения лексики иноязычного происхождения в русском языке можно выделить:

1. **Варваризмы** – перенесенные на русскую почву иноязычные слова, употребление которых носит сугубо окказиональный, зачастую *индивидуальный* характер, – а также **иноязычные вкрапления** в русскую лексику. Группа варваризмов тесно смыкается с группой вкраплений по нескольким признакам: во-первых, уже отмеченная окказиональность употребления; во-вторых, отсутствием фиксации в словарях иностранных слов; в-третьих, не всегда представляется возможным отличить транслитерированное вкрапление от варваризма. Практически все заимствования, прежде чем войти в состав русской лексики, какое-то время находились на данной стадии ассимиляции: не освоенные еще русским языком, данные единицы со временем могут в нем закрепиться: *à la, excuses-moi, fourchette, mon dieu, portégé, мерси, пардон, фам фаталь, шер ами* и т.п.

2. **Экзотизмы** – слова, характеризующие специфические культурно-бытовые особенности разных народов, употребляющиеся в переводах

художественно-публицистических текстов и беллетристики, а также в устных повествованиях для характеристики т.н. *couleur locale* (местного колорита), т.е. отражения чужой реальности. Экзотизмы не имеют русских эквивалентов, и обращение к ним при описании национальной специфики продиктовано необходимостью: *базилика, гаргулья, гильотина, шале, шевалье* и т.д.

3. **Иноязычные слова**, называющие разнообразные понятия, вошедшие в российскую действительность, но сохраняющие в себе отдельные черты языка-источника. Данная группа представлена весьма разнородно, в силу разницы причин, определяющих недостаточную освоенность слова. В первую очередь, это **неологизмы**, т.е. ЛЕ, сравнительно недавно пополнившие русский язык и просто не имевшие еще достаточно времени для полной ассимиляции: *нуар, нюд, татуаж, трэш*. Во-вторых, **книжная и терминологическая лексика**, не знакомая широкому кругу носителей языка: *авуары, вальвация, коносамент, консоль, матракаж, пилон, траверз, шамбрировать*. В-третьих, это разного рода **жаргонизмы**: *бафф, дамаг, локация, хил* (к слову, именно в эту группу уместно отнести неоднократно упомянутые элементы салонного «жаргона»: *амурный, политес, петиметр*). И, наконец, это т.н. **аналитические формы** разного рода: имена нулевого склонения, у которых отсутствие грамматических признаков рода и числа, парадигмы склонения обуславливает осознание чуждости, их недостаточное грамматическое освоение становится ярким признаком иноязычности: *антраша, ар деко, беж, бордо, бра, бюстье, каре, меню, эмансипе*– и композиты аналитического типа: *гала-концерт, генерал-майор, пресс-атташе* и т.п. [Агеева 2008; Габдреева 2013].

4. **Заемствования**, т.е. единицы, освоенные в той мере, что не обнаруживают следов своего иноязычного происхождения и в сознании носителя причисляются к средствам собственного языка: *бутылка, дама, кабинет, кокетка, коридор, костюм, лампа, салат, суп, туалет*. Данная группа сформирована по большей части единицами, заимствованными русским языком в XVIII-XIX вв.: иноязычия имели достаточно времени, чтобы пройти все стадии ассимиляции, успешно приспособившись к структуре принимающего языка.

Однако не меньшее значение имеет трансформация самой реальности, поскольку успешная ассимиляция возможна лишь постольку, поскольку само называемое понятие теряет нюанс чуждости и воспринимается как неотъемлемый элемент национальной культуры. Тем не менее, подобные примеры можно найти и среди лексических новообразований иноязычного происхождения последних лет: *бутик, гламур, лосьон, макияж, фритюр*. Акселерация ассимиляционного процесса с точки зрения психологии может быть объяснена двумя факторами: во-первых, ускорением ритмом жизни, в силу чего понятия быстро входят в моду, широко распространяются в повседневной жизни и, как следствие, в речи (о чем свидетельствует, помимо всего прочего, словообразовательная активность некоторых лексем: *фритюр – фритюрница, гламур – гламурный, гламурненько*; формирование устойчивых словосочетаний: *дневной макияж, вечерный макияж, легкий макияж*; характерное для суб- и, в первую очередь, нонстандарта смещение ударения: *бутик*, – фонетически еще больше приближающее иноязычие к исконным словам, оформленным неударным суффиксом -ик, ср. котик, ротик, домик). с другой стороны, формальное вхождение французской лексики в русский язык значительно ускоряется за счет более чем двухвекового опыта языковых контактов, сформировавших модели ассимиляции практически для каждого случая, – и привычностью носителю русского языка элементов французской морфологии, таких как суффиксы -age (*багаж, вояж, корсаж, купаж*) или -иге (*аллюр, бордюр, нервюра, цензура*). Не имея морфологических препон, подобная лексика довольно быстро обзаводится новыми коннотационными и денотационными связями, что способствует модификации семантической структуры: *котироваться* в современном языке – это не просто ‘иметь определенную цену на бирже’, но и ‘иметь ту или иную оценку в социуме’.

§1.3 Ретроспектива русско-французских языковых контактов как отражение межнациональных и межкультурных связей

История галлицизмов русского языка неразрывно связана с французско-русскими двусторонними отношениями и не может рассматриваться вне контекста политических, экономических, культурных контактов.

По материалам исторических хроник, первые связи двух стран – России и Франции – восходят к XI в., а именно к 1048 г., когда посольство короля Генриха I Капетинга прибыло в Киев для переговоров по поводу предстоящего бракосочетания своего монарха и младшей дочери Ярослава Мудрого Анны, вошедшей во французскую историю как Анна Русская. Само бракосочетание состоялось в Реймском соборе ок. 1051 г., а спустя год у королевской четы появляется наследник, которому Анна дает греческое имя Филипп, до сей поры не зарегистрированное хронистами как «королевское»: напомним, что имена, коими традиционно нарекали франкских королей, – германские по происхождению: Карл, Людовик, Генрих – и, возможно, это первое заимствование пусть не из славянского языка, но осуществленное при славянском посредничестве. Интересно также происхождение написанной кириллицей Библии, известной ныне как Реймское Евангелие, на которой до 1825 французские короли присягали, вступая на престол: по одной из самых распространенных версий, Библия была частью личной библиотеки будущей королевы. До конца своей жизни Анна Ярославна подписывала документы кириллицей: сохранился ее автограф «Ана Ръина», где, по мнению специалистов, «ръина» – это отражение старофранцузского произношения слова *roine* (совр. *reine* – от лат. *regina*).

Нельзя сказать, однако, что двусторонние отношения двух государств с этого момента развиваются с какой-то особой интенсивностью: сказывается и территориальная удаленность, и особенности феодального режима, внешние и внутренние войны: эпизодически французские путешественники посещают Великий Новгород, Псков, а затем и «Московию», оставляя заметки о жизни и быте: Жильбер де Ланнуа, «Путешествия и посольства» (1399-1450), Жак

Маржерет «Состояние Российского государства и Великого княжества Московского» (1607). Установление дипломатических отношений между Российским государством и Французским королевством датируется 1615 г., когда ко двору Людовика XIII прибывает посольство во главе с И. Кондыревым.

В эту же эпоху – XVII в. – в русский язык проникают первые галлицизмы, «завезенные» немногочисленными французами, населяющими Немецкую слободу. Их употребление зачастую окказионально и характеризует лишь реалии, свойственные быту иностранцев, их профессиональной деятельности: *мушкет*, *мушкетер*, *пистоль*, *почта*, *табак*.

Массовое проникновение галлицизмов в русский язык связано с эпохой Петра I, но и в послепетровское время русский язык активно пополняется французской лексикой: как наиболее богатый и стилистически развитый язык Европы, французский дает русскому языку множество наименований предметов и явлений: «Заимствования из других живых европейских языков в это время следует считать более ограниченными. Второе и третье место, после французского, по числу заимствований занимают английский и немецкий языки, но общее количество слов, заимствованных из обоих этих языков, несравненно меньше, чем слов, заимствованных из французского» [Сорокин 1965, с. 163].

Французская лексика представлена многочисленными наименованиями реалий: *балкон*, *дама*, *коридор*, *котлета*, *мебель*, *портьера*, *суп*; военной терминологией: *армия*, *пикет*, *редут*. Французскому языку мы обязаны общей и специальной лексикой из области искусства (театра, хореографии, живописи, музыки, литературы): *актер*, *антраша*, *афиша*, *баллада*, *марина*, *натюрморт*, *новелла*, *оперетта*, *па*, *плие*, *портрет*, *пьеса*, *роман*, *сцена*, *увертюра*. Заимствование реалий, ставших частью культурной жизни России, обусловило вхождение всех этих слов в национальный лексический фонд, в отличие от единиц, принадлежащих т.н. «салонному жаргону»: *палья*, *петиметр*, *плезир*, *политес*, – которые с выходом из употребления дворянского этикета, дополнили пласт историзмов. Впрочем, не будем забывать о подвижности границ активного словарного состава, непосредственное влияние на который оказывают

социальные сдвиги и потрясения: так, в конце XX – начале XXI вв. имело место редкое по сути явление реактивации историзмов, часть которых вернулась в речь в прежнем семантическом объеме (*гувернантка, министр, кадет*), тогда как иные уточняют семантику, приобретая дополнительные оттенки значения: *реверансы* ‘презр. угодничество’, *рандеву* ‘деловая встреча, переговоры’, *пикет* ‘митинг протеста’.

Понятно, что столь бурный поток галлицизмов, насыщавших русскую речь, не мог остаться без внимания российского общества – вот почему отношение к Франции и французскому языку в России в разное время было различным, доходящим до крайностей: билингвизм и галломания с одной стороны и ксенофобия, пуристические тенденции с другой. Обе эти точки зрения связаны диалектически: законы противодействия вступают в силу лишь в связи с активизацией самого процесса: в Петровскую эпоху, которая открывает для России эпоху интенсификации языковых контактов с Западом, излагать мысли требовалось и настоятельно рекомендовалось максимально «вразумительно», без злоупотреблений нерусскими оборотами. Позже, в елизаветинские времена, разрабатывая «теорию трех штилей» и создавая отсутствующую в русском языке научную терминологию, М.В. Ломоносов искал любые эквиваленты иноязычным терминам, исходя из одного принципа – исконности их происхождения: именно ему русский язык обязан многочисленными словообразовательными кальками (общеизвестно происхождение химических терминов: *водород, кислород* и т.п.).

Тем не менее, взгляды М.В. Ломоносова довольно далеки от полного отрицания заимствований как структурного элемента лексики языка. Языковой пуризм как характеристика отношения общества к чужеродным словам достигает расцвета немного позже – при Екатерине II, когда в моду входит «все русское», и дискуссии о судьбе едва не каждого иноязычного слова приобретают поистине общенародный характер: вопросы целесообразности заимствования интересны и разночинцам, и дворянам, и царской семье; на страницах журналов печатают целые списки не рекомендуемых к употреблению слов, заменяя их уже упомянутыми кальками, напр., эгоизм – самость, ячество, исконными словами с

близкой семантикой (бульвар – гульбище), либо вовсе искусственными, зачастую уродливыми образованиями, ср. гримаса – рожекорча [Габдреева 2013].

Акценты смещаются в XIX веке. Спор «шишковистов» и «карамзинистов» – архаиков, приверженцев выразительности церковнославянских текстов, и новаторов, сторонников европейской культуры мышления, искателей новых выражений тончайших оттенков чувств – фактически, затухая и разгораясь вновь, продлится до конца столетия, но явление «солнца русской литературы» – А.С. Пушкина – ознаменует победу последних. Заимствование будет окончательно принято российским обществом как средство обогащения языка, как символ интеграции Российской империи в европейское культурное пространство. Разумеется, останется спорная лексика, однако ее состав меняется каждые 10-20 лет, определяясь скорее психологическим дискомфортом, осознанием инаковости, непривычности слова носителю: самые бурные протесты неизменно направлены против «обновленных» списков варваризмов.

В современном отечественном языкознании проблема целесообразности использования иноязычных элементов напрямую связана с их отнесенностью к функциональному стилю речи и правомочностью употребления той или иной единицы за рамками специального текста. К примеру, большинством ученых и специалистов признается, что унификация терминологической лексики есть незаменимое и, пожалуй, единственное средство быстро, четко и лаконично передать информацию в узкоспециальной сфере, тогда как многочисленные сленгизмы, бытовая, общественно-политическая лексика даже научно-техническая иностранного происхождения (омбудсмен, блокчейн) по-прежнему являются скорее преградой для понимания смысла высказывания неподготовленным читателем или слушателем.

§1.4 Гносеологические основы отечественной и зарубежной контактологии

Проблема языкового контактирования рассматривается в работах многих отечественных и зарубежных исследователей. В отечественном языкознании начала теории и практики изучения языковых контактов положено работами И.А. Бодуэна де Куртенэ, который первым рассматривал проблемы заимствования в широком и узком смыслах. выделял типы заимствуемых элементов, описывал пути заимствования и адаптацию иноязычной лексики в русском языке. В зарубежной практике у истоков данной проблематики стояли А. Шлейхер, Ф. де Соссюр, Ш. Балли.

На современном этапе для российской лингвистической науки, как нами отмечалось ранее [Агеева 2008, Габдреева 2013], в первую очередь представляет интерес исследование этимологически дистантных лексических пластов (англицизмов, германизмов, галлицизмов, тюркизмов, арабизмов и т.д.), пополнявших русский язык на разных этапах его эволюции, системное описание механизмов ассимиляции, сопутствующих явлений и процессов, определение основных критериев адаптации и пр..

Наиболее широко в отечественной лингвистике представлено этимологическое направление, целью которого является изучение основных векторов изменения формальной и семантической структуры иностранного слова на базе единиц, имеющих общее происхождение. По справедливому замечанию Н.В. Габдреевой, истоки подобных исследований мы находим в работе И.И. Огиенко «Иноземные элементы в русском языке»: именно здесь впервые мы находим тезис о субституции чужих фонологических средств собственными: «заимствуя слово, русский язык весьма часто не оставляет его иностранных звуков – оно входит к нам с русскими звуками, в русской окраске, как со стороны фонетики, так и со стороны морфологии...» [цит. по: Габдреева 2013].

На основе работ, где проблема изучения французской лексики в русском языке затрагивалась тем или иным способом, легко вычленишь две крупных

гносеологических тенденции. Во-первых, это исследования, посвященные эволюционным характеристикам заимствованной лексики в зависимости от специфики языковых процессов того или иного периода, где галлицизмы представлены среди прочих иноязычных слов. Подробный анализ тех или иных аспектов процессов заимствования мы находим у Э.А. Балалыкиной, Е.Э. Биржаковой, Г.А. Богатовой, Л.А. Булаховского, С.К. Булича, В.В. Виноградова, Я.К. Грота, В.Г. Костомарова, Л.М. Роже, Ю.С. Сорокина, Г.О. Хютль-Ворта) и др. Концептуальным исследованием является монография Е.Э. Биржаковой, Л.А. Войновой, Л.Л. Кутиной «Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования», посвященная комплексному анализу заимствованной лексики, ступеней ее адаптации, а также системному описанию процессов, являющихся определяющей характеристикой «переломного» XVIII в., когда вектор заимствования сменил направление на противоположное и русскому языку пришлось в сжатые сроки справляться с массивным потоком западноевропейской лексики, вырабатывая общие и специфические закономерности ее адаптации. Как элемент неологии и неографии галлицизмы изучались в книге И.М. Мальцевой, А.И. Молоткова, З.М. Петровой «Лексические новообразования в русском языке XVIII в.», в работах Л.В. Безбородовой. Они же служат иллюстративной базой общих процессов в русской лексической системе, которым посвящены такие фундаментальные труды, как «История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века» и «Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века». Иноязычные слова разного происхождения в составе определенных лексико-тематических групп служили объектом соответствующих многочисленных работ (С.И. Бахтина, И.Ю. Елисеева, О.А. Пылакина, Н.А. Моряхина); существуют исследования, поднимающие проблемы лексических пластов определенной эпохи (Н.В. Баско, А.В. Гаврилов, Н.В. Лабунец, Т.А. Лисицына); заимствованная лексика изучается в стилистическо-функциональном аспекте (С.С. Изюмская, Э.А. Китанина, Л.Л. Кутина, С.И. Манина]. В синхронном плане восточные и западноевропейские

заимствования исследовались Й. Айдуковичем, В.Г. Гаком, Л.М. Грановской, Л.П. Ефремовым, Л.П. Крысиным, Е.В. Мариновой, Р.М. Светловой, А.А. Брагиной. Во многом развитие современной науки о языковых контактах и заимствованиях определено работами Л.П. Крысина, где сформулированы базовые постулаты контактологии: экстра- и интралингвистические факторы миграции лексических элементов, типология иноязычной лексики на основе степени ее ассимиляции, сами критерии, позволяющие считать единицу ассимилированной и т.п.

Как самостоятельное исследовательское направление следует выделить научные труды сопоставительно-переводческого и переводоведческого характера, затрагивающие вопросы эквивалентности языковых единиц разных языков, адекватной передачи семантических нюансов иноязычного слова, лакунарности, поднимается проблема выбора лексического эквивалента при переводе (В.В. Виноградов, Э.Ф. Володарская, Н.К. Гарбовский, В.Н. Комиссаров, Ю.Д. Левин).

Однако эти работы носят преимущественно сугубо дескриптивный характер, обусловленный целями и задачами исследования: описывая общие теоретические проблемы, связанные с миграцией лексики (определение сущности, причин заимствования, признаков ассимиляции, общих семантических процессов и т.д.), выявлением общих и специфических особенностей номинации и соотношения тех или иных категорий в сравниваемых языках, они характеризуются тем, что рассматривают в одном ряду заимствования из разных языков и подвергают анализу только отдельные аспекты освоения лексики иноязычного происхождения.

В этом ряду особняком стоят работы Е.В. Мариновой, где широта изученного материала (иноязычная лексика разных этимологий, пришедшая в русский язык на рубеже XX-XXI вв.) сочетается с реальной многоаспектностью исследования: функциональная и формальная адаптация, семантические изменения заимствованного слова, вопросы языковой политики и пуризма, психологические механизмы осознания иноязычности, отношение носителей

языка к чужим элементам – и глубиной анализа тенденций развития современного русского языка.

С точки зрения другой группы исследователей, среди которых уместно назвать В.Г. Гака, Н.В. Габдрееву, а также представителей варшавской школы: М.М. Калиневич и М. Мартысюка, намного более полно пути ассимиляции иноязычных слов можно понять и объяснить посредством исследования лексических пластов одной этимологии. «Система языка состоит из частных систем: фонологической, морфологической, лексической, – составные части которых связаны оппозициями и чтобы проследить вхождение заимствованных слов в систему языка-преемника, следует рассмотреть приспособление одной и той же группы заимствований к заимствующей языковой системе в целом» [Калиневич 1978, с. 4].

Можно выделить, таким образом, группу исследований, посвященных непосредственно галлицизмам, это работы Н.С. Андриановой, Н.В. Габдреевой, В.Г. Гака, Л.М. Грановской, К.Г.М. Готлиб, Т.Р. Димитровой, М.М. Калиневич, А.И. Киндеревич, О.А. Пылакиной. Большая часть трудов вышеназванных авторов затрагивает различные аспекты функционирования иноязычий в современном русском языке: особенности грамматической ассимиляции рассматривает В.И. Петренко, словообразовательный аспект – Е.А. Михайлова, М.М. Калиневич проводит анализ моделей ассимиляции в плане фонологии, акцентуации и морфологии, результаты семантического освоения галлицизмов в современном русском языке и сопоставление этих данных с другими языками содержатся в исследованиях К.Г.М. Готлиб «Международные аналогизмы французского происхождения в немецком и русском языках» и Т.Р. Димитровой «Семантическое освоение слов, заимствованных русским и болгарским языками из французского», терминам-неологизмам галльской этимологии в русском языке посвящены статья Л.М. Грановской и диссертационное исследование Н.С. Андриановой. Из работ исторического характера известны диссертационные исследования О.М. Добровольского-Доливо, который рассматривает военную терминологию, О.А. Пылакиной, предпринявшей изучение французских

заимствований периода конца XVII – начала XVIII в. (снова лексика военного дела и фортификации), А.И. Киндеревиц, анализирующей галлицизмы на материале переводов произведений XIX в., напротив, русская лексика во французском словаре и дискурсе XV-XX вв. исследуется в работе Е.А. Ивановой. Из работ исторического характера необходимо выделить монографию Н.В. Габдреевой «История французской лексики в русских разновременных переводах», посвященную становлению и развитию французской лексики в русском языке на материале разновременных переводов французской литературы середины XVIII – XX вв. и оригинальных текстов Вольтера, Мерсье, Монтескье, Бомарше и др. в связи с общими тенденциями языкового развития.

Помимо отмеченных нами лингвистов, занимавшихся проблематикой заимствования и языковых контактов применительно к русскому языку, поле нашего исследования не может не включать работы зарубежных контактологов, описывавших общие аспекты языковых взаимодействий (Л. Деруа, А.Л. Грэдлер, Ч. Фергюссон, Л. Хауген, Дж. Хамбли), вхождение иноязычной лексики во французский язык (М. Пернье, П.-А. Лаге, Ж. Турнье, П. Трекас) и влияние французского языка на другие языки мира (К. Ажеж, А. Брен, А. Вердоодт, В. Марсе, А.С. де Ривароль).

Однако, несмотря на то, что общая проблематика заимствования кажется широко изученной, комплексный анализ основных тенденций функциональной, формальной и семантической адаптации лексики французского происхождения с учетом основных конвергентно-дивергентных черт языка-источника и языка-рецептора, предпринятый на материале русской художественной литературы XIX – XX вв. до сей поры не являлся целью сколько-нибудь подробного и структурно организованного исследования. Настоящая работа представляет собой попытку всестороннего и максимально полного осмысления процесса активизации, становления и самостоятельного, в отрыве от влияния оригинального текста, которое неизменно доминирует над переводом, развития целого пласта заимствованной лексики в русском языке, что обеспечивается, с одной стороны, должным временным интервалом, позволяющим выявить и системно описать

общие и специфические закономерности русского языка, сформировавшие указанный лексический пласт, а с другой – представляет обширную фактологическую базу для контекстуального анализа всех возможных вариантов, как закономерных, с точки зрения языка-рецептора, так и представляющих возможные девиации, обусловленные широким влиянием языка-источника.

Выводы по главе 1

Лексический состав любого языка, будучи результатом длительной истории формирования и развития, представляет собой сложную гетерогенную структуру. Своеобразие эволюционных процессов лексической системы определяется двумя факторами: местом языка в генеалогической классификации и спецификой языковых контактов, взятых в диахронической перспективе и выражающихся в проникновении чужеродных элементов в словарный фонд национального языка.

Будучи наиболее гибким языковым ярусом, чутко реагирующим на малейшие изменения социального порядка, лексика, тем не менее, не является исключительной сферой, где проявляется заимствование: универсальность данного процесса заключается в том воздействии, которое он оказывает на другие языковые уровни: фонетику, морфемистику, морфологию, фразеологию и синтактику. Результаты этого влияния значительно более скромны, но при должном внимании вполне поддаются учету и классификации.

Среди причин заимствования традиционно выделяются интра- и экстралингвистические, причем в каждом конкретном случае действует не одна из них, а целый комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных явлений языкового, социально-психологического и прагматического порядка.

В силу очевидной сложности выделения одного из множества эквивалентных факторов в качестве основополагающего критерия для классификации единая типология иноязычной и заимствованной лексики в современном языкознании отсутствует: существует множество подходов к ее типологизации, основанных на принципах тематики, этимологии,

эквивалентности и степени освоенности. Поскольку предметом нашего исследования является специфика алло- и изоморфных характеристик русского и французского языков, мы подробнее анализируем понятие «галлицизм», выделяя дистантные группы, наполняющие данный пласт: помимо этимологически «чистого» типа, когда исконная единица языка-источника проникает в язык-рецептор в результате прямых языковых контактов, мы выделяем также два этимологически спорных случая: когда исконно французская единица проникает в язык-рецептор через язык-посредник, сохраняя, тем не менее, значение прототипа, и напротив, когда единица иной этимологии, заимствованная французским языком с последующей модификацией семантической структуры, переносит в язык-рецептор комплекс значений французского прототипа, отличающийся от этимона. Помимо генетического принципа, важным показателем для нас является степень освоенности иноязычного слова, где мы предлагаем объединить в одну группу варваризмы и вкрапления как функционирующие на периферии языка единицы, едва вступившие на путь освоения, и отдельно вынести группу экзотизмов, которые могут быть полностью освоенными формально и даже семантически, но всегда несут в себе тот или иной градус чуждости, отражая инонациональную реальность. Также мы настаиваем на необходимости разграничения понятий «иноязычное слово», куда следует отнести заимствуемые единицы, находящиеся на разных ступенях ассимиляции, и заимствования, освоенные в той мере, что психологически их восприятие носителями языка не отличается от отношения к исконным единицам.

Понятно, что для достижения подобной степени освоенности требуется значительный временной интервал, характеризующийся устойчивым функционированием иноязычий, однако именно француско-русские языковые контакты в силу своих исторических особенностей предоставляют все возможности проследить историю большей части единиц, начиная с момента их вхождения в русский язык и до наших дней с целью максимально полного и всестороннего описания закономерностей их эволюции и возможных девиаций, обусловленных разными комбинациями языковых и внеязыковых факторов.

Глава 2. Функциональные характеристики становления и эволюции романского лексического пласта в языке русской художественной литературы

§2.1. XIX век: галломания как определяющий фактор развития русского литературного языка

2.1.1. Языковая ситуация в России первой трети XIX в. французско-русский билингвизм образованного общества

Излагая свою знаменитую теорию языковой относительности, Эдвард Сепир отметил: «По мере расширения опыта носителям языка бывает иногда удобно или даже – из практических соображений – необходимо заимствовать слова из иностранных источников. Они могут расширять значения слов, которыми те уже располагают, создавать новые слова с помощью своих собственных языковых средств по аналогии с уже существующими выражениями или брать у других народов выражения и применять их к новым, вводимым в обиход понятиям» [Сепир 2002, с. 146]. Эта мысль, изложенная в начале XX в., с большой точностью характеризует языковые особенности литературного наследия русских писателей-билингвов начала XIX вв., когда русско-французское двуязычие стало неотъемлемой характеристикой жизни российского общества.

Феномен билингвизма является одним из наиболее популярных среди ученых, каждый из которых подходит к исследованию с собственным методологическим инвентарем: лингвистическим, психологическим, социологическим, общепедагогическим, лингводидактическим. Проявления интерференции, типы двуязычия, влияние структуры контактирующих языков исследовалось в работах Э.М. Ахунзянова, У. Вайнрайха, Е.М. Верещагина, Г.В. Колшанского, Л.В. Щербы. Психологические процессы, обеспечивающие сосуществование и функционирование двух разных речевых механизмов в сознании симметричных и асимметричных билингвов описаны в трудах

О.В. Бернгардт, И.А. Бубновой, Е.Н. Винарской, Ю.Б. Денисова, А.Р. Лурии, А.А. Леонтьева, Т.В. Романовой, Л.А. Этмановой.

Многообразие подходов, обусловленное различными целями исследования, вызывает к жизни разногласия в части самого определения проблемы билингвизма, который понимают то как процесс, то как явление: по мнению Е.М. Верещагина, двуязычие есть «психический механизм, позволяющий человеку воспроизводить и порождать речевые произведения, последовательно принадлежащие двум языковым системам» [Верещагин 1969, с. 134], тогда как В.Н. Ярцева, например, считает, что билингвизм – это «способность отдельного индивидуума, или народа в целом, или его части общаться (добиваться взаимопонимания) на двух языках» [Ярцева 1969, с. 5]. Той же позиции придерживается Н.Б. Мечковская [Мечковская 1996, с. 368]. Билингвизм причисляют то к сугубо лингвистическим феноменам: Е.М. Верещагин называет его «продуктом функционирования языка [Верещагин 1969], – то к социальным (здесь необходимо отметить определение, данное Т.П. Ильяшенко, согласно которому билингвизм – это «...явление социального плана, характеризующее языковую ситуацию», чем и отличается от языковых контактов, характеризующих «языковые отношения» [Ильяшенко 1940, с. 23]). Часть ученых настаивает на том, что «...двуязычием следует признать одинаково свободное владение двумя языками. Иначе говоря, двуязычие начинается тогда, когда степень знания второго языка приближается вплотную к степени знания первого» [Аврорин 1972, с. 54], в то время как другие утверждают «возможность владения носителем одного языка другим языком в различной мере, а следовательно, и возможность двуязычия разных степеней» [Супрун 1971, с. 7].

На наш взгляд, наиболее исчерпывающее определение дано А.А. Леонтьевым, согласно которому билингвизм есть умение «...осуществлять речевую деятельность (точнее, отдельные виды речевой деятельности или их комплекс), пользуясь в зависимости от ближайшей социальной среды, цели общения, информированности о собеседнике и того подобного языковыми средствами не одного, а двух языков, имея более или менее свободный выбор

языка для общения» [Леонтьев 1966, с. 225], поскольку оно учитывает не только интралингвистические факторы, отвечающие данному явлению, но и факторы внеязыковые, экстралингвистические – социальные, прагматические, этические.

Нам представляется важным в очередной раз подчеркнуть неразрывную связь между языком и обществом, так как, по меткому выражению Е.Н. Моисеевой, «...индивидуальный билингвизм интересен как реализация билингвизма социального» [Моисеева 2008, с. 146].

«Социальный» билингвизм следует четко отграничивать от диглоссии. Б.А. Успенский, одним из первых изучавший данное явление, пишет: «Диглоссия представляет собой такой способ сосуществования двух языковых систем в рамках одного языкового коллектива, когда функции этих двух систем находятся в дополнительном распределении, соответствуя функциям одного языка в обычной (недиглоссийной) ситуации. При этом речь идёт о существовании книжной языковой системы, связанной с письменной традицией, и некнижной системы, связанной с обыденной жизнью» [Успенский 1983, с. 4].

Ряд исследователей считает, что языковая ситуация первой трети XIX века может быть приравнена к таковой эпохи Киевской Руси, на материале которой Б.А. Успенский собственно и описывал феномен диглоссии, всего лишь на том основании, что в эпистолярной литературе отдельных языковых личностей (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов) контактируют оба языка – французский и русский: «...эпистолярный изучаемых авторов основан на двух языковых регистрах. Русский язык, как правило, обеспечивает подлинность, искренность выражения, является средством свободной, ненормированной беседы. Французский язык чаще свойствен этикетному, ритуализированному общению» [Моисеева 2008, с. 146].

На наш взгляд, подобное распределение функций является искусственным, о чем говорят выдержки из писем А.С. Пушкина на русском языке, адресованных его супруге и друзьям и пестрящих многочисленными французскими вкраплениями: «Скажи мне, милый мой, шумит ли мой «Пленник»? *A-t-il produit du scandale, пишет мне Orlof, voilà l'essentiel*»; «нельзя прочесть ни одной статьи ваших журналов, чтоб не найти с десяток этих *bévués*» или «а ты меня ловишь

во лжи как в petite misère ouverte». Русские вкрапления в письмах на французском языке лишь подтверждают это наблюдение: «*Voilà déjà 140 ans que la Табель о рангах balaye la noblesse*»; «*Avez-vous lu le 3-me № du «Современник»?* По сути они, как и периодически упоминаемые *toute réflexion faite, comme il faut, le coci* и т.п. выступают лишь как сигналы понятийных лакун и не несут какой-либо дополнительной стилистической нагрузки: в самом деле, не считать же маркером искренности и свободы выражения русские «бричка» или «сочинитель» и, напротив, сложно назвать сколько-нибудь ритуальным употребление французского выражения «*en bon parent*».

Сторонники вышеописанной точки зрения, обосновывая свою позицию, также приводят слова Б.А. Успенского о ситуации диглоссии, когда «члену языкового коллектива свойственно воспринимать сосуществующие языковые системы как один язык, тогда как для внешнего наблюдателя естественно в этой ситуации видеть два разных языка. Таким образом, если считать вообще известным, что такое разные языки, диглоссию можно определить как ситуацию, когда два разных языка воспринимаются (в языковом коллективе) и функционируют как один язык» [Успенский 1983, с. 6].

В первом приближении, пробегая взглядом переписку А.С. Пушкина, в действительности можно подумать, что величайший русский стилист не отдавал себе отчета, что пишет на двух разных языках, воспринимая их как одно целое. Однако, при более внимательном изучении как эпистолярного наследия Пушкина, так и его художественных произведений мы найдем множество опровержений данному тезису: от известных каждому школьнику:

Она казалась верный снимок

Di come il faut... (Шишков, прости:

Не знаю, как перевести.)

или

А вижу я, винюсь пред вами,

Что уж и так мой бедный слог

Пестреть гораздо б меньше мог

Иноплеменными словами...

до того простого вывода, что бессознательной переход на другой язык, по Б.А. Успенскому, должен быть обусловлен сменой речевой ситуации – только тогда он является сигналом диглоссии – чего в приведенных цитатах не наблюдается. Гораздо логичнее предположить, что Пушкин не мог отказать себе в удовольствии поиграть словами в приватной переписке, не будучи стесненным рамками цензуры.

Сравнительно невелико число французских заимствований в произведениях его современницы, Н.А. Дуровой, которая, тем не менее, с удивлением отмечает: «Сегодня я прочитала, что в Записках моих много галлицизмов. Это легко может быть, потому что я не имею понятия, что такое галлицизм» [Н.А. Дурова. Год жизни в Петербурге, или невыгоды третьего посещения, с. 122], просто и немного лукаво (не станем все забывать о дворянском происхождении и хорошем домашнем образовании кавалерист-девицы) признавая полнейшее свое невежество в части лингвистической.

Какие же галлицизмы имеет в виду критик, если «Записках кавалерист-девицы» Н.А. Дурова весьма строга и придирчива к выбору лексического варианта, используя лишь давно укоренившиеся в языке номинации реалий армейской жизни (*авангард, арсенал, арьергард, бивак, галоп, марш, пикет, пистолет, эскадрон*)?

Здесь следует напомнить, что понятие галлицизм включает не только лексические заимствования, но и обороты, воспроизводящие средствами русского языка наиболее распространенные образцы французского синтаксиса и фразеологии (*заниматься эволюциями, я много выросла, брать место, офицеры ищут быть со мной, быв им пренебреженною*). Мы можем предположить, что структурных галлицизмов писательница действительно не замечала: имитация иноязычных образцов, благодаря последователям Н.М. Карамзина, стала привычным и довольно распространенным явлением в начале XIX в. Но можно ли считать это следствием «восприятия двух языков как одного»?

Вряд ли, учитывая тот факт, что в вышеупомянутой повести «Год жизни в Петербурге...», помимо всего перечисленного, писательница вполне осознанно употребляет и прямые французские вкрапления в русскую речь – зачастую как исчерпывающую характеристику речевого поведения своих петербургских знакомых, намекая тем самым, где *действительно* много галлицизмов.

Так как же охарактеризовать ту ситуацию, что сложилась в русском обществе на рубеже XVIII – XIX столетий и которую едко высмеял А.С. Грибоедов, вложив эту дефиницию в уста Чацкого, главного героя своей комедии «Горе от ума»:

– Здесь нынче тон каков

На съездах, на больших, по праздникам приходским

Господствует еще смешенье языков: французского с нижегородским?

Отвечая на данный вопрос, необходимо обратиться к проблеме типологии билингвизма, также неоднозначной в силу разнородности критериев, положенных в основу различных классификаций.

По мнению Л.В. Щербы, который понимал билингвизм как способность личности, принадлежащей к нескольким социальным группировкам, выбирать тот или иной язык общения в зависимости от речевой ситуации: чистый (общение в семье осуществляется на одном языке, за ее пределами – на другом) и смешанный (общение осуществляется на обоих языках, вне зависимости от речевой ситуации, причем говорящий не отдает себе отчет в том, что переходит с одного языка на другой).

Данная классификация перекликается с предложенной Сьюзен Эрвин-Трипп, которая также предлагает два типа двуязычия: **совмещенное** (compound) и **координативное** (coordinate): первое предполагает речь смешанную, насыщенную элементами обоих языков, тогда как во втором случае речь на каждом языке продуцируется самостоятельно, лишь ее содержание на обоих языках скоординировано;

С точки зрения А.А. Залевской и И.Л. Медведевой, следует различать билингвизм **естественный** и **искусственный**: первый подразумевает бытовое

овладение вторым языком, благодаря широкой речевой практике и соответствующему окружению, тогда как второй предполагает сознательное изучение иностранного языка, посредством приложения определенных волевых усилий;

У. Вайнрайх, также акцентируя внимание на способе усвоения языков, предлагает классификацию билингвизма по трем типам: **составной** (каждое понятие может быть реализовано двумя способами, характерен для двуязычных семей), **координативный** (каждое понятие реализуется посредством отдельной системы понятий, характерен для иммиграции) и **субординативный** (система второго языка полностью выстраивается на системе первого языка, характерен для школьного обучения).

С критикой данной гипотезы выступала Е.Ю. Протасова, утверждая, что речь идет в этом случае всего лишь о вариациях нейрофизиологической реализации, и предлагая собственную классификацию, основанную на отражении социального статуса говорящих (она различает билингвизм **элитарный** и характерный для слоев с низким социально-экономическим статусом – «**плебейский**»). Ею же подчеркивается, что возраст является определяющим для характера усвоения языка: в отличие от Е.М. Верещагина, разделявшего, в зависимости от возраста овладения языком, билингвизм на ранний и поздний, она предлагает свою систему понятий: до трех лет – двойное овладение языком, после трех – первичное и вторичное, тогда как после 16 речь идет лишь об усвоении второго языка.

Помимо вышперечисленных типов, Е.М. Верещагин анализирует еще некоторые критерии, по которым можно провести классификацию вариантов двуязычия:

- действия, выполняемые на основе речевых умений (билингвизм рецептивный, репродуктивный и продуктивный);
- источник формирования билингвальных умений (контактный / неконтактный);
- коммуникативная активность (активный / пассивный);

- способ связи речи с мышлением (непосредственный / опосредованный).

Детальное рассмотрение понятия «билингвизм» и его типологии позволяет оценить точность слов О.А. Козыревой: «Определения двуязычия часто конфликтны друг с другом и отражают расхожие бытовые или профессиональные представления» [Козырева 2013, с. 152]. Тем не менее, можно констатировать также, что большинству ученых свойственно в общем достаточно компромиссное отношение к степени владения двумя языками при билингвизме, а т.н. «смешение» (полное или частичное) языковых кодов, проявляющееся на различных языковых уровнях характерно для структуры и содержания языкового сознания естественных билингвов при условии полноценного двуязычия, поддерживающего функционирования обоих языков [Габдреева 2013, с. 37].

Термин «смешение» впервые предложен И.А. Бодуэном де Куртенэ, подразумевавшим под смешением в широком смысле сам процесс языкового контактирования и результат этих контактов (заимствования на разных языковых уровнях – лексические, словообразовательные, фонетические, семантические) в узком значении слова.

Н.В. Габдреева предлагает различать осознанное и неосознанное смешение, причем первое обусловлено либо асимметричной языковой компетенцией, либо выполняет стилистические функции, либо служит средством заполнения лакун, тогда как второе проявляется в речи билингвов на разных уровнях и находит отражение как в плане выражения (иноязычные вкрапления, калькирование иноязычных фразеологических оборотов, вариантность), так и в плане содержания (в частности, на уровне семантики оно четко прослеживается в межъязыковых лексических корреляциях – [Габдреева 2013, с. 38]).

2.1.2 Специфика тематической классификации французской лексики в русском литературном языке XIX века

По справедливому замечанию Д.Н. Шмелева, лексический состав языка непосредственно отражает внеязыковую действительность, в силу чего анализ

словарного фонда позволяет выявить не только (и не столько) внутриязыковые факторы, определяемые взаимоотношениями лексических единиц, но и факторы экстралингвистические, которые сами в той или иной степени обуславливают семантику и функционирование лексем. Всякий раз иначе – «по-своему» – группируя явления, каждый язык создает собственный слепок реальности, где эти условия настолько тесно переплетены, что невозможным становится изолированное рассмотрение собственно лингвистических моментов [Шмелев 1973, с. 103].

В процессе языковых контактов мы сталкиваемся с уникальным по своей природе феноменом: образно выражаясь, происходит своеобразное наложение отпечатка чужой реальности на систему принимающего языка, что с одной стороны приводит к форматированию (иногда довольно жесткому) последней – с другой меняет очертания самого слепка, приспособлявая к строю язык-рецептора, менталитету его носителей, особенностям их мышления и национальной картине мира [Абдуллина 2014, 2017; Агеева 2016].

Будучи прямым следствием галломании, поразившей российское общество в конце XVIII в. и ставшей, по выражению З. Манфреда, одной из самых прочных традиций русского дворянства [Манфред 1961, с. 346], поток лексических единиц французского происхождения буквально наполнил многие лексико-тематические группы, активно вытесняя из обихода исконные элементы и более ранние заимствования. Попытаемся обозначить эти сферы. Понятно, что в силу своей специфики язык художественных произведений представляет исследователю не совсем полную – хотя и максимально широкую картину жизни иноязычной лексики: так, в поле данного исследования по объективным причинам практически не попали научные термины и другие единицы, чье функционирование ограничено узкими социально-профессиональными рамками. С другой же стороны, исследования подобного характера, предпринятые на ином материале, представляют совершенно иную картину, осложняясь дополнительным влиянием некоторых важных экстра- и интралингвистических факторов. Например, концептуальный труд Н.В. Габдреевой «История

французской лексики в русских разновременных переводах», посвященный в том числе и функциональным характеристикам галлицизмов в русских переводах французской литературы, позволяет четко проследить воздействие оригинального текста на сознание переводчика, прямо или косвенно вызывающее к жизни последовательную корреляцию между французским прототипом и соответствующей единицей французского происхождения в русском языке. Мы ни в коем случае не хотим каким бы то было образом умалить роль переводов французской литературы в становлении пласта романской лексики русского языка, переоценить ее поистине невозможно. В частности, говоря о так называемой первой фиксации единицы в русском языке, мы будем использовать данные, полученные Н.В. Габдреевой. Неоценимым подспорьем в нашей работе явился также «Исторический словарь галлицизмов русского языка» Н.И. Епишкина, содержащий около 45 тысяч словарных статей и представляющий уникальную панораму семантической эволюции французского слова в русском языке: так, каждая словарная статья снабжена внушительным количеством цитат и справочным отделом, где отражена первая словарная фиксация галлицизма (предпочтение отдается наиболее ранним из них). Понятно, что лексикографическая фиксация значительно отстает от первого вхождения, поэтому словарные данные в датировках будут иметь вторичное значение, мы станем прибегать к ним, в основном, лишь при анализе частотности единицы в позднейшие эпохи.

Подчеркнем еще раз, что именно анализ художественных произведений, изначально написанных на русском языке, представляющих картину российской действительности, позволяет нам установить некоторые закономерности формирования языковой картины мира послепетровской России, выделяя те фрагменты реальности, которые подвергались наиболее жесткому пересмотру – именно здесь зафиксировано наибольшее количество чужих элементов.

1. Военная лексика. Реформы российской армии, предпринимаемые поочередно едва ли не каждым правителем, начиная с Петра I и полностью изменившие ее структуру по сравнению с XVI-XVII вв., ввели в широкое

употребление не только новые виды оружия, но и европейскую систему званий, заимствованные тактики ведения боевых действий, новое понимание ее организации и роли в государстве, сформировавшееся в итоге в тесной связи с общеисторическими процессами в Европе: на начало XIX в. приходится расцвет империи Наполеона Бонапарта, чья роль в судьбах Европы не может быть оспорена никоим образом, Отечественная война 1812 г., многое изменившая в судьбах и мировоззрении подданных Российской империи, середина столетия отмечена Крымской войной 1853-1856 гг. и Русско-Турецкой войной 1877-1878 гг., также неоднократно отраженной в произведениях художественной литературы, и наконец финальную точку этой трагической эпопеи ставят Русско-японская война 1905 г. и Первая мировая война. Все эти факторы и способствовали тому, что французские лексические единицы, характеризующие военную сферу, до сих пор остаются одним из наиболее значительных пластов русского литературного языка, более того, большая их часть в процессе исторического развития утратила узкоспециальное назначение, свойственное терминологической лексике, и пополнила литературный язык.

Здесь надо отметить, что советские – а за ними и российские – исследователи сознательно или бессознательно принижали роль французского языка в формировании данной лексической группы, традиционно подчеркивая роль немецкого, английского и даже голландского языков. Из трудов, где французская лексика в русском языке военной сферы представлена наглядно и выпукло, мы можем привести, пожалуй, лишь работы О.А. Пылакиной «Галлицизмы сферы фортификационного дела в русской переводной письменности начала XVIII в.» и Н.С. Андриановой «Военная и научно-техническая терминология французского происхождения в современном русском языке», что, безусловно, не является достаточным. Четкая и логичная система российских воинских званий, например, более чем на 70% состоит из единиц французской этимологии: *capitaine* – капитан, *caporal* – капрал, *colonel* – колонель, *général* – генерал, *lieutenant* – лейтенант, *major* – майор, *maréchal* – маршал, *sergent* – сержант. Рассмотрим некоторые из представленных единиц,

чья судьба способна наиболее ярко проиллюстрировать исторические процессы в сфере лексики и степень их корреляции с общей социальной эволюцией и частными формами ее выражения.

Так, слово *сержант* (фр. *sergent* – от лат. *servientem*, акк. *serviens*) – фиксируется во французском языке середины XI в. (ок.1050) в значении *serviteur, homme de confiance employé par un seigneur* ‘слуга, человек, пользующийся доверием со стороны господина’, далее сравнительно быстро приобретает значение *officier domanial de justice* ‘судейский, служитель закона’ и в конце концов эволюционирует в *homme de guerre de condition inférieure* ‘военный, имеющий низшее звание’ (ок.1130). Современное значение приобретает в XVI в.: *officier militaire (qui fait ranger les soldats)* ‘военный офицер (отвечающий за построение солдат)¹’ и в этом значении входит в русский язык, фиксируясь в письменных памятниках XVII в. В литературных произведениях устойчиво фигурирует в первой половине XIX в., далее частота вхождений падает до околонулевых отметок и лишь в середине XX столетия отмечается резкий всплеск, как видно на рисунке 1.

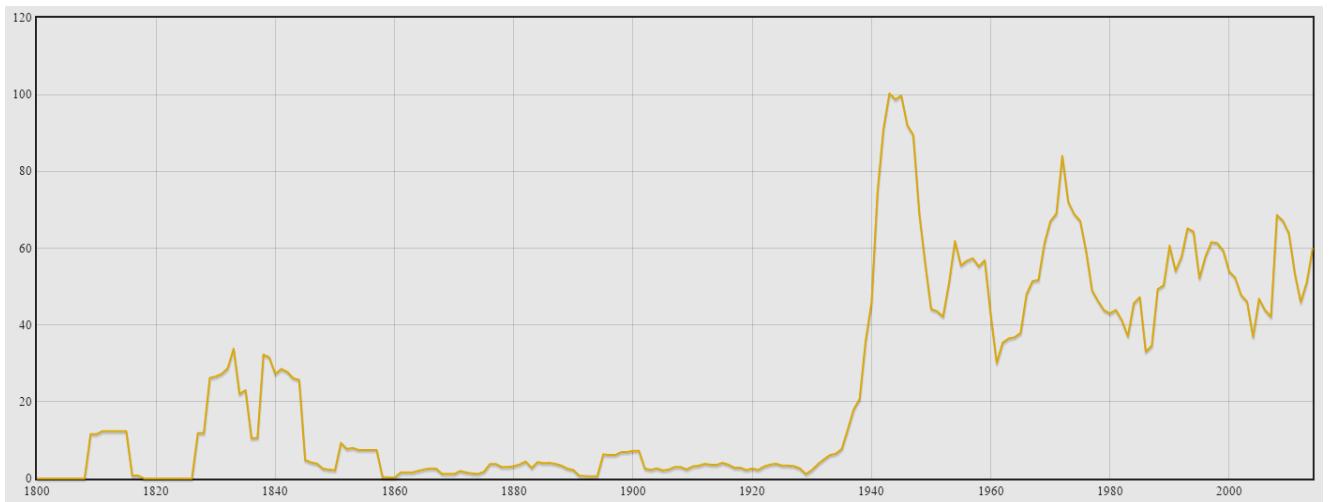

Рисунок 1 – График распределения частотности вхождений слова *сержант*²

¹ здесь и далее этимологические данные французского языка приводятся по: Centre National des Ressources Textuelles et Lexicales; перевод наш - А.А.

² графики частоты вхождений лексических единиц построены при помощи ресурсов Национального корпуса русского языка (подкорпус «художественная литература»)

Как видно из вышеприведенного графика, частота фиксации лексической единицы в произведениях художественной литературы напрямую определяется (пусть и с неким опозданием) общественными процессами. Так, в 1798 г. император Павел I упраздняет звания сержанта и старшего сержанта, заменяя их соответственно унтер-офицером и фельдфебелем, – и слово практически полностью выходит из употребления в литературе, поскольку в реальности XIX – начала XX столетий связанная с ним реалья фигурирует под другим именем. Всплеск 1825-1845 гг. объясняется, по всей видимости, обилием литературы, в том числе мемуаристической, посвященной не только самой Отечественной войне 1812 г., но и предшествовавшим ей событиям: основные ее участники начинали службу при Екатерине II, пусть даже, как иронически повествует А.С. Пушкин в повести «Капитанская дочка»: *«Матушка была еще мною брюхата, как уже я был записан в Семеновский полк сержантом, по милости майора гвардии князя Б., близкого нашего родственника. Если бы паче всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти нежившегося сержанта, и дело тем бы кончилось»*, – во младенческом возрасте, обходя таким образом петровскую «Табель о рангах». В 1940 г. звание сержанта вернется в русскую – теперь уже советскую – армию и последовавшая в 1941 г. Великая Отечественная война обеспечит ему широкое распространение в военной литературе.

Лейтенант (фр. *lieutenant* – композит, образованный на основе сущ. *lieu* ‘место’ и прич. *tenant* ‘держачий’) фиксируется французскими лексикографами в письменных памятниках XIII в. (1230 г.) в значении *celui qui est immédiatement au-dessous d'un chef, qu'il supplée en certains cas* ‘подчиненный непосредственно главе, способный замещать его в некоторых ситуациях’. Довольно долгое время никак не принадлежало к военной терминологии, обозначая *celui à qui le souverain délègue dans certains cas une part de son autorité* ‘лицо, которому суверен делегирует часть своих полномочий’ (ок. 1470) или *officier qui préside le tribunal d'une sénéchaussée à la place du sénéchal* ‘лицо, председательствующее в суде вместо сенешаля’ (1538), и лишь с изобретением артиллерийского оружия закрепилось в военной сфере. В русский язык пришло, сузив область

функционирования: чин лейтенанта существовал только во флоте и приравнивался к армейскому капитану, чем и обусловлена сравнительно невысокая, хоть и отличающаяся достаточной устойчивостью частота вхождений единицы в корпус художественной литературы, отображенная на рисунке 2:

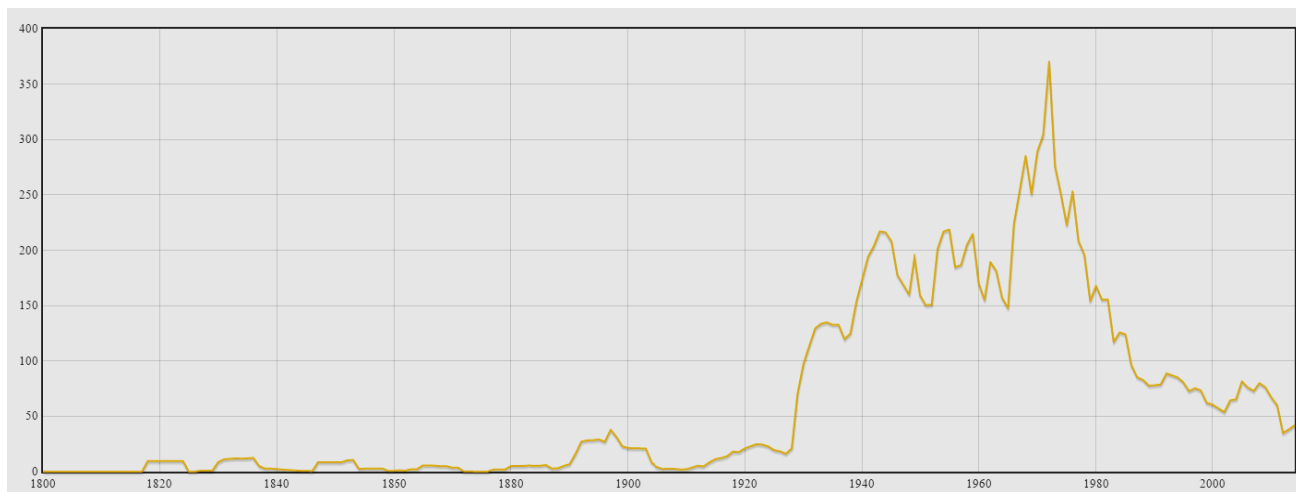

Рисунок 2 – График распределения частотности вхождений слова *лейтенант*.

Как видно из рисунков 1 и 2, динамика частотности вхождения единиц «сержант» и «лейтенант» примерно совпадает на протяжении XIX в., пусть и в силу разных причин: если в первом случае низкие значения объяснялись факторами скорее административного порядка, то во втором ограниченной сферой употребления слова. Резким ростом частотности, отчетливо прослеживаемым в XX в., графики обязаны тем же процессам: административным решениям о возвращении звания «сержант» и расширением области функционирования слова «лейтенант», благодаря указу 1935 г., согласно которому это звание присваивается всем выпускникам военных училищ.

Иную картину мы видим на примере слов *капитан* и *майор*. *Капитан* (фр. *capitaine*, заимствов. позднелат. *capitaneus*, образованного в свою очередь посредством суффиксальной деривации от лат. *caput* ‘голова’) регистрируется во французском языке XIII в. (1288) в значении *chef militaire* ‘военный вождь’. Современное значение *officier qui commande une compagnie* ‘офицер, отдающий

приказы в сражении' фиксируется в XVI в. (ок. 1570). В русский язык вошло в XVII в., вместе с иноземными военными, нанимавшимися на службу в России; первая фиксация в художественной литературе – ранняя версия комедии «Недоросль» Д.И. Фонвизина (1764 г.). С конца XVIII в. функционирование единицы в литературных произведениях последовательно, отмечается устойчивая тенденция к росту частотности в силу отсутствия значительных внешних факторов (чин капитана существует в армии Российской империи, сохраняется он и в советское время, и в наши дни), что достаточно очевидно на рисунке 3.

Рисунок 3 – График распределения частотности вхождений слова *капитан*.

Майор (фр. *major* – предположительно заимств. исп. *mayor*, о чем свидетельствует довольно долгий период фонетической вариантности, обусловленной непосредственным источником заимствования и интерференцией со стороны латинской орфографии, где графема *j* в преломлении французского языка читалась как [ʒ]). Существуют известные трудности этимологической интерпретации лексемы *major* во французском языке, в силу контаминации с прилагательным *majeur*, в текстах старофранцузского периода фиксирующегося в латинской графике (*major*, комп. от *magnus*, сохранившееся, например, в композите *majordom*). Ситуация усугубляется тем фактом, что первая фиксация слова в военной литературе, датированная 1592 г., отмечает его в сочетании

sergent major. т.е. в адъективной функции, собственно субстантив будет зарегистрирован лишь в конце XVII в. (1672). Тем не менее, лексикографы сходятся на испанском происхождении слова, поскольку к XVI-XVII вв., к моменту активизации лексемы, графико-фонетический облик прилагательного *majeur* полностью сложился, пройдя стадии вариантности и стабилизации форм (*major*, *majour*, *maieur*, *majeur*). В русской армии чин вводится Петром I, с этого времени слово фигурирует в письменных памятниках, в художественной литературе также впервые фиксируется у Д.И. Фонвизина, далее вплоть до конца XIX в. наблюдается рост экстремальных значений графика. С конца XIX в. наблюдается недолгий спад частотности (см. рисунок 4), поскольку в 1884 г. чин упраздняется, однако литература, как уже отмечалось, в силу своей специфики несколько запоздало реагирует на внешние факторы и спад не столь значителен: в 1935 г. звание майора возвращается в Красную армию.

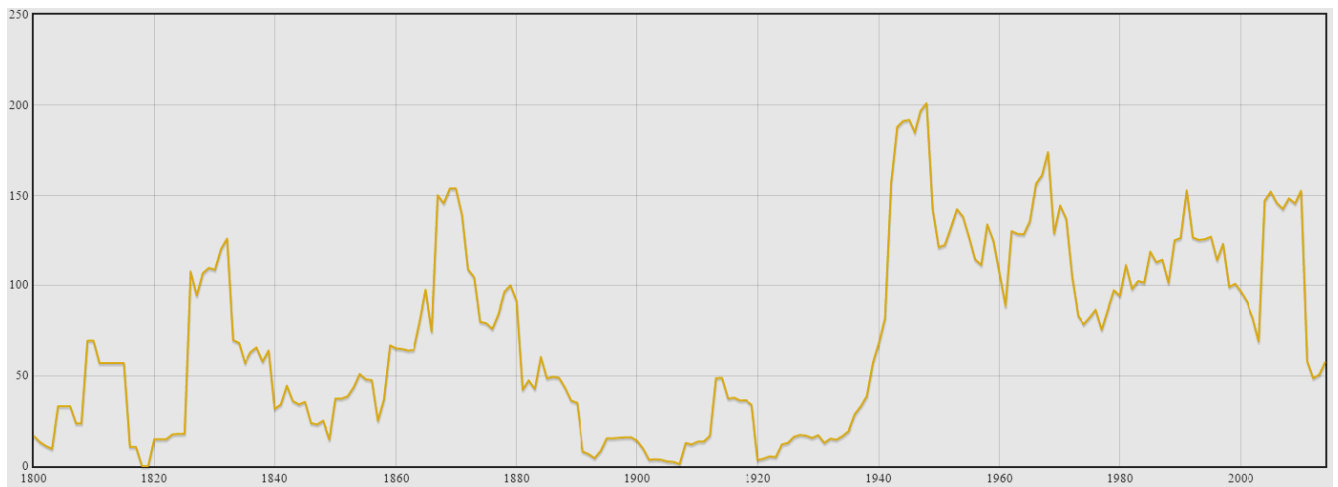

Рисунок 4 – График распределения частотности вхождений слова **майор**.

К французскому языку восходят обозначения армейских должностей и функциональных обязанностей: *adjudant* – адъютант, *cadet* – кадет, *commandant* – комендант, *officier* – офицер, *soldat* – солдат; названия военных подразделений и родов войск: *armée* – армия, *artillerie* – артиллерия, *bataillon* – батальон, *batterie* – батарея, *infanterie* – пехота, *cavalerie* – кавалерия, *escadre* – эскадра, *escadron* – эскадрон; военных действий и построений: *alliance* – альянс, *attaque* – атака.

атака, abordage – абордаж, cannonade – канонада, carré – каре, ligne – линия, marche – марш, piquet – пикет, ricochète – рикошет, retirade – ретирада; сооружений и укреплений: *arsenal – арсенал, disposition – диспозиция, embrasure – амбразура, flèche – флешь, position – позиция, redoute – редут;* наименования оружия: *hallebarde – алебарда, pique – пика, pistole – пистоль, pistolet – пистолет, rapière – рапира;* лексика французского происхождения описывает организацию армии и военного быта: *biv(ou)ac – бив(у)ак, intendant – интендант, parade – парад, patrouille – патруль, régime – режим, uniforme – униформ(а), vedette – ведет;* военный преступления и правонарушения, пенитенциарную систему: *déserteur – дезертир, exécution – экзекуция, maraudaire – мародер, spéculateur – спекулятор, tribunal – трибунал и т.п.*

Лексика военной сферы с высокой точностью иллюстрирует как особенности самого процесса языковых контактов, так и динамику внутриязыкового развития уже заимствованной лексики, определяющегося, помимо собственно лингвистических закономерностей, социально-культурными векторами эволюции. Нас интересуют оба момента: как специфика контактов, обусловившая проникновение иноязычных элементов в русский язык, так и их дальнейшее закрепление в языке, показателем которого являются, в том числе, и данные статистики. Военная лексика французского происхождения наглядно демонстрирует насколько жесткому форматированию подверглась сама идея и понимание русской армии в петровскую и постпетровскую эпоху; насколько динамичным было это форматирование, мы видим из скорости психической ассимиляции галлицизма, его проникновения из закрытой терминологической группы в литературный язык и распространения в нем.

На материале военной лексики мы можем констатировать архаизацию лишь сравнительно небольшого количества французских элементов: *инфантерия, ретирада, спекулятор, бивуак, ведет*. Попытаемся установить их специфику.

Инфантерия (фр. *infanterie* – заимств. из итал. *infanteria*, произв. от *infante* ‘ребенок’. в XVI в. имевшего значение ‘молодой солдат, новобранец’). Функционирует во французском языке с XIV в., фиксируется в разных формах и

вариантах: *enfanterie* (1502), *fanterie* (1547), *infanterie* (1553) в значении *troupes à pied* ‘пешие войска’. Приходит в русский язык в XVIII в. одновременно с номинациями прочих родов войск (кавалерия, артиллерия), однако широкого распространения не получает: устойчиво фигурирует в частной переписке и официальных документах наряду с исконным словом *пехота*, в литературе же, как следует из рисунка 5, представлено единичными вхождениями.

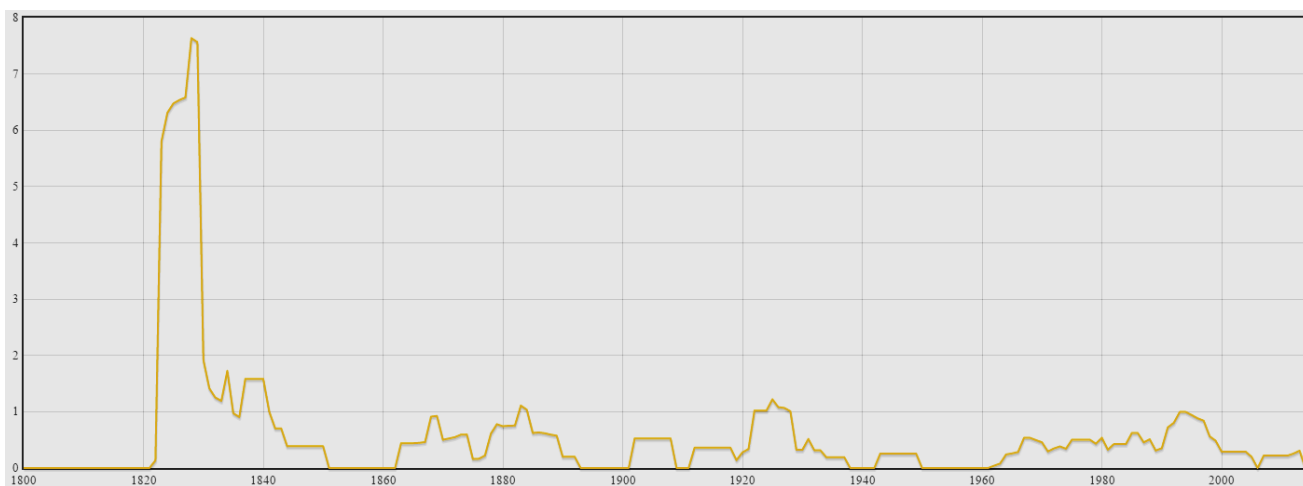

Рисунок 5 — График распределения частотности вхождений слова *инфантерия*

Приведем для сравнения рисунок 6, где представлен график частотности вхождений исконного слова.

Рисунок 6 — График распределения частотности вхождений слова *пехота*

Как видно из сопоставления обеих кривых, экстремум первой приходится на конец 20-х – начало 30-х гг. позапрошлого столетия, далее следует резкое затухание графика, до наших дней частотность редко превышает одного-двух вхождений на миллион словоформ. Первая треть XIX в. – это расцвет литературы, посвященной войне 1812 г. за авторством очевидцев и непосредственных участников, большая часть которых, напомним, принадлежала к поколению, рожденному на рубеже XVIII-XIX вв., когда термин *инфантерия* был в ходу среди военных (приведем здесь строки повести Н.А. Дуровой «Угол»: *«И кавалерия и инфантерия раскланивались очень учтиво с сидящими в карете, но легкая, чуть приметная усмешка, которую сопровождался поклон их, была как-то неуместна, судя по блистательной наружности экипажа тех особ, к которым относилась»*. «Кавалерист-девица» легко и привычно встраивает галлицизм в свою речь, в отличие от позднейших произведений он вполне уместен здесь в нейтральной, сугубо номинативной функции). Далее единица будет включаться в литературный контекст исключительно в военно-канцелярском словосочетании «генерал от инфантерии» (ср. *Собственно говоря, я даже не знаю, кто меня будет читать: может быть, прапорицк, а может быть, генерал от инфантерии...* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Письма к тетеньке (1881-1882)]), либо в стилистических целях (находим у Тургенева: *«...один в инфантерии, другой в кавалерии, третий сам по себе...»* [И.С. Тургенев. Отодворец Овсяников (1847)] или Чехова: *«Не пехота кака-нибудь, не инфантерия, а флотский!»* [А.П. Чехов. Свадьба (1889)]).

Кривая частотности слова *пехота*, напротив, начинается рост с 30-х гг. XIX в., причем рост этот впечатляет: максимум находится в районе 30 вхождений, тогда как минимум никогда не падает ниже единицы. Исконное слово, таким образом, не просто составило достойную конкуренцию заимствованию, но и фактически оставило его на периферии. Данное явление вполне логично вписывается в рамки теории языковых контактов: галлицизм не отвечает ни одному из требований, позволивших бы ему закрепиться в языке, поскольку на момент своего

проникновения в язык он имел полный исконный эквивалент, моносемичный, краткий и уже распространенный в языке.

По тем же причинам – не выдержав конкуренции с иконным словом – в военной лексике не закрепились галлицизмы *бивуак* ‘привал’, *ведет* ‘караул’, и *ретирада* ‘отступление’. Двум последним, впрочем, пришлось бороться не только с сопротивлением исконных слов, но и иноязычных синонимов: *лагерь* и *патруль*.

Довольно значительное число военных терминов подверглись процессу историзации, т.е. вышли из употребления в связи с утратой реалии. В первую очередь это касается военно-тактических действий, сооружений и построений (*каре, пикет, редут* и т.п.), а также видов оружия (*мушкет, пика, пистоль* и т.п.).

2. Одежда и аксессуары. Со времен Елизаветы Петровны Париж для любого носителя русского языка – персонификация моды и новых веяний в этой отрасли. Время коренных перемен, предпринятых Петром I, в российском обществе не могло обойти такую важную сторону старого уклада как костюм. Европейская мода без боя захватывает русское общества в эпоху правления Елизаветы, сметая на своем пути практически все исконные элементы костюма. Она царит и в светской жизни, и в повседневной, и в сфере форменного одеяния. Само понятие моды, вечно меняющихся тенденций в выборе покроя платья, ткани и украшений, лакунарно для патриархального русского общества, поэтому в русском языке нет лексических эквивалентов не только названиям видов одежды и аксессуаров, но и многим их элементам, материи и даже классифицирующим терминам (ср. *ансамбль, гарнитур, куафюра, туалет, униформ(а)* и т.п.). Попытаемся выделить наиболее значительные из тематик, параллельно описывая динамику сопутствующих языковых процессов.

Как уже отмечалось, лексика, номинирующая одежду и головные уборы, практически полностью заимствована из французского языка: *béret* – *берет*, *blouse* – *блуза*, *camisole* – *камзол*, *casque* – *каска*, *châle* – *шаль*, *chenille* – *шинель*, *corset* – *корсет*, *culotte* – *кюлоты*, *écharpe* – *эшарп*, *frac* – *фрак*, *gilet* – *жилет*, *gorgette* – *горжетка*, *jabot* – *жабо*, *jaquette* – *жакет*, *jupon* – *юбка*, *manteau* –

манто, masque – маска, paletot – пальто, pantalon – панталоны, peignoir – пеньюар, porte-épée – портупея, robe – роба, salope – салон, surtout – сюртук, tricot – трико и т.п.

В целом, следует отметить, что лексика сферы моды и одежды довольно прочно закрепилась в языке-рецепторе, чему, по всей видимости, способствовало то, что на протяжении XVIII в. мужской и женский костюм менялись лишь в деталях, сохраняя ключевые свои элементы. Обратимся к источникам.

В 1700 г. подписан и оглашен первый из «модных» указов Петра, предписывающий носить «венгерское или немецкое платье»; в дальнейшем требования будут уточнены в пользу немецкого платья по будням и французского по праздникам: «по градским воротам [...] для образца повешены были чучелы, сиречь образцы платья» [цит. по: Коршунова Т.Т. Костюм в России XVIII – начала XX века из собрания Государственного Эрмитажа. – Л.: Художник РСФСР, 1979 г.]. Петр I. последовательный в своей политике европеизации России, не случайно выбрал французские образцы одежды: в XVII в., в эпоху Людовика XIV, Короля-Солнце, возрастает влияние Франции как законодательницы мод (известны факты прекращения боевых действий при приближении судов, доставляющих манекены в придворном и домашнем платьях – т.н. «большую» и «малую» Пандору, обладавших неприкосновенностью).

Таким образом, мужской костюм XVIII в., сложившийся при версальском дворе, состоит из *жюстокора* (*justaucorps* – фиксируется в 1617 г., образовано путем словосложения прил. *juste* ‘правильный, точный’, предл. *au* и сущ. *corps* ‘тело’, *vêtement masculine serré à la taille, muni de manches, de forme longue un peu évasée du bas, qui fut d'abord utilisé dans le costume militaire, puis vers 1670 dans le costume civil où il resta en usage jusqu'au milieu du XVIIIe siècle et qui, sa coupe et ses ornements s'étant alors simplifiés, devint l'habit* ‘длинная мужская одежда, узкая в талии, с рукавами, слегка расширяющаяся внизу, служившая изначально военным, затем, начиная с 1670 г. вплоть до середины XVIII в., гражданским костюмом и, вследствие упрощения покроя и декора, трансформировавшаяся во фрак’ длинный, до колен, кафтан), *весты* (*veste* – фиксируется в 1694 г., заимств.

итал. *vesta*, происх. от лат *vestis* ‘одежда’, *vêtement à quatre pans, muni d'une poche de chaque côté, qui couvre le corps jusqu'à mi-cuisse, avec ou sans manches, boutonné sur le devant et qui se porte sous l'habit* ‘одежда с разрезами, с карманами по обеим сторонам, длиной до середины бедра, с рукавами или без, на пуговицах, носится под сюртуком’) и *кюлотов* (*culotte* – фиксируется в XVI в. (1515), произв. от *cul* ‘зад’ посредством суфф. *-otte*, *vêtement de dessus, couvrant le bas du corps depuis la ceinture jusqu'au-dessous du genou ou à mi-mollet, et habillant séparément chaque jambe* ‘верхняя одежда, покрывающая нижнюю часть тела и ноги, каждую в отдельности, от пояса до колена или до середины икры’).

Конец XVIII в. ознаменован Великой французской революцией, которая приносит новые модные тенденции: *жюстокор* трансформируется во *фрак* (*frac* – во французском языке фиксируется в 1767 г., заимств. англ. *frock* ‘длиннополое пальто’, *vêtement masculin, habit de ville ou d'uniforme, consistant en une veste courte à collet, s'arrêtant à la taille et pourvue à l'arrière de longues basques étroites* ‘мужская городская или форменная одежда, состоящая из короткой куртки с воротником длиной до талии и имеющей длинные узкие фалды сзади’), веста теряет рукава и превращается в *жилет* (*gilet* – фиксируется в 1664 г., заимств. арабск. магр. *ǧalīka* ‘одежда христианских рабов на галерах’, происходит в свою очередь от тур. *yelek* ‘одежда без рукавов’, оформляется во французском языке посредством суфф. *-et*, по аналогии с *corset*, *mantelet* и т.п. (ср. сицилийск. *gileccu*, *cileccu*, исп. *chaleco*, *gileco*, португальск. *jaleco* и т.д.). Практически не изменило значения до нынешних дней: *vêtement court, sans manches, boutonné devant et ne couvrant que le torse* ‘короткая одежда без рукавов с пуговицами впереди, закрывающая торс’), *кюлоты* становятся шире, зачастую длиннее, и называются *панталонами* (*pantalon* – *culotte longue descendant jusque sur le cou-de-pied* ‘длинные брюки, достигающие щиколоток’). В Российской империи подобный костюм довольно долгое время подвергался гонениям как символ вольнодумства, лишь Александр I реабилитирует его, и европейская мода вновь вступает в свои права. Графически данные процессы выглядят как представлено на рисунке 7:

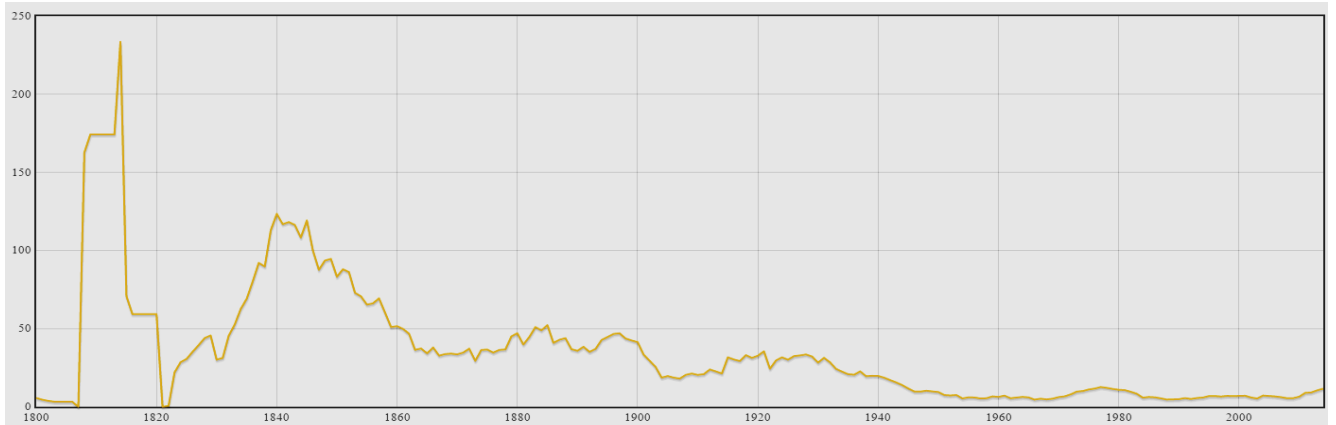

Рисунок 7 – График распределения частотности вхождений слова *фрак*

Как видим, максимум графика приходится на послевоенные годы (1814 г.), далее частота вхождений резко падает – и снова возрастает в середине XIX в. К концу столетия в моду входят английские костюмы, и фрак как повседневная одежда вытесняется пиджаком – впрочем, далее кривая частотности выравнивается, пусть и на достаточно низких значениях: фрак остается частью вечернего мужского костюма вплоть до наших дней. Совершенно иную картину мы можем наблюдать на материале слова *жилет* (рисунок 8), т.к. данная деталь костюма по-настоящему никогда не выходила из употребления, эволюционировали лишь ее форма и функции: из обязательного элемента мужской моды он превратился скорее в аксессуар костюма-тройки либо самостоятельный вид одежды, как мужской, так и женской.

Рисунок 8 – График распределения частотности вхождений слова *жилет*

И совершенно специфична кривая вхождений слова *панталоны*, изображенная на рисунке 9:

Рисунок 9 – График распределения частотности вхождений слова *панталоны*

Из мужской верхней одежды панталоны эволюционируют в женское нижнее белье, чем и объясняются высокие значения вплоть до середины XX в. Данные Национального корпуса русского языка позволяют нам с большей или меньшей степенью уверенности назвать первую фиксацию данного значения в литературе: *Он стал вытаскивать из различных карманов дамские панталоны, старый башмак...* [А.Н. Толстой. Гиперболоид инженера Гарина (1925-1927)]. С этого времени (20-е гг. XX в.) оба значения (архаичное и современное) функционируют параллельно.

Что касается женского туалета, практически весь XVIII в. отмечен доминированием французского платья-*робы* (*robe* – заимств. др.-герм. *gauba* ‘добыча’, фиксируется в этом значении в XII в. (1155); по-видимому, в силу того, что зачастую в военных трофеях франки числили в основном богатую одежду и доспехи меняет значение (ок. 1165г.) на *ensemble de vêtements taillés dans une même étoffe, habillement complet composé de plusieurs pièces, à l'exclusion de la chemise* ‘комплект одежды, сшитый из одной ткани, полное одеяние, состоящее из нескольких деталей, за исключением рубашки’. Тогда же значение уточняется до

vêtement féminin de dessus, d'un seul tenant, avec manches, couvrant le corps jusqu'aux pieds 'женская верхняя одежда, представляющая собой единое целое, с рукавами, покрывающая тело до ступней', впервые зафиксированного у Кретьена де Труа (Erec et Enide, 1165-1170 гг). В русский язык приходит в начале XVIII в., фиксируется в литературе в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина, в лексикографии – Н.М. Яновским), как женская одежда, состоящая из *корсажа* (corsage – образовано посредством суфф. -age от старофранц. cors 'тело', фиксируется в XII в. (1160-1170) ensemble du corps, spécialement le buste (d'un homme) 'часть тела человека, бюст'; современное значение приобретает в XVIII в.: vêtement féminin qui recouvre le buste 'женская одежда, покрывающая грудь'. В русском языке фиксируется сравнительно поздно, в середине XIX в., до этой поры функционировало как вкрапление), нижней *юбки* (jupon – заимств. итал. 'мужской или женский камзол восточного покроя', в свою очередь пришедшее из арабск. ġubba 'куртка, надеваемая под верхнюю одежду', впервые фиксируется в конце XII в. в значении pourpoint d'homme rembourré ajusté sur le buste 'мягкий мужской камзол, облегающий бюст', современное значение приобретает в XVII в.: vêtement féminin dont le haut est ajusté à la ceinture, et qui descend plus ou moins bas selon la mode 'женская одежда, верх которой собирается на талии, спускающаяся более или менее низко согласно моде'. Тогда же появляются понятия jupon de dessus 'верхняя юбка', jupon de dessous 'нижняя юбка'. В русский язык приходит в XVI в., при посредстве польского) и верхнего распашного платья.

Начиная с 1780-х гг. женская мода стремится к простоте силуэта – и пышные робы, корсеты и жесткие корсажи уступают место *тюникам* – туникообразным платьям с мягким и спокойным силуэтом, навеянными античными мотивами.

Видимо, четкая специализация семантики обеих единиц – *роба* и *туника* – помешала их закреплению в языке именно в этих значениях, исконное слово оказалось более универсальным.

Помимо уже упомянутых элементов костюма, из французского языка заимствуются иные детали одежды: *capuchon* – капюшон, *crinoline* – кринолин, *décolleté* – декольте, *épaulette* – эполет, *manchette* – манжета, *sultan* – султан; общие понятия: *costume* – костюм, *ensemble* – ансамбль, *toilette* – туалет, *uniforme* – униформ(а); элементы парикмахерского и косметического искусства: *coiffure* – куафюра, *perruque* – парик, *pomade* – помада, *poudre* – пудра; украшения: *bracelet* – браслет, *brilliant* – бриллиант, *collier* – колье, *diadème* – диадема, *diamant* – диамант, *fermoir* – фермуар, *garniture* – гарнитур, *parure* – парюра; ткани: *cachemire* – кашмир, *chiffon* – шифон, *crêpe* – креп, *grizet* – гризет, *grisette*, *гродетур* – *gros de Tours*, *marocain* – марокен, *mousseline* – муслин, *taffetas* – тафта и т.п.

Специфика данной тематики, казалось бы, должна обусловить значительную активность процессов архаизации / историзации наполняющей ее лексики. Однако на деле регистрируется лишь небольшое количество архаизмов (*диамант*, *куафюра*, *парюра*) и сравнительно невысокий процент историзмов (*веста*, *камзол*, *сюртук*). «Модная отрасль» обладала таким количеством лакун, что большинство галлицизмов, утратив в процессе исторического развития одно из значений (пусть даже основное), ассимилировались в языке, зачастую частично или полностью сменив семантику (*панталоны*, *роба*, *трико*) либо конкретизировав сферу употребления (*корсаж*, *кринолин*, *фрак*).

3. Кулинария. Ориентация российского общества на западную культуру и образ жизни способствовала появлению новых тенденций и в иных сферах жизни, не только в манере одеваться. Модой определяется активизация многочисленных французских элементов в области кулинарии, когда традиционная русская кухня знакомится с западными гастрономическими предпочтениями. В конце XVIII – начале XIX вв. становится модным иметь в доме повара-француза, из Франции привозят кулинарные книги, и в обиход русского дворянства, наряду с традиционными блюдами русской кухни, входят *blanc-manger* – бланманже, *bouillon* – бульон, *brioche* – бриошь, *consommé* – консоме, *côtelette* – котлета, *crème* – крем, *entrecote* – антрекот, *escalope* – эскалон, *filet* – филе, *languette* –

лангет, *marinade* – маринад, *omelette* – омлет, *poularde* – пулярка, *ragout* – рагу, *salade* – салат, *sauce* – соус, *saucisse* – сосиска, *sauté* – соме, *soupe* – суп; напитками: *champagne* – шампанское, *cognac* – коньяк, *limonade* – лимонад, *orangeade* – оранжад; овощами: *asperge* – спаржа, *artichaut* – артишок, *cornichon* – корнишон; специями: *basilic* – базилик, *vanille* – ваниль. Французская лексика номинирует посуду: *bocal* – бокал, *bouteille* – бутылка, *casserole* – кастрюля, *vase* – ваза, *vason* – вазон; заведения, где подают еду и напитки: *buffet* – буфет, *café* – кафе, *restauration* – ресторация; сопутствующие понятия: *diète* – диета, *menu* – меню, *portion* – порция.

Модным становится называть блюда «на французский лад»: *пуляркаа-ля Демидофф*, *отбивные а-ля мадам Помпадур*, *беф а-ля мод*. В этом смысле такие известные блюда русской кухни XIX в. не являются исключительными, следуя скорее устоявшейся номинативной тенденции.

4. Быт и досуг. Мода определяет сам стиль жизни российского общества, актуализируя многочисленные «бытовизмы» французского происхождения – обращения, наименования лиц, занятий, мероприятий, транспортных средств, мест, правил поведения, эмоций и чувств: *adresse* – адрес, *amour* – амур, *appétit* – аппетит, *aventure* – авантюра, *bagage* – багаж, *bal* – бал, *bordel* – бордель, *bravade* – бравада, *bretteur* – бретёр, *carnaval* – карнавал, *carrière* – карьера, *cavalier* – кавалер, *cérémonie* – церемония, *compagnie* – компания, *compagnon* – компаньон, *compliment* – комплимент, *coquette* – кокетка, *courrier* – курьер, *dame* – дама, *dépêche* – депеша, *document* – документ, *duel* – дуэль, *émotion* – эмоция, *équipage* – экипаж, *étiquette* – этикет, *flirt* – флирт, *galant* – галант, *intervalle* – интервал, *irritation* – ирритация, *journal* – журнал, *journaliste* – журналист, *madame* – мадам, *manière* – манеры, *mascarade* – маскарад, *mélancholie* – меланхолия, *mésalliance* – мезальянс, *monsieur* – месье, *pari* – пари, *patience* – пасьянс, *promenade* – променад, *réputation* – репутация, *révérence* – реверанс, *saison* – сезон, *station* – станция, *visite* – визит, *visiteur* – визитёр, *voyage* – вояж.

Понятно, что именно бытовая сфера, в силу значительных изменений образа жизни, поставляет сравнительно большое количество историзмов: *бретер*, *бал*, *дуэль*, *мадам*, *месье*, однако каждый из них обладает своей спецификой. Так, слово *бретер* выходит из употребления довольно быстро, сохраняясь лишь в литературе, повествующей о событиях начала позапрошлого столетия, что можно видеть на рисунке 10, фиксирующим лишь нечастые вхождения:

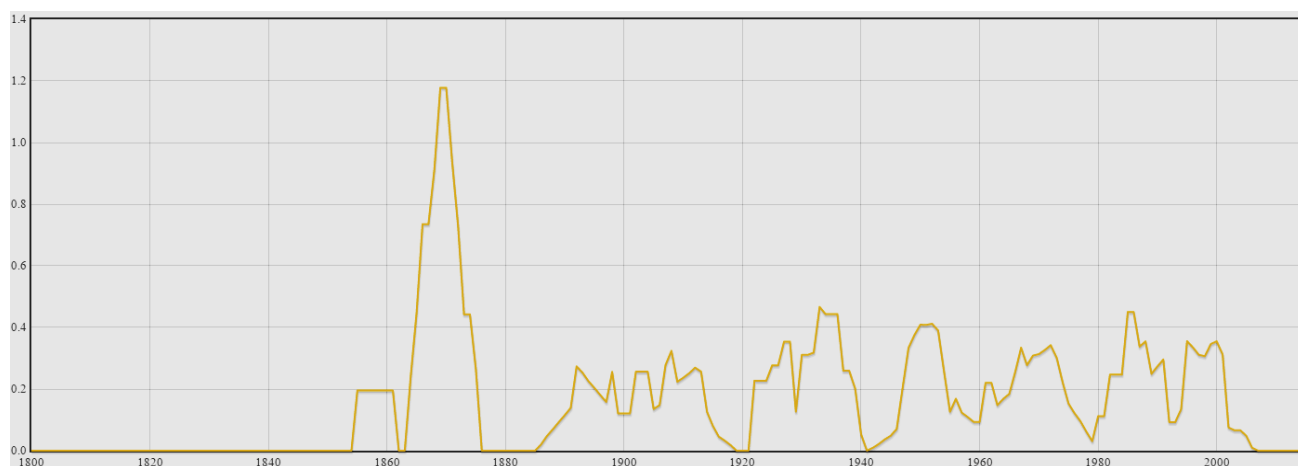

Рисунок 10 – График частотности вхождений слова *бретер*

И совсем иные показатели демонстрирует слово *дуэль*. Как известно, Военский устав 1715 (гл. 49 «Патент о поединках и начинании ссор») провозглашает невозможность умалить дворянскую честь оскорблением. Происшествия подобного характера находятся в ведении военных судов, вызов на дуэль карается частичной конфискацией имущества и лишением чинов, обнажение оружия – смертной казнью. Исторический казус: Петр I «привез» в патриархальную Русь неведомую ей реалию посредством ее запрета. Впрочем, суровость законов оправдала себя: дуэлей при первом русском императоре практически не было, точно так же как не получили они распространения при Елизавете Петровне. Во время своего недолгого царствования Петр III запрещает телесные наказания для дворян, формируя таким образом новую классовую психологию, основой которой является неприкосновенность дворянской чести.

Особенно пышно расцветает дуэльный кодекс в XIX в., при Александре I. Российские власти фактически смотрят на дуэли «сквозь пальцы»: дуэлянтами были Рылеев, Пушкин и Лермонтов, Л.Н. Толстой вызывал на дуэль И.С. Тургенева. Н. Гумилев – М. Волошина. Вплоть до 1917 г. дуэли были неотъемлемой частью дворянского быта, что видно на рисунке 11. В XX в. слово сохраняет свою частотность в силу распространения переносного значения: теперь под дуэлью подразумевают любой поединок, соревнование.

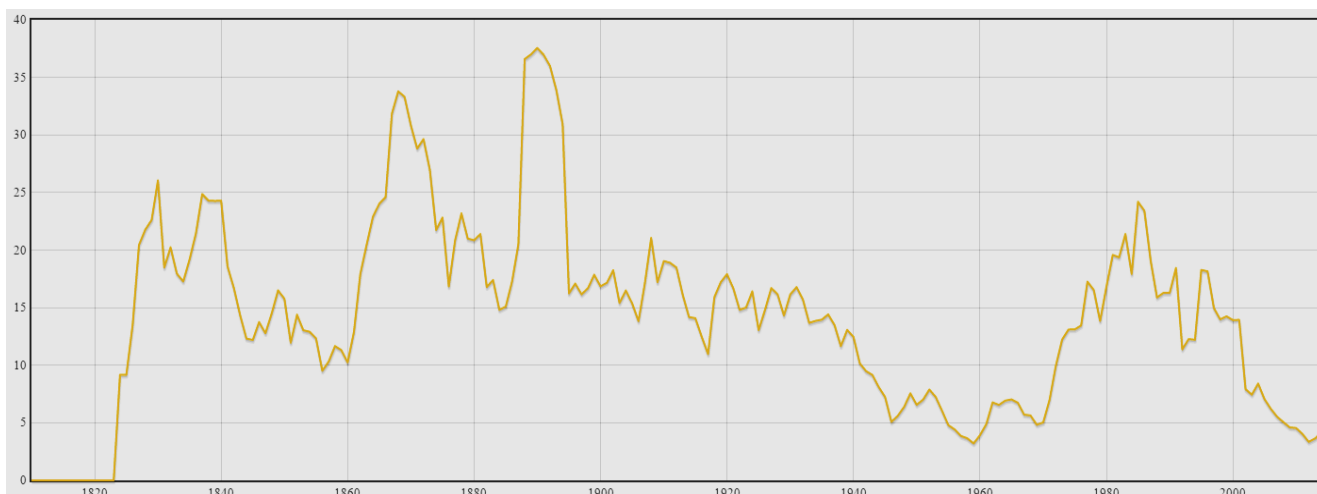

Рисунок 11 – График частотности вхождений слова **дуэль**

К слову, именно середина XIX в. отмечена активизацией слова *дуэлянт*, образованного посредством суффиксальной деривации на основе галлицизма *дуэль* и французского суффикса *-ант* (возможно, это первый образец подобной словообразовательной модели, ср.: подписант, дипломант); до 1860-х гг. использовалось исключительно прямое французское заимствование *дуэлист* (мы находим его у Лермонтова: «...нищий был скорее похож на **дуэлиста**, который уверен в меткости руки своей» [М.Ю. Лермонтов. Вадим (1833-1834)]) и лишь после 1862 г. впервые регистрируется вариант *дуэлянт*. Впрочем, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, А.П. Чехов и другие классики XIX – начала XX вв., как следует из рисунка 12, отдают предпочтение первому:

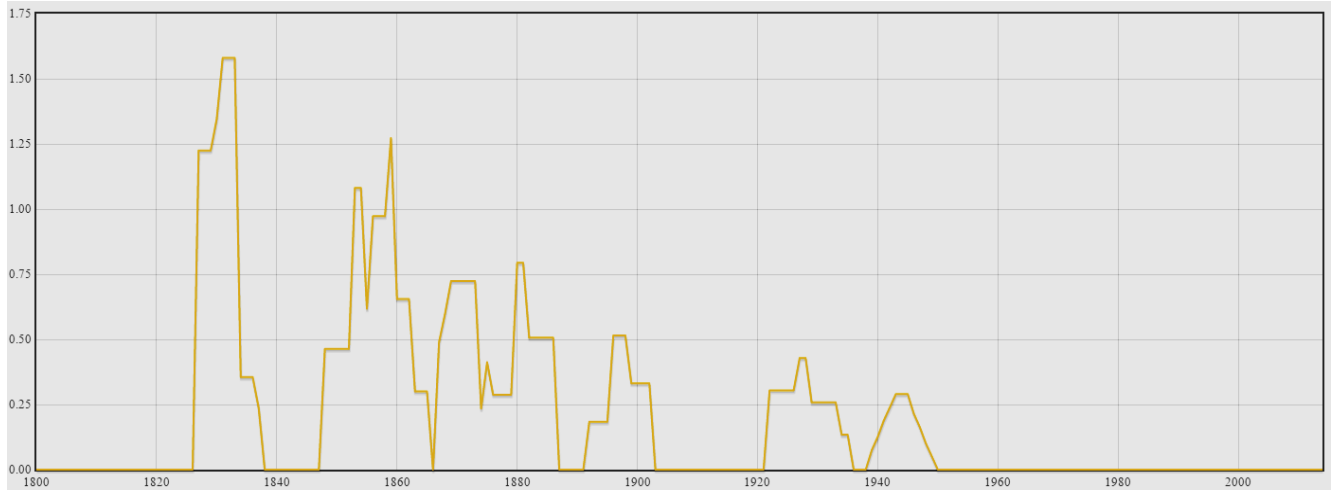

Рисунок 12 – График частотности вхождений слова *дуэлист*

Лексема *дуэлянт* распространится в языке много позже, уже в XX в. (рисунок 13): мы найдем ее у М.А. Булгакова, Б. Пастернака, В. Каверина, А. и Б. Стругацких, Ю.М. Нагибина и т.д.

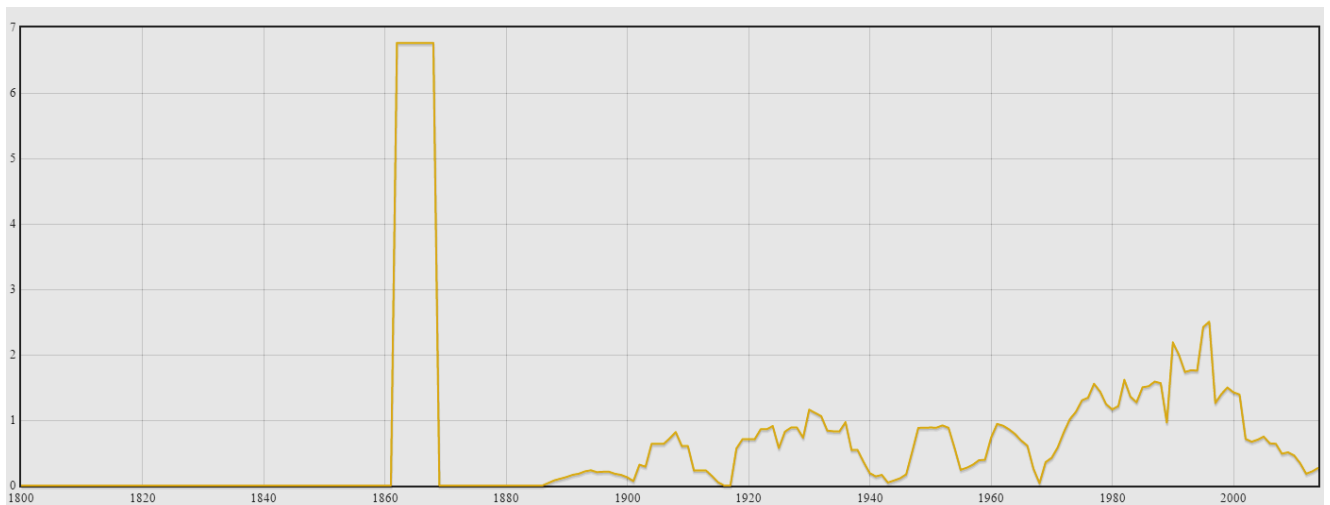

Рисунок 13 – График частотности вхождений слова *дуэлянт*

Наука и техника. Передовые достижения западной цивилизации в области науки и техники стали достоянием не только военной сферы. Не стоит забывать о включении Российской империи в парадигму мировой науки, что привело к росту заимствованных терминов – и пусть наиболее ограниченная в употреблении лексика остается, как уже отмечалось, за пределами литературного языка,

некоторые общенаучные термины вошли в узуальный фонд русского языка: *cristal* – кристалл, *figure* – фигура, *lancette* – ланцет, *manipulation* – манипуляция, *méthode* – метод(а), *procédure* – процедура, *parallèle* – параллель, *sphère* – сфера, *spirale* – спираль, *système* – система. Лексика этой сферы отличается высокой степенью ассимиляции и устойчивым функционированием в активном словарном запасе.

5. Архитектура и интерьер. Эпохи мирного развития знаменовались мощными всплесками градостроительства – разумеется, с учетом современных характеристик и требований к сооружениям, планировке и обустройству. В этой тематике представлены наименования зданий и сооружений: *bastion* – бастион, *citadelle* – цитадель, *construction* – конструкция, *ensemble* – ансамбль, *terrasse* – терраса; архитектурных элементов: *balcon* – балкон, *console* – консоль, *fronton* – фронтон, *mansarde* – мансарда, *nef* – неф, *pilon* – пилон; элементов внутренней планировки: *appartement* – апартамент, *bel-étage* – бельэтаж, *boudoir* – будуар, *cabinet* – кабинет, *corridor* – коридор, *couloir* – кулуар, *étage* – этаж, *foyer* – фойе, *salle* – зала; отделки и декора: *gobelin* – гобелен, *lampe* – лампа, *panneau* – панно, *parquet* – паркет, *portière* – портьера, *rosette* – розетка, *statuette* – статуэтка; мебели: *bureau* – бюро, *causette* – козетка, *commode* – комод, *couchette* – кушетка, *divan* – диван, *étagère* – этажерка, *garde-robe* – гардероб, *trumeau* – трюмо, *panneau* – панель, *tabouret* – табурет; элементов организации городского пространства: *allée* – аллея, *canal* – канал, *parc* – парк, *trottoir* – тротуар.

6. Общественно-политическая лексика. XVIII – XIX вв. – период, когда француско-русские контакты достигают своих максимальных значений, – это эра коренных преобразований не только российского, но и западноевропейского общества, это время Просвещения, Великой Французской Революции и последовавшей за ней многократной смены режимов: республика, консульство, империя, серия чередующихся реставраций монархии и революций... Традиция интереса к философским концепциям и общественно-политическим институтам Франции, заложенная еще Екатериной Великой, состоящей в переписке с Вольтером и проникшейся идеями «просвещенного

абсолютизма», не прекращает своего развития и столетием позже: *arbitre* – арбитр, *aristocratie* – аристократия, *bourgeois* – буржуа, *censure* – цензура, *clérical* – клерикал, *dictateur* – диктатор, *favorite* – фаворитка, *liberal* – либерал, *matérialisme* – материализм, *morale* – мораль, *parlement* – парламент, *raisonneur* – резонёр, *sénat* – сенат, *suite* – свита;

7. Литература и искусство. И, наконец, совершенно невозможно переоценить французское влияние на мировую, в том числе и русскую, культуру и искусство. В данной лексической группе мы находим лексику области изобразительных искусств (направления, инструменты, техники): *buste* – бюст, *caricature* – карикатура, *contour* – контур, *contraste* – контраст, *copie* – копия, *gouache* – гуашь, *gravure* – гравюра, *nature* – натура, *nature morte* – натюрморт, *ornement* – орнамент, *paysage* – пейзаж, *profil* – профиль, *relief* – рельеф, *silhouette* – силуэт, *touche* – тушь; наименования хореографических элементов: *ballet* – балет, *pas* – па, *pirouette* – пирюэт; музыкальные термины: *ballade* – баллада, *basse* – бас, *chançonette* – шансонетка, *dissonance* – диссонанс, *flageolet* – флажолет, *note* – нота, *ouverture* – увертюра. Разумеется, писатели не могли оставить без внимания собственную «профессиональную лексику»: *brochure* – брошюра, *exemplaire* – экземпляр *littérature* – литература, *personnage* – персонаж, *poésie* – поэзия, *prose* – проза, *rédacteur* – редактор, *roman* – роман, *sonnet* – сонет. И, конечно, любимейшим из искусств, самым зрелищным, самым волнующими. всегда более или менее бунтарским, остается театр. Наименования театральных реалий представляют один из самых значительных романских пластов в русской лексики, перечислим лишь некоторые из них: *acteur* – актер, *affiche* – афиша, *applaudissement* – аплодисменты, *artiste* – артист, *atelier* – ателье, *bénéfice* – бенефис, *canvas* – канва, *canon* – канон, *détail* – деталь, *emploi* – ампула, *entracte* – антракт, *entrechat* – антраша, *entreprise* – антреприза, *farce* – фарс, *féerie* – феерия, *final* – финал, *loge* – ложа, *marionette* – марионетка, *première* – премьера, *rôle* – роль, *scène* – сцена, *spectacle* – спектакль, *style* – стиль.

Французское театральное искусство нельзя назвать прямым наследием античности, скорее оно является продуктом Ренессанса и неким синтезом средневековых представлений, итальянской комедии дель'арте и греко-римской традиции.

Средневековый театр – искусство уличное, мы немного знаем о его законах, тексты пьес практически не издавались. Очевидно, тем не менее, что спектакли различались в зависимости от тона (комического либо торжественного) и характера (религиозного либо светского). Комедийный жанр, не будучи скованным никакими рамками, развивался бурно и получил свое воплощение собственно в комедиях *'comédie'*, монологах *'monologue'*, играх *'jeu'*, фарсах *'farce'*, моралие *'moralité'*, соми *'sottie'*, веселых проповедях *'sermon joyeux'*. Религиозные спектакли, возникшие примерно в XI в., известны в нескольких формах, напр., литургические драмы *'drameliturgique'*, миракли *'miracle'*, мистерии *'mystère'* и даже маскарада (напр., Fête des Foux). Последний, весьма подробно описанный В. Гюго в романе «Собор Парижской богородицы», представлял собой широко распространенную в Европе традицию карнавального и театрализованного представления, организованного церковью, где актерами выступали сами священники: «молодой священник, называемый епископом шутов, Episcopus stultorum, занимал место понтифика, облаченный в его одежды, за исключением митры, которую заменяло нечто вроде валика. По окончании службы он принимал те же почести, что и подлинный прелат, и дьякон благословлял паству, моля об отпущении грехов, хвори в печени, зубной боли и лишае в бороды собравшимся [Mémoires de l' Académie des Inscriptions et des Belles-lettres, t. VII, p. 254]; перевод наш. – А.А.]. Как видно из вышеприведенного, разница между двумя направлениями была довольно-таки эфемерна, поэтому эдикт Парижского парламента (1588-1594), налагающий запрет на комические представления, расценивается историками как положивший конец средневековому театру вообще.

Однако именно тогда, начиная с 70-х гг. XVI в., расцветает *comédie à l'impromptu* (французская интерпретация итальянской комедии dell'arte). Одно из

наиболее ярких отличий французского толкования заальпийских театральных традиций заключается в отсутствии масок, французские актеры (т.н. *barbouillés* ‘размалеванные’) просто использовали муку в качестве белил для лица. Комедия дель’арте оказывает огромное влияние на развитие французской классической комедии, ярким представителем которой был Ж.-Б. Мольер. К слову, русская публика, познакомившаяся с итальянской комедией лишь в XVIII в., зачастую видит ее сквозь призму французской культуры и французского языка: так, некоторые из персонажей-масок до сих пор носят в русском языке французские имена: Полишинель, Пьеро, Скарамуш.

Эстетика классицизма приходит во Францию после Реформации. Ее основатели – Пьер и Тома Корнель, Жан де Ротру, Тристан Л’Эрмит, Поль Скаррон, Жан Расин, Мольер и Филипп Кино – создают новый театр. В XVIII в. театральное искусство окончательно приобретает светский и социальный характер – это, по всей видимости, и объясняет ту скорость, с которой театр завоевал русское общество.

Первый придворный театр «по европейскому образцу» был основан в Москве при Алексее Михайловиче, его идейным вдохновителем стал боярин А.С. Матвеев. С этого времени мода на театральные постановки распространяется по Москве; репертуар в основном представлен французскими и итальянскими пьесами (в т.ч. классическими драмами Руссо и Дидро). Немало способствовал развитию театра Петр I, но по-настоящему популярным и любимым сделала его императрица Елизавета Петровна, издавшая 30 августа 1756 г. указ о создании в Санкт-Петербурге Российского театра под управлением Сумарокова, где наряду с «иноземными труппами» выступают русские актеры.

На примере театральной тематики можно проследить некоторые тенденции, в большей или меньшей степени характерные для всего пласта романских лексических заимствований в русском языке.

Во-первых, речь идет о расширении области функционирования ранее заимствованных лексических единиц. Как уже отмечалось, галлицизмы, пришедшие в русский язык XVIII в. в качестве номинации специальных терминов

и имевшие весьма ограниченную сферу применения, в первой трети XIX в. пополняют общезыковой фонд, переходя в литературный язык. Проиллюстрируем некоторыми примерами, в частности на рисунке 14 изображена динамика частотности вхождения слова *сцена*.

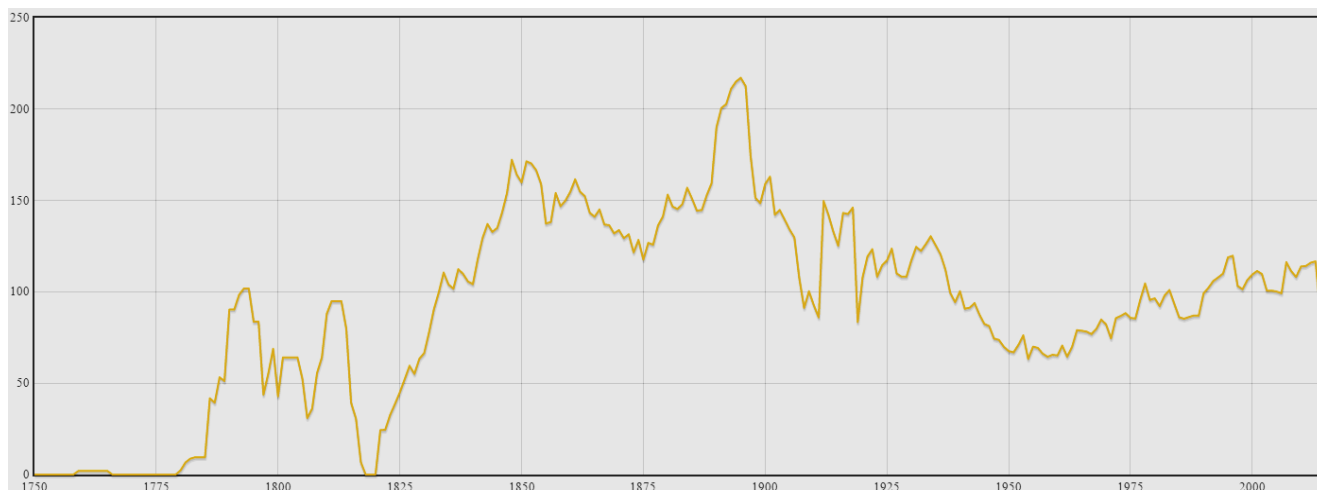

Рисунок 14 – График частотности вхождений слова *сцена*

Как легко можно увидеть, слово функционирует в литературе с середины XVIII в. (первая фиксация – перевод книги Л. Хольберга «Подземное путешествие представляющее Историю разнородныхъ съ удивительными и неслыханными свойствами животныхъ», осуществленный С. Савицким, 1782 г.). Далее следует резкий всплеск, единица представлена в творчестве Д.И. Фонвизина, Н.М. Карамзина, И.А. Крылова и т.д., причем в значениях, отличных от узкоспециального ‘помост, подмостки’: *Madamo, я теперь был свидетелем пресмешныя **сцены***. [Д.И. Фонвизин. Бригадир (1783-1786)]; *Но Юлия не могла уже вынести сей последней **сцены**, громко закричала и едва было без чувств не упала в могилу...* [Н.М. Карамзин. Евгений и Юлия (1789)] и т.п. Начиная с 20-х гг. XIX столетия график растет непрерывно, причем абсолютный максимум достигается в 1895 г.: около 220 вхождений на миллион словоформ.

Чуть менее впечатляющую, но столь же красноречивую картину демонстрирует график вхождений слова *актер*, представленный на рисунке 15.

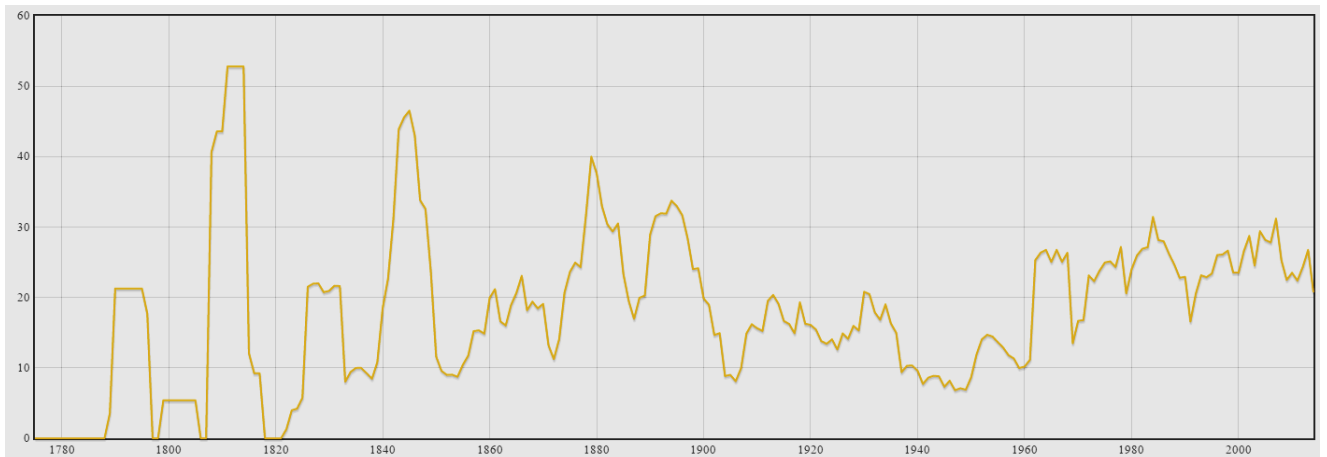

Рисунок 15 – График частотности вхождений слова *актер*

Первая фиксация единицы в литературе – у А.П. Сумарокова: *Каков автор, таковы и актеры!* («Чудовищи», 1750 г.). Частотность постепенно растет практически непрерывно и достигает максимума в 1811 г. (194 вхождения), далее график резко обрывается, но и минимальные значения не опускаются ниже 9 вхождений. Женский род – актриса – несколько более позднее заимствование, в связи с тем, что первоначально все женские роли исполнялись мужчинами. Однако уже при Екатерине II женщина на сцене не редкость, что и демонстрирует рисунок 16:

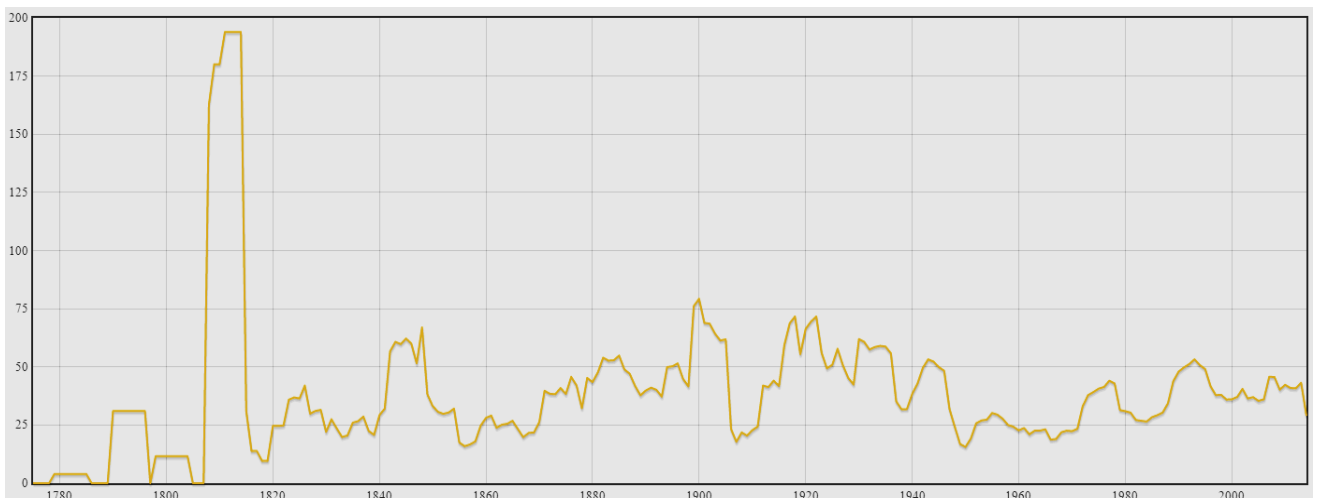

Рисунок 16 – График частотности вхождений слова *актриса*

Во-вторых, заимствуются новые единицы, которые, минуя собственно профессиональную нишу, практически сразу переходят в разряд общелитературной лексики, как это явствует, например, из рисунка 17.

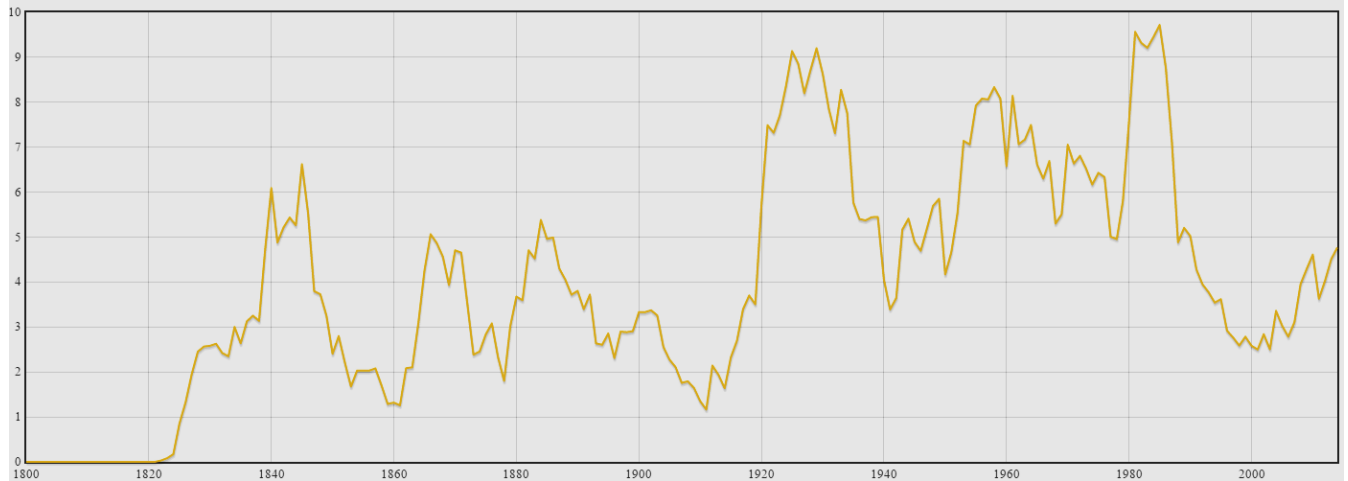

Рисунок 17 – График частотности вхождений слова *афиша*

Такой вид рекламной продукции как афиша распространяется в Европе в XVIII в. (Н.М. Карамзин фиксирует его в «Записках русского путешественника»: *«Вот другой случай; к нам вошла женщина с афишами и втерла мне в руки листочек, для того чтобы взять с меня 6 пенсов»*). Из русских лексикографов первым слово зафиксировал Н.М. Яновский (1803 г.), однако в художественной литературе как номинация подлинно российской реалии оно распространится после 1820 г.

Апогей заимствования театральной лексики приходится на период царствования Александра I и начало правления Николая I, затем на убыль, хотя приток ее довольно стабилен на протяжении всего XIX столетия: в 20-е гг. приходят слова *антраша*, *бенефис*, *преьера*, в 40-е – *амплуа*, *антреприза*, *репертуар*, в 80-е – *инженю* и т.п. Многие из них входят в русский язык как иноязычные вкрапления, чье употребление довольно устойчиво, однако в силу частотности графический облик их быстро стабилизируется в привычном нам виде.

2.1.3 Французские вкрапления в произведениях русской классической литературы XIX века

Как отмечалось выше, иноязычная лексика любого национального языка представляет собой весьма неоднородную систему: она включает в себя не только лексические единицы, находящиеся на той или иной стадии ассимиляции, но и стоящую особняком группу «сегментов, не укладывающихся в модель соответствующего языка, порождающую текст по определенным правилам» [Леонтьев 1966, с. 60]. Такие чужеродные сегменты А.А. Леонтьев предложил называть **иноязычными вкраплениями**, ему же принадлежит их классификация, включающая, в зависимости от разных сочетаний девиаций на четырех языковых уровнях (помимо традиционных фонемного, морфемного и лексемного, А.А. Леонтьев выделяет также уровень звукотипов), 16 видов. Исходя из его классификации, к иноязычным вкраплениям, помимо собственно иноязычных вставок в речь, следует отнести и исконные слова, получившие нехарактерное для русского языка фонетическое (к примеру, имитирующее иностранный акцент) либо морфемное оформление (обоже, подписант).

Л.П. Крысин значительно уточняет данное понятие, во-первых, выделяя две причины их функционирования в речи (знакомство с иностранным языком и жанрово-стилистические особенности речи), а, во-вторых, относя вкрапления в отдельную группу иноязычий, наделенных специфическими структурными и функциональными характеристиками. Сами же вкрапления, с его точки зрения, могут быть, интернациональными, т.е. не маркированными с позиций функционального стиля речи и принадлежащими «межъязыковому словесно-фразеологическому фонду», и окказиональными, т.е. ограниченными в своем функционировании индивидуально-авторскими и художественно-стилистическими характеристиками текста.

Наиболее детально вопрос иноязычных вкраплений проработан Ю.Т. Листровой-Правдой, которой предложен несколько принципов их классификации, основанных на их формальных типах, стилистических функциях в

тексте, связи вкрапления с национально-культурным контекстом, спецификой речевой ситуации (вариабельной либо стандартной) и т.д. С формальной точки зрения, наиболее интересна для нас типология, основанная на соотношении взаимодействующих языковых систем, позволяющая выявить четыре дистантные группы: **полные вкрапления** (как правило, текст или высказывание на иностранном языке, выступающий в качестве отдельного элемента), **частичные вкрапления** (синтаксически связанное слово или словосочетание, иногда предложение на иностранном языке), **контаминированные вкрапления** (исконное слово, употребленное в соответствии с законами другого языка) и нулевые вкрапления (обычный переводной текст).

В целом, среди критериев, сочетание которых определяет для билингва возможность общения как на одном, так и на другом языке, вплоть до смешения кодов, что вызывает к жизни включение иноязычных вкраплений в родную речь, Ю.Т. Листрова-Правда называет также четыре основных фактора: место контакта; национальная и социальная характеристика контактирующих; коммуникационная интенция; психофизическое состояние контактирующих [Листрова-Правда 1979]. Понятно, что необходимым и достаточным условием для реализации любого из этих факторов является наличие билингвизма, т.е. владение иностранным языком в степени равной или приближающейся к уровню его носителя. Так, в истории русского языка легко фиксируются периоды франкофонии (конец XVIII – XIX вв.), и англomanии (XIX в.), где отмечается максимальная активизация иноязычных вкраплений, которые фигурировали чаще всего в текстах естественных билингвов и, несмотря на разнообразие этимологии и в высшей степени окказиональный характер, не снабжались переводом.

При анализе иноязычных вкраплений в языке художественных произведений следует учитывать, помимо формальной отнесенности, их функциональный статус, причем инвентарь их функций весьма широк, зачастую он не ограничивается традиционными стилистическими или индивидуально-авторскими критериями отбора лексических средств, даже будучи призванным быть замеченным в качестве «знака инонациональной культуры» [Чернец 2004, с. 6].

Попытаемся представить функциональные особенности иноязычных вкраплений, характерных для языка художественной литературы XIX в.

1. Ни более важной функцией вкраплений, как и любого неологизма, вне зависимости от его происхождения, является номинация новых понятий, невозможность подбора полноценного исконного эквивалента иноязычному слову или выражению, вызванная лакунарностью понятий и / или фоновых знаний, обеспечивает окказиональную активизацию в языке чужого элемента, который со временем может войти в язык-рецептор как полноправная лексическая единица:

«Я спросила своего protégé, не хочет ли он при них остаться, что ему покойнее будет лежать на лафете, нежели сидеть на лошади» [Зап., с. 55].

Глагол *protéger* функционирует во французском языке со следующими значениями: 1. Prendre la défense de quelqu'un, de quelque chose ; prêter secours et appui. *Protéger hautement les vertus malheureuses, C'est le moindre devoir des âmes généreuses.* [Corneille, Sertorius]; 2. Prendre soin des intérêts, de la fortune d'une personne. *Borné à la société peu nombreuse de ses amis et, par conséquent, de ses égaux, il n'essuya ni la hauteur des hommes puissants ni le triste honneur d'en être protégé.* [D'Alembert, Éloges, la Chaussée.]; 3. Veiller au maintien, au progrès d'une chose. *On dit défendre une cause, soutenir une entreprise, protéger les sciences et les arts.* [D'Alembert, Synon. Oeuv. t. III, p. 300]; 4. Mettre à l'abri d'une incommodité, d'un danger. *Ces arbres nous protégeront de leur ombre* [Littré].

При субстантивации страдательное причастие *protégé* сохранило в современном французском лишь одну семему: 'celui don't les interets et la fortune sont défendus' – и в этом значении пришло в русский язык: 'франц. Находящийся под покровительством' [Михельсон 1865], '(фр.). Находящийся под покровительством, покровительствуемый; любимец; благодетельствованный кем-либо' [Чудинов 1910]. С момента заимствования и до наших дней единица не меняла семантического объема, продолжая фигурировать в значении 'лица, пользующегося чьим-нибудь покровительством или рекомендацией при

устройстве своих дел, служебной карьеры' [Ушаков, т. 3], чаще всего – с иронической или пейоративной коннотацией.

Разумеется, Н.А. Дурова, пересказывая свои юношеские воспоминания, не может и помыслить о какой бы то ни было иронии в адрес раненого на поле боя улана, речь идет не о рекомендациях, а о помощи, защите раненого товарища – отсюда и частичное вкрапление, бессознательно отнесенное автором к мужскому роду (*своего protégé*), производное от основного значения прототипа 'брать под защиту, оказывать поддержку'.

Дочь князя, которую я знала еще, когда она носила волосы, завитые à la tire bouchon» [Н.А. Дурова. Год жизни в Петербурге, или невыгоды третьего посещения, с. 106].

Французское имя существительное *tire-bouchon* 'штопор' имеет два значения: 1. *Sorte de vis de fer ou d'acier qui tient à un manche ou à un anneau et qui est employée pour tirer les bouchons des bouteilles. Des saints le surprirent [Cromwell] un jour occupé à boire: Ils croient, dit-il à ses joyeux amis, que nous cherchons le Seigneur, et nous cherchons un tire-bouchon; le tire-bouchon était tombé. [Chateaubriand, Les quatre Stuarts];* 2. *Cheveux frisés en tire-bouchon, cheveux en tire-bouchon, ou, simplement, des tire-bouchons, des cheveux frisés en spirale, et affectant la forme d'un tire-bouchon. L'humidité a défait vos tire-bouchons. [Littré]* – т.е. в данном случае Н.А. Дурова подразумевает не просто вьющиеся пряди – локоны, а пряди, вьющиеся тугими спиралями, напоминающими форму штопора.

«... жалких parvenus, которые не знают уже как манериться, чтобы дать себя заметить» [Н.А. Дурова. Год жизни в Петербурге, или невыгоды третьего посещения, с. 134].

В языке-источнике страдательное причастие *parvenu* при субстантивации сохраняет значение 'Il se dit d'une personne obscure qui a fait une grande fortune. *Le peuple élève au ciel ta valeur, ta vertu; Mais tu n'es pour ces grands qu'un soldat parvenu* [Ducis, Othello ou le more de Venise]. Substantivement. *Cette envie secrète et basse que trop souvent la noblesse orgueilleuse et pauvre porte au bonheur d'un parvenu* [Genlis, Théâtre d'éduc. le Vrai sage, II, 5]. [Littré], производное от

переносного значения глагола *parvenir* ‘S'élever en dignité, faire fortune. *Ces artifices que les ambitieux appellent le secret de parvenir.* [Fléchier, Oraisons funèbres]’. Существительное заимствовано русским языком в том же значении и с той же негативной коннотацией: ‘высочка (из низкого звания)’ [Михельсон 1865] (Ср. «*Вот ведь и наместник был, а и заурядными людьми не брезговал, как теперь... какой-нибудь в люди выскочивши... Parvenu, знаешь, этакой, высочка из подлости*» (П.И. Мельников. Бабушкины рассказы [цит. по Михельсон 1865])).

Н.А. Дурова, по нашему мнению, вполне сознательно оперирует вкраплением, имеющим более конкретное и точное содержание, нежели исконное слово, ведь *parvenu* – это не просто высочка, это ‘добившаяся успеха, сколотившая состояние сомнительная личность’, зачастую бесцеремонная, не знающая правил и норм своей новой среды, навязывающая собственный устав и бесконечно довольная собой.

Здесь важно то, что билингвальное сознание фиксирует мельчайшие нюансы семантики слова языка-источника, не свойственные языку-рецептору и пытается заполнить понятийную лауну, вводя в текст иносистемный элемент с целью более тонкой и точной номинации явления.

В этой функции вкрапления часты у А.С. Пушкина, который, впрочем, помимо сухой номинации, не без иронии вплетает их в аргументацию своего извечного спора с ревнителями чистоты русского языка. В качестве классического примера подобной игры неоднократно цитируют последнюю главу «Евгения Онегина», где уже упомянутое устойчивое французское выражение *comme il faut* характеризует Татьяну в качестве «законодательницы зал»:

«Все тихо, просто было в ней,

Она казалась верный снимок

***Du comme il faut...**»*

Перевод на русский язык данного выражения: «хорошего тона, хорошего вкуса» слишком приблизителен, буквальный же перевод «как надо» не отражает дополнительных смысловых нюансов – и Пушкин шутливо признается в своем

бессилии, обращаясь к А.С. Шишкову, основателю охранительного цензурного устава 1826 г.:

*(«Шишков, прости:
Не знаю, как перевести»).*

Роман «Евгений Онегин», как, впрочем, и другие произведения А.С. Пушкина, предлагает нашему вниманию весьма богатую палитру подобных вкраплений:

*«Сперва **Madame** за ним ходила,
Потом **Monsieur** ее сменил»* [А.С. Пушкин. Евгений Онегин].

«Новый словотолкователь» Н.М. Яновского (1804 г.) определяет значение лексемы мадам (Madame) как ‘титло во Франции, которое прежде всего собственно принадлежало королевам, дочерям королевским, супругам принцов и знаменитейшаго дворянства; ныне же все женщины без разбору оным пользуются’ [Яновский, т. 2, с. 642]. Словарь М.И. Михельсона («Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней», 1865 г.) фиксирует новые значения: МАДАМ франц. madame. а) Госпожа. б) Гувернантка. с) Хозяйка модного магазина [Михельсон 1865]. Активизация нового значения ‘в буржуазно-дворянском быту дореволюционной России – воспитательница, гувернантка (обычно иностранка)’ [Епишкин 2010] и фиксируется А.С. Пушкиным.

Та же логика прослеживается в употреблении вкрапления Monsieur. Лексема месье/мосье Н.М. Яновским не фиксируется, словарь А.Д. Михельсона фиксирует одно значение: МОСЬЕ франц., Monsieur, от mon, мой, и sieur, господин, сокращенного seigneur. Прежде титул старшего брата французского короля, теперь титул всякого порядочного человека [Михельсон 1865], тогда как Пушкин явственно подразумевает не титул и не обращение, а иное значение ‘воспитатель при ребенке в дворянской семье, обычно иностранец-француз’ [Епишкин 2010], в отличие от «Monsieur l'Abbé, француз убогой...», где вкрапление употреблено скорее именно как обращение, «титул»

«...Онегин полетел к театру,

*Где каждый, вольностью дыша,
Готов охлопать **entrechat**...»* (Евг.Он., XVII)

Балетный термин «entrechat» вошел в обиходную речь российского общества на рубеже XVIII – XIX вв., во всяком случае «Новый словотолкователь» Н.М. Яновского его уже фиксирует: Антреша. Слово испорченное из италийского, которое значит: скок, скочек, прыжок, крыжескок и употребляется в балетах [Яновский, т. 1, с. 170].

Надо отметить, что во французский язык слово *entrechat* действительно пришло из итальянского, более того, использованный Яновским эпитет «испорченное» отчасти верен: по данным французских этимологических словарей ‘*Entrechat. Étymol. et Hist. 1609 entre-chat <...>. Empr. à l’ital. (salto-) intrecciato*’ [Ds. Ac. 1718-1932, цит. по: CNTRL], т.е. является результатом телескопии и французского *entrelacé* ‘переплетающийся’ и искаженного итальянского *intrecciato*).

С середины XIX в. лексема функционирует исключительно в своем современном фонетико-графическом облике: АНТРАША. франц. *entrechat*. Легкий прыжок, при котором танцующий быстро несколько раз скрещивает ноги, прежде чем ступит на землю [Михельсон 1865]; АНТРАША. прыжок вверх во время танцев и выделывание ногами в это время разных ловких штук [Павленков 1907]; АНТРАША – прыжок вверх в танцах [Попов 1907]; АНТРАША (фр. *entrechat*, от ит. *intrecciato* – перевитый, спутанный). В хореографическом искусстве прыжок вверх с перебоем ног [Чудинов 1910].

*«Заметила ли ты, что все девушки, состоящие на правах воспитанниц, дальних родственниц, **demoiselles de compagnie** и тому подобное, обыкновенно бывают или низкие служанки, или несносные причудницы?»* [А.С. Пушкин. Роман в письмах, с. 358]

В современных изданиях предлагается перевод «компаньонка». На наш взгляд, перевод не совсем верен: компаньонкой называли женщину (обычно старшего возраста), призванную сопровождать незамужнюю девицу либо хозяйку

дома, совмещая зачастую функции наставницы в изящных манерах и блюстителницы нравственности:

*«Тогда не водились еще у нас просветительницы-гувернантки, модные торговки, выписные **компаньонки** и прочия искусные и искусившиеся образовательницы юности!»* 1833. Аладьин Кум Иван» [Цит. по: Епишкин 2010].

Н.М. Яновским «компаньонка» не фиксируется, только лексема «компаньон» в значении ‘товарищ, собеседник, кто живет, служит или учится с кем-либо вместе или в компании’; в словаре 1865 г. слово уже фигурирует: КОМПАНИОНКА, от слова компаньон. Женщина, проживающая для беседы или выездов с хозяйкой дома [Михельсон 1865].

Таким образом, *demoiselledecompanie*, как правило, являвшаяся молодой незамужней девушкой, в свою очередь сама могла иметь благородное происхождение (хотя и ниже, чем особа, чью компанию она составляла) и ни в коей мере не числилась среди домашних слуг, пусть даже, в противоречие своему происхождению и статусу, могла иметь менталитет «низкой служанки», обусловленный положением низшего существа, что и возмущает героиню «Романа в письмах».

*«Мужчины отменно недовольны моею **fatuité indolente**, которая здесь еще новость. Они бесятся тем более, что я чрезвычайно учтив и благопристоен, и они никак не понимают, в чем именно состоит мое нахальство – хотя и чувствуют, что я нахал»* [А.С. Пушкин. Роман в письмах, с. 366].

Обозначенная вкраплением *fatuité indolente* (досл. небрежное нахальство) модель поведения в обществе, в свете, едва вошедшая в моду в столице и не успевшая еще добраться до провинции, разумеется не имеет русского названия, потому остается без перевода.

Впервые лексема *фатовство* будет зафиксирована в русской лексикографии в издании «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов» М.И. Михельсона (1896-1912) в значении

‘глупость, хлыщеватость’, тогда как кавалеры пушкинской эпохи, как и сам поэт, вкладывали в нее несколько иное значение, происходящее от оригинального ‘*propos ou actes impertinents. Il a dit une grande fatuité*’ [Littré].

«*В этом отношении ты отстал от своего века и сбиваешься на ci-devant гвардии хрипуна 1807 г.*» [А.С. Пушкин. Роман в письмах, с.366].

Поданным словаря Е. Littré, ci-devant имеет значение: ‘*Précédent, d'autrefois. Le ci-devant gouverneur. Le roi d'Espagne, c'est-à-dire le ci-devant, voulut l'autre jour visiter la bibliothèque vaticane, P L. COUR. Lett. II, 80.*

"Voilà de singulières erreurs; mais nous autres ci-devant gens de qualité, nous avons coutume de dire que nous n'entendions rien aux affaires" [Mirabeau, Collection complète des travaux de M. Mirabeau l'aîné; цит. по: Littré].

Dans le langage de la Révolution, un ci-devant, un gentilhomme, c'est-à-dire un ci-devant gentilhomme, la république ayant supprimé les distinctions nobiliaires. Au pl. Les ci-devant’ [Littré], что говорит о некорректности употребления сноски «бывший» применительно к употребленному вкраплению. Ci-devant – это, скорее, «прежний, из давних времен, в настоящее время не существующий». Кроме того, лексема имеет семантический нюанс, связанный с функционированием слова в эпоху Революции 1789 г., когда так обозначали бывших аристократов, который сообщает ей дополнительную коннотацию «дореволюционный, старорежимный» и отчетливо виден в другой цитате, использующей то же вкрапление (приводим ее полностью, чтобы оценить максимально широкий контекст):

«*В то время строгость правил и политическая экономия были в моде. Мы являлись на балы, не снимая шпаг, – нам было неприлично танцевать и некогда заниматься дамами. Честь имею донести тебе, теперь это все переменялось. Французский кадрили заменил Адама Смита, всякий волочитя и веселится как умеет. Я следую духу времени; но ты неподвижен, ты ci-devant, un homme stéréotypé*» [А.С. Пушкин. Роман в письмах, с. 367].

Владимир, таким образом, называет своего корреспондента не «бывшим человеком» (а именно этот вариант предлагается нам в примечаниях к изданию), а

скорее осколком былой эпохи, человеком, не способным принять перемены и перемениться самому.

*«Сильвио встал и вынул из картона красную шапку с золотой кистью, с галуном (то, что французы называют **bonnet de police**) он ее надел; она была прострелена на вершок ото лба»* [А.С. Пушкин. Выстрел, с. 375].

В данном примере вкрапление выступает в качестве средства исчерпывающей характеристики формы головного убора Сильвио: по данным французских словарей, bonnet – любой мужской головной убор без полей ‘coiffure d'homme sans rebords’, а bonnet de police – именно фуражка полицейского ‘bonnet de police, coiffure des militaires quand ils sont en petite tenue’ [Littré]. В дальнейшем автор использует русское слово фуражка, поскольку вкрапление уже выполнило свою репрезентирующую функцию и необходимость в его употреблении отпала:

*«Он приблизился, держа **фуражку**, наполненную черешнями. Секунданты отмерили нам двенадцать шагов»* [А.С. Пушкин. Выстрел, с. 376].

*«Он прицелился и прострелил мне **фуражку**»* [там же].

*«При сих словах Сильвио встал, бросил об пол свою **фуражку** и стал ходить взад и вперед по комнате, как тигр по своей клетке. Я слушал его неподвижно; странные, противоположные чувства волновали меня»* [там же, с. 377].

Иногда вкрапление используется наряду с его русскими эквивалентами как средство более полной и четкой дефиниции абстрактного понятия:

*«Конечно, всякому вольно смеяться над некоторыми их странностями, но шутки поверхностного наблюдателя не могут уничтожить их существенных достоинств, из коих главное: особенность характера, самобытность (**individualité**), без чего, по мнению Жан-Поля, не существует и человеческого величия»* [А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка, с. 404]

А.С. Пушкин пытается подобрать максимально точный русский перевод французского individualité ‘ce qui constitue l’individu, la personnalité’ [Littré] и оставляет вкрапление как маркер, эталон того качества, русское определение которому он столь тщательно искал.

В этом и заключается суть номинативной функции иноязычного вкрапления, которое фигурирует в речи билингва, чтобы более полно и выпукло отразить, в условиях недостаточности средств языка, на котором ведется повествование, и донести до адреса все нюансы мысли автора, а также его отношения к излагаемому.

2. В предыдущих своих работах мы неоднократно анализировали предложенные Э.А. Китаниной функции демонстрации и языковой компетенции, предлагая рассматривать их как неделимый комплекс, интенциональные векторы которого представляют собой диалектическую противоположность: так, демонстрация направлена на «отсечение» посторонних, не умеющих прочесть тайный код, зашифрованный в иноязычии, а языковая компетенция, напротив, побуждает «посвященных» к своего рода герменевтической игре, заключающейся в поисках и верной интерпретации глубинных смыслов высказывания. Проиллюстрируем на примере вышеприведенного отрывка из романа «Год жизни в Петербурге», содержащего вкрапление *«bellesimplicité»*. Н.А. Дурова заключает его в кавычки – и делает это намеренно. Толковые словари французского языка приводят, в числе прочих, переносное значение слова *simplicité* ‘простота’: ‘caractère de quelqu'un, de son comportement, qui évite la recherche, l'affectation : *Un accueil d'une parfaite simplicité*’ [Larousse]; *qualité des personnes qui ne recherchent ni le faste ni l'appêt* [Littré], в котором слово активно выступает в литературе³:

Les Grecs dégénèrent de cette merveilleuse simplicité [Fénélon, Tél. XVII];

Il ramenait toutes choses à une noble et frugale simplicité [Fénélon, Tél. XI];

C'est dans cette simplicité champêtre que se trouve la vérité et l'effusion du coeur [Voltaire, Lett. Schouvalof, 19 déc. 1762];

Fontenelle et Lamotte ont écrit en prose avec beaucoup de clarté, d'élégance, de simplicité même, mais Lamotte avec une simplicité plus naturelle, et Fontenelle avec une simplicité plus étudiée. [D'Alembert, Éloges, Lamotte];

³Афоризмы цитируются по Dictionnaire de la langue française / E.Littré // 2e édition revue et augmentée. – T.4 – Paris : Hachette, 1873 – 1877.

Corneille a voulu intriguer ce qu'il fallait laisser dans sa simplicité majestueuse [Voltaire, Comm. Corn. Rem. Oedipe, IV, 1];

La simplicité est un des principaux caractères de la beauté ; elle est essentielle au sublime, [Diderot, Pensées sur la peint. Oeuv. t. XV, p. 230; цит. по: Littré].

Простота, по мнению французских философов и писателей, – качество, безусловно, высокое, недаром оно фигурирует чаще всего в сопровождении эпитетов *naturelle* ‘естественная’, *sublime* ‘высокая’, *majestueuse* ‘величественная’, *merveilleuse* ‘чудесная’, *noble* ‘благородная’ и, наконец, *belle* – прекрасная простота, устойчивое выражение, сложившееся уже к XVII в. и, по всей вероятности, обусловившее употребление перечисленных эпитетов.

Фактически Н.А. Дурова посредством выражения *bellesimplicité* вербально кодирует информацию о своей приверженности литературно-философской традиции Западной Европы, причем поднять данный пласт может лишь действительно образованный читатель: он далеко не явен, прячется за по-военному четкой и лаконичной манерой повествования которая последовательно создает и фиксирует в сознании читателя образ автора-военного: строгого, скрупулезного, внимательного к деталям и далекого от «эмпиреев» и «сантиментов».

Зачастую один и тот же автор в рамках одного и того же произведения использует разную по сложности кодировку:

«Я положила шляпу и старалась принять важный вид, что было почти невозможно, потому что приступ к объяснению моей доброй и что-то не на шутку расходившейся приятельницы казался мне удивительно как похож на увещание, которое Сганарель делает дон Жуану и на которое тот отвечает: O, le beau raisonnement!..» [Н.А. Дурова. Год жизни в Петербурге, или невыгоды третьего посещения, с. 124].

Отсылка к комедии Мольера *Dom Juan ou le Festin de pierre* («Дон Жуан, или Каменный гость») лежит на поверхности, цитата на языке оригинала сопровождается именем одного из героев пьесы, однако почему героиня повести «положила шляпу», почему так нужно ей «принять важный вид»? Не потому ли,

что добрая приятельница Надежды Андреевны искренне озабочена ее будущим – совсем как Сганарель судьбой дона Жуана – и неуместная ирония, просто улыбка, малейшая небрежность может обидеть одного из немногих людей в Петербурге, который по-настоящему тепло относится к героине: не из любопытства или корысти, но дорожит ей как человеком.

Иноязычные вкрапления, выполняющие данную функцию, встречаются на всем протяжении XIX в.: разнообразные эпитафии, проводящие аллюзии, а зачастую и прямо цитирующие литературные произведения западных авторов (напр., эпитафии к главам романа «Евгений Онегин» А.С. Пушкина:

«O Rus! Hor.»,

«Elle était fille, elle était amoureuse. Malfilâtre»,

«La morale est dans la nature des choses. Necker»,

«La sotto i giorni nubilosi e brevi, nasce una gente a cui l'morir non dole. Petr».

И снова нельзя оставить без внимания ту демонстративную вольность, которую Пушкин допускает по отношению к мировому культурному наследию: так, эпитафия ко второй главе романа «Евгений Онегин» полностью звучит:

«O Rus! Hor.

O Русь!»

– т.е. автором приводится заведомо ложный перевод, что и является частью литературной игры, оценить которую в состоянии лишь те избранные, по меткому выражению Ю.М. Лотмана, «причастные к некоторой закрытой для профанов корпорации» [Лотман 1981, с. 202].

Помимо эпитафий, Пушкин вводит вкрапления и в прямую речь персонажей, в их письма и внутренние монологи, например:

*«Говоря в пользу аристократии, я не корчу английского лорда; мое происхождение, хоть я им и не стыжусь, не дает мне на то никакого права. НоясогласенЛабрюером: **Affecter le mépris de la naissance est un ridicule dans le parvenu et une lâcheté dans le gentilhomme**» [А.С. Пушкин. Роман в письмах, с. 365].*

В примечаниях к «Избранным сочинениям» А.С. Пушкина в двух томах (М.: Худож. лит, 1978) указано:

Лабрюер (Лабрюйер) Жан (1645 – 1696) – французский писатель-моралист, автор книги «Характеры, или Нравы этого века» (1688). Приведенная фраза у Лабрюйера отсутствует и принадлежит самому Пушкину.

Этот факт подразумевает еще более тонкую игру, которую издавна практиковали европейские писатели и философы: приписывание кому-либо более авторитетному своих собственных мыслей, дабы придать им больший вес в глазах читателей. Таким образом, вкрапление играет здесь двойную роль: во-первых, язык «оригинала» придает самой цитате подлинность, отсылая к источнику, а во-вторых, на уровне макроконтекста вписывает творчество автора в европейские традиции, которые и породили подобные «игры» с читателем.

Корреспондент героя «Романа в письмах» легко разгадывает код, отвечая на него репликой, проникнутой своеобразным юмором:

«Твои нравственные размышления насчет управления имений радуют меня за тебя. Толидело

Un homme sans peur et sans reproche,

Qui n'est ni roi, ni duc, ni conte aussi» [А.С. Пушкин. Роман в письмах, с. 366].

В данном случае мы наблюдаем два независимых выражения, первое из которых (муж без страха и упрека) является девизом рода Баярдов, второе (хоть он и не король, не герцог и не граф) – слегка искаженной частью девиза Ангеррана де Куси (в оригинале последний звучит «Roi ne suis, ni prince, ni duc, ni comte aussi. Je suis le sire de Coucy»), обе фразы слиты в одну, и в наше время лишь историк или знаток геральдики распознает в них то, что было очевидно образованному человеку пушкинской эпохи – девизы рыцарей, воинов, смыслом жизни которых были битвы, никак не «управление именьями», почитаемое за низкую долю.

3. Достаточно частотна в русской художественной практике функция эвфемизации, которой наделяются иноязычные вкрапления: там, где русское

выражение выглядит слишком вульгарно, иноязычный эквивалент менее груб и более пригоден к belleslettres – литературным произведениям: *canaille* вместо «каналья, сброд», *cochonnerie* вместо «свинство», *Zut!* или *Ah, fichtrre!* вместо «черт!» и «черт возьми!»

Разумеется, иноязычные вкрапления, будучи невероятно мощным стилистическим средством, редко используются с какой-либо одной целью, напротив, они скорее многофункциональны: так, вышеупомянутые «*Zut*», или «*Ah fichtrre*» передают одновременно ироническое отношение самого автора к подобным героям, т.е. служат средством характеристики и оценивания речевого поведения персонажа [подр. см.: Спивак 2005], равно как и слово *cochonnerie* в устах юного улана Л. говорит скорее о его застенчивости перед лицом взрослой дамы, в которую он влюблен – застенчивости, которая, по всей видимости, не в первый раз служит объектом шуток со стороны упомянутой дамы: «*А, не смеете же сказать по-русски такого деликатного словца!..*» [Н.А. Дурова. Серный ключ, с. 151]

Иногда вкрапление выступает эвфемизмом не окказионально, но употребляется последовательно и с определенной частотностью, и автор лишь фиксирует этот эффект:

«*Лиза, его смуглая Лиза, набелена была по уши, насурьмлена пуце самой мисс Жаксон; фальшивые локоны, гораздо светлее собственных ее волос, взбиты были, как парик Людовика XIV; рукава à l'imbécile торчали, как фижмы у Madame de Potradour; талия была перетянута, как буква икс, и все бриллианты ее матери, еще не заложенные в ломбарде, сияли на ее пальцах, шее и ушах*» [А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка, с. 412].

Французское выражение *à l'imbécile* служит одновременно и наименованием фасона узких рукавов с пuffed плечах, характерного для женской моды 1820 начала 1830 гг. позапрошлого века (иначе их называли «жиго») и смягчает неблагозвучный, но точный русский эквивалент «пудрачки».

О частотности данного словоупотребления говорят, например, следующие цитаты:

«*Это белое платьице, щепетко надетое; эта затяжка, придающая непривычному к ней телу вид парижской модной куклы; эти варварские рукава а l'imbecile, окутывающие, как мешки, плечи и руки, верно круглые и полные; это каньзу, самая невыгодная для стройного стана выдумка причудливой моды – все это казалось мне докучным саваном, в который как будто бы завернуто было неодушевленное тело юной и прекрасной покойницы*» [О.М. Сомов. Роман в двух письмах];

«*Например, ныне рукава у мундиров делаются сверху широкие, а к кисти узкие, и дамы также носят подобные рукава, только преувеличили до такой степени, что поневоле стали называться à l'imbecile*» [Ф.В. Булгарин. Письма провинциалки из столицы].

4. Иноязычные вкрапления могут передавать особенности речи персонажа, дополняя и наделяя новыми нюансами языковой портрет: так, многочисленные *top atів* репликах г-жи С...вой [Н.А. Дурова. Год жизни в Петербурге, или невыгоды третьего посещения, с. 105-114], выступающие единственным показателем языковой моды эпохи, скрупулезно фиксируются Н.А. Дуровой, бессознательно отмечающей, насколько это нехарактерно для петербургского аристократического общества, где эталоном выступает французская речь, зачастую пересыпаемая русскими вставками: «*Pardon, messieurs, я заставила вас ждать, mais j'ai été si affairée ce matin; давно вы здесь? Il me semble que le temps n'est pas encore si... Еще не поздно! Six heures et demi!*» [Н.А. Дурова. Год жизни в Петербурге, или невыгоды третьего посещения, с. 120]. Французско-русская речь хозяйки дома, куда была приглашена героиня повести, звучит убого, выглядит набором клише, нетвердо заученных нерадивым учеником – и заставляет вспомнить о «смешенье французского с нижегородским».

Во второй половине XIX в., когда галломания дворянского общества идет на спад, русские вставки в иностранную речь фиксируют не просто особенности речи персонажей и степень их владения обоими языками либо коммуникативную

интенцию, они служат более глобальной цели: воссоздать колорит эпохи посредством воспроизведения языковой ситуации начала столетия. Так, «Война и мир» Толстого – «писателя русского до мозга костей» – открывается французскими фразами фрейлины Анны Павловны Шерер, обращенными к князю Василию Курагину:

«Et bien, mon prince. Gene et Lucques ne sont plus que des apanages, des поместья, de la famille Buonaparte».

Эти «*des поместья*» сразу вводят в атмосферу смешения языков, панорама которого будет представлена во всех ее вариациях: от «московского анекдота» Ипполита Курагина («*В Moscou есть одна барыня, unedame*») до изощренных композиций Билибина и Шиншина; от дежурных «*Oh, oui (О, да)*», «*chère princesse (милая княжна)*» Наташи Ростовской, контрастирующих с живостью ее русской речи, до естественных во внутренних монологах Пьера Безухова французских вкраплений: «Зачем я сказал ей: «*Je vous aime (я вас люблю)*»? – все повторял он сам себе».

Данное наблюдение сделано Е.В. Мариновой – и еще более корректно и уместно, по ее мнению, вкрапления выглядят в размышлениях Наполеона:

«Увидев на той стороне казаков (les Cosaques) и расстилавшиеся степи (les Steppes), в середине которых была Moscou la ville sainte, столица того, подобного Скифскому, государства, куда ходил Александр Македонский, – Наполеон приказал наступление».

Французские вставки в этом отрывке употреблены с одной целью – продублировав русские слова, указать на чуждость восприятия Наполеона, передать «поток его сознания» [Маринова 2012].

Помимо этого, как свидетельствует Д.Л. Спивак, И.С. Тургенев в романе «Отцы и дети» при помощи французских и латинских вкраплений, подчеркивая особенности языкового поведения представителей двух поколений, акцентирует внимание на их противостоянии:

«– Вам все желательно шутить, – ответил Павел Петрович. – Я не отрицаю странности нашего поединка, но я считаю долгом предупредить вас, что я намерен драться серьезно. *A bon entendeur, salut!*»

– О, я не сомневаюсь в том, что мы решились истреблять друг друга; но почему же не посмеяться и не соединить *utile dulci*. Так-то: вы мне по-французски, а я вам по-латыни» [Спивак 2005, с. 265].

Вкрапления могут использоваться, чтобы обозначить разницу между обычным и окказиональным в поведении героя, как, например, в уже неоднократно упомянутой повести «Барышня-крестьянка». Описывая поведение своей героини во время визита отца и сына Берестовых, Пушкин отмечает:

«Лиза жеманилась, говорила сквозь зубы, нараспев, и только по-французски. Отец поминутно засматривался на нее, не понимая ее цели, но находя все это весьма забавным» [А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка, с. 415].

Однако и в финале повести Лиза обращается к Алексею по-французски, все еще выдерживая такой не привычный ему образ девицы из высшего света, пытаясь таким образом охладить пыл Берестова-младшего

«Лиза старалась от него освободиться... «*Mais laissez-moi donc, monsieur; mais êtes-vous fou?*» – повторяла она, отворачиваясь» [А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка, с. 416].

Таким образом, функциональная и прагматическая нагрузка иноязычных элементов в художественном тексте напрямую зависит от коммуникативных намерений автора, которые предоставляют ей достаточно широкую палитру возможностей: от номинации новой реалии до языковой характеристики личности героя.

§2.2 XX век: идеологический пуризм советского периода

Начало XX века, отмеченное широчайшим спектром системных преобразований в области политики и экономики, по праву считается одним из

наиболее трудных этапов жизни иноязычий в истории русского литературного языка.

«Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты, или недостатки, или пробелы?.. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?» пишет Ленин [Ленин В.И., ст. «Об очистке русского языка», 1919 г. Первая публикация – газета «Правда», 1924 г.] – и эти слова мгновенно становятся руководством к действию.

Многие ученые отмечают, что уже к середине XX века поток заимствований в русском языке резко сокращается. Л.П. Крысин объясняет данный факт ассоциациями иноязычного слова «с чем-то идеологически или духовно чуждым, даже враждебным, как это было, например, в конце 40-х годов во время борьбы с низкопоклонством перед Западом» [Крысин 2008]. Понятно, что 40-е гг. XX в. – апогей процесса забвения, не замечать его становится невозможным, однако истоки данного явления следует искать в революционной идеологии противостояния всему миру, требованиях «чистить» русский язык от «захватчиков»-иноязычий. И ни к одному языку-источнику последняя цитата не может быть применена с такой точностью, как к французскому.

Литература советского периода весьма показательна лаконична в употреблении иноязычий. Наибольшее их количество зафиксировано в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», рисующего нам широкую панораму русской лексики 20-х гг. прошлого века, в позднейшие периоды число их намного менее значительно (так, в романе «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова снижается, по нашим наблюдениям, как общее количество галлицизмов, так и частотность их вхождений в текст). Лексика французского происхождения представлена лишь несколькими тематическими группами, наиболее значительными из которых являются:

1) **Мебель/интерьер:** *бюро – bureau, ваза – vase, гардероб – garde-robe, гарнитур – garniture, гобелен – gobelin, диван – divan, козетка – от фр. causeuse, лампа – lampe, люстра – lustre, обюссон – от назв. области Aubusson, панель – от*

фр. ранпеаи, портьера – portière, пуф – pouf, рояль – от фр. royal – королевский, табурет – tabouret, трюмо – trumeau, шифоньер – chiffonnier, этажерка – étagère.

подавляющее большинство единиц данной тематики – заимствования XVIII – XIX вв., однако функционал их в языке не ограничивается рамками указанной эпохи: не имеющие русских номинаций реалии, прочно вошедшие в быт российского общества, сохраняют и даже повышают частотность в советский период. Архаизации подвержен лишь небольшой процент единиц данной тематики (*гобелен, козетка, обюссон*), большинство вполне устойчивы в своем функционировании на протяжении всего XX столетия, что можно продемонстрировать на примере слова *рояль*, динамика частотности которого представлена на рисунке 18:

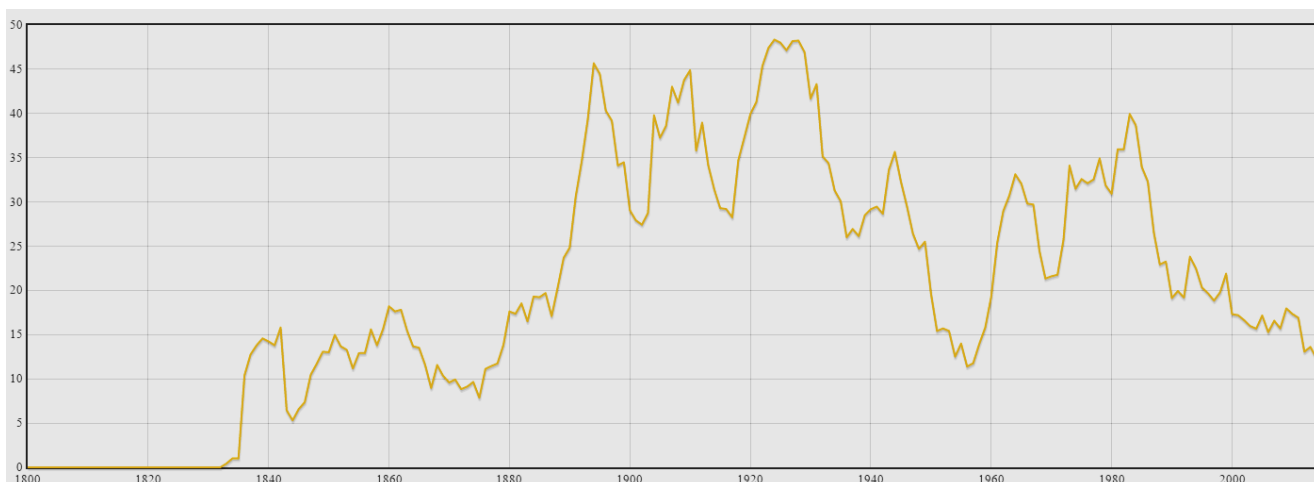

Рисунок 18 – График частотности вхождений слова *рояль*

Однако, например, уже роман «Мастер и Маргарита» демонстрирует тенденцию к субституции большей части «мебельной лексики» исконными эквивалентами либо иноязычными же единицами, чья этимологическая характеристика не столь очевидна: *шифоньер – платяной шкаф, бюро – письменный стол, трюмо – зеркало или зеркальный шкаф.*

2) **Мода:** *жакет – jaquette, жилет – gilet, кальсоны – caleçon, корсет – corset, костюм – costume, пальто – paletot, пенсне – pince-nez, шантеклер – от собств. им. Chantecler, главный персонаж пьесы Э. Ростана, эполеты – épaulette.*

Большая часть «модной» лексики пополняет пласт историзмов уже к 30-м гг. прошлого столетия, хотя у И. Ильфа и Е. Петрова она представлена еще довольно широко. Однако номинации таких реалий, как *корсет*, *пенсне*, *шантеклер*, *эполеты* доживают последние дни (впрочем, пенсне еще будут носить герои «Мастера и Маргариты»). Впрочем, у М.А. Булгакова появится *фрак* или *фрочный костюм*, а также названия тканей – *шифоны* и *миткаль*.

С другой стороны, в моду войдет женский пиджак – *жакет*. Обратим внимание на рисунок 19, где представлена кривая частотности данного слова, начиная с момента его первой фиксации в художественной литературе:

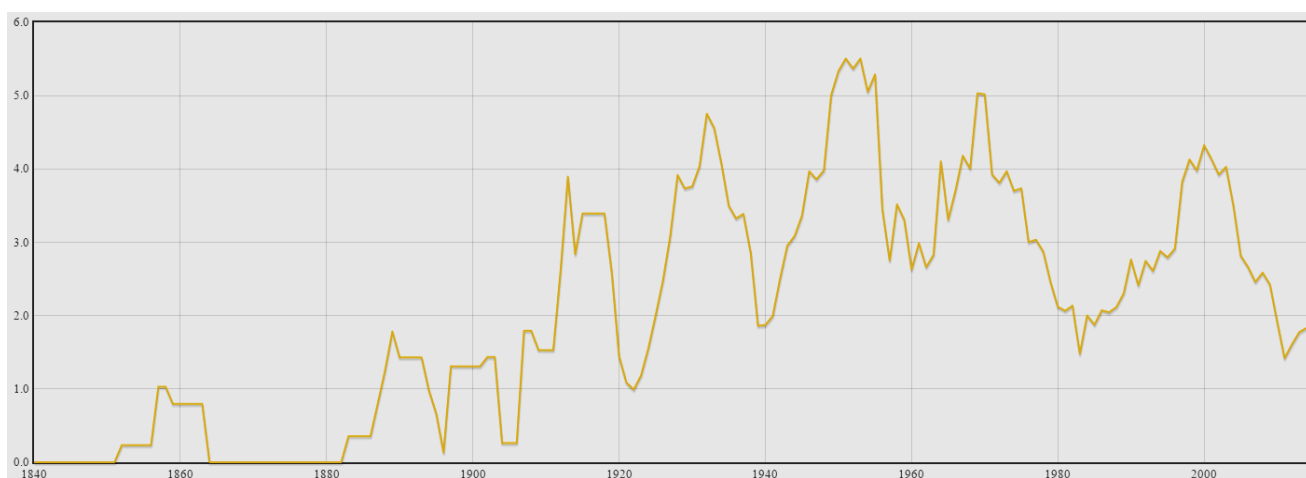

Рисунок 19 – График частотности вхождений слова *жакет*

Новое значение ‘комплект, состоящий из брюк и пиджака’ приобретет французское слово *костюм*, за счет чего график обретет в 30-х гг. XX в. новые максимумы (рисунок 20):

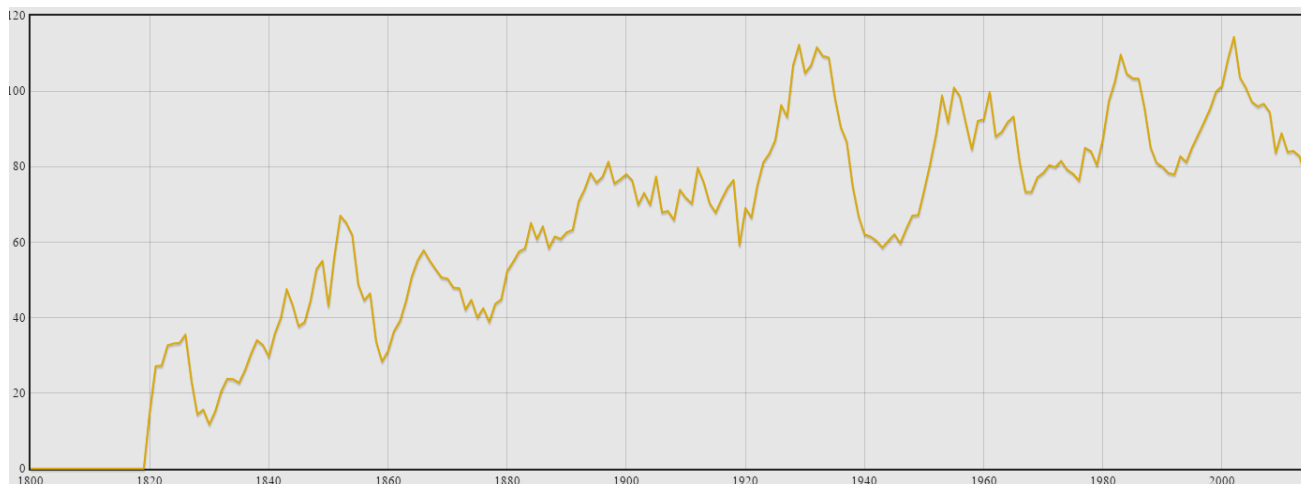

Рисунок 20 – График частотности вхождений слова *костюм*

Вполне устойчиво в языке будут фигурировать *жилет, пальто, кальсоны, панталоны* (последнее также изменит семантику).

3) **Косметика и парфюмерия:** *вежеталь* – от фр. *végétal* ‘растительный’, *крем* – *crème*, *ондулясион* – от фр. *ondulation* ‘волнистость, извитость’, *парфюмерия* – *parfumerie*, *пудра* – *poudre*, *флакон* – *flacon*.

Данная группа еще менее значительна: уже в романе «Двенадцать стульев» единично фиксируем лишь несколько слов, в романе «Мастер и Маргарита» встретится лишь слово *крем*: – *Наташка!* – *пронзительно закричала Маргарита, – ты намазалась **кремом**?* [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита].

Весь XX в. более или менее постоянные значения частотности сохраняют лишь единицы *крем, пудра, помада*. Значения эти невысоки (порядка 5-7 вхождений на миллион словоформ), однако довольно устойчивы, как это явствует из рисунка 21, где представлена частотность вхождений слова *пудра*:

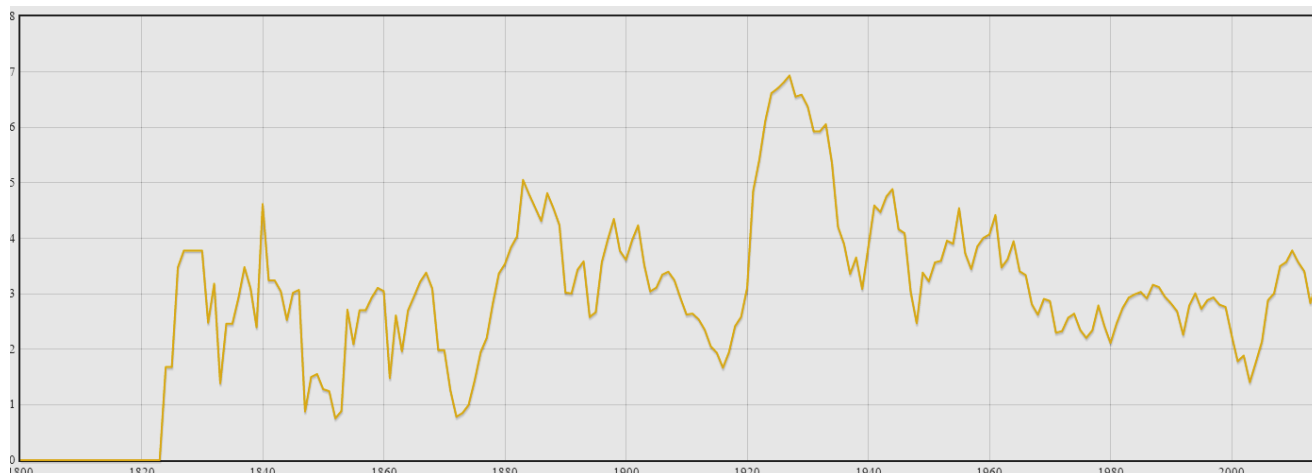

Рисунок 21 – График частотности вхождений слова *пудра*

4) **Предметы роскоши:** *брильянт* – от фр. *brilliant* ‘сверкающий’, *браслет* – *bracelet*, *диадема* – *diadème*, *колье* – *collier*, *кулон* – от фр. *coulant* ‘струящийся’, *фермуар* – *fermoir*.

Роман «Двенадцать стульев» можно назвать лингвистической элегией – он подводит черту более чем двухсотлетнему периоду функционирования целых пластов французской лексики, и единицы, называющие украшения и драгоценности, в их числе:

– ...*Брильянтовый кулон...* <...> *Дальше шли кольца: не обручальные кольца, толстые, глупые и дешевые, а тонкие, легкие, с впаянными в них чистыми, умытыми брильянтами;* <...> *браслеты в виде змей с изумрудной чешуей; фермуар, на который ушел урожай с пятисот десятин; жемчужное колье, которое было бы по плечу только знаменитой опереточной примадонне; венцом всему была сорокатысячная диадема* [И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев].

На полвека практически выйдут из употребления вышеперечисленные лексические единицы. Так, слово *кулон* с 20-х по 80-е гг. XX в. регистрирует, как свидетельствует рисунок 22, в лучшем случае одно вхождение на миллион словоформ:

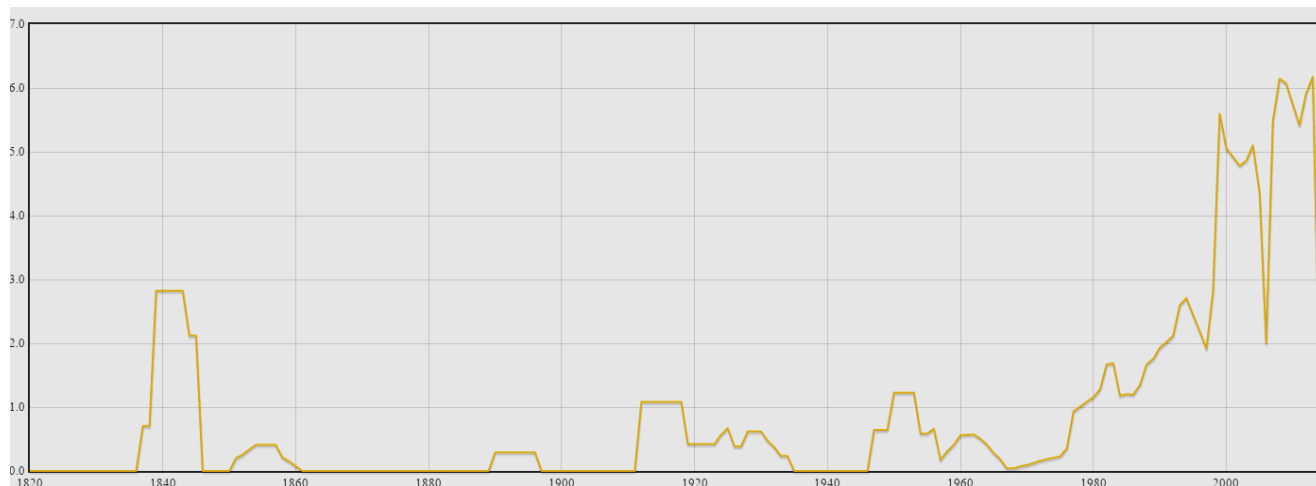

Рисунок 22 – График частотности вхождений слова *кулон*

Помимо тематической лексики, советский период сохраняет некоторое – к слову, довольно значительное – количество бытовизмов романской этимологии: *авантюра, ажиотаж, дебют, документ, идея, портфель, сеанс, шантаж* и т.п.

Е.В. Маринова отмечает, что «в советские годы отношение к иноязычию формировалось в условиях официальной идеологии враждебности по отношению к западному образу жизни» [Маринова 2012, с. 257]. Понятно, что для полного утверждения пуризма как официальной политики государства требуется, как минимум, несколько лет, полное отрицание заимствований проникнет во все сферы советской жизни не раньше конца 1930 – 1940-х гг. прошлого века. На момент действия романа «Двенадцать стульев» в стране царит НЭП, призванный стабилизировать экономику страны посредством использования рынка, различных форм собственности и привлечения иностранного капитала, – в моде некая свобода, некий небрежный шик, свойственный «старой аристократии». Но предпосылки будущей установки на пуризм уже бросаются в глаза: сознательно или нет, авторы вкладывают иноязычные вкрапления (в первую очередь транслитерированные обращения и французские формулы вежливости) в уста сторонников дореволюционного уклада, чье языковое поведение сформировалось

при «старом режиме» (Кисы Воробьяникова, Елены Станиславовны Боур, мадам Петуховой):

– *Бонжур!* – пропел Ипполит Матвеевич самому себе, спуская ноги с постели;

Он сморщил лицо и раздельно сказал:

– *Ничего не будет, маман. За воду вы уже вносили?;*

– *Пардон, пардон, извиняюсь,* – ответил гроссмейстер, – *после лекции я несколько устал.*

Окказионально они фигурируют в речи персонажей, имеющих претензии на высшее общество: Остап Бендер, инженер Брунс, вдова Грицацуева. Практически не встречаются в лексике «рядовых советских граждан»: Щукиных, Лизы и Коли, Изнуренкова, Авдотьева.

С этой точки зрения вполне логична и психологична бессмертная фраза «Мосье, же не манж па сис жур», которую Киса Воробьянинов складывает по настоянию Остапа: самым эффективным способом просить подаяния остается предстать перед советскими гражданами, в памяти большинства которых французский язык – это своеобразным пережиток старого режима, одетым в лунный, т.е. пожелтевший от времени, жилет, живым осколком былой эпохи с ее ореховыми гарнитурами, бриллиантовыми фермуарами, обюссонами, гобеленами и шантеклерами.

В дальнейшем французские вкрапления практически полностью исчезнут из литературы, неологизмы французской этимологии можно будет пересчитать по пальцам, в основном их активизация обусловлена насущной необходимостью, потребностью в номинации реалий: так, с распространением автомобильного транспорта в русском языке фиксируется значительное количество терминов данной отрасли, вошедших в узус: *мотор, гараж, руль, такси, шофер*. В литературе XX в., посвященной Великой Отечественной войне, актуальны авиационные термины: *эскадрилья, пилот, фюзеляж, лонжерон, ложемент, турбина, мотор, кабина, форсаж, вираж*.

Верная ленинским заветам, советская литература буквально выдавливает из себя все чужое, «портящее язык», оставляя иноязычной лексике лишь узкие рамки терминосистем различных научных отраслей.

§2.3 Французско-русские языковые контакты на рубеже конца XX – начала XXI веков

2.3.1 Тематическая классификация французских лексических единиц в русской литературе новейшего периода

Как неоднократно отмечалось в наших работах [Агеева 2008; Габдреева 2013; Abdullina 2015; Ageeva 2016], смена общественно-политической парадигмы в России перестроечного и постперестроечного периода вновь открыла границы чужим реалиям – и вполне логично, что как и любое искусственно сдерживаемое в своем развитии явление, процесс заимствования в настоящее время носит взрывообразный характер: заимствование стало массовым, до такой степени, что многие ученые, да и просто интересующиеся бьют тревогу, все чаще выступая с заявлениями об «экспансии» и «угрозе» существованию самого русского языка как самостоятельной системы.

При абсолютном доминировании английского языка в качестве источника иноязычной лексики, незамеченным проходит тот факт, что элементы других – в первую очередь европейских языков – активно «внедряются» в русскую лексическую систему – чему, вне всякого сомнения, немало способствуют и традиционные исторические связи между странами: в общей массе новейшей лексики четко вычлняются единицы французского и немецкого происхождения, довольно легко укореняющиеся в языке-рецепторе в силу сформированности моделей фонетико-графической и морфологической рецепции, относительной стабильности форм и психологическим восприятием французских и немецких элементов как «своих» – галлицизмы и германизмы русского языка прошли долгий этап развития, их облик знаком среднестатистическому россиянину по

произведениям классической литературы и, в среднем, отношение к ним со стороны общества скорее положительное – в самом негативном случае они расцениваются как меньшее, неизбежное зло, в отличие от «заполонивших» русский язык англицизмов.

Экономика и финансы, политология и общественно-политическая жизнь, искусство и культура, индустрия моды и косметологии [Агеева 2008; Агеева, Маметова 2014] традиционно испытывают наибольшее влияние со стороны западноевропейской лексики, в том числе и французской лексики. Значителен приток романских новообразований в рекламном и спортивном дискурсе [Жданова 2015], в сфере медицины и юриспруденции [Сахратова 2015], не говоря уже о сфере дипломатии и международного права [Агеева 2008].

Литература рассматриваемого периода также имеет свою специфику. Наиболее широко элементы французского происхождения представлены в сферах

- **модной индустрии:** *балконет, бандо, ботфорты, бутик, бюстье, винтаж, гламур, дефиле, кутюрье, от-кутюр, пайетка, парео, прет-а-порте;*

- **искусства:** *ар деко, ар брют, бьеннале, гран-при, дубляж, каскадёр, коллаж, маршан, матракаж, нуар, ню, сюр;*

- **косметологии и индустрии красоты:** *бронзант, визажист, гель, гоммаж, крем, лак, лосьон, макияж, маникюр, парфюм, педикюр, салон, стилист, тоник;*

- **кулинарии:** *бри, багет, гриль, камамбер, каре, круассан, нуга, пастис, фри, фритюр.*

В 90-е гг. XX в. все большую популярность в литературе набирает фэнтези – (от англ. *phantasy* – фантазия) – направление литературы и искусства, примыкающее к научной фантастике, но основанное на использовании мифологических и сказочных сюжетов. «Отец современного фэнтези» английский писатель Дж.Р.Р. Толкин, влияние которого на литературу (и культуру в целом) неоспоримо, предвосхитил и определил некоторые законы построения фэнтезийного произведения, в частности характеристику мира большинства художественных произведений данного направления: по мнению польского

писателя А. Сапковского, их основой является т.н. «артурианская легенда»: героика средневековых эпических произведений и рыцарских романов сформировали особый мир классической фэнтези-литературы: мир меча и магии, вымышленный, но близкий в реальному Средневековью, переплетенный с его традициями, социокультурной и ментальной спецификой эпохи, что не может не отражаться на языке авторов, пишущих в этом жанре. Здесь необходимо отметить, что в сознании русскоязычного читателя Средневековье ассоциируется зачастую с сугубо определенной пространственно-временной локацией – это Западная Европа VI-XVII вв. В силу чего в современных фэнтезийных произведениях мы фиксируем активизацию историзмов французского происхождения (и шире – вообще лексики), номинирующих реалии средневековой эпохи. Отметим здесь, что мы не ставим целью сколько-нибудь системно описать основные средства воссоздания хронотопа художественного произведения – и тем более направления в целом: это может стать темой отдельной работы, сопоставимой по объемам с проводимым исследованием. Однако некоторые тенденции не могут быть обойдены вниманием, в частности лексико-тематическое наполнение языка подобных произведений.

Итак, в первую очередь это единицы, описывающие социально-политическую организацию жизни.

Сословная структура общества: *барон – baron, виконт – vicomte, дама – dame, кавалер – cavalier, король – от польск. Karol, восх. к фр. Charles – Charlemagne ‘Карл Великий’, маркиз – marquis, паж – page, пейзане – от фр. paysan ‘крестьянин’, серв – serf;*

Государство и право: *арбитр – arbitre, династия – dinastie, домен – domaine, дофин – dauphin, кутюм – coutume, легист – légiste, магистрат – magistrat, министр – ministre, ордонанс – ordonnance, привилегия – privilège, сенешаль – sénéchal, сеньор – seigneur, синдикат – syndicat, сюзерен – suzerain, трон – trône, эдикт – édit, эшевен – échevin;*

Военная лексика: *алебарда – hallebarde, арбалет – arbalète, арсенал – arsenal, бастион – bastion, баталия – bataille, дага – dague, капрал – caporal,*

корнет – cornette, паладин – paladin, пистоль – pistole, рапира – rapière, солдат – soldat, эспадон – espadon, эсток – estoc;

Религия: *аббат – abbé, бегин – béguin, интердикт – interdit, кардинал – cardinal, катар – cathare, клирик – clerc, монсеньор – monseigneur, прелат – prélat, сутана – soutane, экзекуция – exécution, экзорцизм – exorcisme;*

Образование и наука: *амплитуда – amplitude, беан – béan, витал – vital, портал – portail, голиард – goliard, кристалл – cristal, магистр – magistre, обсервер – от observer ‘наблюдать’, пасс – passe, пентакль – pentacle, профиль – profil, фасцинация – fascination, элементаль – élémental, эманация – émanation.*

Во-вторых, это лексика, описывающая культурные особенности средневековья.

Литература: *баллада – ballade, вагант – vagant, новелла – nouvelle, роман – roman, рондель – rondel, рондо – rondeau, сонет – sonnet, трубадур – troubadour, трувер – trouvère;*

Живопись: *декор – décor, эмаль – émail, мозаика – mosaïque, орнамент – ornement, пейзаж – paysage, портрет – portrait, шаржер – chargeur;*

Архитектура и скульптура: *арка – arc, барельеф – bas-relief, горгулья – gargouille, капитель – chapiteau, колонна – colonne, купол – coupole, монумент – monument, нервюра – nervure, неф – nef, пилон – pylône, пиластр – pilastre;*

Музыка: *диссонанс – dissonance, дуэт – duet, тамбурин – tambourin, финал – final;*

Театр: *актер (актриса) – acteur (actrice), комедиант – comédien, мираклъ – miracle, моралите – moralité, пьеса – pièce, спектакль – spectacle, сцена – scène, труппа – troupe, фарс – farce.*

И, наконец, третьей, пожалуй, самой значительной по объему группой является лексика повседневной жизни.

Семья: *бастард – bâtard, кузен – cousin, мезальянс – mésalliance;*

Этикет: *кокетка – coquette, куртуазность – courtoisie, манеры – manière, реверанс – révérence, тон – ton, флирт – flirt, шарм – charme;*

Мода и одежда: *берет – béret, блуза – blouse, ботфорты – om botte + forte, буф – bouffe, вертугаден – vertugadin, галун – galon, гардероб – garderobe, декольте – décolleté, жюстокор – justaucorps, камзол – camisole, капюшон – sarichon, лабинет – om laBinette, марокен – marocain, панталоны – pantalon, парик – perruque, португезя – porte érée, трико – tricot, фалбала – falbala, шаль – châle, шеврет – chevrette.*

Парфюмерия и косметика: *аромат – arôme, куафюра – coiffure, массаж – massage, парфюмер – parfumeur, пудра – poudre;*

Интерьер и мебель: *комод – commode, панель – panneau, ложа – loge, вазон – vase, портьера – portière, зал – salle, табурет – tabouret, кушетка – couchette, кабинет – cabinet, коридор – corridor, буфет – buffet;*

Кухня и кулинарное искусство: *бокал – bocal, бриошь – brioche, букет – bouquet, десерт – dessert, диета – diète, каре – carré, клементин – clémentine, консоме – consommé, маринад – marinade, профитроли – profiterole, филе – filet;*

Сфера услуг: *бордель – bordel, клиент – client, компаньон – compagnon, кучер – cocher, отель – hôtel, отельер – hôtelier.*

2.3.2 Типология вкраплений в современных русских текстах

Основной характеристикой иносистемных элементов новейшего времени является их гетерогенность: как с точки зрения генеалогии, так и в отношении формы и функционального статуса (лексемы и фразеологемы разных стадий ассимиляции, сохранившие латинскую графику собственные наименования и т.п.). Разнообразны способы их текстовой презентации: от беспереводного включения до экспликации или построения синонимического ряда, иллюстрирующего градуальные нюансы значения.

При анализе иноязычных вкраплений в художественной текст мы, как и на предшествующем этапе, будем учитывать, в первую очередь, их прагматическую нагрузку, причем функциональный репертуар лишь расширяется, по сравнению с предыдущим периодом ксеномании, что обусловлено, прежде всего,

экстралингвистическими факторами. Попробуем проиллюстрировать данное утверждение (отметим также, что попытка отразить максимально полную картину функционирования иноязычных вкраплений потребует от нас привлечения и стороннего лингвистического материала, в первую очередь вкраплений английской этимологии, поскольку смещение приоритетов заимствования способствовало «делегированию» части функций английскому языку, и, во-вторых, отдельных текстов газетно-публицистического жанра: несмотря на сходство внутренней формы и функций, публицистика более чутко реагирует на внешние явления и зачастую намечает направления развития литературного языка).

1. **Номинативная** функция. Как уже отмечалось во введении, по ряду признаков языковая ситуация новейшего периода (конец XX – начало XXI вв.), вполне коррелирует с эпохой конца XVIII – начала XIX вв. Понятно, что при анализе существующих сходств и различий следует учитывать смещение языковой доминанты в сторону англо-американской культурной парадигмы, определяя английский язык в качестве лингвистического приоритета. Так, среди многочисленных работ, посвященных англоязычным вкраплениям в русском языке, мы находим у С.С. Изюмской следующие примеры:

*Кислотные журналы посвящали бы пронзительные **coverstories** эстетике кислотного пакета* [В. Пелевин. Generation «П»].

Coverstory – статья, иллюстрация к которой дана на обложке журнала.

*Работа была **freelance** – Татарский переводил это выражение как «свободный копейщик», имея в виду прежде всего свою оплату* [В. Пелевин. Generation «П»].

Freelance – работа вне штата, без контракта [цит. по: Изюмская 2012].

Для нас важным является тот факт, что билингвальное сознание по-прежнему отмечает семантические нюансы, свойственные одному языку и напротив – культурологически вовсе нехарактерные для другого либо еще не

существующие в нем. Зачастую подобные нюансы связаны с фиксацией и передачей фоновых знаний, напр. К.Сапгир пишет⁴:

*«У французов есть национальная черта, которая называется **l'art de vivre** – в не совсем точном переводе «искусство жить».*

Формально перевод точен, однако автор чувствует искусственную неполноту буквализма, неспособного отразить все оттенки понятия, напрямую связанного с менталитетом нации – и спешит исправить впечатление: *Оно сводится к тому, чтобы получать удовольствие каждый день и буквально от всего.* Простой пословный перевод вкрапления здесь явно недостаточен, поэтому, с целью максимально объемно донести понятие до читателя, К.Сапгир использует еще и прием экспликации.

Далее читаем:

*«Но, чтобы получать удовольствие от жизни, надо быть **branché**...»*

Объясняя адресату значение слова *branché*, автор пытается дать перевод (*branchés* – подключенные), который вводит затем в качестве самостоятельного эквивалента вкрапления: *У «ордена **подключенных**» нет своего устава, но имеется круговая порука во всем – от стиля одежды до образа мыслей.* Здесь же объясняет, к чему собственно «подключены» члены ордена: *те, кто в курсе «последнего писка» интеллектуальной моды.*

2. Сохраняет свое значение **демонстративная** функция вкрапления:

«С жестокой насмешкой подростка Юрочка передразнил:

*– Простите! Он не понял! **Qui s'excuse, s'accuse, достопочтенный сэръ!**»*

[Г.Л. Олди⁵, Шутиха, с. 234]

Французская поговорка *Qui s'excuse, s'accuse* (досл. кто оправдывается, сам себя обвиняет) восходит к афоризму средневекового теолога Иеронима *Qui se excusat, se accusat*. В речи современного подростка она звучит весьма необычно, характеризуя не только широту кругозора Юрочки, непринужденно и словно бы в

⁴ Сапгир К. Париж, которого не знают парижане / К.Сапгир. - СПб.: Росток, 2012

⁵ Дуэт харьковских писателей, известных под псевдонимом Генри Лайон Олди, - Дмитрий Громов и Олег Ладыженский

шутку употребляющего в речи подобные выражения, но и четко определяет ту категорию читателей, что способна отдать должное эрудиции персонажа.

«В другой ситуации их вполне можно было принять за агентов бюро ритуальных услуг «Morituri te salutant»: черные костюмы, черные штитлеты, черные галстуки селедкой, аспидные очки и одна мина на оба лица» [там же, с. 131].

Morituri te salutant, латинское выражение ‘Идущие на смерть приветствуют тебя’, широко известно в качестве традиционной формулы приветствия: подобным образом гладиаторы Рима отдавали честь присутствующему на трибуне цезарю. В произведении афоризм выражает явный сарказм (авторы-харьковчане, по всей видимости, иронизируют таким образом над модной тенденцией использовать иноязычные слова и выражения в названиях заведений, вне зависимости от того, насколько это уместно), оценить который сможет лишь читатель, знающий перевод фразы и исторический контекст.

3. Функция **индивидуализации**, воссоздающая языковой портрет персонажа, все так же фиксирует специфику речевой (и речемыслительной) деятельности героя, а также степень владения языками либо коммуникативную интенцию посредством вставок:

«– Это еще что! – понизил он голос. – После паспортного контроля и таможни мы с вами запрем дверь на замок и цепочку, потому что... пошаливают. – Мистер Калинин произнес это слово по-русски (получилось: because they there... poshalivayut), пощелкал пальцами и перевел этот специфический глагол как «hold up» [Б. Акунин. Алтын-Толобас].⁶

Довольно часто вкрапление выполняет оценочную функцию: будучи ярким стилистическим средством, оно может использоваться для демонстрации авторского отношения к персонажу: симпатии / антипатии, насмешки, даже пренебрежения:

«– Паспорт давай, черт нерусский. Паспорт, андерстэнд? – И снова солдату. – С него не паспорт, а справку из дурдома брать» [там же].

⁶ Акунин Б. Алтын-толобас / Б. Акунин. М.: Олма, 2004. 384 с.

В приведенном выше примере транслитерация английского слова довольно однозначно характеризует говорящего – малообразованного сотрудника таможенной службы, не способного построить общение с иностранцем и прикрывающего свою некомпетентность агрессией. Транслитерация как способ передачи иноязычного слова в данном случае говорит не только о нежелании персонажа хотя бы попытаться вникнуть в специфику фонетической нормы английского языка, но – в сочетании с заведомо оскорбительной русской речью – о бессильной злобе, зависти и ограниченности.

Вкрапление используется для создания контраста между социальным положением и воспитанием персонажей:

«– *Tout de meme* вновь прошу *fil* du comte ...

– *Да ладно тебе! сказал ведь: не гневаюсь!*» [Г.Л. Олди. Богадельня].

Витольд, рожденный тайно и воспитанный в деревне незаконнорожденный сын графа Жерара-Хагена Хенингского, никак не может привыкнуть ни к «приставучести челяди», ни к «картавому болботанию» странного слуги со странным прозвищем Камердинер.

4. Вкрапления служат одним из наиболее продуктивных средств воссоздания хронотопа художественного произведения, застывая наиболее емко и коротко характеризуют пространственно-временные особенности действия:

«*Сама почтмейстерша этот праздник во славу современного искусства предпочла назвать звучным словом «soirée», пусть уж он так и остается, тем более что «суаре» этот в Заволжске забудут не скоро*» [Б. Акунин. Пелагия и белый бульдог].⁷

Во французском языке слово *soirée* имеет два значения: 1. Espace de temps qui est depuis le déclin du jour jusqu'à ce qu'on se couche. Une belle soirée. Les soirées d'automne. 2. Assemblées, réunions qui ont lieu dans la soirée d'hiver pourcauser, jouer, etc. Il donne des soirées charmantes. Aller en soirée. Une soirée dansante [Larousse]. Русским языком заимствована вторая семема 'вечерние встречи, собрания, где можно поговорить, поиграть и т.п.', само слово фигурирует

⁷ Акунин Б. Пелагия и белый бульдог / Б.Акунин. М.: АСТ: Астрель, 2000. 288 с.

в современной лексикографической литературе с пометой «устар.», называя непреходящий атрибут жизни высшего общества XIX в., что фиксируется многочисленными словарями и художественными произведениями, где используются в частности словосочетания: *суаре дансан, суаре литерэр, суаре д'адолесан, суаре авек маневр, суаре де клотюр* и т.д.

*«Гордецы, сердцееды, **maîtres de courtoisie**, юные сорвиголовы и седые паладины, успевшие вдоволь навоеваться в Святой Земле, – не умеющие ждать, они стояли молча, потому что Душегуб задерживался»* [Г.Л. Олди. Богадельня].⁸

С высокой степенью частотности французские вкрапления являются маркером средневекового колорита, в особенности Высокого Средневековья: именно Франция создала культ рыцарства, здесь он процветал и отсюда распространился по всей Европе – и не случайно именно французский язык подсознательно вызывает в памяти читателя рыцарские идеалы, творчество трубадуров, воспевавших поклонение Прекрасной Даме и *куртуазную* любовь.

Здесь следует отметить, что цитата взята нами из фэнтезийного произведения, о которых мы уже упоминали: средневековый мир, где разворачивается его действие, весьма и весьма условен, там нет ни Франции, ни Европы в целом

«– По-латыни, пожалуйста, – все с тем же спокойствием попросил я, чем сверг Пьера в окончательное смущение. Ибо, кроме строжайше запрещенной божбы и поминания нечистого, он умудрился выговорить все это на «ланг д'уй» с диким нормандским произношением» [А. Валентинов. Овернский клирик]⁹

Ланг д'уй (а также ланг д'ойль 'langue d'oïl') – совокупность романских диалектов, получивших распространение на севере Французского королевства, в том числе в королевском домене, Иль-де-Франс. Его антагонист – южнофранцузское наречие *ланг д'ок* – послужил прототипом окситанского языка (неслучайно, напомним, собирательное название южных регионов Франции и поныне – Лангедок). Вкрапление появляется в романе уже на второй странице, и

⁸ Олди Г.Л. Богадельня / Г.Л. Олди. М.: Эксмо, 2007. 448 с.

⁹ Псевдоним харьковского писателя Андрея Валентиновича Шмалько, цит. по: Валентинов А. Овернский клирик: Роман / А.Валентинов. М.: Эксмо, 2007. 384 с.

этого достаточно для описания эпохи: в единый язык ланг д'ойль северофранцузские говоры стали объединяться в XI в. приблизительно ко времени правления Людовика VI Толстого, тогда как выход данного понятия из употребления связан с альбигойскими войнами, в ходе которых Лангедок был включен в состав королевского домена, а окситанский язык утратил свои позиции: именно ланг д'ойль стал основой современного французского языка.

5. Иноязычное вкрапление может передавать мнение самого автора – например, в названии произведений С. Минаева «Dухless» или «The Телки» само наличие иноязычных элементов, будь то суффикс -less или определенный артикль the, уже позволяет оценить авторскую позицию касательно ответа на вопрос «кто виноват».

Понятно, что основным законом художественной литературы – подчинение слова авторскому замыслу, его видению проблемы, его убеждениям и мировоззрению, технике письма. Другие стили речи – публицистика и реклама, например, намного более восприимчивы к внешнему влиянию, поэтому здесь вкрапления приобретают дополнительную функциональную нагрузку, обусловленную экстралингвистическими факторами, не имеющими отношения к идиостилю конкретного писателя:

- Специфика международной торговли и ее правовой регуляции обусловили употребление оригинальной (латинской) графики в указании любых видов и марок техники, продуктов питания, одежды и косметики, представленных на мировых рынках: *Sony, iPhone, Mitsubishi, Ford, Renault, Danone, Activia, Rich, Dior, Clarins, Clinique, Thierry Mugler*.

Оригинальная графика функционирует, преимущественно, на официальных сайтах, в интернет-магазинах, в рекламе, а также при первом упоминании бренда в тексте (либо если марка недостаточно известна на российском рынке), тогда как транслит характерен скорее для массовой и бытовой коммуникации:

Доверьтесь инстинктам! AURA MUGLER – новый шедевр парфюмерного дома MUGLER, приглашение воссоединиться со своей глубинной природой...

***Alien** – искристый и таинственный аромат, пронизанный цветочными нотами жасмина, древесным и амбровым аккордами.*

*Откройте новые грани легендарного аромата **Angel** в парфюмированном молочке для тела.*

*Флаконт **Étoile Nomade** с рельефными гранями, отражающими солнечные лучи, аккуратно ложится в ладонь, делая нанесение духов простым и удобным.*

но:

*Лучезарная и чувственная солнечная богиня излучает безмятежность и волшебство, воплощенные в аромате **Alien** от **Тьерри Мюглера**.*

*Никакого постоянства. Или истерика, или облака! Бомба, пуля, пушка, выстрел – одному. Ад, вульгарщина, безвкусица, петля – другому. Поговорим об **Ангеле**?*

*...меня была 30ка мл аромата **Элиен** от **Тьерри Мюглера**.*

*Говорят, что есть девушки-**Ангел** и девушки-**Альен**¹⁰*

Требования брендовой политики диктуют употребление латинской графики в наименованиях высокотехнологичной продукции, например: программного обеспечения, даже такого широко распространенного как *Adobe Photoshop, Google, Microsoft Word, Windows* и имеющего не только разновариантные транслиты (виндоус – виндовс), но и целую палитру производных: *винда, фотожоба, гугля*, а также *отфотошопить, погуглить, загуглить*.

Официальный перевод произведений кинематографа (фильмов и сериалов), а также некоторых литературных произведений на русский язык зачастую сопровождается оригинальным названием, указанным в скобках: *1+1 (Intouchables), Игра престолов (Game of Thrones), Кредо убийцы (Assasin's Creed), Песнь Льда и Пламени (A Song of Ice and Fire), Такси-4 (Taxi-4)*. По всей видимости, данная тенденция пришла из индустрии видеоигр, локализация которых обычно сильно запаздывает по сравнению с выходом оригинальной версии, в силу чего игроки из разных стран осваивают очередь англоязычный

---

¹⁰ Взято из интернет-источников, приводится в авторской редакции, выделено нами – А.А.

контент, не дожидаясь переводной версии [Дементьев 2018, с. 19-21; Знамеровская 2018, с. 22-24].

Графическое оформление оригинала оригинала сохраняют иностранные периодические издания, выходящие в России на русском языке: *Cosmopolitan*, *L'Officiel*, *Vogue*, *Maxim*. Для массовой и повседневной коммуникации также характерен транслит:

*Я рада, что есть в России достойная альтернатива **Вогу**, который лично мне, например, покупать уже не хочется.*

*...к тому же многие имена в области моды и фотографии открываются именно **Оффисье** (естественно не без личного участия Хромченко).*

*И она молодец, что дает дорогу новым дизайнерам, вообще новым людям, и чувствуется, что она делает именно **РУССКИЙ Оффисель**¹¹.*

- Понятийные (в первую очередь терминологические) лакуны, возникающие в связи с научно-техническим прогрессом в разных сферах деятельности человека, также заполняются иноязычными вкраплениями.¹² В рамках одного текста может фигурировать как транслит или транскрипт, так и нетранслитерированный вариант, что является свидетельством равного функционального потенциала (по нашим наблюдениям, транскрипция встречается скорее в профессиональном дискурсе либо разговорной речи). Речь идет в первую очередь об информатике и вычислительной технике: ID (айди), IT (айти), *javascript* (ява (джава)-скрипт), *Wi-Fi* (вай-фай) и т.д., мода: *ballon* (покрой юбки в форме шара), *haute couture* (от кутюр), *petite robe noire* (little black dress, маленькое черное платье), *prêt-à-porter* (прем-а-порте) и т.д., парфюмерии и косметологии: *anti-rides*, *anti-stress*, *corps-visage*, *eau de toilette*, *eau parfumée*,

¹¹ Взято из интернет-источников, приводится в авторской редакции, выделено нами – А.А.

¹² Так, в предисловии к Словарю русского языка конца XX в. Г. Складневская отмечала: «Специфическая особенность языка наших дней: определенные слова, преимущественно термины информатики, употребляются в текстах в написании латиницей... что демонстрирует их недостаточную освоенность языком». К словам этим, написанным в 1998 г., можно добавить следующее: во-первых, количественный состав лексем и их тематическая принадлежность значительно расширились, во-вторых, приведенные в словнике лексемы обрели за 10 лет кириллический вариант, который функционально тождествен латинизированному, и, наконец, латинизированный вариант сегодня не является показателем недостаточной ассимиляции слова в русском языке, а вызван иными факторами.

parfum, pour femme (пур фам), pour homme (пур ом), gommage (гоммаж, крем гоммаж); кулинарии: quatre formaggi (кватро формаджи), gigôtd'agneau, tajine (таджин, тажин):

– *Русские туристы, что вы делаете, перестаньте! – сипит шеф-повар, хватаясь за холодильник чтобы не упасть. Он отменяет ваш выбор и готовит “Gigot d'agneau aux pommes de terre”. Это ножка ягнёнка, фаршированная чесноком. Просто и выразительно [Слава Сэ].¹³*

Просто уморительно вы заказали. Что в голове у человека, соединившего “Coq au vin”, “Cervelle de caunt” и “Brandade de moure”? (Слава Сэ)

виноделии: Château (Шато), GrandChoix (Гран Шуа), GrandeRéserve (Гранд Резерв), GrandeSélection (Гранд Селексьон), Réserve de la Famille (Резерв де ля Фамий), Surchoix (Сюршуа), V.O. (Very Old, ВО, вери олд), V.O.P. (Very Old Pale, ВОП, вери олд пэйл), V.S.O.P. (Very Superior Old Pale, ВСОП, вери супериор олд пэйл), X.O. (хо, икс-о) и т.п.:

«Вкус коньяка Мартель ХО сложный, в нем присутствуют тона ванили и миндаля, пряные оттенки сухих плодов»;

«С коньяком прекрасно сочетаются кофе (предпочтительно с коньяком ХО), сигара (специально выбранный сигарный коньяк) и шоколад (предпочтительно VSOP или ХО)».¹⁴

Художественные произведения, как и менее формальный дискурс (блоги, микроблоги) часто содержат транслитерированный вариант аббревиатуры:

В Коньяке наименование «Шато» необычайно престижно. Право на название «Шато» имеют только постоянные владельцы старинных коньячных домов. Оно переходит от поколения к поколению и теряется при продаже дома.¹⁵

¹³ Псевдоним латвийского автора Вячеслава Солдатенкова. Цит. по: Слава Сэ. Про Прованс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pesen-net.livejournal.com/71965.html>

¹⁴ Взято из интернет-источников, выделено нами – А.А.

¹⁵ Один день в дома французских аристократов. Ода коньяку. Режим доступа: <https://www-fototysa-gu.livejournal.com/520240.html>

«В бокале — «Реми Мартен» **В.С.О.П.** и никакого экзистенциального выбора» [Г. Шульпяков. Коньяк]¹⁶

Наиболее частотны вкрапления в материалах, посвященных актуальным политическим проблемам (Brexit – Брексит ‘выход Великобритании из Евросоюза’, Grexit ‘по аналогии с Brexit, возможный выход Греции из Евросоюза’ или даже Frexit ‘выход Франции из Евросоюза’ (ср. *Итак, Европа уже столкнулась с Grexit и Brexit. На очереди следующий кризис – Frexit. И он окажется хуже двух предыдущих*),¹⁷ *highly likely* – хайли лайкли ‘с высокой степенью вероятности, очень возможно’), в новостях и аналитике, в рецензиях на произведения кинематографа, художественной литературы и т.д. Их функциональный потенциал весьма разнообразен: вкрапления способны нивелировать смысловые лакуны, оценить специфику речевого поведения персонажа и донести до читателя мнение автора, вкрапления воссоздают хронотоп художественного произведения [Булатова 2015; Барамыкова 2018] и служат средством выражения политики бренда.

Тем не менее, в попытках найти ответ на вопрос, заданный в начале параграфа, об угрозе, которую несет обилие иноязычий будущему русского языка, мы вновь возвращаемся к достаточно детально проиллюстрированному нами тезису о сходстве языковых ситуаций XIX и XXI вв., что позволяет нам с определенной уверенностью экстраполировать результаты предыдущих эпох на наши дни. Архаизация многочисленных понятий, напр., *инфантерия, палья, плезир, политес, сатисфакция, экскузация* весьма показательна как характеристика способности языка в самоочищению, неоднократно подчеркивавшейся учеными. Требуют перевода французские вкрапления в тексты русской классической литературы – не только многостраничные письма в «Войне и мире» Л.Н. Толстого, но и несколько строк эпитафии к роману «Евгений Онегин» А.С. Пушкина... С определенной степенью уверенности мы можем,

¹⁶ Шульпяков Г. Коньяк: Альбом-путеводитель / Глеб Шульпяков. Издательство Жигулевского, 2004. 176 с.

¹⁷ Приготовьтесь: Frexit грянет. Режим доступа: <https://ru.ihodl.com/analytics/2016-06-30/prigotovtes-frexit-griadet/>

таким образом, предположить судьбу многих современных вкраплений, ниша которых в языковой системе уникальна.

§2.4 Вариантность как выражение «борьбы» двух языковых систем

Адаптация иноязычной лексики как сложный диахронический процесс занимает не один день. Более того, период, требующийся для освоения заимствованной лексической единицы языком-рецептором, всякий раз неодинаков по длительности – речь идет об постепенном, поэтапном освоении всех составляющих слова – орфографической, фонетической, морфологической, семантической.

Этапы адаптации иноязычной лексики являются предметом исследования многочисленных научных работ, в данном случае мы остановимся на работе В.М. Аристовой, которая различает три стадии эволюции иноязычной лексики в русском языке:

Первый этап, проникновение, характеризуется тесной связью единицы с системой языка-источника, что сказывается в первую очередь во внешнем облике (функционирование в качестве вкрапления, наличие формальных дублетов, грамматическая и/или словообразовательная вариантность). План содержания предполагает моносемию, конкретной функцией иноязычия как средства номинации чужих реалий, в силу чего иноязычие функционирует в строго определенном контексте.

На втором этапе, при сохранении внутренних связей с языком-источником, стабилизируется грамматическая и словообразовательная форма, слово номинирует не только чужую, но и «свою» реалию, формируя полисемию, зачастую посредством «семантической индукции» прототипа, его употребление становится более или менее последовательным и регулярным, наконец, формируются словообразовательные дериваты (предыдущий этап предполагает их полное отсутствие).

Наконец, критериями третьего этапа – укоренения – выступают, в плане выражения, включение формальных показателей заимствованного слова в систему языка-рецептора, а в плане содержания – обретение семантической самостоятельности. Последнее выражается не только в формировании внутрисемантической системы, включающей несколько денотативных и коннотативных сем, но и во внешних показателях: расширении сочетаемостных рамок и, как следствие, функционирования в масштабах литературного языка. Слово включается в словообразовательную парадигму принимающего языка, активно выступая в качестве производящей основы [Аристова 1978, с. 14-15].

По мнению Л.А. Вербицкой, корпус новых иноязычных слов (находящихся на стадии проникновения, по классификации В.М.Аристовой), вне зависимости от языка-источника следует считать развивающейся системой, которая «не может изменяться, минуя вариантность» [Вербицкая 1998, с. 27].

К.С. Горбачевич определяет варианты как «различные модификации формы при тождестве семантики» [Горбачевич 1978, с. 57]. Попытки же лингвистов классифицировать типы вариантности носят довольно разносистемный характер: так, К.С. Горбачевич предлагает выделять дублиеты акцентные, фонетические, фонематические и морфологические, причем дифференциация трех первых типов довольно зыбка и непрозрачна, на наш взгляд: так, в акцентные варианты выделяются из прочих не только местом ударения и связанным с ним произношением звуков в слабой позиции во всех (ле'мех / леме'х) или отдельных (ве'рны / верны') формах слова, сменой фонемного состава в зависимости от акцентных характеристик (заво'дский / заводско'й). Фонетические отличаются разнородными звуковыми модификациями, определяющимися темпом речи и стилем произношения, испытывают влияние местных фонетических особенностей, и графики. Лишь последний из «звуковых» типов – фонематический может быть применен в полной мере к иноязычной лексике, поскольку характеризуется не позиционными или комбинаторными чередованиями звуков в речевом потоке, но является следствием самого исторического развития звукового строя русского языка, определяющего в том

числе особенностифонологической адаптации иноязычной лексики. Не вызывает вопросов, пожалуй, лишь вычленение в отдельную группу вариантов морфологического типа, где значатся любые формально-грамматические модификации слова при условии тождества морфологической структуры, лексического и грамматического значения [Горбачевич 1978, с. 20-22].

Авторами монографии «Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в.: языковые контакты и заимствования» предлагается три типа модификаций:

- звуковые (фонематические и фонетические),
- формально-грамматические,
- этимолого-словообразовательные варианты [Очерки... 1972].

Разумеется, данные классификации не являются единственными: так, некоторым лингвистам свойственно объединять фонетические и фонематические дублиеты в один пункт на том основании, что чередование фиксируется в обоих случаях на уровне фонетики, или, напротив, выделять в общей массе грамматических вариантов словоизменительные, словообразовательные и синтаксические колебания [Тимиргалеева 2008]. Ряд ученых ставит под сомнение тезис К.С. Горбачевича о семантическом тождестве вариантов, другие (А.Г. Петрякова, например) автоматически определяют как самостоятельный вид варианты лексические, причем трактовка его весьма вольна: в этот тип включаются параллели *мадемуазель – мадмуазель, бивак – бивуак* и т.п.

Суммируя все упомянутые типы, мы считаем возможным группировать всю палитру формальных вариаций по характеру расхождений: фонетические, где легко идентифицировать две категории (акцентные и фонематические), графические и морфологические, которые в свою очередь можно разбить на словоизменительные (частным случаем которых является родовая синонимия), словообразовательные и синтаксические.

Наличие вариантов на фонетико-орфографическом и морфологическом уровне является универсальной закономерностью освоения иноязычной лексики. Как неоднократно отмечалось [Очерки... 1972; Габдреева 2011] ранние этапы

адаптации иносистемной лексики отличаются значительным количеством вариантов, регистрируемых как в рамках одного текста, так и в пределах всей языковой системы в целом. Пик формального варьирования романских заимствований приходится на начало XVIII в., далее вступает в свои права тенденция к унификации фонетики и графики иноязычий. Отказ от хаотичности в оформлении галлицизмов и курс на единообразие внешнего облика является следствием формирования единых моделей рецепции и адаптации романских элементов, возможного в силу количественных характеристик: большее количество данных, как известно, обеспечивает более высокое качество анализа. Тем не менее, вариантность, пусть и окказиональная, поддающаяся классификации, поддерживается живыми контактами с носителями языка-источника и социальным билингвизмом в русском обществе, оставаясь одной из важнейших и универсальнейших характеристик процесса и на более поздних этапах, причем, согласимся с Л. Гальди, который считает данные разночтения реальными формами, свидетельствующими о неполной ассимиляции иноязычного слова или о фонетическом сопротивлении воспринимающей системы, называя обе эти причины в числе определяющих дублетность иноязычной лексики [Гальди 1958, с. 81], что ставит вопрос о пересмотре роли языка-источника в условиях непосредственных языковых контактов. Тезис Л. Гальди может быть широко проиллюстрирован материалом художественной литературы позапрошлого столетия.

1. Среди фонетических вариантов наиболее частотное варьирование фонем, т.е. собственно фонетический тип: *жокей – жоке, компания – компанья, маскарад – маскерад, ревматизм – рюматизм, сертук – сюртук, тюник – туника, цензура – ценсура, шарф – эшарп, аристократия – аристокрация, вакансия – ваканция.*

Рассмотрим некоторые примеры.

«...по праздникам надевал **сертук** из сукна домашней работы» [А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка, с. 98]

Лексема *сюртук* 'surtout', имеет длинный вариантный ряд: *суртук, суртут, сертук* и, наконец, *сюртук*, – зафиксированных различными источниками.

Наиболее ранние варианты иноязычного слова передают французский гласный переднего ряда [y] посредством русского гласного заднего ряда: *суртук, суртут*: «*Суртук бархатной гвоздишной*. 1717. Сговорная грамота М.А. Новосильцевой. *Ленты кавалерские на суртут*. 1771. Указы гр. П.Б. Шереметева [цит. по: Епишкин 2010].

На рисунке 23 представлен график частотности варианта *сертук*, зафиксированного И. Нордстетом в 1782 г.:

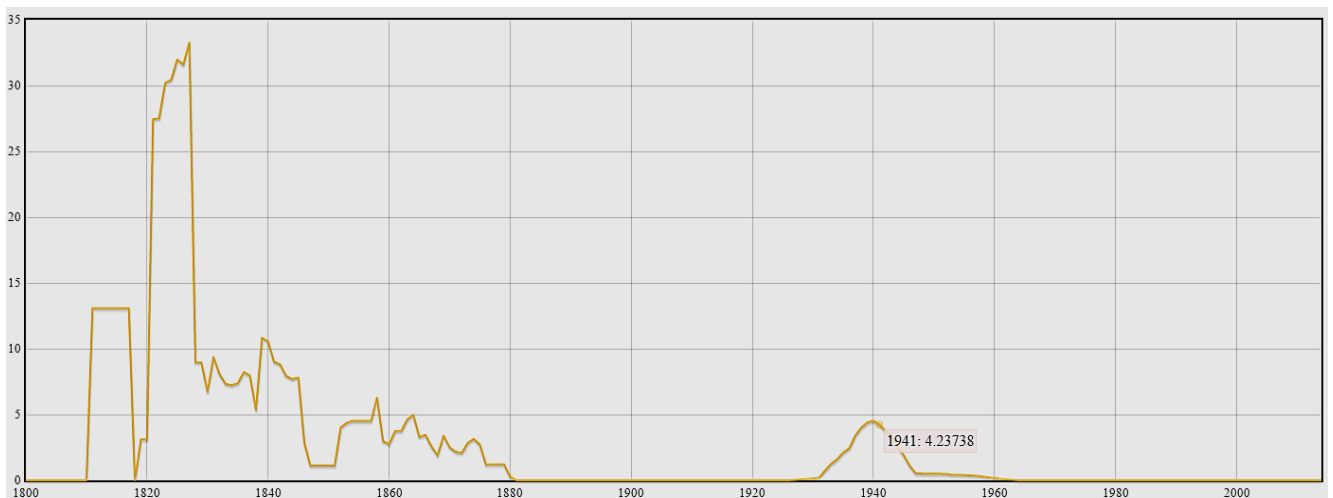

Рисунок 23 – График частотности вхождений слова *сертук*

Именно данный вариант последовательно употребляется А.С. Пушкиным, С.Т. Аксаковым, напр., «*Сертук в роде пальто, заменил фрак, который Гоголь надевал только в совершенной крайности. Самая фигура Гоголя в сертуке сделалась благообразнее*». С.Т. Аксаков, История моего знакомства с Гоголем [Епишкин 2010] и в этом же виде входит в словарь В.И. Даля: «СЕРТУК, <сюртук> муж., франц. кафтан известного, немецкого покрою. Щегольской сертучок. Истасканный сертучишка. Толстый, байковый сертучища. Сертучный кафтан, с разрезом назади».

Вариант «сюртук» фиксируется в 1865 г. М.И. Михельсоном: «СЮРТУК франц. surtout. Всем известная верхняя мужская одежда», но в речи функционирует уже в первой трети XIX в.: *Сюртук же мой партикулярный, на котором нашиты, однако, погончики, нельзя было видеть, потому что я, как*

приехал в Васильков, был все время в военной шинели и фуражке. 1826. Восст. декабристов [цит. по: Епишкин 2010].

Со второй половины XIX в. данный вариант становится основным, в 1910 г., вслед за М.И. Михельсоном, А.Н. Чудинов зафиксировал его как единственный: «СЮРТУК (фр. *surtout*). Верхняя мужская одежда, доходящая до колен». Вариант «сертук» появится, уже с пометой «устар.», в Толковом словаре Д.Н. Ушакова: «СЮРТУ́К и (прост. устар.) сертук, сюртука, муж. (франц. *surtout* – широкая верхняя одежда). Мужская двубортная одежда с длинными почти до колен полами, в талию, обычно с отложным воротником» (с динамикой частотности данного варианта в художественной литературе можно ознакомиться на рисунке 24). Как следует из сопоставления обоих графиков, рост числа вхождений второго варианта практически совпадает с максимумом первого, затем вариант *сертук* постепенно выходит из употребления.

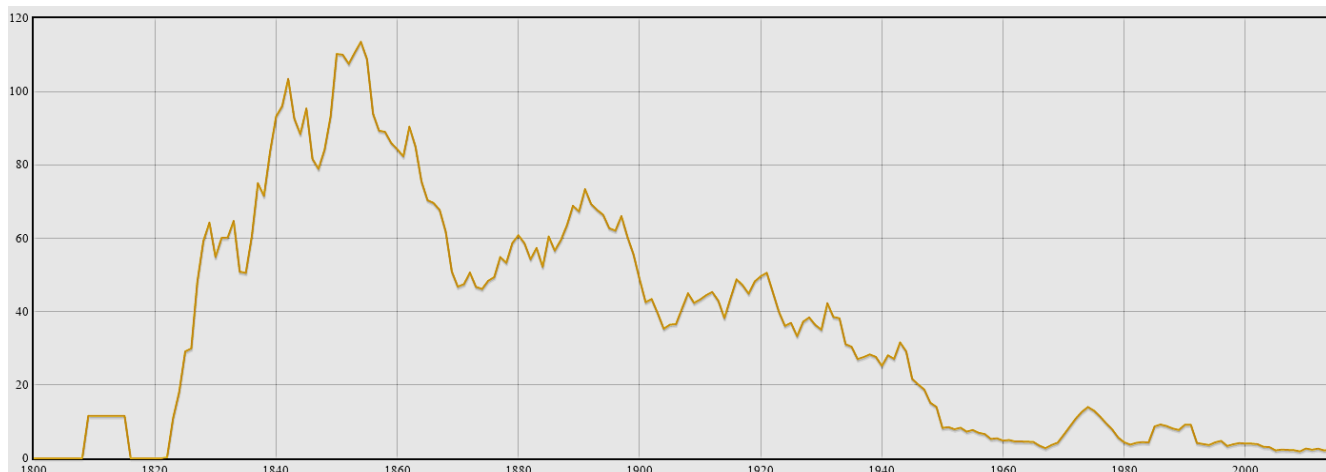

Рисунок 24 – График частотности вхождений слова *сюртук*

На наш взгляд, исчерпывающим объяснением наличия столь длинного вариантного ряда является выделенное Л. Гальди «сопротивление языка-рецептора» нормам – в нашем случае произносительным – языка-источника: буква «ю», которая, за счет мягкости предыдущего согласного образуя чуть продвинутый вперед аллофон звука [u] – [ʏ], наиболее точно передает французский гласный [y], не является самой частотной в русском языке.

Проиллюстрируем данную тенденцию на примерах лексем, которым в конечном итоге «повезло» в значительно меньшей степени:

«*Все рюматизм и головные боли*» [А.С. Грибоедов. *Горе от ума*, с. 128]

Вариантный ряд лексемы *ревматизм* ‘*rhumatisme*’ насчитывает около десятка форм: *роматизм*, *руматизм*, *рюматизм*, *ремотизм*, *рематизма*, *рюматисм*, *рюматисим* (*рюматисимы*), *ремотисм*, *рематиз*, *ревматизм* (*ревматизмы*).

Функционирование большинства вариантов относится к XVIII веку, однако и век XIX, особенно его начало, представлен довольно широко:

«*Естьли у меня не рюматизм в спине...* 1764. Ек. II. ...признавал в вышнем градусе *ремотисм* от простуды. Нащокин Зап. ...*рематизма* моя хотя совсем уже, слава Богу, пресеклась. 1786. А.Н. Куракин. ... *нашел я, что по имеющейся у него грудной болезни и застарелого ремотисма* военной службы продолжать не может. Ноября 29-го дня 1809 г. Коллежский асессор доктор Вицман. *Болен был 4 недели от руматизма*. 1857. М. Воронцов» [цит. по: Епишкин 2010].

Несмотря на обилие вариантов, уже в начале XIX в. «Новый словотолкователь» Н. Яновского фиксирует только форму *ревматизм* (1806). Той же позиции придерживаются и составители более поздних словарей: «РЕВМАТИЗМ греч. *rheumatismos*, от *rheuma*, истечение влаги. Ломота в суставах или мускулах, вследствие простуды» [Михельсон 1865]; «РЕВМАТИЗМ – ломота в мускулах и сочленениях, болезнь от простуды» [Попов 1907]; «РЕВМАТИЗМ – общее обозначение группы различн. болезней, протекающих при сильн. болях в мускулах и сочленениях, но без ясно выраженных анатомич. изменений в этих органах» [Павленков 1907]; «РЕВМАТИЗМ (греч. от *rheume* – истечение влаги). Ломотная боль отдельных частей тела, бывает следствием простуды» [Чудинов 1910].

Влияние французского языка как источника заимствования обусловило не только разнообразие вариантов, связанных с передачей переднего [у]: *рюматизм*, *руматизм*, даже *роматизм*, но и традиционный для французских заимствований суффикс *-исм* (ср. *барбарисм*): *рюматисм*, *рематисм*, *ремотисм*. На наш взгляд,

форма *ревматизм* вытеснила все вышеперечисленные варианты благодаря традиции, зарегистрированной еще в русском языке допетровской эпохи, а именно передаче греческого буквосочетания *ei-* русским *ев-* (ср. *Евдокия, Европа, Евлампия, евхаристия*).

Важно то, что в момент использования в пьесе «Горе от ума» вариант *рюматизм* является устаревшим и, вкладывая его в уста своего героя, Грибоедов создает определенный иронический эффект.

«— *Что такое шабур? – Род тюника*» [СК, с. 156]. «Новый словотолкователь» Н.М. Яновского дает два равнозначных варианта: «Туника, иначе пишут тюника» (1806), далее основным общеупотребительным вариантом становится туника: у Михельсона (1865) «ТУНИКА лат. tunica. а) У древних, длинная сорочка с короткими рукавами. б) Теперь короткая юбка у женского платья, покрывающая другую юбку»; у Чудинова (1910) «ТУНИКА (лат. tunica). 1) исподнее платье без рукавов у римлян и римлянок. 2) в современном одеянии, род второй юбки, поверх платья». Современные словари оставляют за вариантом тюник исключительно специальное значение: «ТЮНИКА и (редк.) ТУНИКА, туники, жен. (лат. tunica). 1. У древних римлян – белая нижняя одежда, длинная рубаха с короткими рукавами, носившаяся под тогой (ист.). 2. Верхняя одежда у католических священников. 3. То же, что тюник и тюника (порт., театр.). 4. То же, что мантия во 2 знач. (зоол.)» [Ушаков]; «ТУНИКА, -и, жен. 1. В Древнем Риме: длинная одежда, носимая под тогой. 2. Лёгкое женское платье прямого покроя, плотно облегающее фигуру. Кисейная, муслиновая, батистовая т. 3. То же, что тюник (спец.)» [Ожегов]. Толковый словарь Ушакова уже не сохраняет за лексемой «тюник» значения, свойственного ей в XIX в.: «ТЮНИК, тюника, муж., и ТЮНИКА, туники, жен. (от франц. tunique). 1. Верхняя часть двойной женской юбки. 2. Юбка у балерины (театр.)», так же как и словарь Ожегова: «ТЮНИК, -а, муж. и ТЮНИКА, -и, жен. (спец.). Костюм танцовщицы из лифа и короткой (до колен) пышной юбки». Как мы видим из рисунка 25, расцвет слова тюник в русском языке приходится на 1810-1840 гг., затем оно выходит из узуса, сохранив лишь специальное значение.

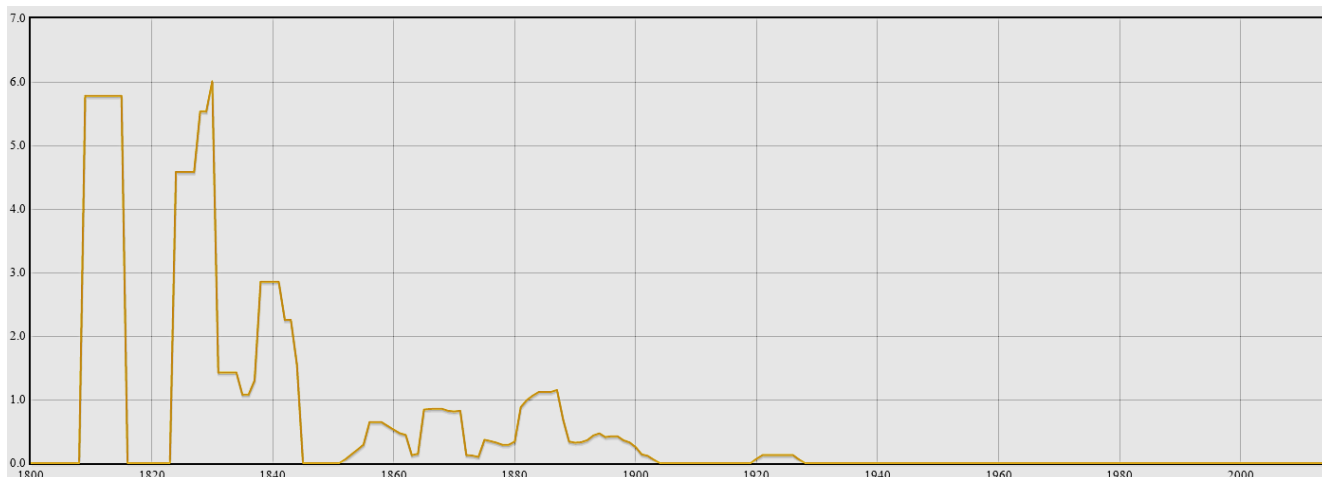

Рисунок 25 – График частотности вхождений слова *тюник*

Хождение нескольких вариантов одной лексемы, обусловленное разными нормами двух (иногда и более, как в случае с ревматизмом, где вариант «роматизм») – достаточно распространенная в XVIII-XIX вв. ситуация.

«Какой эшарп cousin мне подарил!» [А.С. Грибоедов. Горь от ума, с. 130]

Колебания в паре *шарф – эшарп*, поддерживаемые двумя источниками заимствования (фр. *écharpe* и нем. *Scharpe*), наблюдаются в течение всего XIX в. Так, словарь М.И. Михельсона содержит две словарных статьи, посвященных данной лексеме: «ЭШАРП франц. *écharpe*; см. еще шарф. Узкая длинная шаль» и «ШАРФ нем. *Scharpe*, фр. *écharpe*. а) Длинная полоса ткани, надеваемая на шею. б) Офицерский пояс из галуна». В.И. Даль отдает предпочтение варианту «шарф»: ШАРФ муж., франц. ширинка разного вида, носимая за мест кушака, или через плечо, или на шее, для тепла. Военный офицерский шарф у нас серебряный, георгиевских цветов. Шарфные, -фяные кисти.

В речи функционируют параллельно: «Одну *шарпу французскую*. 1734. Щет. на мелочные покупки. *На плечах хвосты или эшарп*. Булгарин Письма провинциалки. *Эшарф Пальмерин тож, эшарф газ Марабу лансе*. Роспись вещам 1829. *Эшарпы из редкого органди гладкаго*. БДЧ 1834. *Эшарпы блондовые*. Указ. выст. 1839. ...задела блондинку толстым руло своего платья, а *шарфом*,

который порхал вокруг плеч ее, распорядилась так, что он махнул концом ее по самому лицу. Гоголь Мертвые души. Дядюшка прислал нам из Парижа прекрасные *эшарфы*. Одоевский» [цит. по: Епишкин 2010].

Вариант «эшарп» более частотен, если речь идет о модном аксессуаре и совсем не функционирует в значении «пояс или повязка через плечо у военных», его полностью вытесняет форма «шарф»: «имеют на себ *шарфы* одного колорю, также и гобоисты *шарфы* имеют. 1706. ...*шарфы* имели подпоясаны. 1740. Нащокин Зап. ...перевязав как *шарфы*, бегали повсюду мертвецки пьяны... М.А. Муравьев Зап. Ну где видано носить *шарф*<на шее>. 1801. Кончина Екатерины» [цит. по: Епишкин 2010].

«*Жокé* не поддержал, считал он, видно, мух» [А.С. Грибоедов. Горе от ума, с. 112].

Лексема «жокей» имеет английское происхождение (англ. jockey), однако в пьесе А.С. Грибоедова «Горе от ума» используется вариант, подчеркивающий нарочито французское произношение и восходящий, очевидно, к вариациям французской орфографической нормы конца XVIII в.:

Le comte d'Artois... s'élançant dans la foule du peuple pour encourager ses postillons ou jacquets". Merci-argenteau, Corresp. secrète, dans Journ. des Débats, 31 août 1875, 3e page, 6e col.

Quelqu'un s'avance ; ces dames vont sortir sans doute ; ce jocquez vient annoncer que la voiture est là, cité de J. B. PUJAULX, Paris à la fin du XVIIIe siècle (an IX, 1804), ch. des Modes du jour, dans E. DE LA BÉDOLLIÈRE, Hist. de la Mode, ch. XIV.

Cuisiniers, jocqueis et rôisseurs, Lett. du P. Duchêne, 9e lettre, p. 4 [цит. по: Littré].

Строго говоря, в письменных памятниках XIX в. вариантов у данной лексемы практически не зарегистрировано, по всей видимости, стабилизация фонетико-графического облика лексемы произошла достаточно быстро: «..опера "Притворный жокей или странная предприимчивость". ПНРИ 2 92. жокей – помещается сзади на особо устроенном сиденье. ОЗ 1852 81 8 218. Mesdames, я

себе непременно заведу коляску парой,. А-ва Женская жизнь» [цит. по: Епишкин 2010].

«– Желал бы с ним убиться... – Для **компаньи?**» [А.С. Грибоедов. Горе от ума, с. 110]

Фонетический облик слова «компания», ранее изобиловавший вариантами (*кампания, конпания, кумпания, компанея, компание, кумпани, компаний*), также стабилизировался к концу XVIII в., пройдя почти двухсотлетний период трансформаций (впервые лексема была зарегистрирована в 1631 г.), и вариант «компанья» употребляется Грибоедовым скорее для сохранения стихотворного размера (ср. «...и **тальи** все так узки»).

«На лбу написано: **Театр и Маскерад**» [А.С. Грибоедов. Горе от ума, с. 89].

По характерным фонетическим особенностям вариантов можно предположить, что их источником послужил немецкий язык (от нем. Masquerade): *машкарат, машкарад* или, в нашем случае, *маскерад*: «Был со всем **машкаратом** у графа Головкина на загородном дворе. Поход журн. 1723. ...в **машкарате** ездили все компаниями по гостям. Поход. журн. 1724. ...дурацкий **маскерад** ездил часа два по неизвестным Неоху местам. Чулков, Пригожая повариха» [цит. по: Епишкин 2010]. Динамика частотности данного варианта представлена на рисунке 26.

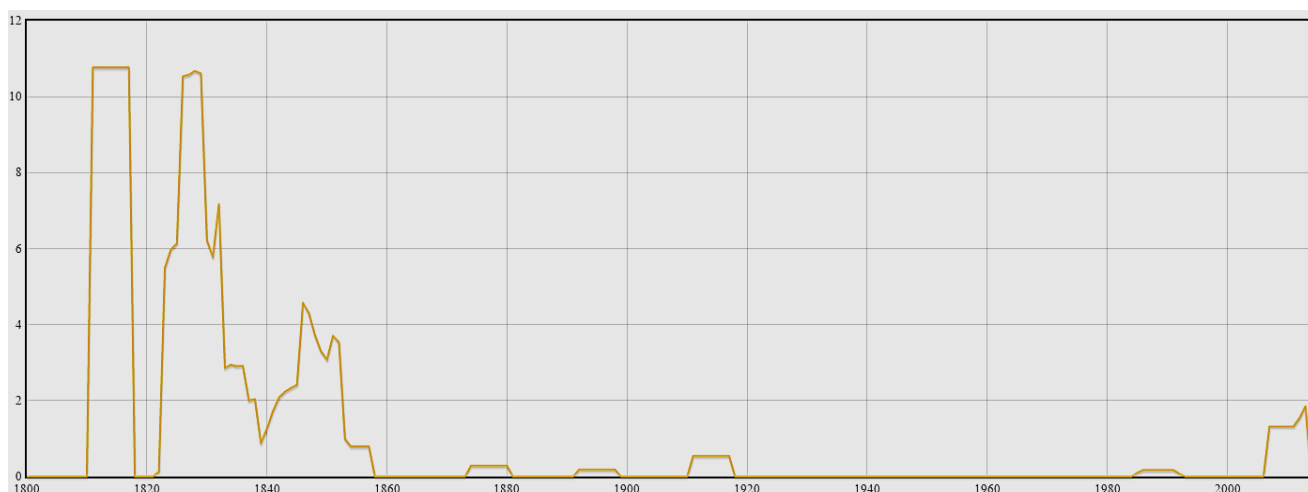

Рисунок 26 – График частотности вхождений слова *маскерад*

Однако к XIX в. форма *маскарад* вытесняет, как видно из рисунка 27, все другие лексемы вариантного ряда и последовательно употребляется как в литературе, так и в частной переписке: «Сегодня при дворе *маскарад*, и я в своей домине туда же поплечусь. Фонвизин, Письма. *Богиня едет в маскарад*. Пушкин, Е. Онегин. *Маскарад видеть значит обман и хитрость; участвовать в маскараде* знаменует успех в предприятии. Сонник 1829» [цит. по: Епишкин 2010].

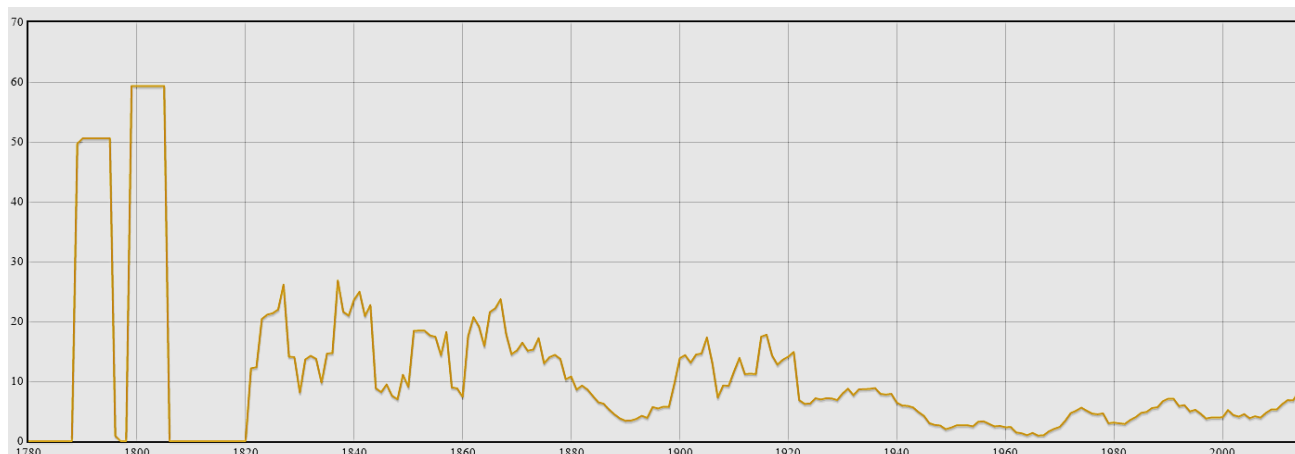

Рисунок 27 – График частотности вхождений слова *маскарад*

«...ко всему, удостоившемуся ее *ценсуры*» [Н.А. Дурова. Год жизни в Петербурге, или невыгоды третьего посещения, с. 137]

Вплоть до конца XIX в. лексема фиксировалась в обоих вариантах: Яновский (1806 г.) – ценсура, Соколов (1834 г.) – ценсура, Даль (1878 г.) – цензура и ценсура. Борьба и взаимовлияние двух языков-источников (французского и немецкого) обусловили функционирование вариантного ряда – цензура, сензура, ценсура, где контаминированные формы постепенно вытеснялись максимально приближенным к немецкой фонетике вариантом «цензура»:

«Был еще какой-то водевиль с забавными стишками на стряпчих <...>, весьма вольно написанные, так что я дивился, как пропустила *цензура*. Гоголь,

Зап. сумасшедшего. *Особенно ценсура подавала пищу его словесной критике. Чего тут не было!* Гонч., Зам. о личн. Белинского» [цит. по: Епишкин 2010].

Лексема «аристократия» фиксируется словарями XVIII – XIX вв. лишь в одном варианте – аристократия (Вейсман, 1731 г., Нордстет, 1790 г., Даль, 1878 г.). Использованный А.С. Пушкиным вариант «аристокрация», по всей видимости, есть результат авторского размышления о правильности передачи французской финали *-tie* [si], восходящей к латинскому *-tia* (ср. эволюция, индульгенция, провинция):

«Аристокрация чиновная не заменит аристокрации родовой» [А.С. Пушкин. Роман в письмах].

Та же логика прослеживается и в употреблении варианта «ваканция» (от фр. *vacance*):

«Мы отстали один за другим и разбрелись по квартирам, толкуя о скорой вакансии» [А.С. Пушкин, Выстрел].

Данный вариант фиксируется многими словарями иностранных слов на протяжении XVIII – XIX столетий и даже лексикографами начала XX в.: *ваканция* (И. Нордстет, 1790 г.), *ваканция* и *вакансия* (М.И. Михельсон, 1865); *ваканция* (Ф.Ф. Павленков, 1907).

Среди вариантов акцентных более или менее частотны лишь частные вариации (где несовпадение ударения регистрируется лишь в отдельных словоформах): *бал* (ср. на бале – на балу).

2. Орфографические варианты: *машкарат* – *машкарад* (*маскарад*), *рематизм* – *ремотизм* (*ремотисм*), *компания* – *компанея*, *почталион* – *почтальон*.

Вариантность орфографии, как правило, напрямую зависит от особенностей комплексного становления фонетическо-графического облика иноязычного в языке-рецепторе, а также от воздействия иных языков, активно контактирующих с русским.

По этой причине орфографические варианты практически не выделяются в отдельный класс, функционирование фонетических и графических дублетов всегда взаимообусловлено.

3. Морфологические варианты: *ревматизм – ревматизма, тюник – тюника (туника), шарп (эшарп) – шарпа, пенсия – пенсион, метод – метода, зал – зала, пистоль (м.р.) – пистоль (ж.р.), карьер – карьера и т.д.*

Морфологическая вариантность прежде всего связана с колебаниями в роде имен существительных и может быть обусловлена несколькими причинами:

- когда род иноязычного имени существительного определяется по формальным критериям, возникает дилемма в становлении данной грамматической категории у французских существительных на *-e muet*, принадлежащих к женскому роду в языке-источнике, которые при проникновении в русский язык могут оформляться нулевой флексией, что является формальным признаком мужского рода, либо посредством субституции конечного немого *-e* флексией 1-го склонения *-a* примыкать к женскому роду в русском языке, сохраняя таким образом род прототипа (мы неоднократно отмечали данное явление [подробнее см. Агеева 2008; Габдреева 2013]):

tunique, f – тюника (туника), ж.р. и тюник, м.р.

écharpe, f – шарпа, ж.р. и шарп (эшарп), м.р.

Поскольку оба пути равновероятны, то зачастую морфологические дублеты некоторое время функционируют параллельно. Если лексическое значение не варьирует в зависимости от рода иноязычного слова, один из вариантов оказывается более функциональным: как правило, более частотно употребление имени существительного мужского рода: *эшарп – шарп – шарф*. В случае же расхождения лексического значения вариантов, каждый из них закрепляется в языке в качестве полноценной единицы со своей семантической структурой;

- при попытке определения рода по семантическим признакам возникают «разногласия» между фонетико-графическим обликом иноязычного слова и его семантикой: *ревматизм (м.р.)* и *ревматизма (ж.р., болезнь – ср. чума, холера,*

простуда, корь). В этом случае также более частотный вариант рано или поздно вытеснит менее употребимый и закрепится в языке-рецепторе в качестве нормы.

Современный русский язык, как уже отмечалось, представляет лексическим новообразованиям французского происхождения широкую палитру фонетико-морфологических моделей, сформировавшихся на предыдущих этапах языкового контактирования. в силу чего для большинства единиц характерна стабильная форма. Однако формальное варьирование на современном этапе развития языковых контактов имеет свои причины и специфику.

В первую очередь следует отметить влияние англоязычной лексики, навязывающей свои произносительные нормы всем новейшим заимствованиям, вне зависимости от их этимологии. Во-вторых, следует вновь упомянуть количественные характеристики процесса: почти за сто лет практически полной закрытости системы язык и его носители «отвыкли» справляться с подобными массивами чужеродных элементов. В-третьих, новое значение приобрели экстралингвистические факторы, о которых мы скажем ниже. В целом, типология вариантности осталось прежней:

1. Фонетические варианты, где фигурируют в основном фонематические дублиеты, связанные либо с разной трактовкой отдельных фонем (*индигенат* – *индиженат*, *маргинальный* – *маржинальный*, *биеннале* – *бьеннале*), обусловленной разностью языка-источника (ранее мы писали о чередовании в корне фонем [g] / [ʒ] во французском языке перед гласными i, e, y, отсутствующем в латыни, послужившей прототипом для лексемы маргинал и производного от него прилагательного маргинальный ‘находящийся за рамками, на полях’, в отличие от французского *marginal* – маржинальный, т.е. ‘предельный’ или о роли итальянского этимона *biennale*, под влиянием которого активизировался звук [и]: французская графема i передается йотацией следующей гласной [Агеева 2011], либо с фонетико-графическими особенностями самого французского языка, которому свойственно выпадение гласных и согласных звуков. Так, конечные «немые» согласные, фигурирующие в графике, традиционно становятся произносимыми в русском языке, однако устный путь заимствования может

привести к функционированию вариантов, подобных *трансфер – трансфертили Гарньер – Гарнье*:

Краска Гарньер – ваш идеальный оттенок...

В состав красок Гарньер входят натуральные компоненты, которые питают волосы и насыщают их жизненной силой;

Краска для волос Гарньер больше шести десятков лет радует женщин во всем мире качеством и ассортиментом.

В целом крем Гарнье Волшебный уход мне понравился.

Пусть ваша жизнь изменится с Гарнье.

В последние годы вариантная парадигма лексемы пополнилась новыми единицами: *Гарниер* (ср. *Сегодня я расскажу про самое идеальное средство для снятия макияжа – про мицеллярную воду от Гарниер*) и *Гарние* (*И Гарние для меня – просто палочка-выручалочка*).¹⁸

Двойные согласные французского языка произносятся как один, что породило вариантный ряд *круассан – круасан* (впрочем, здесь мы традиционно отмечаем полную победу графического облика оригинала, хотя еще в 2010 г. Е.Н. Шагалова в «Словаре новейших иностранных слов» приводила оба варианта и совсем экзотический *круассон*, представляющийся нам окказиональным, обусловленным новейшими тенденциям французской фонологии, где отмечается сближение носовых гласных [ã] и [õ] за счет незначительной лабиализации первого), а наличие во французском языке «беглого» е – дублетность у лексемы *кольеретка – кольретка* (ср. более ранние *водевиль – водвиль, мадемуазель – мадмуазель* и т.п.).

Последний подтип поддерживается скорее алломорфизмом фонологических структур двух языков: так, варьирование конечного *é* [e], графически передаваемого при заимствовании через *э / е*, – явление довольно широко известное и неоднократно уже отмечавшееся исследователями. Н.В. Габдреева регистрирует варианты ряды *фойе – фойэ, реноме – реномэ, шевалье – шевальэ, канане – кананэ* [Габдреева 2001, с. 104]. Для русского языка новейшего периода

¹⁸ здесь и выше взято из интернет-источников

зафиксировано наличие вариантов у лексем *аниме* – *анимэ*, *годе* – *годэ*, *лаке* – *лакэ*, *ламе* – *ламэ*, *пате* – *патэ*, *фриволите* – *фриволитэ*. Обусловлено оно несовпадением фонологических оппозиций разноструктурных языков, каковыми являются французский и русский: во французском языке палатализация согласных отсутствует, в русском же перед передним гласным она нормативна. В результате чего попытки графически показать твердость согласной фонемы привели к функционированию конечного -э. В процессе ассимиляции, тем не менее, более частотным в прессе и литературе становится употребление конечной -е, что подтверждается на примере лексемы *аниме*.

*«Смотришь, все смотрят. А лучше, как в японских **аниме**»* [Герман Садулаев. Таблетка (2008)];

*«То она актриса воздушного **аниме**, то участница мираж-шоу, в общем – все исключительно масштабное, из разряда событий, которые я бы помнила»* [Алексей Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга», 2009];

*«Удлиненность черт, граничащая с угловатостью, ветер заголяет по-мальчишески плоские ягодицы, но взгляд падает на впалые глаза-блюда, полные воды, – то ли японское **аниме**, то ли славянское лубковое творчество»* [Анастасия Цветкова. Полчаса на войну // «Сибирские огни», 2012].

Вариант *анимэ* распространен намного менее, фактически нами зарегистрированы лишь единичные случаи его употребления:

*«Писатель-проект Илья Масодов (автора никто не видел, а его имя часто расшифровывают как МАмлеев-СОрокин-РаДОВ) продолжает линию Пепперштейна и Ануфриева, радикализируя ее в духе хентай-**анимэ**: мертвые пионерки смотрятся в масодовских психоделических антуражах так же (почти) естественно, как пионерка с самурайским мечом в японо-российском **анимэ** про Вторую мировую «Первый отряд» * (2009)»* [Александр Чанцев. Посмертная жизнь Владимира Ленина // «Неприкосновенный запас», 2010].

Возможность выбрать в русской паре твердый / мягкий согласный с целью более точной передачи звучания оригинала – и отсутствие подобной оппозиции

во французском языке обусловили активизацию дублетов типа *велькро – велкро* (напомним, что французский [l] обладает специфической артикуляцией, отличающей его как от русского [л], так и от его мягкой пары).

2. Орфографические варианты представлены, в основном двумя типами (помимо уже упомянутого варьирования конечного е / э):

Актуализация первого подтипа обусловлена дивергентными характеристиками контактирующих морфологических систем: флективный язык преимущественно синтетического типа, русский стремится избавиться в своей орфографии от раздельного написания словосочетаний, лексикализованных и субстантивированных как на почве языка-источника, так и в рамках принимающей системы, тогда как сильные аналитические тенденции французской морфологии не настаивают на жестком слиянии подобных конструкторов: во французском языке свободно функционируют такие существительные как *jeune fille* ‘девушка’, *beau fixe* ‘прогноз погоды’, *artdevivre* ‘гедонизм’ и т.п. Разумеется, единство большей части композитов закреплено дефисом (*arc-en-ciel* ‘радуга’, *sèche-cheveux* ‘фен’, *rouge-gorge* ‘малиновка’), но тенденция к стяжению их в одно слово осталась в прошлом (ср. *bonhomme* ‘мещанин’, *gentilhomme* ‘дворянин’). Так, французское выражение *à la fourchette* ‘досл. на вилке’ приобрело как оформление посредством дефиса (*а-ля фуршет*), так и полностью слитную версию (*аляфуршет*). Французское выражение *haute couture* ‘высокая мода’ по-прежнему оформляется как раздельно (по-видимому, здесь играет роль звуковая оболочка прилагательного *haute*, совпадающего в русской транскрипции с предлогом: костюм *от кутюр* как «от Диор» или «от Коко-Шанель»), так и через дефис (платье *от-кутюр*). Субстантивированное во французском языке словосочетание *pied-de-poule* ‘досл. куриная нога’ приобрело в русском языке, помимо оригинальной «дефисной» графики, слитное написание: *пье-де-пуль – пьедепуль*, также как и *prêt-à-porter*: *прет-а-порте – претанпорте*.

Вторым подтипом орфографического варьирования является уже отмечавшееся нами функционирование нетранслитерированных вариантов собственных наименований параллельно с кириллическими

(транскрибированными и транслитерированными) вариантами. Чаще всего дублетность подобного типа затрагивает продукцию модной индустрии и парфюмерных домов: *Диор – Dior, (Ив) Сен-Лоран – Yves Saint-Laurent, (Коко) Шанель – Coco Chanel, Тьерри Мюглер – Thierry Mugler, Живанши – Givenchy*, автомобильную продукцию: *Пежо – Peugeot, Рено – Renault, Ситроен – Citroën*, высокие технологии: *Алкатель – Alcatel* и военную технику: *Мистраль – Mistral, Леклерк – Leclerc*.

Системность «написания только латиницей» как специфику нашего времени впервые отметила Г.Н.Скляревская в предисловии к Словарю конца XX века [Скляревская, с.11]. По прошествии почти двадцати лет с момента выхода словаря (1998 г.) мы можем констатировать, что большинство приведенных ей лексем (интернет или ноутбук, например) настолько широко вошли в нашу жизнь, что почти сразу «обзавелись» кириллической графикой, которая в конечном итоге вытеснила латиницу. В других случаях сосуществование форм поддерживается экстралингвистическими факторами: в частности брендовой политикой, где требуется юридически точно наименование лейбла.

В целом, транслит и оригинал зачастую используются в рамках одного текста, что убеждает нас в тождестве их функций, однако в художественном или публицистическом дискурсе могут противопоставляться друг другу, называя разные реалии (например бренд и его основателя): «...*Смешные эти китайцы, – сказала лучшая подруга жены. – Считают что настоящий «Dior» тот, который виден за километр*», – и далее: «*Очки стоили как новый телевизор. Мы купили их в фирменном магазине, чуть не из рук самого Диора*» [Вячеслав Солдатенко (Слава Сэ). Ева (2010)].

3. Морфологическое варьирование новейшего времени чаще всего выражается в родовых признаках иноязычных имен существительных. обусловлено оно чаще всего несовпадением формальных признаков категории рода в языке-источнике и языке-рецепторе, в силу чего имена существительные, с основой на согласный и немую -е, относящиеся к женскому роду во французском языке, имеют двойную модель ассимиляции:

- сохранение основы на согласный, что автоматически относит существительное к мужскому роду: *бурлеск, кювет, планшет, транш*;

- оформление иноязычия посредством флексии -а, позволяющее сохранить род языка-источника: *бурлеска, кювета, планшета, транша* (напомним, данный тип морфологического варьирования известен с XIX в.: зал – зала, метод – метода, униформ – униформа и т.д., фактически современный русский язык еще не выработал четкой ассимиляционной модели относительно подобных случаев).

В некоторых случаях родовая принадлежность может определять лексическое значение иноязычной единицы: ср. *кювет* ‘канавка вдоль дорог’ и *кювета* ‘посуда для обработки фотоматериалов или травления клише в типографии’. В большинстве своем, однако, семантика не зависит от формальных показателей, что относит подобные дубликаты к родовым синонимам.

Второй причиной активизации родовых колебаний является тенденция к гибридизации заимствованной лексики, т.е. оформление иноязычной единицы аффиксами языка-рецептора: *аппретирование, аффилирование, аффилирование, пролонгирование, этикетка*. При этом в языке долгое время регистрируется параллельное хождение единицы, оформленной посредством морфемы языка-источника: *аппретура, аффилиация, аффинаж, пролонгация, этикет*, причем здесь зависимость семантики от формы несколько выше: многие зарегистрированные нами дубликаты при наличии общей семы различаются нюансами лексического значения либо сферой функционирования. Так, варианты *аффилиация* ‘стремление к объединению; присоединение к обществу, организации’ и *аффилирование* ‘присоединение предприятия к более крупному’ различаются во всех значениях, сохраняя, тем не менее, общую сему «присоединение», тогда как *аппретура* и *аппретирование* совпадают в значении ‘окончательная отделка тканей’, но в значении ‘лак для кожи’ выступает только первая из них. Родовая синонимия тоже представлена, например, *пролонгация* и *пролонгирование* ‘продление срока действия’.

Наиболее функциональным, при совпадении значений иноязычного слова, выступает вариант мужского рода: так, к настоящему времени околонулевые

значения частотности зарегистрированы для слов *транша*, *узанция*. Вариант *бурлеска* все еще функционален (предположим, что значительную роль здесь играют семантические корреляции со словом ‘пьеса’).

И, наконец, последним подтипом следует выделить установившуюся в последнее десятилетие тенденцию к адаптации к мужскому роду ранее ассимилированных имен существительных с основой на гласную, традиционно относящихся к нулевому склонению, посредством произнесения конечного согласного: *саше* – *сашет*. Здесь значительную роль играет сфера функционирования и спецификация лексического значения: так, *саше* – это небольшой пакетик, наполненный ароматическими веществами, тогда как *сашет* – демонстрационный образец продукции (кетчупа, майонеза, соуса), ср. «*Истинно итальянский соус для знаменитого салата «Цезарь», с ярким вкусом анчоусов, сыра пармезана, зелени и специй. Упаковка: сашет*».

§2.5 Фразеологические и синтаксические конструкции французской этимологии как системный элемент языка русской художественной литературы первой трети XIX в.

Помимо иноязычных вкраплений и собственно лексических заимствований, показателем билингвизма русского общества на рубеже XVIII-XIX вв. служат многочисленные фразеологические выражения и синтаксические конструкции, напрямую калькированные из французского языка.

В отличие от лексических и семантических калек, чья диагностика в тексте языка-реципиента требует зачастую глубокого знания словообразовательных норм языка-источника, а также комплексного анализа семантических структур прототипа и коррелята, данный вид иноязычных единиц зачастую выглядит чужеродно в русском тексте и легко поддается идентификации.

Термин *calque* ‘калька’ возник в лингвистической науке благодаря французскому ученому Шарлю Балли. В работе «Иноязычная лексика современного русского языка» Е.В. Маринова относит кальки к т.н. «скрытым»

заимствованиям, противопоставляя их заимствованиям «материальным» [Маринова 2012, с. 104-105].

Как и многие понятия контактологии, феномен калек трактуется неоднозначно в современной науке о языке: ее считают самостоятельным способом образования новых лексических единиц или же – что более распространено – рассматривают как один из видов заимствования. Следует отметить, что обе точки зрения имеют право на существование: фактически калькирование есть процесс воспроизводства лексической либо фразнологической единицы, существующей в языке-источнике, средствами принимающей системы за счет буквального перевода ее составляющих.

Традиционно, в зависимости от процессуальной стороны калькирования, различают два типа калек: **семантические** (исконное слово, уже функционирующее в языке, принимает новую семему) и **структурные** (отсутствующая в словарном фонде языка единица строится за счет исконных языковых знаков более низкого уровня). В зависимости от яруса, средства которого конструируют новую единицу, структурные кальки подразделяются **словообразовательные, фразеологические и синтаксические**.

1. **Семантические кальки.** Как уже отмечалось ранее, исчерпывающей характеристикой языковой ситуации российского общества (в первую очередь образованного общества) следует считать естественный русско-французский билингвизм симметричной природы, т.е. идентичное владение обоими языками. Психические процессы в сознании билингвов подобного типа способствуют сближению семантики единицы языка-рецептора со смысловым коррелятом языка-источника, чем обусловлено подсознательное – а иногда и сознательное стремление достроить семантический комплекс до идеального посредством введения в него отсутствующих в одном из языков значений. Проиллюстрируем:

«Сын его не разделял ни неудовольствия расчетливого помещика, ни восхищения самолюбивого англомана» [А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка, с. 412]

Согласно данным французских толковых словарей [Littré], семантическую структуру глагола *partager* 'делить, разделять' можно представить следующим образом:

Основное значение: *Diviser une chose en plusieurs parties* 'делить на части'.
Partager un gâteau. Partager le travail entre des ouvriers. "Eux venus, le lion par ses ongles compta, Et dit : nous sommes quatre à partager la proie". [La Fontaine, Fables].
Fig. Ils partagent le gâteau ensemble, se dit de ceux qui sont d'intelligence pour faire quelque profit secret. Partager le différend par la moitié, ou, simplement, partager le différend, se relâcher chacun de son côté sur ses prétentions. **Familièrement.** Partager la poire en deux, se dit quand, dans une discussion sur une affaire d'intérêt, on partage la somme par moitié. Partager un cheveu en quatre, se dit de ceux qui affectent de suivre les choses jusque dans les plus subtiles subdivisions. *"Cela s'appelle partager un cheveu en quatre"*. [Mlle de L'espinaisse, Lettr. t. II, p. 92, dans POUGENS]. Se partager quelque chose, se dit de plusieurs personnes qui se donnent, à chacune, une part de quelque chose. **Fig.** *"Les repentirs, les doux souvenirs, les regrets, l'attendrissement se partagent le soin de me faire oublier quelques moments mes souffrances"*. [Rousseau, 3e lett. à M. de Malesherbes]. Partager le soleil, ménager également les mêmes avantages aux deux combattants, en champ clos. **Terme de manège.** Partager les rênes, prendre une rêne dans chaque main, et conduire ainsi son cheval. **Terme de marine.** Partager le vent, manoeuvrer de manière que, si l'on ne peut avoir l'avantage du vent, l'ennemi ne l'ait pas non plus ; et aussi prendre le vent en plusieurs bordées à peu près égales, tantôt d'un côté, tantôt de l'autre.

Основное значение конкретизируется тремя производными:

2. Former, dans un tout, des parties distinctes, mais non effectivement séparées les unes des autres 'выделять некие части целого'. Ce fleuve partage la province. Partager un nombre en deux. *"La Seine.... Voit du sein de ses eaux vingt îles s'élever, Qui, partageant son cours en diverses manières...."* [Boileau, Epîtres].

3. Attribuer en part 'отдавать часть, делиться'. *"Si l'on vient pour me voir, je vais aux prisonniers Des aumônes que j'ai partager les deniers"*. [Molière, Tartuffe, ou l'imposteur]

4. Donner en partage, avec le régime direct de la chose ‘выделять, особоотличать’. *"Et de son amitié je ne puis l'exiger, Sans vous voler un bien qu'il vous doit partager"* [Corneille, Pulchérie]. Donner en partage avec le régime direct de la personne. Son père l'a partagé en aîné. *"Trouve-t-on mauvais qu'un souverain, dans la distribution de ses faveurs, partage mieux ceux de ses sujets qui s'appliquent avec plus de soin et de vigilance à le servir ?"* [Massillon, Carême, Fautes légères]. **Fig.** Il se dit des dons de la nature, de la fortune, du ciel, de Dieu. La nature l'a mal partagé. Il est bien partagé du sort. *"Jamais mon dessein ne s'est étendu plus avant que de tâcher à réformer mes propres pensées.... ceux que Dieu a mieux partagés de ses grâces auront peut-être des desseins plus relevés"* [Descartes, Discours de la méthode].

И, наконец, несколькопереносных:

5. **Fig.** Faire une part en des choses abstraites ou morales ‘обабстрактныхпонятиях: отдавать, испытывать’. Ce père partage également sa tendresse entre tous ses enfants. *"M. de Montausier se régla sur une prudente équité, partageant, avec ses moindres officiers, ses biens par libéralité, et leurs fatigues par constance"* [Fléchier, Oraisons funèbres].

6. **Fig.** Avoir une part en des choses abstraites, morales ‘об абстрактных понятиях: брать на себя’. Il a partagé avec lui l'honneur de cette journée. *"Lorsque vous m'apportez des fers à partager"* [Corneille, Sophonisbe].

7. **Fig.** Faire des divisions en des choses abstraites, morales ‘обабстрактныхпонятиях: распределять’. Il partage son temps entre l'étude et les plaisirs. Il se dit des choses qui produisent un pareil partage. *"J'ai servi deux tyrans; Un vain bruit et l'amour ont partagé mes ans"* [La Fontaine, Poésies mêlées, LXIX].

8. **Fig.** *S'intéresser à, prendre part à* (выделенонами – А.А.) ‘интересоваться, приниматьучастие’. *"Continuez, ma belle, à me parler de vous, sans craindre que cela m'ennuie ; mon amitié s'accommode mieux de partager vos peines que de les ignorer"* [Sévigné, 1 fév. 1690]. Partager l'opinion, l'avis, le sentiment de quelqu'un, être de son opinion, de son avis, de son sentiment. On dit, dans un sens analogue: partager la crainte, les soupçons, la défiance, la confiance de quelqu'un.

9. **Fig.** Produire dans l'âme des sentiments qui se balancent 'вызывать чувства'. *"Mais en ce dur combat de colère et de flamme, Il [l'amour] déchire mon coeur sans partager mon âme"* [Corneille, Le Cid].

10. **Fig.** Séparer en partis opposés, en sentiments opposés 'испытывать противоположные чувства'. *"Il faut, pour la braver [Rome], qu'elle nous prête un homme ; Et que son propre sang en faveur de ces lieux Balance les destins et partage les dieux"* [Corneille, Sertorius, цит. по: Littré].

Тексты первой анализируемой эпохи отражают кальку переносного значения глагола *разделить* «перен., что или что с кем. Испытать, пережить (какое-нибудь чувство) вместе с кем-нибудь, принять участие в чем-нибудь, испытываемом или переживаемом другим. «Моей судьбы не разделишь со мною» Пушкин. Разделить с кем-нибудь радости и печали. Разделить ложе с кем-нибудь. Разделить труды» [Ушаков 1940].

Семантические кальки подобного типа весьма многочисленны, по структуре в основном это глаголы и отглагольные прилагательные либо причастия, напр., *déchirer* (*разрывать / раздирать*):

«Отец и мать заметили ее беспокойство; их нежная заботливость и беспрестанные вопросы: что с тобою, Маша? не больна ли ты, Маша? — раздирали ее сердце» [А.С. Пушкин. Метель, с. 383].

Словарь Е. Littré приводит весьма развитую семантическую структуру глагола *déchirer*, где основным является: 1. *Mettre en pièces sans se servir d'un instrument tranchant* 'делить на части ,не пользуясь режущим инструментом'. *Déchirer ses vêtements en signe d'affliction. "Ou si par mes taureaux il se fait déchirer, Voulez-vous que je l'aime afin de le pleurer ?"* [Corneille, La toison d'or]. **Par extension.** *"Cependant les trois cents Français que déchire la mitraille, persévèrent; déjà ils atteignaient la position ennemie..."* [Ségur, Histoire de Napoléon et de la Grande-Armée pendant l'année 1812]. *Déchirer un acte, un contrat, le mettre en pièces; et fig. Déchirer un contrat, un acte, une constitution, les anéantir. Poétiquement.* *Déchirer les entrailles de la terre, la fouiller soit pour y chercher les métaux, soit seulement pour la labourer. Plus on déchire les entrailles de la terre, plus elle est*

libérale. Déchirer un bateau, en débiter les parties, les planches. Déchirer de coups, donner tant de coups ou des coups si violents que la peau s'enlève. *"Ils sont armés de fouets et ils se disposent à le déchirer de coups"*. [Bourdalous, Exhort. sur la flagell. de J. C. t. II, p. 71]. Déchirer une blessure, la rouvrir, la rendre plus grande ; et fig. renouveler une douleur. *"Pourquoi, renouvelant ma honte et ton injure, De tes funestes mains déchirer ma blessure?"* [Voltaire, Les Scythes]. **Terme militaire.** Déchirer la cartouche, déchirer avec les dents l'extrémité par laquelle on l'introduit dans le fusil. **Fig. Terme militaire.** Déchirer la toile, exécuter sans ensemble des feux d'infanterie. Déchirer se dit, en un sens plus restreint, pour faire une déchirure. Elle a déchiré sa robe. On dit aussi déchirer pour séparer, diviser, sans qu'il y ait une idée d'irrégularité. Déchirer une feuille de papier en deux.

Среди его производных находим также: 3. Causer une vive douleur physique 'причинять сильную физическую боль'. *"Un mal cuisant déchire ma poitrine"* [Béranger, Malade.], – и этот же пункт дает нам переносный смысл **Fig. Déchirer le coeur, l'âme, causer une vive, une profonde affliction** (выделенными – А.А.) 'разрывать сердце, душу, причинять сильное, глубокое горе'. *"Qu'il déchire mon âme et ne l'ébranle pas"*. [Corneille, Polyeucte]. Elliptiquement et en sous-entendant le coeur, l'âme. *"...Hélas ! que vous me déchirez"* [Racine, Bérénice; цит. по: Littré].

Данное значение также зафиксировано словарем Ушакова: «1. несовер. к разодрать (разг.). 2. Разъединять, производить внутренний раздор, вражду (книжн.). 3. **Терзать, причинять боль, вызывать сильные муки, страдание (книжн.).** Печаль раздирает душу. Тоска раздирает сердце. Раздирать сердце воплями. Раздирающее душу горе. Раздирающий душу крик (пронзительный и страдальческий)» [Ушаков 1940].

toucher (тронуть / трогать):

«Поступок твоего рыцаря меня тронул, кроме шуток» [А.С. Пушкин. Роман в письмах, с. 364]

Глагол *toucher* обладает крайне развитой семантической структурой, которая насчитывает более сорока семем, мы, как и в предыдущем случае, ограничимся лишь основным значением и теми его производными, которые могут

представить нам пути семантической эволюции французского слова и, в конечном итоге, непосредственный источник семантического заимствования:

1. *Sentir un objet avec la main* ‘ощущать предмет рукой’. *Toucher de la main, du doigt. Toucher doucement, légèrement. "Ayant touché l'oreille de cet homme, il le guérit"* [Sacy, Bible, Évang. St Luc, XXII, 51]. Генерализация основной семемы отражается далее: 2. *Se mettre en contact avec un objet, de quelque autre façon que ce soit* ‘вступить в контакт с чем-л. любым способом’. *Toucher du pied. Il le toucha avec son gant, avec son chapeau. "La coupe dans ses mains par Narcisse est remplie ; Mais ses lèvres [de Britannicus] à peine en ont touché les bords..."* [Racine, Britannicus]

Тем не менее, речь пока еще идет исключительно о физическом контакте. Источником метонимизации, по всей видимости, служит значение 10. *Recevoir, en parlant de sommes d'argent* ‘получить некую сумму денег’. *"Six mille francs que je devais toucher à Nantes"*. [Sévigné, 437] – т.е. физический контакт с кошельком постепенно смещается в область абстракций, и мы находим наконец:

17. *Toucher d'un sentiment, d'une passion, exciter ce sentiment, cette passion* (здесь и далее выделено нами – А.А.) ‘трогнть чувством, страстью, вызывать чувство, страсть’. *"Parmi tant d'objets différents, il y en eut un qui me toucha d'un véritable plaisir"*. [Voiture, Lettres]. **Absolument.** *"Son courage [de Mlle de Grignan se faisant religieuse] touche d'admiration et de tendresse pour elle"*. [Sévigné, 16 oct. 1680]

<...>

19. **Fig. Émouvoir, attendrir** ‘волновать’. *"Ce qui touche mon coeur, ce qui charme mes sens"*. [Corneille, Nicomède]. **Absolument.** *"Le secret est d'abord de plaire et de toucher"* [Boileau, L'art poétique].

Современные словари русского языка также фиксируют данное значение как переносное: «1. кого-что. Прикасаться к кому-чему-нибудь. Экспонаты трогать руками воспрещается. Трогать кого-нибудь за плечо. 2. перен., кого-что. Мешать кому-нибудь что-нибудь делать, вмешиваться в чьи-нибудь дела, задевать, приставать к кому-нибудь (разг.). «Лишь деточек не трогайте; за них горой стояла я» Некрасов. «Не трожь, Иванушка, дай мне наплакаться»

А. Островский. «– Примолвить к речи здесь годится, но ничьего не трогая лица, что делом, не сведя конца, не надобно хвалиться.» Крылов. 3. перен., кого-что. **Вызывать какие-нибудь глубокие чувства, сочувствие, приводить в умиление.** «Ни милый взгляд, ни вздох нескромный, ничто не трогало его» Пушкин. «Что ни говори, а любовь без надежд и требований трогает сердце женское» Пушкин. «Уверяю вас, что вы меня своим горем очень трогаете» Лесков. Он трогает до слез своей добротой» [Ушаков 1940].

plonger (погрузиться / углубиться):

«Однажды сидел я углубленный в критическую статью «Благонамеренного»; некто в гороховой шинели ко мне подошел и из-под моей книжки тихонько потянул листок «Гамбургской газеты» [А.С. Пушкин. История села Горюхина, с. 420]

Подобные трансформации легко проследить на материале другого глагола – *plonger*, – чью семантическую структуру, приведенную в словаре Е. Littré мы также не будем цитировать полностью, остановившись лишь на значимых моментах:

1. Faire entrer un corps dans un liquide ‘погружать/теловжидкость’. Plonger une cruche dans la rivière. "Elle égorge un bélier à leurs vues, Le plonge en un bain d'eaux et d'herbes inconnues..." [Corneille, Médée].

Переносным значением, напрямую производным от основного, является 4. **Fig.** Jeter, faire entrer dans quelque chose que l'on compare à un liquide ‘бросать, погружать что-л. Во что-то, сравниваемое с жидкостью’. "Et ce qu'ils ont osé contre leur servitude N'en a rendu le joug que plus fort et plus rude ; Qu'a fait Mardonius, qu'a fait Indibilis, Qu'y plonger plus avant leurs trônes avilis ?" [Corneille, Sertorius].

Параллельно у глагола развивается значение не переходности: 5. **vi** S'enfoncer sous l'eau ‘Погрузиться вводу’. Il plongea trois fois. "Et la sonde Plonge et replonge en vain dans une mer sans fond" [Delavigne, Messén. III, 2]. Descendre au fond de l'eau pour y chercher quelque objet, ou pour y travailler. Синтез обеих тенденций приводит к возникновению переносного значения, послужившего прототипом русского:

10. **Fig.** *S'enfoncer dans ce que l'on compare aux eaux* 'погрузиться во что-л., что сравнивается с водой'. "*Balas, qui se crut au-dessus de tout, se plongea dans la débauche, et s'attira le mépris de tous ses sujets*" [Bossuet, Discours sur l'histoire universelle]. *Se plonger en des remercîments, faire d'infinis remercîments.* "*Harlay, humble et modeste, se plonge en remercîments*" [Saint-simon, Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon].

Русским языком было заимствовано данное значение: «4. перен., во что. **Мысленно погрузиться во что-нибудь, размышляя, задумываясь.** «Углубился в воспоминания лета, перебрал все подробности». Гончаров. Углубиться в себя (предаться глубоким размышлениям о чем-нибудь, совершенно не замечая окружающего). «Он до того углубился в себя и уединился от всех, что боялся даже всякой встречи». Достоевский Углубиться в степь» [Ушаков 1940].

Следует уточнить, семантическое калькирование XIX в. имеет свою специфику, оно тесно связано с фразеологией: количественно расширяя семантический объем исконного слова, новое переносное значение реализуется лишь в строго определенных сочетаемостных условиях, заданных прототипом. Русские глаголы *разделять / разделить*, по образцу французского *partager* приобретает значение 'сопереживать' исключительно в сочетании с абстрактными именами, обозначающими чувства: *разделить печаль, радость*. Еще более явно фразеологичность переносного значения выражена у глаголов *разрывать / раздирать*: оно активизируется лишь в сопровождении существительных *сердце, душа*. Данное утверждение верно и для глагола *тронуть* (ср. *тронуть до слез, тронуть до глубины души*, но *тронуть за руку, тихонько тронуть и т.п.*). Глаголы *углубиться / погрузиться*, как и французский глагол *plonger*, приобретают переносное значение «увлечься» лишь в сочетании с именем существительным, указывающим на занятие: иностранный язык, воспоминания, работа – либо эмоцию: *погрузиться в свое горе*.

2. Структурные кальки

а. Словообразовательные кальки. Словообразовательное калькирование, т.е. поморфемное воспроизведение структуры иноязычного слова пережило

расцвет вXVIII в. (вспомним М.В. Ломоносова, который создал и ввел в активное употребление такие отсутствовавшие в русском языке термины как *созвездие*, *кислород*, *водород*). XIX в., эпоха естественных билингов, с легкостью переходящих с одного языка на другой, считает данную процедуру слишком сложной и громоздкой и, остро ощущая искусственный характер единиц подобного типа (*тихогром* ‘пианино’, *гульбище* ‘променад’ и т.п.), практически полностью отказывается от нее. Единичные результаты словотворчества являются скорее предметом литературоведения, они почти никогда не входят в узус. Пожалуй, единственным исключением из данного правила можно назвать неологизм, созданный М.Ю. Лермонтовым: *змеиться* (*Змеились косы на плечах младых*). Национальный корпус русского языка не фиксирует глагол в текстах, имеющих более раннюю датировку, в силу чего мы предполагаем корреляцию *змеиться* – *serpenter* (*serpent* – змея, -er – аффикс инфинитива глаголов 1-го типа спряжения). Повторим, все остальные отмеченные нами случаи словообразовательного калькирования в XIX – XX вв. ограничиваются подобными окказионализмами и не являются частью системы, поэтому подробнее на них мы останавливаться не станем.

в. Фразеологической калькой следует считать идиомы языка-рецептора, возникшие как буквальный (пословный) перевод устойчивых словосочетаний языка-источника. Лидирующие позиции как по частотности употребления, так и по общему количеству здесь занимают разнообразные глагольные конструкции, следующие аналитической модели, свойственной языку-источнику. В современном русском языке функционирует лишь сравнительно небольшое их число, большая часть с течением времени была вытеснена на периферию языка однословными эквивалентами либо оборотами, использующими иной глагол. Так, широкое распространение во французском языке выражений с глаголами *avoir* (иметь), *être* (быть), *faire* (делать), *prendre* (брать), *entrer* (входить) обусловило активизацию в текстах таких идиом, как выражения с глаголом **иметь (avoir)**:

иметь в нравах ‘avoir dans les mœurs’

«Все они **имеют в нравах** своих свирепость диких народов» [Н.А. Дурова. Серный ключ, с. 160].

иметь вечера/вечер ‘avoir des soirées’

«Зачем не выйти за него, — ты жила бы на Английской набережной, по субботам **имела бы вечера**, и всякое утро заезжала бы за мною» [А.С. Пушкин. Роман в письмах, с. 361].

иметь честь ‘avoir l’honneur’

«Почтеннейшее письмо ваше от 15-го сего месяца получить **имел я честь** 23 сего же месяца, в коем вы изъявляете мне свое желание **иметь подробное известие** о времени рождения и смерти, о службе, о домашних обстоятельствах, также и о занятиях и нраве покойного Ивана Петровича Белкина, бывшего моего искреннего друга и соседа по поместьям» [А.С. Пушкин. Повести Белкина, с. 369].

иметь известия/известие ‘avoir des nouvelles’ (см. выше)

иметь знакомства ‘avoir des connassances’

«Квартира моя бедна, Александров, — сказала госпожа С...ва, прощаясь со мною, — но я **имею прекрасные знакомства**, у меня бывают люди очень образованные, которых ум и приятные таланты сделали бы честь всякому кругу, высокому, не только мрачной хижине бедной вдовы С...вой!» [Н.А. Дурова. Год жизни в Петербурге, или невыгоды третьего посещения].

иметь намерение / намерения ‘avoir l’intention’

«Я и **не имею этого намерения**, но прошу у вас только позволения дойти до регулярных войск в звании и одеянии казака при вас или при полку вашем» [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы].

иметь средства ‘avoir des moyens’

«Вы, конечно, знаете, где она расположена? знаете дорогу, по которой ехать, и **имеете к этому средства?**» — спросил полковник, усмехаясь» [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы].

иметь случай ‘avoir l’occasion’

«Благосклонный читатель знает уже, что воспитан я был на медные деньги и что **не имея**случая приобрести сам собою то, что было раз упущено <...>» [А.С. Пушкин. История села Горюхина, с. 417].

выражения с глаголом **быть (être)**:

быть не в своей тарелке ‘ne pas être dans son assiette’

«На балах, вечерах **не в своей тарелке** я» [Н.А. Дурова. Год жизни в Петербурге, или невыгоды третьего посещения, с. 109].

Быть в дурном нраве ‘être en mauvaise humeur’

«Ведь я сказала вам, что **была в дурном нраве**, и в этом состоянии мы обыкновенно смотрим на вещи неблагоприятно и видим их не такими, как они в самом деле, но такими, как показываются нам сквозь тот мрак, который на ту пору затемняет свет ума нашего» [Н.А. Дурова. Год жизни в Петербурге, или невыгоды третьего посещения, с. 124].

Быть в моде ‘être à la mode’

«В то время строгость правил и политическая экономия **были в моде**» [А.С. Пушкин. Роман в письмах, с. 367].

выражения с глаголом **брать (prendre)**:

взять / брать место ‘prendre place’

«...тихо ревуций голос раздался почти под потолком: "Не угодно ли **взять место** между нами?"» [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы, с. 30].

взять / брать участие ‘prendre part’

«Полковник принял нас очень вежливо, просил остаться у него обедать и **взять участие** в их удовольствиях» [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы, с. 31].

«Да ведь это делается по доброй воле, и без этого легко можно обойтись всякому, кто не хочет **брать участия** в нашей вакханалии» [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы, с. 32].

выражения с глаголом **делать (faire)**:

делать балы ‘faire des bals’

«...она жила открыто, была знакома с лучшим обществом из окружных помещиков, имела хорошего повара и часто **делала балы**» [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы, с. 12].

делать удовольствие ‘faireplaisir’

«Я пришло за вами карету, – говорила она, – и **вы сделаете мне удовольствие**, привезете с собою несколько экземпляров ваших книг. У меня просили их» [А.С. Пушкин. Роман в письмах, с. 277].

заниматься эволюциями ‘faire des évolutions’

«...вместе идем в конюшню; уланский ментор мой хвалит мою понятливость и всегдашнюю готовность **заниматься эволюциями**, хотя бы это было с утра до вечера» [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы, с. 34].

делать честь ‘fairel’honneur’

«Но если я хочу **сделать эту честь** кому другому, то он не смеет противиться моей воле» [Н.А. Дурова. Год жизни в Петербурге, или невыгоды третьего посещения, с. 103].

делать сопротивление ‘fairelarésistance’

«Горько плача, взяли они ее на руки и понесли домой; **она не делала никакого сопротивления** и только стонала» [Н.А. Дурова. Серный ключ, с. 168].

делать перемену ‘faire le changement’

«Приближение весны **делало** в ней ощутительную **перемену**» [Н.А. Дурова. Серный ключ, с. 170].

выражения с глаголом **входить / вступать (entrer):**

входить в долги ‘entrer dans les dettes’

«он и в деревне находил способ **входить в новые долги**» [А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка, с. 403].

войти / вступить в службу ‘entrer en service’

«Он был воспитан в университете и намеревался **вступить в военную службу**, но отец на то не соглашался» [А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка, с. 404].

*«Я очень обрадовалась возможности **войти в службу**, не подвергаясь ненавистному обряду плясать на улице, и сказала это наместнику» [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы].*

войти в подробности ‘entrer dans les details’

*«Для того должен я **войти в некоторые предварительные подробности**» [А.С. Пушкин. История села Горюхина, с. 417].*

Вышеперечисленные глаголы, поставляющие французскому языку значительную часть фразеологического фонда, являются наиболее продуктивными с этой точки зрения и в русских текстах первой трети XIX века. Однако в ходе анализа литературных произведений указанной эпохи нами были выявлены и иные глаголы, послужившие основой для создания фразеологических калек. Так, менее частотны, но также продуктивны глаголы *давать* ‘donner’, *искать* ‘chercher’, *играть* ‘jouer’.

выражения с глаголом **давать ‘donner’**:

давать / подавать знак ‘donnerunsigne’

*«...минуты две я смотрела на него молча; он лежал с закрытыми глазами, не **подавая знака жизни**, видно, думал, что над ним стоит неприятель» [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы, с. 4].*

*«Папа, – отвечала Лиза, – я приму их, если это вам угодно, только с уговором: как бы я перед ними ни явилась, что б я ни сделала, вы бранить меня не будете и **не дадите никакого знака** удивления или неудовольствия» [А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка, с. 412]*

дать время ‘donner le temps’

*«**Не дав себе времени** зарядить ружье, вышел он в поле с верным своим Сбогаром и побежал к месту обещанного свидания» [А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка, с. 409].*

выражения с глаголом **искать ‘chercher’**:

искать руки ‘chercher la main’

*«В конце пятнадцатого года ее от рождения женихи толпою предстали **искать руки ее**» [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы, с. 1].*

«Нет, – говорила она, – не так **ищут** руки девицы! К чему объясняться с тобою! Надобно было прямо отнестись к твоим родственникам!» [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы]

искать быть с к.-л. ‘chercher à + inf., напр. chercher à être avec qn’

«Офицеры Атаманского полка, будучи образованнее других, замечают в обращении моем ту вежливость, которая служит признаком хорошего воспитания, и, оказывая мне уважение, **ищут быть со мною вместе**» [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы, с. 28].

выражения с глаголом **играть ‘jouer’**:

играть в карты ‘jouer aux cartes’

«...офицеры обоих полков часто бывают вместе; род жизни их мне кажется убийственным: сидят в душной комнате, с утра до вечера курят трубки, **играют в карты и говорят вздор**» [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы, с. 28].

Синтаксическая структура фразеологических калек также разнообразна, помимо уже отмеченного сочетания «глагол + сущ.», были выявлены иные типы словосочетаний, например,

- глагол + наречие (*познакомиться короче* – от фр. uneconnaissance étroite):

«Муромскому предстояло затруднение: уговорить свою Бетси **познакомиться короче** с Алексеем, которого не видала она с самого достопамятного обеда» [А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка, с. 414].

Единичны случаи нехарактерного для русского языка употребления некоторых наречий, что, по-видимому, вызвано интерференцией со стороны французского синтаксиса:

«Хотя в полтора года **я много выросла** (*j’ai beaucoup grandi*) и была почти головою выше матери, но не имела уже ни того воинственного вида, делавшего меня похожею на Ахиллеса в женском платье, ни тех гусарских приемов, приводивших мать мою в отчаяние» [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы, с. 14].

Во французском языке наречие beaucoup ‘много’ употребляется с глаголами в значении ‘очень’, в отличие от наречия très, употребляющегося исключительно

с именами прилагательными или наречиями (ср. *s'ennuyer beaucoup* – очень скучать, *aimer beaucoup* – очень любить, *très belle* – очень красивая, *très vite* – очень быстро).

Подобных примеров немного, но они достаточно частотны в литературе XIX в. и могут формировать устойчивые словосочетания и формулировки, например, *вы меня много обяжете* (ср. с совр. *вы меня **очень** обяжете*).

«Сверх ожидания, матушка приняла меня ласково; ей приятно было видеть, что я получила тот скромный и постоянный вид, **столько** приличествующий молодой девице» [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы, с. 14].

По видимости, употребление наречия *столько* является калькой французского *si* в значении ‘столько, так, такой’: *un air si convenable à une jeune fille*.

- личная форма глагола + инфинитив. Подобные сочетания имеют широкое распространение во французском языке (*j'ai entendu parler, laissez-moi passer, nous le faisons croire*), что делает вполне закономерной их высокую частотность в русско литературе.

«Читатель догадается, что на другой день утром Лиза **не замедлила явиться** (*ne pas se tarder de faire qch*) в роце свиданий» [А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка, с. 413].

«Смерть дражайших моих родителей **принудила меня подать в отставку** (*obliger qn à faire qch*) и приехать в мою вотчину» [А.С. Пушкин. История села Горюхина, с. 418].

«К востоку примыкает она к диким, необитаемым местам, к непроходимому болоту, где произрастает одна клюква, где раздаётся лишь однообразное кваканье лягушек и где суеверное предание **предполагает быть обиталищу** некоего беса (*supposer faire qch*)» [А.С. Пушкин. История села Горюхина, с. 423].

«Офицеры Атаманского полка, будучи образованнее других, замечают в обращении моем ту вежливость, которая служит признаком хорошего

воспитания, и, оказывая мне уважение, **ищут быть со мною** вместе (*chercher à faire qch*)» [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы, с. 28].

«Но Вышемирский **находит забавным уверять** ее (*trouver amusant faire qch*), что поручик **страшится потерять** (*craindre de faire qch*) спокойствие сердца и для того убегает опасной квартиры своей» [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы].

Как видно из приведенных примеров, французский инфинитив как субстантивированное действие гораздо более близок к характеристикам имени существительного, чем русский, в частности, сочетания «глагол+инфинитив» зачастую требуют предложного управления, чего не наблюдается у русских калек французских словосочетаний.

Помимо глагольных сочетаний, в текстах анализируемой эпохи отмечены выражения, чья структура построена на сочетании именных частей речи:

- сущ. + прил., например,

«**Хозяйственные упражнения** (*des exercices ménagers*) скоро его утешили» [А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка, с. 403];

«**Барышни поглядывали на него, а иные и заглядывались; но Алексей мало ими занимался, а они причиной его нечувствительности полагали любовную связь** (*un lien amoureux*)» [А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка, с. 404];

«**Одежда горюхинцев состояла из рубахи, надеваемой сверх порток, что есть отличительный признак** (*un signe distinctif*) их славянского происхождения» [А.С. Пушкин. История села Горюхина, с. 425];

«**Ненависть к нововведениям была отличительная черта** (*un trait distinctif*) его характера» [А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка, с. 404];

«**Науки, искусства и поэзия издревле находились в Горюхине в довольно цветущем состоянии** (*un état florissant*)» [А.С. Пушкин. История села Горюхина, с. 425];

«**Это был прекрасный случай** (*une belle occasion*) научиться эгоизму: принять твердое намерение всегда и во всяком случае думать более о себе, нежели о других!» [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы, с. 56]

- сущ. + сущ. Т.В. Стрекалева, ссылаясь на Е.Г. Ковалевскую, отмечает в работе «Русско-французский билингвизм как характерная черта творчества А.С. Пушкина», что «в XIX в. расширился круг генитивных метафор под влиянием французского языка. А.С. Пушкин широко использует такие словосочетания для создания поэтических образов: предмет любви, девы веселья, знак наслаждения, плоды мечты и т.д.» [Стрекалева, с. 179]. Частотность генитивных конструкций в русских текстах первой половины XIX в. происходит из широкого распространения во французском языке сочетаний двух существительных, связанных предлогом *de* (передающим отношения родительного падежа), что объясняется в первую очередь отсутствием во французском языке класса относительных прилагательных: так, деревянный дом – *maisondebois*, театральный критик – *critiquedethéâtre*. Метафорические конструкции, свойственные индивидуально-авторскому стилю, функционируют наряду с прямыми кальками французских устойчивых выражений:

«Город, у подошвы утесистой горы, дремал в полуночной тишине; лучи месяца играли и отражались на позолоченных главах собора и светили на кровлю дома, где я выросла!..» [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы, с. 19]

«Проезжая рощу, окружавшую монастырь, я очень удивилась, увидя одного из тех людей, которые должны были ждать меня у подошвы горы, идущего ко мне пешком» [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы, с. 47].

Н.А. Дурова заимствовала готовое французское выражение *au pied de la montagne*: *pied* ‘Endroit le plus bas d'une montagne, d'un mur, d'une tour, etc.’ [Littré].

А.С. Пушкиным также употребляются прямые кальки французских выражений:

«Сия эпоха жизни моей (époque de ma vie) столь для меня важна, что я намерен о ней распространиться, заранее прося извинения у благосклонного читателя, если во зло употреблю снисходительное его внимание» [А.С. Пушкин. История села Горюхина, с. 418].

Слово *époque* часто употребляется во французском языке для обозначения какого-либо периода времени, не всегда продолжительного: *Toute partie du temps*

par rapport à ce qui s'y passe. L'époque de son mariage. J'étais à cette époque très loin de Paris [Littré]. Данное значение ('период жизни человека'), часто реализуемое в языке-источнике в сочетании *époque de ma vie* (в том числе и в современном языке, ср. *l'époque de ma vie que j'ai voulu décrire, la pire époque de ma vie, Quelle est l'époque de votre vie que vous aimeriez revivre...*) было калькировано русским языком.

с. Синтаксической калькой следует считать «восстановленную» принимающей системой синтаксическую конструкцию (чаще всего словосочетание), несущую в себе отпечаток грамматической нормы языка-источника. Наиболее частотной синтаксической калькой является использование не характерных в данной ситуации русских предлогов и/или падежных окончаний как средства передачи специфики французского управления.

«Я намерена все это прочесть и начала Ричардсоном» [А.С. Пушкин. Роман в письмах, с. 360].

Творительный падеж, по мнению А.С. Пушкина, точно передает значение пассива, которое во французском языке вводит *traq*, в частности в выражении *compenser par* (ср. с совр. *начать с чего-л.*).

«Около получаса прошло в несносном для него ожидании; наконец он увидел меж кустарника мелькнувший синий сарафан и бросился навстречу милой Акулины» [А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка, с. 309].

Ранее мы отмечали корреляцию отношений, передаваемых выражаемые французским предлогом *de*, соотношениями родительного падежа в русском языке. Приведенный пример демонстрирует полное калькирование французской структуры: *à la rencontre de qn* 'навстречу **кого-либо**', которая поддерживается за счет выбора родительного падежа: *навстречу милой Акулины*.

В целом, А.С. Пушкин довольно последователен в своих лингвистических убеждениях; для сравнения приведем строки из стихотворения «Зимнее утро»:

«Открой сомкнуты негой взоры

Навстречу северной Авроры,

Звездю севера явись!»

Частотность выбора родительного падежа как эквивалента предлога *de* в литературе данного периода подтверждают и вдержки из произведений других авторов, например, Н.А. Дуровой:

«Батюшка ужаснулся состояния, в котором видел мать мою...»
[Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы, с. 14].

Нормативное употребление предлога *de* управления глаголов *s'effrayer de qch, s'éprouvanter de qch, prendre peur de qch, s'affoler de qch* 'испугаться, ужаснуться', вполне объясняет родительный падеж в русском тексте: *ужаснулся состояния*.

Еще более яркий случай передачи отношений, выражаемых предлогом *de* посредством русского родительного падежа:

«...просила отца моего убить ее и тем избавить нестерпимого мучения жить, быв им пренебреженною!» [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы, с. 14].

Ненормативное, с позиций современного русского языка, предложное управление обусловлено устойчивой и последовательной передачей французских предлогов *dans, en, à* русским предлогом *в*:

*«Если б Григорий Иванович мог предвидеть эту встречу, то конечно б он поворотил в сторону; но он наехал на Берестова вовсе неожиданно и вдруг очутился от него в **расстоянии** (à *ladistance*) нистолетного выстрела»*
[А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка, с. 410];

*«Он был воспитан в *** университете и намеревался **вступить в военную службу**, но отец на то не соглашался»* [А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка, с. 409];

*«Хорошо, – отвечал Иван Петрович, – вижу, что ты послушный сын; это мне утешительно; не хочу ж и я тебя неволить; не понуждаю тебя **вступить... тотчас... в статскую службу**; а покамест намерен я тебя женить»*
[А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка, с. 415].

Стремление сохранить предлог обеспечивает передачу французского *pour* в сочетаниях *passer pour, reconnaître pour* русским предлогом *за*: *сойти за, счесть за*:

«Я хотела было сказать, что в скором времени он сам увидит, стою ли я чести быть принят в число воинов, имеющих завидное счастье служить Александру; но промолчала, боясь, чтоб не сочли этого за неуместное самохвальство» [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы].

Помимо предлогов, показателем синтаксического калькирования может являться нехарактерное для русского языка функционирование союзов. Например, препозиция по отношению к подлежащему придаточного дополнительного предложения, свойственная французскому союзу *dont*, определила изменение порядка слов в следующих случаях :

«Вы, **которых всякий шаг на счету, которым нельзя пройти двух сажень без надзора и охранения!**» [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы];

«К северу граничит она с деревнями Дерюховым и Перкуховом, **коего обитатели бедны, тощи и малорослы, а гордые владельцы преданы воинственному упражнению заячьей охоты**» [А.С. Пушкин. История села Горюхина, с. 423].

Т.В. Стрекалева также указывает, что, по всей вероятности, конструкция слишком... чтобы (*trop... pour*) также может быть отнесена к синтаксическим галлицизмам:

«Сильвио был слишком умен, чтобы этого не заметить» [Выстрел].

На наш взгляд, подобное же замечание справедливо и для конструкции *столь... как 'si (aussi)... que'*:

«Они **столь целомудренны, как и прекрасны; на покушения дерзновенного отвечают сурово и выразительно**» [А.С. Пушкин. История села Горюхина, с. 424].

Т.В. Стрекалева обращает внимание и на другие кальки, встречающиеся в авторской речи А.С. Пушкина: *от времени до времени – detempsentemps*, *три или четыре – troisouquatre* (вместо *три-четыре*), *три дня после роковой ночи – troishouresaprès* (вместо *через три дня*, французский предлог *après* 'после' употребляется вместо *dans* в значении 'через' как элемент согласования времен, в плане прошедшего).

Активное употребление пассивного залога, способствовало расширенную сферы использования страдательного причастия прошедшего времени в русском языке (как кальки многочисленных оборотов, в состав которых входит французское *participle passé*):

«...просила отца моего убить ее и тем избавить нестерпимого мучения жить, быв им **пренебреженною** (*négligée*)!» [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы, с. 14];

«Обольстительный удовольствия света, жизнь в Малороссии и черные глаза Кирияка, как сон, изгладились в памяти моей; но детство, **проведенное** в лагере (*enfance passée*) между гусарами, живыми красками рисовалось в воображении моем» [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы, с. 15];

«Однажды сидел я **углубленный** (*plongé*) в критическую статью «Благонамеренного» [А.С. Пушкин. История села Горюхина, с. 420] и т.д.

А.С. Пушкин не был одинок в своем видении французского языка как «разработанного в совершенстве, удобного для выражения чувств и мыслей». Как становится очевидным из вышеизложенного, для русского литературного наследия первой половины XIX в. характерны все виды калек, различна лишь процессуальная частотность, что служит своеобразным подтверждением слов поэта: «мы и рады бы читать по-русски; но словесность наша, кажется, не старше Ломоносова и чрезвычайно еще ограничена» [А.С. Пушкин. Рославлев, с. 150]. «Скрытое заимствование», наряду с заимствованием явным – «материальным» – не просто является неотъемлемой частью русского языка первой половины XIX в., оно представляет собой его системный элемент. Воспроизведение чужих норм – неоднозначный феномен в развитии языка как системы. Лексика, как наиболее подвижный ее ярус, способна быстро реагировать на любые изменения общественной жизни, что мы и наблюдаем на примере не только давно устаревшего «салонного жаргона» (*палья, политес, фраппировать*), но и более поздних лексических пластов. Грамматика же, как наиболее ригидная область языка, располагает гораздо более узким инвентарем реакций, в силу чего, при всей устойчивости к внешним факторам, именно этот ярус несет в себе наиболее

достоверные свидетельства о системности влияния французских норм на русский язык в одну из ключевых эпох его становления.

Выводы по главе 2

Детальное рассмотрение понятия «билингвизм» и его типологии в позволяет оценить точность слов О.А.Козыревой, которая писала о конфликтности определений, отражающих большей частью «расхожие бытовые или профессиональные представления о нем» [Козырева 2013, с. 152]. Тем не менее, можно констатировать также, что большинству ученых свойственно в общем достаточно компромиссное отношение к степени владения двумя языками при билингвизме.

Таким образом, на основании детального анализа как существующих в отечественной и зарубежной лингвистической науке подходов к определению билингвизма, так и специфических характеристик языковой ситуации, сложившейся в русском обществе к началу XIX в., мы приходим к выводу, что данная ситуация может быть охарактеризована как естественный симметричный (полноценный) билингвизм, для которого характерно как осознанное, так и неосознанное смешение языковых кодов, причем первое выполняет стилистические функции (либо служит средством заполнения лакун), тогда как второе проявляется в речи билингвов на разных уровнях и находит отражение как в плане выражения (иноязычные вкрапления, калькирование иноязычных фразеологических оборотов, вариантность), так и в плане содержания (в частности, на уровне семантики это смешение четко прослеживается в межъязыковых лексических корреляциях).

Будучи отражением внеязыковой реальности, лексический состав национального языка создает некий «слепок» действительности, причем в процессе языковых контактов происходит столкновение двух разных отражений, характеризующееся взаимопроникновением большего или меньшего количества элементов. Следствием данного процесса является возможность установить

области социальной и индивидуальной жизни, подвергшиеся наиболее жесткому воздействию чужой культуры. В XVIII – XIX вв. это сферы военного дела, моды, кулинарии. Значительное количество галлицизмов фиксируется в бытовой тематике, что говорит о серьезных модификациях повседневной жизни русского общества. Наука и техника, культура и искусство, архитектура и интерьер также регистрируют не прекращающийся на протяжении всего XIX в. прилив романских элементов. И, наконец, сфера общественно-политической деятельности не могла остаться вне французского влияния в силу неизменного интереса к философским концепциям Просвещения, заложенного еще при Екатерине II. Наиболее активным языковым процессом является расширение сферы употребления слов, проникших в русский язык на более ранних этапах контактирования, и вхождение их в общелитературный язык на правах полноценных активных единиц. В языке художественной литературы часты иноязычные, в первую очередь французские, вкрапления, функционирующие в творчестве авторов-билингвов в самых разнообразных прагматических и стилистических функциях: вкрапления заполняют смысловые лакуны, служат для кодировки мета- и гипертекстовой информации, выступают в качестве эвфемизмов, характеризуют индивидуальные черты персонажей, воссоздают языковой портрет и вкус эпохи. Спецификой указанного периода является системный перенос в русский литературный язык норм французской семантики, фразеологии и синтаксиса, что выражается в обилии калек, в том числе и на синтагматическом уровне: специфика французской сочетаемости обусловила вхождение в русский язык новых фразеологем и синтаксических конструкций.

XX в. характеризуется резким прекращением языковых контактов и снижением частотности употребления уже проникших в русский язык галлицизмов. Заимствуются редкие технические и военные термины, некоторые элементы входят в русскую лексику как экзотизмы, но доминирующей тенденцией является архаизация и историзация иноязычной лексики в силу практики идеологического пуризма, прочно установившейся в 30-е гг. прошлого столетия.

На рубеже XX – XXI вв. отмечается «потепление» в отношениях с западноевропейскими странами, что способствовало активизации языковых контактов и спровоцировало новый виток «форматирования» жизненного уклада российских граждан. Смещение приоритетов в сторону англо-американской культуры и, как следствие, языковой модели обусловило подлинную «экспансию» англицизмов, однако и романская лексика представляет немалую часть в общей массе новейших иноязычий. В первую очередь, это единицы сферы моды и индустрии красоты в целом, кулинарная лексика, а также номинации новых течений и тенденций искусства и культуры. Помимо активизации новых единиц французского происхождения, в указанных и иных сферах отмечается новая для русского языка тенденция к реактивации лексики, ставшей в XX в. принадлежностью пассивного запаса. Спецификой реаквационных процессов является довольно частотное уточнение семантики архаизма/историзма с учетом новых реалий либо смещение его функционально-стилистической нагрузки. Значительную роль здесь играет возникновение новых литературных жанров, требующих собственных выразительных средств. В текстах новейшего периода мы вновь отмечаем довольно значительное число иноязычных вкраплений, в том числе и романских, причем спектр причин их введения в ткань произведения расширяется за счет экстралингвистических факторов, брендовой политики, например.

Одной из универсалий любого этапа языковых контактов остается формальное варьирование лексических новообразований, обусловленное несколькими взаимно противоречивыми тенденциями: стремлением билингов сохранить максимальную близость формального облика иноязычия прототипу и, напротив, сопротивление принимающей системы проникновению чуждых фонетико-орфографических норм, а также одновременное влияние нескольких языков, обусловленное многоконтактностью описываемой эпохи.

Глава 3. Формальная адаптация французской лексики в русском языке

§3.1 Алло- и изоморфизм французской и русской фонологии

3.1.1 Специфика фонологических систем контактирующих языков

Фонетическая и фонологическая адаптации рассматриваются обычно как первый этап комплексного процесса ассимиляции, в общем-то довольно справедливо: приносящие чужие элементы носители языка-рецептора, в своих попытках подражать «иноземному» произношению, найти в родной системе подходящие фонемы либо приспособить уже имеющиеся в языке-доноре к ее требованиям, дают неверную фонологическую интерпретацию этим чужим звукам и пропускают заимствуемую лексику через «фонологическое сито» принимающего языка [Трубецкой 1960, с. 59].

Влияние, которое фонемы языка-рецептора и свойственные ему фонетические процессы оказывают на адаптацию иноязычного слова носит спонтанный характер. М. Калиневич в работе «Заимствования из французского языка в современном русском литературном языке в свете фонологической и морфологической систем» отмечает случаи «неразличения и непроизношения разных фонем чужого языка из-за отсутствия их в наборе родного» [Калиневич 1978, с. 7]. Так, если японец пытается произнести русское слово, содержащее звук [л] либо его мягкий коррелят, закономерно получится звук [р], поскольку фонологическая система японского языка не содержит фонем [л]/[л']. К слову, данный факт обыгрывался в современной русской литературе, вспомним романы Б. Акунина (Г. Чхартишвили), где камердинер главного героя японец Маса изъясняется по-русски следующим образом: *«Убийство дза дзенги искрютяетца. Эта семья быра софусем нисяя. Это радз. Сумаседся дзестокость – дазе маренкького марьсика не подзярер. Это два. Есе градза. Вы сами говорири, господзин, сьто придзнак мания-карьного убийства – ритуар.*

Затем градза выкарывачь? Ясно – сумаседсий ритуар. Это три. Маниак убир, тотьно. Как тогда Дзекоратор» [Б. Акунин, «Любовник смерти»]. Подобную же контаминацию фонем можно наблюдать на ранних стадиях изучения французского языка, когда студенты либо школьники заменяют при говорении оба парных по подъему (открытый-закрытый) звука – [a] и [ɑ], [ɛ] и [e], [ɔ] и [o] – фонемами, характерными фонологической системе русского языка: [a], [э], [о], произнося одинаково *mat / mât, fait / féе, Paul / pole*.

Впрочем, подобная субституция чужих фонем не единственный возможный при фонологической адаптации процесс. В редких случаях фонологическая система языка-рецептора заимствует вместе с иноязычными лексемами фонемы другого языка: так, М. Калиневич же отмечает звук [ф], который в русском, равно как и в других славянских языках, выступал ранее исключительно как результат оглушения [в]. Первые модификации были внесены в русскую фонологическую систему элементами греческого происхождения, где указанный звук вполне устойчиво функционирует перед гласными. Дальнейшему закреплению данной тенденции способствовал процесс массового заимствования из немецкого и французского, потом и английского языков. Если говорить о современном русском языке, то некоторыми учеными отмечается активизация в русском языке фонемы [дж] под влиянием английских и – в меньшей степени – итальянских заимствований, ср. *джентльмен, гаджет, суперджет и джакузи, формаджи* и т.д.

С нашей точки зрения, для изучений характерных для русского языка реакций на проникновение в его систему элементов французского происхождения, целесообразным является провести как минимум синхронный анализ фонематических структур обоих языков.

Исследования фонематической системы французского языка имеют сравнительно недолгую историю. Они были начаты по инициативе В. Матезиуса, сравнивавшего чешский язык с другими европейскими языками, с точки зрения фонологии, и впервые констатировавшего наличие в нем гласных и согласных фонем, а также роль долготы (длительности) гласных и звонкости согласных как смыслоразличительных признаков. Система гласных фонем французского языка

рассматривалась А. Зоммерфельтом и Ж. Веренбеком, причем интересы последнего концентрировались не столько на современном ему состоянии вокалической системы французского языка, сколько на характеристиках гласных старофранцузского языка (*Le système vocalique français du XI siècle d'après les assonances de la vie de St. Alexis*, 1933). Также в 1933 г. А. Мартине в работе *Remarques sur le système phonologique du français* представил теорию гласных фонем во французском языке и вплотную подошел к обоснованию и построению системы архифонем (работа, посвященная данной проблематике *Neutralisation et archiphonème* выходит тремя годами позже, в 1936), понимание которых у Мартине в значительной степени отличается от концепции Пражского кружка, более напоминая подходы и терминологию Московской школы (ср. понятие гиперфонемы). Годом спустя, в 1937 г. советский лингвист Л.В. Щерба в труде «Фонетика французского языка» при описании французской фонематической системы определяет [э] (*escaduc*, «беглый» е) как отдельную фонему, которая, в отличие от [oe] выпадает в слабой позиции: *peuple, beurre, fleur*, но *aussecours, à venir, la petite fille* и т.д.

При анализе фонематического строя французского языка в нашем исследовании мы берем за основу концепцию Л.В. Щербы, тогда как при описании характеристик фонематической системы русского языка, после долгих колебаний, приняли решение опираться на Ленинградскую фонологическую школу: хотя некоторые закономерности субституции французских фонем русскими склоняют нас к рассмотрению фонемы [ы] (по крайней мере ее неударного аллофона [ы³]), как варианта [и^е] после твердой согласной, мы понимаем, что в некоторых случаях выделение [ы] в качестве отдельной фонемы является принципиальным вопросом отечественной фонологии.

Сопоставление структур русского и французского языков не позволяет нам избежать сравнения их фонематических систем, тем более что эти языки, с точки зрения генеалогии, принадлежат к разным языковым группам: романской и славянской, что, безусловно, несколько затрудняет сравнение, но, с другой стороны, позволяет выявить наиболее яркие специфические черты каждого из

контактирующих языков. Алломорфные черты каждой из фонологических систем позволяют констатировать, что фонетические системы французского и русского языков относятся к совершенно разным, можно сказать, противоположным типам.

Бесспорный консонантизм фонологической системы русского языка определяется сугубо математически: соотношением согласных и гласных фонем (36 и 6 соответственно). Качественная же специфика подчинительной связи между консонантизмом и вокализмом русской фонологии выражается, в первую очередь, в большей информативности согласных, которые, в силу подавляющего численного превосходства, имеют больше возможностей как в рамках конститутивной функции (при слово- и формообразовании), так и дистинктивной (при различении слов и словоформ). Вторым немаловажным фактором выступает то влияние, которое согласные звуки оказывают на гласные в потоке речи, определяя активизацию значительной части их аллофонов.

Напомним, что основная типологическая характеристика консонантизма русского языка заключается в наличии двух привативных оппозиций: твердые / мягкие и звонкие / глухие согласные фонемы, соотносительные ряды которых и формируют ядро системы, определяя и регулируя ее специфику. Внутри же ядра доминирующая роль принадлежит оппозиции твердых / мягких фонем, воздействие которых на соседние гласные максимально: аллофоны гласных фонем после мягких (палатализованных согласных) всегда артикулируются ближе к переднему ряду.

Вокалический характер французской фонологии детерминирован несколькими дистантными факторами. В первую очередь, конечно, речь идет о количественной составляющей фонематической системы: 18 согласных и 16 гласных, включая [ə] caduc, которую Л.В. Щерба определял как отдельную фонему. Понятно, что преимущество французских гласных далеко не столь подавляюще, как доминирование согласных в русском языке, однако качественные характеристики здесь совершенно иные. Во-первых, артикуляция французских гласных более напряженная, она требует более серьезных усилий от органов речи как на этапе экскурсии, так и при выдержке, т.е. на протяжении

всего периода звучания тембр гласной не меняется. Во-вторых, французские гласные не нейтрализуются в безударном положении: в потоке речи французская безударная гласная всегда находится между двумя ударными, т.н. *accent secondaire*, выделяющий каждую третью гласную с конца слова / ритмической группы, не позволяет органам речи принять более расслабленное положение, в силу чего безударная фонема не утрачивает своих дифференциальных признаков.

Последней из характеристик, определяющих относительную независимость французского вокализма, является отсутствие во французском языке палатализации согласных, что делает неактуальной оппозицию согласных по твердости / мягкости. К слову, оппозиция звонких / глухих согласных фонем имеет большее значение для французского языка, в силу опять же вокалического характера системы: в финальной позиции (в абсолютном ауслауте либо перед немой гласной) звонкая согласная не нейтрализуется, выполняя смысловозначительную функцию: *base – basse* .

Таким образом, специфика консонантной и вокалической систем обоих языков заключается не только в количественном отношении гласных и согласных фонем, но и в их качественных характеристиках, из чего следует, что ни один французский гласный или согласный не является полностью идентичным русскому гласному или согласному соответственно, хотя разница в артикуляции заключается зачастую всего лишь в разной интенсивности.

Наиболее обособленная группа гласных, существующих лишь во французском языке, – это т.н. носовые (*voyelles nasales*: [ẽ], [õ], [ã], [œ]), полугласные (*semi-consonnes*: [w], [ɣ]) и, разумеется, [ə] (*ecaduc*), особым образом влияющий на произношение предыдущих согласных, во-первых, препятствуя их оглушению в конечной позиции (как уже отмечалось, вместо привычного носителям русского языка глухого звука сохраняется гемината: *neige, fraise, brave*) и, во-вторых, по справедливому замечанию М. Калиневич, в определенных условиях придает согласным слогаобразующий характер, ср., например, *but – butte, net – nette, c'est un fait – c'est une fête* [Калиневич 1978, с. 9]. Подобное поведение чуждо согласным русского языка, впрочем, то же самое можно сказать

о некоторых позиционных особенностях, связанных с уже упомянутыми носовыми гласными (так, в положении перед гласной носовой звук становится чистым, особенно явно это чередование прослеживается в морфологической оппозиции мужской / женский род имен существительных и прилагательных, ср. *Américain – Américaine, musician – musicienne, paysan – paysanne, lion – lionne, brun – brune*) и полугласными, которые формируют единый слог с предыдущим согласным и последующим гласным (*boîte, noir, nuit, suivre*).

Большим количеством гласных во французском языке обусловлены также многочисленные, зачастую очень тонкие, фонологические оппозиции, придающих словам иные значения: открытый/закрытый (*ouvert/fermé*): *met (il) / mais, jeet / j'ai, fait (il) / fée*; задний/передний (*antérieur/postérieur*): *fausse (il) / fosse, patte / pâte*; чистый/носовой (*oral/nasal*): *baron / baronne, Persan / Persane, Italien / Italienne*; лабиализованный/нелабиализованный (*labialisé/non-labialisé*): *blé / bleu, meut (il) / mais, ni / nu, dit / du, crie / cru* и т.д. В русском языке количество таких оппозиций весьма ограничено, однако весьма распространены оппозиции согласных, отсутствующие во французском языке, как, например, твердый/мягкий: *мел / мель, вес / весь, редки / редьки* (строго говоря, согласные русского языка делятся на три категории: твердые (велярные) – перед гласной заднего ряда, смягченные (палатализованные) – перед согласными переднего ряда, мягкие (палатальные) – сохраняющие данную характеристику вне зависимости от комбинаторики: *воля, тля*). Французскому языку, как неоднократно подчеркивалось исследователями (Л.В. Щерба, В.Г. Гак), явление палатализации согласных не характерно, за редким исключением: например, средненёбные согласные [k], [g], [l] изначально мягче русских заднеязычных велярных [к], [г], [л], но тверже их мягких коррелятов [к'], [г'], [л']).

Изучение французских заимствований в русском языке выявляет также актуальность вопроса слогоделения, главным образом, последовательности гласных и согласных в слове, сочетания открытых и закрытых слогов, а также количественного соотношения гласных и согласных в слогe.

Большинство слогов французского языка – это слоги либо с начальным гласным, либо таковые с одним начальным согласным. Сочетания двух или трех согласных встречаются значительно реже, причем исключительно в книжных словах. В русском же языке, при общем преобладании слогов с одним анлаутным согласным, группы согласных значительно более распространены, вплоть до сочетаний двух взрывных в начальной позиции: кто, где, бдительный, птица – абсолютно не характерных для французского языка и возникающих лишь при выпадении *e caduc*, ср. напр., *petit* [pti] или разговорное произношение *peut-être* как [ptɛt] в отличие от нормативного [poɛtɛtr]. Разумеется, в русском языке, существуют слоги с гласным в анлауте или даже слоги, состоящие только из гласного звука, но, по сравнению с французским, их значительно меньше. Кроме того, французский слог, с точки зрения своей структуры, чаще всего открытый: не стоит забывать, что даже в графически закрытых французских слогах конечные согласные, за исключением [f], [v], [l], [r], [k], не произносятся, тогда как в современном русском наблюдается примерный паритет открытых и закрытых слогов, хотя в праславянском и раннем древнерусском действовал закон открытых слогов.

Следствием разности структуры слога в обоих языках является различная структура самого слова, выражающаяся в количестве слогов в слове, сочетании вокалических и консонантных элементов и их количественном соотношении.

Словарный состав французского языка содержит огромное количество односложных слов (здесь следует отметить наличие разного рода вспомогательных слов, что, впрочем, не меняет общей картины). В русском же языке односложных слов сравнительно немного, больше всего двух-, трех- и четырехсложных слов, причем структурные типы односложных французских слов решительно не совпадают с доминирующими в русском языке: в основном речь идет о типах вокалических (гл.: *ou, et, à, au, en* – либо согл.+гл.: *de, ne, me, se, ce, a* также: *lu, su, bu, fait, sait, met, rit, lit, dit, peut, veut* и т.п.), тогда как в русском языке односложные слова преимущественно консонантного типа согл.+гл.+согл.:

боль, цель, сон, луг, луч, пар, вар, мир и др., возникшие из некогда двусложных в результате утраты конечных редуцированных -ь , -ъ.

Разумеется, большинство структурных типов можно найти в обоих языках, речь идет скорее об их пропорциональном соотношении. М. Калиневич считает, что русскому языку абсолютно чужды типы гл.+гл. (houer, huer), гл.+гл.+согл. (hier, hyène) и согл.+гл.+гл. (muet, vouer) [Калиневич 1978, с. 10]. Мы согласимся с утверждением польской исследовательницы, с одной лишь оговоркой: во всех представленных примерах речь идет о сочетаниях гласного с полугласным (voyelle et semi-consonne), формирующим единый слог с предыдущим согласным и последующим гласным, о чем мы писали выше. Структурные типы, сочетающие две согласные, не говоря уже о трех либо четырех, довольно редки во французском языке, в основном их появление обязано уже упомянутому феномену выпадения еcaduc в быстрой речи (elle ne me dit pas [ɛlnəmdipa], brusquement [bryskmã], quatre plats [katrpla], причем в последнем случае еще чаще будет выпадать и [r], сокращая количество согласных до трех – [katpla]. Напомним также, что нормативная французская речь не приемлет выпадения -e- в группе из трех или более согласных, поэтому литературная произносительная норма (т.н. language soutenu) настаивает на произношении [bryskəmã] и [katrəpla]. Русская фонология не накладывает подобных ограничений на конструкции из трех-четырёх или даже пяти согласных, в результате чего в языке свободно функционируют слова: взгляд, острый, выстрел, вздрагивать, мудрствовать, бодрствовать – и данный факт в совокупности с другими вышеперечисленными в очередной раз подчеркивает консонантный характер русского языка и вокалический – французского.

Таким образом, сравнение фонологических систем русского и французского языков дает нам яркую картину их противоположности, которая выражается в:

- количественных и качественных различиях вокалических систем;
- различной структуре слога;
- различной структуре слова, обусловленной разным количеством слогов и соотношением вокалических и консонантных элементов.

Необходимым условием заимствования иноязычной лексики является приспособление фонетического облика чужеродной единицы к звуковому составу языка-рецептора, т.е. его по возможности пофонемная передача исконными средствами. Субституция иноязычных фонем русскими есть основной закон фонологической адаптации иноязычия к принимающей системе. Фонетика языка – одна из самых ригидных его сфер – сопротивляется любым внешним воздействиям, в особенности, если речь идет о проникновении чужих звуков. За всю историю русского языка была заимствована лишь одна фонема (в настоящее время, правда, идет речь об. аффрикате [dʒ], частотной в словах английской этимологии, однако нам кажется, что говорить о заимствовании как таковом пока преждевременно).

Помимо сопротивления принимающей среды, серьезная борьба ведется между орфографией и произношением языка-источника: при условии несовпадения фонемного облика слова с его графемным изображением иноязычная единица русского языка может воспроизводить как звучание прототипа (транскрипция), так и его написание (транслитерация). Понятно, что градус приближения при трансфере фонетического облика прямо пропорционален степени алломорфизма систем: так, русский язык при всех возможностях своих согласных, бессилён в передаче носовых гласных французского языка (они трактуются многофонемно, сочетанием «чистой» гласной и назальных же согласных [н] и [м]), градуальных оппозиций открытости / закрытости. Не находит в русском языке отражения ни историческая, ни ритмическая долгота, свойственная французским гласным. Что касается согласных, они в подавляющем большинстве «встраиваются» в уже существующую оппозицию по твердости / мягкости, приобретая способность к палатализации перед передними согласными. Для обеих групп активизируются сильные / слабые позиции (безударная для гласных и конечная для согласных), способствующие нейтрализации и образованию архифонем, не характерных для языка-источника.

С другой стороны, передача кириллицей латинской графики обеспечивает еще большую степень приближения. Здесь ситуация осложняется, помимо

дивергентных черт разноструктурных языков, спецификой французской орфографии, ведущим принципом которой является традиционный, в силу чего единственным сохранившимся до наших дней элементом транслитерации остается передача конечного немого согласного.

Способ заимствования также имеет важное значение в оформлении фонетической составляющей иноязычия. Устным контактам характерны многочисленные искажения, вызванные неверной интерпретацией фонемных средств прототипа, иногда модифицирующие не отдельные звуки, а целые формы. Письменный способ отличается большей стабильностью передаваемых комбинаций, его системность обеспечивается очевидной последовательностью корреляций орфографии и орфоэпии прототипа, причем именно заимствованные письменным путем лексические единицы склонны к более точному воспроизведению звучания слова в языке-источнике.

Уже неоднократно отмечалось в рамках данной работы и предыдущими исследователями, что [Габдреева 2001, 2011; Очерки..., Пылакина 1976], что универсальной характеристикой ранних процессов заимствования является вариантность – в том числе и фонетическая, пик которой пришелся в русском языке на начало XVII в., когда «перегруженность текста вариантными формами» [Пылакина 1976, с. 75] достигала максимальных значений. Значительная их часть утрачена в процессе языкового развития, однако некоторое количество дублетов еще имело хождение вплоть до середины – конца XIX в., несмотря на установившуюся тенденцию к сокращению типов формального варьирования и стабилизацию фонемно-графического облика галлицизмов. По всей видимости, параллельное хождение двух и более вариантов явилось следствием прямого влияния языка-источника, тормозившего процесс нормализации и выработки единых моделей рецепции [Габдреева 2011, с. 124].

В связи с очевидной сложностью и многокомпонентностью комплекса свойственных галлицизмам русского языка фонологических характеристик, обусловленных как влиянием исходной структуры, так и действием системы принимающей, при анализе основных тенденций фонологической адаптации

галлицизмов, мы предполагаем сосредоточиться на описании ассимиляционных моделей по двум большим направлениям: вокализм и консонантизм, причем адаптацию французских полугласных мы рассмотрим отдельно, поскольку, при переходе в русский язык французские полугласные [w], [ɣ] передаются гласными звуками, а полугласный [j] – соответственно согласным.

3.1.2 Вокализм

Многими исследователями (Л.В. Щерба, М. Калиневич, А.В. Агеева, Н.В. Габдреева) отмечается, что вокалическая система французского языка значительно богаче русской как с качественной точки зрения, так и, соответственно, с количественной.

Итак, гласные французского языка классифицируются по положению языка, губ и нёбной занавески.

1. По степени подъема языка к нёбу гласные делятся на открытые и закрытые: открытыми называются гласные, произносимые при меньшем подъеме спинки языка ([a], [ɛ], [ɔ], [œ] / [ə], [ɑ], [ɛ̃], [ɔ̃], [ã], [œ̃]), закрытыми – произносимые при большем ее подъеме ([e], [i], [ø], [y], [o], [u]).

2. Место и положение языка обуславливает функционирование гласных переднего и заднего ряда: при произнесении гласных переднего ряда кончик языка упирается в нижние зубы ([a], [ɛ], [œ] / [ə], [ɛ̃], [œ̃], [e], [i], [ø], [y]), при произнесении гласных заднего ряда кончик языка оттянут назад и опущен ([ɔ], [ɑ], [ɔ̃], [ã], [o], [u]).

3. Лабиализация (участие губ в артикуляции звука) французских гласных позволяет выделить 6 лабиализованных (огубленных) гласных: [ɔ], [ɔ̃], [o], [u], [œ], [œ̃], [ø], [y]).

4. Положение нёбной занавески дает возможность разделить гласные на носовые и чистые. При произнесении чистого звука нёбная занавеска поднята, перекрывая вход в носовую полость и выдыхаемый воздух резонирует только в

ротовой полости, тогда как опущенная нёбная занавеска открывает вход в носовую полость, отчего воздух резонирует и в полости рта, и в полости носа, создавая носовые гласные звуки: [ɛ̃], [ɔ̃], [ɑ̃], [œ̃].

В целом все предыдущие классификационные параметры мы можем отразить в сводной таблице гласных фонем французского языка (таблица 1), основанной на ставших классическими таблицах, представленных в монографии Л.В. Щербы «Фонетика французского языка».

Таблица 1 – Классификация гласных фонем французского языка

	Voyelles antérieures	Voyelles antérieures	Voyelles postérieures	
	Non-labialisées	Labialisées	Labialisées	Non-labialisées
Voyelles orales (fermées)	i e	y ø	u o	
Voyelles orales (ouvertes)	ɛ a	œə	ɔ	ɑ
Voyelles nasales (ouvertes)	ɛ̃	œ̃	ɔ̃	ɑ̃

Четкость и яркость французских гласных обусловлена напряженностью их артикуляции: даже неударные французские гласные отличаются большей четкостью и энергичностью, чем русские ударные, что объясняется намного более сильным напряжением речевого аппарата при артикуляции. Эта же характеристика объясняет отсутствие во французском языке редукции гласных, характерных для русского языка.

Второй важной особенностью французского вокализма является однородность качества гласных, полное отсутствие дифтонгизации: звучание французских гласных одинаково на протяжении всех этапов артикуляции, от экскурсии до рекурсии, определяя отсутствие каких бы то ни было призвуков и/или раздвоения.

Вокалическая система русского языка включает 6 фонем |а|, |о|, |у|, |ы|, |э|, |и|¹⁹, противопоставляющихся по трем дифференциальным признакам.

1. Ряд гласных, как и во французском языке, обусловлен исключительно горизонтальным движением языка. Гласные переднего ряда (|э|, |и|) в тождественных фонетических условиях (например, в изолированном положении) произносятся при более продвинутом вперед языке, чем гласные непереднего ряда (|а|, |о|, |у|, |ы|). Современная фонетика трактует в основном фонемы |а|, |о|, |у| как гласные заднего ряда. Согласно традиции, заложенной Л.В. Щербой фонема |ы| считается гласной смешанного (среднего) ряда.

2. Подъем гласных обусловлен соответственно движением языка по вертикали. Различаются гласные верхнего подъема (|и|, |ы|, |у|), среднего подъема (|э|, |о|) и нижнего подъема (|а|). Гласные верхнего подъема произносятся при наиболее высоком поднятии языка к нёбу (что и дает возможность назвать их закрытыми; во французском языке, как мы увидим ниже, данный термин распространен шире), гласные нижнего подъема (открытые) – при минимальном поднятии, гласные среднего подъема – при среднем поднятии.

3. Лабиализация заключается в вытягивании и округлении губ. Лабиализованными гласными являются |о|, |у|, нелабиализованными – |а|, |э|, |и|, |ы|.

Одной из важнейших особенностей системы русских гласных является наличие редукции, проявляющейся в слабой, т.е. безударной позиции, что приводит к образованию 6 фонемных рядов, тем самым автоматически увеличивая число гласных в русском языке за счет аллофонов. Рассмотрим таблицу 2, где представлена система русских гласных фонем, включающая как основной ее вид, так и возможные позиционные и комбинаторные вариации.

¹⁹ При описании фонологической системы русского языка мы, согласно правилам русской фонетической транскрипции, используем здесь и далее вертикальную черту для обозначения фонемы, напр., |а|и квадратные скобки для обозначения ее аллофонов, напр., [а].

Таблица 2 – Система гласных фонем русского языка

Позиция	Фонема	
	основной вид	разновидности
Сильная	и ы э а о у	и ы э а – ä о – ö у – ü
Слабая	Л и ³ ы ³ у ь ь	и ³ – ы ³ и ³ ы ³ у – ü ь ь

Учитывая вышесказанное, даже принимая в расчет практически трехкратное количественное превосходство французских гласных над русскими, мы решимся возразить М. Калиневич, задавшей вопрос: «как убогая система русских гласных могла передать нюансы многофонемной французской вокалической системы?» [Калиневич 1978, с. 11]. Здесь в первую очередь не стоит забывать того факта, что в силу особенностей фонологической организации русского языка, не только позиционные, но и комбинаторные изменения в системе гласных проявляются намного сильнее в русском языке, чем во французском: а среди этих последних числятся процессы аккомодации, в немалой степени влияющие на качество гласного: так, например, после мягких согласных фонемы |а|, |о|, |у| становятся более передними, фонема |э| после мягкого согласного – более закрытая, чем в инициальной позиции и т.п.

Кроме того, даже учитывая социальную составляющую процесса заимствования из французского языка (в частности, в XIX в. хорошим тоном было следовать произносительным нормам прототипа, это являлось показателем образованности говорящего, неким выражением языкового снобизма и демонстрацией принадлежности к кругу избранных, о чем мы уже упоминали, говоря о французских вкраплениях), нельзя забывать, что основным путем заимствования иноязычной лексики был письменный – это и обусловило, помимо

всего прочее, оформление галлицизмов в соответствии с графическими, а не фонетическими нормами языка-источника.

Учитывая вышесказанное, мы считаем преждевременным и несколько странным заключение об «убожестве» русской вокалической системы: здесь действуют иные принципы организации, иные позиционно и комбинаторно обусловленные закономерности реализации фонем в речевом потоке.

1. Фонемы [a], [ɑ].

Многие фонетисты отмечают, что современная парижская норма нивелирует разницу в артикуляции между передним [a] и задним [ɑ], в пользу первого, однако данная оппозиция довольно четко прослеживается как смысловоразличительная в парах, подобных *mal* [mal] – *mâle* [maɫ], *la* [la] – *las* [la] и т.п. В связи с этим нельзя говорить о полном исчезновении звука [ɑ], но следует признать, что его частотность намного ниже таковой переднего коррелята [a]. В русском же языке обе фонемы передаются:

а. русским звуком [a] в сильной позиции.

[a] – [ɑ]: *aborda[a]ge* – *аборда[a]ж*, *aristocra[a]t* – *аристокра[a]т*, *armée* – *армия*, *arrière-ga[a]rde* – *арьерга[a]рд*, *arsena[a]l* – *арсена[a]л*, *atta[a]que* – *ата[a]ка*, *ava[a]rie* – *ава[a]рия*, *baga[a]ge* – *бага[a]ж*, *bal* – *бал*, *balla[a]de* – *балла[a]да*, *basta[a]rd* – *баста[a]рд*, *boulevard* – *бульвар*, *cadricille* – *кадриль*, *calque* – *калька*, *cana[a]ille* – *кана[a]лья*, *cana[a]l* – *канал*, *capora[a]l* – *капра[a]л*, *sara[a]ctère* – *хара[a]ктер*, *carte* – *карта*, *casema[a]te* – *казема[a]т*, *casque* – *каска*, *compagnie* – *компания*, *dame* – *дама*, *diplomate* – *дипломат*, *dynastie* – *династия*, *étage* – *этаж*, *fabrique* – *фабрика*, *farce* – *фарс*, *frac* – *фрак*, *général* – *генерал*, *garde* – *гвардия*, *idéal* – *идеал*, *irritation* – *ирритация*, *journal* – *журнал*, *limonade* – *лимонад*, *mada[a]me* – *мада[a]м*, *marche* – *марш*, *mascara[a]de* – *маскара[a]д*, *médaille* – *медаль*, *para[a]de* – *пара[a]д*, *passa[a]ge* – *пасса[a]ж*, *payage* – *пейзаж*, *potmade* – *помада*, *pratique* – *практика*, *promenade* – *променад*, *rame* – *рама*, *restauration* – *ресторация*, *salle* – *зала*, *scanda[a]lle* – *сканда[a]л*, *sénat* – *сенат*, *soldat* – *солдат*, *taille* – *талиа*, *théâtre* – *театр*, *végétal* – *вегеталь*;

[ɑ] – [a]: *canva[ɑ]s* – канва[a], *châte* – шаль, *masse* – масса, *phrase* – фраза, *terrasse* – терраса;

b. его аллофонами [Λ], [Ъ] в слабой:

[a] – [Λ]: *a[a]bordage* – a[Λ]бордаж, *a[a]djudant* – a[Λ]дьютант, *a[a]rba[a]lète* – a[Λ]рба[Λ]лет, *a[a]ristocrat* – a[Λ]ристократ, *a[a]rrière-garde* – a[Λ]рьергард, *a[a]rsenal* – a[Λ]рсенал, *a[a]ttaque* – a[Λ]така, *a[a]varie* – a[Λ]вария, *a[a]venture* – a[Λ]вантюра, *affiche* – афиша, *album* – альбом, *allée* – аллея, *allure* – аллюр, *amour* – амур, *arôme* – аромат, *artillerie* – артиллерия, *artiste* – артист, *assesseur* – ассессор, *ba[a]gaxe* – ба[Λ]гаж, *ba[a]llade* – ба[Λ]лада, *ba[a]stard* – ба[Λ]стард, *balcon* – балкон, *ballet* – балет, *barrière* – барьер, *bastion* – бастион, *bracelet* – браслет, *ca[a]naille* – ка[Λ]налья, *ca[a]nal* – ка[Λ]нал, *ca[a]navas* – ка[Λ]нва, *ca[a]poral* – ка[Λ]прал, *ca[a]ractère* – ха[Λ]рактер, *ca[a]semate* – каземат, *caleçon* – кальсоны, *camisole* – камзол, *capote* – капот, *caricature* – карика[Λ]тура, *cava[a]llier* – кава[Λ]лер, *échafaud* – эшафот, *escadron* – эскадрон, *étagère* – этажерка, *façon* – фасон, *galop* – галоп, *laquais* – лакей, *littérature* – литература, *ma[a]dame* – мадам, *manège* – манеж, *manière* – манера, *manoeuvre* – маневр, *masca[a]rade* – маска[Λ]рад, *nature* – натура, *ra[a]rade* – ра[Λ]рад, *ra[a]ssage* – пассаж, *panel* – панель, *paquet* – пакет, *pari* – пари, *passa[a]ger* – пасса[Λ]жир, *patron* – патрон, *salon* – салон, *salut* – салют, *ta[a]lent* – та[Λ]лант, *tartine* – тартинка, *va[a]gant* – ва[Λ]гант, *wagon* – вагон;

[a] – [Ъ]: *cabinet* – кабинет, *ca[a]valier* – ка[Ъ]валер, *ca[a]nonade* – ка[Ъ]нонада, *ca[a]ricature* – ка[Ъ]рикатура, *climat* – климат, *favorit* – фаворит, *flageolet* – флажолет, *garniture* – гарнитур, *mannequin* – манекен, *maraudeur* – мародер, *ma[a]scarade* – ма[Ъ]скарад, *ra[a]ssager* – ра[Ъ]ссажир, *tabouret* – табурет.

Фонема [ɑ], как легко заметить, функционирует исключительно в сильной позиции, что связано, во-первых, как это уже отмечалось, с ее невысокой частотностью во французском языке и, во-вторых, с условиями ее активизации:

чаще всего это финали -as/-asse; а также -a- перед [z] (как правило, тоже в конце слова); в начале и середине слова последовательно функционирует фонема [a], соответственно она же и выступает как элемент для субституции неударными аллофонами.

В отдельных случаях (после [j], [l]) фонема [a] может передаваться аллофоном [ä], выступающим в русском языке в сильной (ударной) позиции после мягких согласных: *royal* – *рояль*, *spéculateur* – *спекулятор*, *voyage* – *вояж*.

2. Фонемы [ɛ], [e].

Во французской системе гласных отчетливо прослеживается оппозиция фонем [ɛ] открытой и [e] закрытой. Фонема [ɛ] возможна исключительно в фонетически (но вовсе не обязательно графически, ср. *tête*) закрытом слоге, тогда как фонема [e] функционирует лишь в фонетически открытых слогах (*vous répétez*).

Субституция обоих французских звуков единственной имеющейся в русском языке фонемой [ɛ] является ключевым положением, отраженным в трудах практических всех исследователей галлицизмов в русском языке. Не станем забывать однако, что в русском языке фонема функционирует только в ударном положении, вот почему, учитывая фонетическое окружение (так, данный звук может выступать в начальной позиции слова/слога, сочетаться с твердым согласным либо с мягким, быть ударным и неударным), во французских заимствованиях в данной роли выступают многочисленные аллофоны фонем [ɛ], [i] и [y], обусловленные вышперечисленными комбинаторными и позиционными характеристиками.

а. В сильной позиции после мягких согласных в русском языке выступает [e] (наиболее близкий к таковому в словах нем [н'ем], *петь* [п'ет']), тогда как после твердых согласных и в абсолютном начале слова / слога [ɛ] (как в словах этот [этат], *отель* [ател']).

[ɛ] – [e]: *arbalète* – *арбалет*, *ballet* – *балет*, *barrière* – *барьер*, *bére[ɛ]t* – *бере[e]т*, *billet* – *билет*, *bouquet* – *букет*, *buffet* – *буфет*, *cabinet* – *кабинет*, *carrière* – *карьер*, *coquette* – *кокетка*, *côtelette* – *котлета*, *dépè[ɛ]che* – *дене[e]ша*,

desse[ɛ]rt – десе[е]рт, diète – диета, épaulette – эполет, ferme – ферма, flageolet – флажолет, gilet – жилет, intérêt[ɛ]t – интере[е]с, jaquette – жакет, laquais – лакей, manège – манеж, manière – манера, migraine – мигрень, monnaie – монета, orchestre – оркестр, raquet – ракет, riquet – рикет, pistolet – пистолет, portière – портьера, portrait – портрет, première – премьера, sirène – сирена, sphère – сфера, tabouret – табурет, toilette – туалет;

[e] – [e]: *allée – аллея, cavalier – кавалер, comité – комитет, foyer – фойе;*

[ɛ] – [ɛ]: *adepte – адепт, Brunette – брюнетка, chef – шеф, couchette – кушетка, duel – дуэль, étagè[ɛ]re – этаже[ɛ]рка, geste – жест, lancette – ланцет, panel – панель, poète – поэт, ricochet – рикошет, scène – сцена, sonnet – сонет, vede[ɛ]tte – веде[ɛ]т;*

[e] – [ɛ]: *consommé – консоме, officier – офицер, pince-ne[ɛ]z – пенсне[ɛ], poésie – поэзия, protégé[e] – протеже[ɛ];*

в. В слабой позиции фонема |ɛ| в русском языке не функционирует, поэтому изменения, претерпеваемые французскими звуками [ɛ], [e] в данном случае намного более радикальны.

[ɛ] – [и^ɔ]: *gouvernante – гувернантка, gouverneur – гувернёр, paysage – пейзаж, ressort – рессора, saison – сезон, terrasse – терраса;*

[e] – [и^ɔ]: *appétit – аннетит, bé[e]ret – бе[и^ɔ]реет, céré[e]monie – цере[и^ɔ]мония, créateur – креатур, dé[e]rêche – де[и^ɔ]неша, dépôt – депо, général – гене[и^ɔ]рал, idéal – идеал, inté[e]rêt – инте[и^ɔ]рес, libéral – либерал, médaille – медаль, méthode – метода, régulier – регуляр, réforme – реформа, séance – сеанс, spéculateur – спекулятор, théâtre – театр, zéphyr – зефир;*

[ɛ] – [ы^ɔ]: *che[ɛ]f-d’oeuvre – ше[ы^ɔ]девр, intervalle – интервал;*

[e] – [ы^ɔ]: *proté[e]gé – проте[ы^ɔ]же;*

[e] – [ь]: *général – ге[ь]нерал, littérature – литература, numéro – номер;*

[e] – [ъ]: *procédure – процедура.*

Адаптация гласных [ɛ], [e] в русском языке дала начало множеству типов фонетической и графической вариантности в русском языке XVIII в. Так, Н.В. Габдреева выделяет:

- варианты, связанные с передачей начального французского [ɛ] / [e]: *экипаж* – *экипаж*, *эмблема* – *эмблема*, *эконом* – *эконом*. Данный тип вариантности полностью исчезает в XIX в., по крайней мере, для произведений художественной литературы он совершенно неактуален: начальный французский e- (é, è) всегда передается через э- оборотное, коррелируя с соответствующими фонемами русского языка [э] в ударном положении, [и^э] – в неударном: *épigramme* – *эпиграмма* (...некому будет передавать **эпиграмм** моего сердца [А.С. Пушкин, Роман в письмах, с. 477]; *Опять эпиграмма!* Да полно вам, ради бога! [Н.А. Дурова, Серный ключ, с. 154]; *Я только злился и писал эпиграммы на всю Москву, а сам баклуши бил* [А.Н. Островский. На всякого мудреца довольно простоты (1868)]; *А вот под этим памятником лежит человек, с пеленок ненавидевший стихи, эпиграммы...* [А.П. Чехов. На кладбище (1884-1885)]; ... *помнил наизусть бесчисленное множество неприличных стихотворных эпиграмм...* [А.И. Куприн. На покое (1902)], *époque* – *эпоха* (...важная **эпоха** для деревенских жителей [А.С. Пушкин, Выстрел, с.58]; ...*поездка в ближайший город полагается эпохой в жизни...* [А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка (1830)]), *épaulette* – *эполет* (...дали шерстяные **эполеты** [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы, с. 36]; *Другое дело, если б я носил эполеты...* [М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)]; *Пышные экипажи такие, стекла, как зеркало, внутри бархат и шелк; лакеи дворянские, в эполетах, при шпаге.* [Ф.М. Достоевский. Бедные люди (1846)]; *И усы, и эполеты, и мундир, а у иных даже шпоры с колокольчиками.* [А.Н. Островский. Свои люди – сочтемся (1849)]; *Вот и ты бы так отвечал, – с эполетами теперь был бы.* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы (1875-1880)], *égoïsme* – *эгоизм* (...прекрасный случай научиться **эгоизму** [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы, с. 54]; *Я бы не стал вас терзать теперь, в эту минуту, моим эгоизмом.* [Ф.М. Достоевский. Белые ночи (1848)]; *Это мое правило... Терпеть не*

могу эгоизма. И другим тяжело и самому себе не легче. [И.С. Тургенев. Где тонко, там и рвется (1851)]; *Во всем этом много эгоизма, много самолюбия и мало истины, мало любви.* [И.С. Тургенев. Рудин (1856)]; *Он своим эгоизмом засушил мое сердце, отнял у меня возможность семейного счастья...* [А.Н. Островский. Доходное место (1857)]; *А радость разве не чувство, и притом еще без эгоизма?* [И.А. Гончаров. Обломов (1859)], *exemplaire* – экземпляр (...один экземпляр дрянь, а за всё придется важная сумма. [А.С. Грибоедов. Студент (1817)]; ... *формулярных списков по два экземпляра* не велено представлять. [И.А. Гончаров. Обломов (1859)], *escadron* – эскадрон (*Эскадрон* дадут [А.С. Грибоедов. Горе от ума, с.128]), *équipage* – экипаж (*Он прислал за вами свой экипаж* [Н.А. Дурова. Записки кавалерист-девицы, с.77]; ...*всегда изъясляла сожаление, что вывелись из моды старинные экипажи.* [Н.В. Гоголь. Иван Федорович Шпонька и его тетушка (1831-1832)]; *Как вы намерены: в своем экипаже или вместе со мною на дрожках?* [Н.В. Гоголь. Ревизор (1836)]; *А вот, во-первых, есть у тебя экипаж хороший?* [А.Н. Островский. Не в свои сани не садись (1852)]; ... *вы чувствуете себя дома и, остановив ящика, вылезаете из экипажа и сами идете бродить.* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856-1857)], *écharpe* – эшарп (*Какой эшарп cousin мне подарил!* [А.С. Грибоедов. Горе от ума, с.130]), *ère* – эра (*С каким свиным багажом он закончит девятнадцатое и вступит в двадцатое столетие нашей эры?* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Помпадур и помпадурши (1863-1874)]) и др.

– функциональное в языке-источнике различие между закрытым французским [e] и открытым [ɛ], как уже отмечалось, не является таковым в русском, и данные фонемы передаются в переводах при помощи букв е/э: *мер* – *мэр*, *пер* – *пэр*, *фойе* – *фойэ*, *шевалье* – *шевальэ*, *дуэль* – *дуель*. При исследовании закономерностей фонетического оформления галлицизмов на материале литературы, нами было сделано следующее наблюдение: передача конечного [e] закрепляется за гласной -е: *бланманже* (...*пирожное бланманже синее, красное и полосатое...* [А.С. Пушкин, Барышня-крестьянка, с. 103]), *реноме* (*Лучше без должности жить, чем реноме свое в ничтожестве иметь!* [А.П. Чехов. Депутат,

или Повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало (1883)]; ...**реноме циника, развратника и победителя** [А.И. Куприн. Поединок (1905)], *протезе* (подпал, однако же, под сильное влияние своей **протезе**... [Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)]).

[е] и [ε] в середине слова в открытом слоге после гласной передаются буквой -э-: *поэт* (Попроси В. приискать первый стих и отныне считать меня поэтом [А.С. Пушкин. Роман в письмах]), *поэзия* (Объяви всем, что наконец и я пустился в поэзию. [А.С. Пушкин. Роман в письмах]; *Науки, искусства и поэзия* издревле находились в Горюхине в довольно цветущем состоянии [А.С. Пушкин. История села Горюхина]), *дуэль* (Неужто на **дуэль** вас вызвать захотят? [А.С. Грибоедов. Горе от ума, с.114]), *менуэт* (...и приказал музыкантам играть **менуэт**. [А.С. Пушкин. Арап Петра Великого (1828)]; *Петр Андреич Толстой, который шел в **менуэте** с княгиней Черкасскою...* [Д.С. Мережковский. Петр и Алексей (1905)]; *Лишь только я вошёл, нежно прозвенели и заиграли **менуэт** громадные часы в левом углу.* [М.А. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман) (1936-1937)]).

К слову, вариантность у лексемы *дуэль / дуель* сохраняется еще в первой трети XIX, причем зачастую в рамках творчества одного автора, ср. ...*шпагу носить еще недостойн, которая пожалована тебе на защиту отечества, а не для **дуелей** с такими же сорванцами, каков ты сам.* [Пушкин. Капитанская дочка (1836)], но: *Я поклялся застрелить его по праву **дуэли** (за ним остался еще мой выстрел).* [Пушкин. Повести покойного Ивана Петровича Белкина / Выстрел (1830)]; ***Дуэли** в нашем полку случались поминутно: я на всех бывал или свидетелем, или действующим лицом.* [Пушкин. Повести покойного Ивана Петровича Белкина / Выстрел (1830)]; *Мне все кажется, что у нас не **дуэль**, а убийство: я не привык целить в безоружного.* [Пушкин. Повести покойного Ивана Петровича Белкина / Выстрел (1830)], однако и здесь, по сравнению со статистикой хотя бы конца XVIII в. [подробнее см. работы Габдреевой Н.В.] наблюдается резкое затухание вариантов:

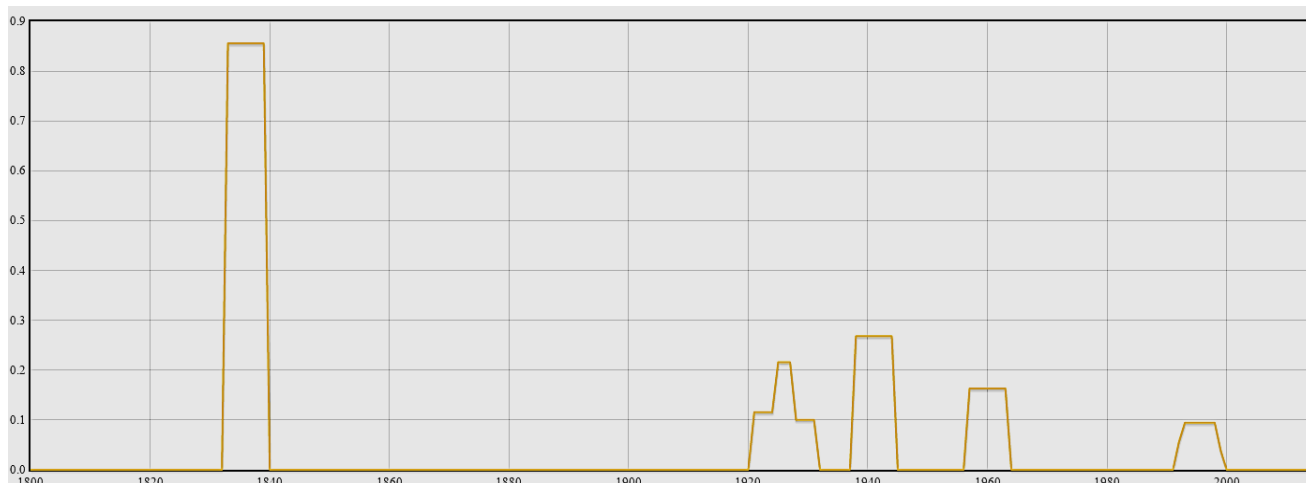

Рисунок 28 – График частотности слова *дуэль*

В середине слова, в открытом слоге перед согласной либо в закрытом слоге, как мы уже видели, французские звуки [e] и [ɛ] передаются графически буквой -е-, фонологически же подчиняясь системе русского языка, за единственным исключением: в ряде случаев предыдущий согласный не смягчается перед -е-, как в сильной, так и в слабой позиции, что обуславливает нехарактерное для исконных слов функционирование в данных условиях [ɛ] (*ведет, консоме, сонет*) и [ɨ^ɔ]: *интервал, протезе*.

Субституция французского [ɛ] русским ударным [e] также взаимообусловлена влиянием обеих фонологических систем: в языке-источнике [ɛ] чаще всего функционирует в закрытом конечном слоге, а в языке-рецепторе предыдущий согласный принято смягчать перед -е- [ɛ]. С другой стороны, последовательная замена французского закрытого [e] в неконечном открытом слоге русским [и^ɔ] также закономерна с позиций акцентных характеристик галлицизмов, унаследованных из языка-источника (ударение, как правило, на последнем слоге) и редукции гласных в неударной позиции в языке-рецепторе.

3. Фонема [i].

Французская фонема [i] сходна по многим параметрам с русской [и], пусть даже является более закрытой и уголки губ напряжены значительно сильнее в

процессе ее артикуляции. Ее отличительной чертой является отсутствие палатализации согласных, стоящих перед ней. В русском языке функционирование оппозиции ‘твердый/мягкий согласный’ обуславливает ее субституцию

а. звуками [и], [ы] в сильной позиции.

[i] – [и]: *appétit* – аппетит, *artiste* – артист, *cadrille* – кадрили, *caprice* – каприз, *climat* – климат, *crédit* – кредит, *cri[i]tique* – кри[и]тика, *devise* – девиз, *égoïsme* – эгоизм, *favorit* – фаворит, *fluide* – флюид, *héroïne* – героиня, *jalousie* – жалюзи, *journaliste* – журналист, *ligne* – линия, *mine* – мина, *ministre* – министр, *rique* – ника, *posi[i]tion* – пози[и]ция, *provi[i]sion* – прови[и]зия, *religion* – религия, *relique* – реликвия, *risque* – риск, *romaniste* – романист, *tartine* – тартинка, *vampire* – вампир, *visi[i]te* – визи[и]т;

[i] – [ы]: *cirque* – цирк, *chic* – шик, *régime* – режим.

б. в слабой позиции звуком [и], неударными аллофонами [и^э], [ь], аллофоном фонемы [ы] – [ы^э] (напомним, что фонема [и] функционирует в русском языке не только в ударном слоге, но и в неударном, перед мягкой согласной).

[i] – [и]: *billet* – билет, *bri[i]llant* – бри[и]ллиант, *cabinet* – кабинет, *comité* – комитет, *cotillon* – котильон, *idéal* – идеал, *i[i]rritation* – и[и]рритация, *mi[i]llion* – ми[и]льон, *ministre* – министр, *piquet* – пикет, *vi[i]site* – ви[и]зит, *privi[i]lège* – приви[и]легия;

[i] – [и^э]: *candidat* – кандидат, *chapiteau* – шанито, *créditeur* – кредитор, *dictateur* – диктатор, *distance* – дистанция, *divan* – диван, *dy[i]nastie* – ди[и^э]настия, *enthousiasme* – энтузиазм, *épigramme* – эпиграмма, *équipage* – экипаж, *i[i]ronie* – и[и^э]рония, *irri[i]tation* – ирри[и^э]тация, *migraine* – мигрень, *mirage* – мираж, *officier* – офицер, *patriote* – патриот, *pistolet* – пистолет, *signal* – сигнал, *talisman* – талисман, *titan* – титан, *triumphe* – триумф, *tyran* – тиран, *uniforme* – униформ;

[i] – [ь]: *aristocrat* – аристократ, *bri[i]llant* – бри[ь]ллиант, *caricature* – карикатура, *criti[i]que* – крити[ь]ка, *diadème* – диадема, *diplomat* – дипломат, *dynasti[i]e* – династи[ь]я, *fabrique* – фабрика, *garantie* – гарантия, *libéral* –

либерал, limonade – лимонад, littérature – литература, mani[i]pulation – мани[ь]пуляция, mi[i]llion – миллион, pratique – практика, pri[i]vilège – привилегия, profile – профиль, public – публика, ricochet – рикошет, tricotage – трикота́ж;

[i] – [ы³]: *girandole – журандоль.*

Как правило, передача французского [i] средствами языка-рецептора влечет за собой нехарактерные для языка-источника модификации в области согласных: их палатализацию. Субституция французской фонемы [i] русской [ы] и ее вариантом в неударном положении [ы³] возможна лишь в случаях, когда она выступает перед [ʃ], [ʒ].

М. Калиневич отмечает, что, в отличие от французского языка, русский язык не допускает возможности сочетания [жи] / [ши], здесь мы позволим себе не согласиться с категоричным утверждением польской исследовательницы, как минимум по одному пункту: русский согласный [ш] имеет свою мягкую пару, что и является ключевым условием подобной комбинации в русском языке, ср. щука [ш'ўкл], щи [ш'и] (строго говоря, согласный |ж| также подвержен палатализации в определенных фонетических условиях, ср. долг. подождёт [пъдж'öt], дожди [дж'и], вещдок [ви'ж'док]. Однако будем также помнить, что одной из основных тенденций адаптации, при прочих равных, является закон аналогии, т.е. следование наиболее распространенным образцам принимающей системы, тогда как актуализация мягких коррелятов фонем |ж| и |ш| зачастую требует сочетания некоторых особых условий и ни в коей мере не претендует на частотность, что и определяет активизацию во французских заимствованиях фонемы [ы].

4. Фонема [y].

Французский переднего ряда закрытый гласный [y] не имеет аналогов в русском языке, фактически это лабиализованный [i]. Л.В.Щерба отмечает, что изучающие французский язык студенты склонны интерпретировать его как звук [u] в сочетании с палатализированным согласным.

«Фонологическое сито» русского языка допускает, таким образом, две трактовки данной фонемы при адаптации галлицизмов: передача русским гласным заднего ряда [y], причем согласный остается твердым (графически данное сочетание оформляется при помощи буквы у), и употребление более продвинутого вперед аллофона [y̥] в сочетании с мягким согласным (в графике отражается буквой ю). Рассмотрим обе тенденции.

а. [y] – [y]: *buffet* – буфет, *caricature* – карикатура, *censure* – цензура (цензура), *confus* – конфуз, *construction* – конструкция, *contusion* – контузия, *duel* – дуэль, *exécution* – экзекуция, *figure* – фигура, *garniture* – гарнитур, *incunable* – инкунабула, *littérature* – литература, *mixture* – микстура, *nature* – натура, *numéro* – номер, *ondulation* – ондулясион, *spéculateur* – спекулятор, *procédure* – процедура, *public* – публика, *recrue* – рекрут, *régulier* – регуляр, *réputation* – репутация, *sculpture* – скульптура, *statue* – статуя, *sultan* – султан, *tribunal* – трибунал, *uniforme* – униформ;

б. [y] – [y̥]: *aventure* – авантюра, *bordure* – бордюр, *brochure* – брошюра, *bureau* – бюро, *buste* – бюст, *buste* – бюст, *costume* – костюм, *obusson* – обюссон, *parfumerie* – парфюмерия, *purée* – пюре, *ridicule* – ридикюль, *salut* – салют, *surtout* – сюртук, *trumeau* – трюмо, *tunique* – тюник, *turlurlu* – тюрлюрлю.

В данном пункте мы умышленно отразили лишь два из существующих вариантов фонемы |y| в русском языке, предпочтя глобальную тенденцию фиксации тех незначительных различий, что представляют аллофоны фонемы |y| в слабой позиции. Из вышеприведенного становится очевидным, что случаи смягчения предшествующего согласного менее часты по сравнению с функционированием его твердой разновидности и говорят, скорее, о поисках возможных путей выравнивания звуковых форм: владеющие французским языком представители русского общества пытались максимально точно отразить французский передний [y] при помощи доступных фонетических средств русского языка.

5. Фонемы [œ], [ø], [ø].

Оппозиция открытой [œ] и закрытой [ø] исключительно важна для французской фонетики: если первая функционирует как, например, в открытом слоге, в середине слова (*déjeuner*), так и в конечном закрытом – перед любым произносимым согласным (*soeur, neuf, veuve*), кроме [z], то вторая активизируется исключительно в конце слова, в открытом слоге перед немым согласным (*poeud, heureux*) либо перед [z] (*chartreuse, sérieuse*).

М.Калиневич выделяет всего три слова, заимствованные русским языком и содержащие фонему [ø]: *chartreuse* – *шартрез*, *dormeuse* – *дормез*, *lieu* – *лье*, причем всем им характерна субституция французской фонемы русской [е]. Добавим сюда слово *monsieur* – *мсье* (*мосье*), оно также вписывается в вышеозначенную традицию.

Ни фонема [ø], ни фонема [œ] не имеют аналогов в русском языке, однако, исходя из опыта преподавательской деятельности, мы можем вынести следующее наблюдение: изучающим французский язык свойственна та же ошибка, что и в случае с фонемой [y]: интерпретация данного звука в слове как звука [o] в сочетании с мягким согласным. Тем не менее, передача фонемы [œ] средствами русской фонетики осложняется не только отсутствием в русском языке ее аналога (как мы видели на примере фонемы [y], данный факт далеко не всегда порождает вариации и различия), но скорее отсутствием фиксированной позиции во французском слове – фактором, который в предыдущем пункте был признан нами несущественным, поскольку русская фонема [y] не слишком отличается качественно от своих неударных аллофонов. В случае же с адаптацией фонемы [œ] акцентная характеристика слога приобретает исключительную важность, поскольку русская фонема [o] (и ее аллофон после мягкой согласной [ö]) выступают только в сильной позиции.

Итак, при заимствовании русским языком фонема [œ]

а. в сильной позиции передается [o] после твердой согласной, ее аллофоном [ö] после мягкой либо [e] после мягкой согласной и ее аллофоном [ε] после твердой.

[œ] – [ö]: *acteur* – актер, *breteur* – бретёр, *gouverneur* – губернёр, *jongleur* – жонглёр, *manoeuvre* – манёвр, *maraudeur* – мародёр, *souffleur* – суфлёр, *visiteur* – визитёр, *raisonneur* – резонёр;

[œ] – [o]: *chargeur* – шаржёр, *créditeur* – кредитор;

[œ] – [e]: *feutre* – фетр, *intérieur* – интерьер, *parfumeur* – парфюмер, *portefeuille* – портфель;

[œ] – [ɛ]: *accoucheur* – акушер, *chef-d'oeuvre* – шедевр.

b. фонемами [ъ], [ь] в слабой.

[œ] – [ь]: *feu[œ]illeteon* – фе[ь]льетон;

[œ] – [ъ]: *commentateur* – комментатор, *improvisateur* – импровизатор, *spéculateur* – спекулятор.

Фонема [ə] – т.н. *esaduc* (беглая е) – артикуляционно совпадает с фонемой [œ] до такой степени, что большинство фонетистов считают ее вариантом второй. Мы будем придерживаться мнения Л.В. Щербы, М. Леона и П. Фуше, признающих ее в качестве самостоятельной фонемы, отличительной чертой которой является чередование с нулем звука в потоке речи.

Позволим себе повторить вслед за учеными, чьи исследования посвящены в той или иной степени параллелям между французской и русской фонологическими системами, что проблема передачи данного звука не в подборе соответствующего гласного русского языка, а в фиксации случаев ее сохранения / выпадения при заимствовании.

На наш взгляд, здесь четко прослеживается корреляция с правилами языка-источника, где произнесение *esaduc* пусть и зависит от стиля речи (так, в беглой разговорной речи [ə] часто выпадает из произношения там, где в обязательном порядке сохраняется в публичных выступлениях, и наоборот, в поэзии она служит ритмизации стиха и произносится почти всегда), но регулируется определенными нормами:

1. [ə] не произносится:

a. перед гласным либо после него (*contreescarpe* – контрэскарп, *flageolet* – флажолет)

в. в быстрой речи между двумя согласными, окруженными в свою очередь гласными: (*bracelet – браслет, caleçon – кальсоны, canevas – канва, sauchetar – кошмар, décolleté – декольте, ommelette – омлет*).

В официальной либо торжественной речи фонема [э] в данном окружении может сохраняться, что дало начало вариантным рядам, часть которых сохранила свою актуальность до наших дней: *mademoiselle – мадемуазель/мадмуазель* (*Пардон, мадемуазель!* [А.Н. Островский. Волки и овцы (1875)]; *Мадемуазель, позвольте голодному россиянину копеек тридцать...* [А.П. Чехов. Вишневый сад (1904)]; *Ну, прямо сказать, он таки женился на мадемуазель Хасиной, а я на Целковник.* [Н.А. Тэффи. Свой человек (1910)]; *Не мне, а мадемуазель Саблуковой.* [Д.С. Мережковский. Александр Первый (1922)]; *На сцену медленно вышла знаменитая мадемуазель Брезина с бритыми подмышками и небесным личиком.* [И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев (1927)]; *Это было нежное письмо Николая Фуке к некоей мадемуазель Ла Валльер.* [М.А. Булгаков. Жизнь господина де Мольера (1933)]; *Антипова недоумевала, доктор сердился, но мадемуазель, как все чудачки, больше всего ценила свои заблуждения и ни за что с ними не расставалась.* [Б. Пастернак. Доктор Живаго (1945-1955)]; *Очень печально было бы видеть вас, мадемуазель, в виде бездыханного трупа.* [В. Аксенов. Любовь к электричеству (1969)]; *Замечательно, мадемуазель... Ты какой язык учишь?* [Д.И. Рубина. Уроки музыки (1982)]; *Бывает, недурная вроде бы мадемуазель поворачивается и идёт прочь.* [Слава Сэ. Ева (2010)], но *...просил батюшку и меня, которую называл «мадмуазель», неотступно, убедительно, со слезами на глазах, тут же на месте рассудить его с судьбой и с публикой.* [Ф.М. Достоевский. Неточка Незванова (1849)]; – *Да не забудьте передать мадмуазель, что синьор-де выражает неподдельное свое сожаление ...* [Б. Пастернак. Апеллесова черта (1915)]; *Да не шевелите вы нижним бюстом, вы же не вагонетку, а мадмуазель везете.* [В.В. Маяковский. Клоп (1928-1929)]; – *Здравствуйте, мадмуазель Тамара, – говорит он Томке и пожимает ее руку в варежке.* [Э. Лимонов. Подросток Савенко (1982)]; *Мадмуазель Жаклин принесла мне его из библиотеки, по роману Достоевского я учил французский язык.*

[Л. Зайцева. Где прошлогодний снег (2002)], *cachemire* – кашемир/кашмир (*Деньгами десять рублей, да серебряную брошку, да отрез **кашемиру** на платье.*

[Л. Андреев. Христиане (1905)]; *Матвей сидел перед ним одетый в рубаху синего **кашемира**...* [М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина (1910)]; *Она начала срочно шить для Нади из синего **кашемира** специальную свободную одежду...*

[В.Д. Дудинцев. Не хлебом единым (1956)]; *Он непочтительно выбрался из черного **кашемира** и кое-как сунул его Саше в руки.* [Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости (2003)], но *...свитеров из ангоры и **кашмира**...* [В. Аксенов. Остров Крым (авторская редакция) (1977-1979)], *vaudeville* – водевиль/водвиль (*... что лишь **водевиль** есть вещь, а прочее все гиль...* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Глуповское распутство (1857-1865)]; *Только две-с, а то все **водевили**.*

[А.Н. Островский. Лес (1871)]; *Суть его **водевиля** не сложна, цензурна и кратка.*

[А.П. Чехов. Водевиль (1884-1885)]; *Иногда у меня бывает желание пошалить, сыграть в **водевиле**...* [А.П. Чехов. В Москве (1891)]; *ездил во французский театр на смешные **водевили** и весело пересказывал их, – все хвалили и поощряли его.*

[Л.Н. Толстой. Воскресение (1899)]; *...поступка, в котором так противно переплелся скверный **водевиль** с глубокой драмой.* [А.И. Куприн. Яма (1909-1915)]; *Если там играют веселые комедии, **водевили**. Драмов я не люблю.* [М. Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 1 (1925)]; *Затем на импровизированной сцене колумбовцами был разыгран легкий **водевиль** с пеньем и танцами...* [И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев (1927)]; *Во всех кинокартинах и **водевилях** негры выводятся в качестве комических персонажей, изображающих глупых, но добродушных слуг.* [И. Ильф, Е. Петров. Одноэтажная Америка (1936)]; *Я не считаю вас за суд, а за артистов, играющих **водевиль** суда по написанным ролям.*

[А.И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг (1958-1973)]; *...не будем упражняться в столь грязном **водевиле** «Муж и любовник в поисках женщины».* [В. Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)]; *Уходите к черту, что за **водевиль**! Вы меня скомпрометируете, в конце концов...* [З. Прилепин. Санькя (2006)]; *Очень даже есть о чем. Сюжет для средней руки **водевиля**. Ты расскажи, расскажи.*

[Д.И. Рубина. Окна (2011)], но *Если бы великий художник низошел, спустился до*

водвиля, его водவில்ь был бы шалостью гения, грациозною улыбкою прекрасной женщины [В.Г. Белинский. Секретарь в сундуке или Ошибся в расчетах. Водевиль-фарс].

Приведем для сравнения кривые функционирования наиболее распространенной пары *мадемуазель/мадмуазель* (рисунки 29 и 30).

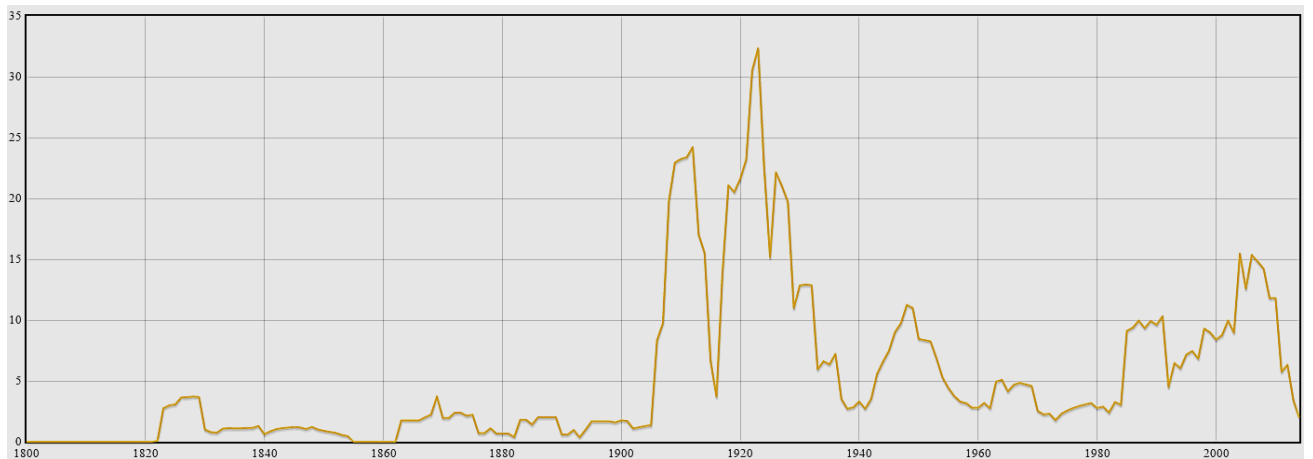

Рисунок 29 – График частотности вхождений слова *мадемуазель*

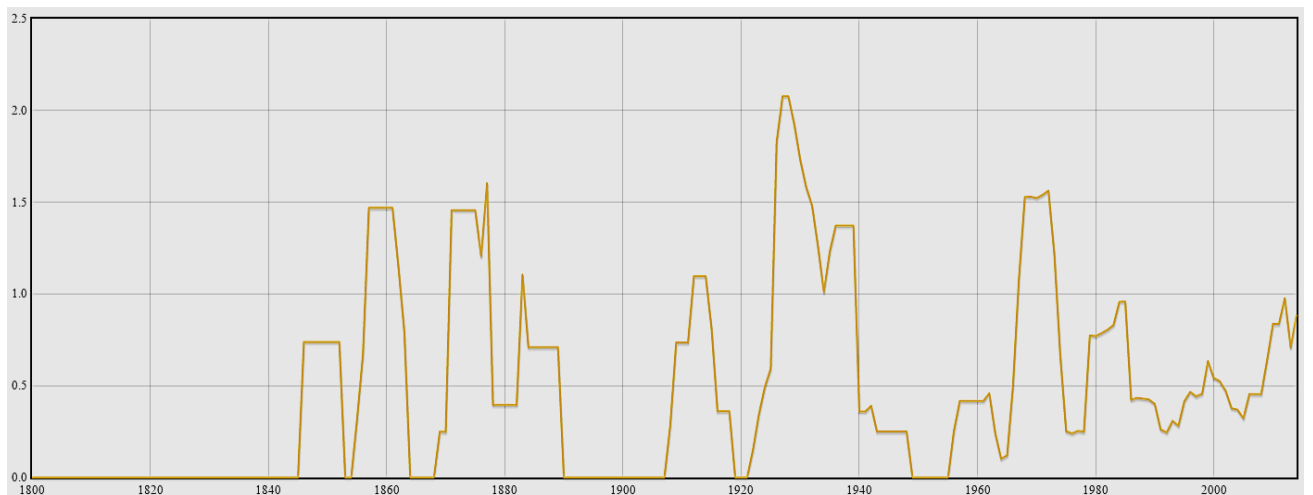

Рисунок 30 – График частотности вхождений слова *мадмуазель*

Как видим, кривые функционирования линий раз демонстрируют верность тезиса об определяющем влиянии живых контактов на оформление фонологического облика иноязычия: как видим, на протяжении всего XIX в.

отмечается более или менее параллельное хождение вариантов (в обоих случаях не более пяти вхождений на миллион словоформ), и лишь в XX в., с прекращением контактирования, на первые роли выходит вариант, имитирующий французскую графику (более тридцати вхождений).

Некоторые особенности проникновения и ассимиляции галлицизмов в русском языке невозможно рассмотреть и тем более объяснить в отрыве от исторической перспективы, поскольку нормы классического – «королевского» – французского произношения XVIII в. весьма отличаются от современных нам, сформированных в значительной степени под влиянием распространившегося с Революцией 1789 г. «простонародного» французского – этой причиной и обусловлено, кстати, сегодняшнее четкое разграничение *language parlé* (разговорной речи) и *languagesoutenu* (высокой речи). Язык дореволюционной эпохи воспринимался ее деятелями как вычурный, помпезный, целью языкового реформирования того времени стало упразднение «архаичных» норм и излишних красот, как осознанное (например, широко известная реформа орфографии 1835 г., когда шестым изданием словаря Французской Академии было узаконено сочетание -ais на месте -ois, произносившимся как [ɛ]: *le françois* – *le français*, *j'étois* – *j'étais* и т.п., так и бессознательное (вспомним, что причиной данной реформы послужило почти повсеместное вытеснение из обихода «высокого» [we] просторечным [wa] на месте буквосочетания -oi-). Российское же дворянство той эпохи, напротив, будучи воспитанным гувернерами-французами, к слову, зачастую бывшими аристократами-эмигрантами, бежавшими от ужасов революции, изъяснялось на французском языке не в пример более сложном и правильном, нежели сами революционеры и их потомки, где одной из таких подвергшихся самопроизвольному реформированию норм было весьма устойчивое произнесение беглой е в данном фонетическом окружении.

В русском языке существует множество слов, носящих отпечаток данной произносительной нормы (причем, учитывая, что [э] функционирует в неконечном слоге, т.е. в слабой позиции. то субституция проходит по модели [э] – [и^э] после мягкого согласного: *casemate* – *каземат*, *craquelure* – *кракелюр(а)*,

gale[ə]rie – гале[и³]рея, *gobe[ə]lin* – гобе[и³]лен, *manne[ə]quin* – мане[и³]кен, *promenade* – променад, либо, реже, по модели[ə] – [ы³] после твердого: *engage[ə]ment* – ангаже[ы³]мент, *galante[ə]rie* – галанте[ы³]рея.

2. [ə] как правило произносится:

а. внутри группы, состоящей из трех или более согласных (т.н. правило трех согласных).

[ə] – [и³]: *arsenal* – арсенал, *garde-robe* – гардероб, *marmelade* – мармелад, *parvenu* – парвеню, *se[ə]crétaire* – се[и³]кретарь;

[ə] – [ы³]: *corps de ballet* – кордебалет;

б. перед сочетанием [rj], [lj], [nj].

[ə] – [и³]: *re[ə]lief* – ре[и³]льеф;

[ə] – [ы³]: *atelier* – ате[ы³]лье, *denier* – денье,;

с. в начальном слоге.

[ə] – [и³]: *cheve[ə]lure* – шеве[и³]люра, *dejour* – дежурный, *devise* – девиз, *recrue* – рекрут, *redoute* – редут, *relique* – реликвия, *remonte* – ремонт, *revanche* – реванш, *ve[ə]dette* – ве[и³]дет;

[ə] – [ы³]: *che[ə]velure* – ше[ы³]велюра.

С позиций анализа социально-исторических изменений, произошедших во французском языке, можно объяснить и довольно нехарактерно выпадение гласной в слове *шваль* (разумеется, если принять в качестве исходного мнение о его французской этимологии). Наиболее популярная история появления его в русском языке представляет собой известный лингвистический казус: отступавшие (а зачастую и дезертировавшие из армии) в ходе Отечественной войны 1812 г. наполеоновские солдаты требовали у крестьян лошадей. Не знакомые с русским языком, они называли искомое французским словом: «Cheval!» – что и привело к появлению в русском языке презрительно емкого обозначения ‘собирает. шушваль, шушера, сволочь или сброд, дрянной людишка’.

Сам В.И. Даль, как и ряд других исследователей, в том числе и видных этимологов [см. Фасмер: Предположение о том, что ругательство происходит от имени новгородца Ивашки Шваля (нач. XVII в.), об измене которого сохранилось

народн. предание, см. Семенов, "Труды Отдела др.-русс. лит.", 14, 1958, стр. 595 и сл.; неубедительно сближение Мокиенко ("Этим. иссл-я по русск. яз.", 7, 1972, стр. 155 и сл.) с франц. аргот. *cheval* "грубый человек"; скорее к ошива́ться "бродить"] сближает его скорее со словом «шить», (ср. ошиваться). Впрочем, пуристские взгляды В.И. Даля нам известны, а М. Фасмер не объясняет, почему версия о французском происхождении кажется ему неубедительной: нам же она представляется вполне возможной, особенно учитывая тот факт, что активизация лексемы в литературе, по данным Национального корпуса русского языка, датируется ориентировочно серединой позапрошлого столетия (М.Е. Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы / Запутанное дело: «людям, которые не принадлежали к так называемой *швали* – мастеровым, лакеям, кучерам и далее до бесконечности»). Еще более наглядно данную версию подтверждает рисунок 31.

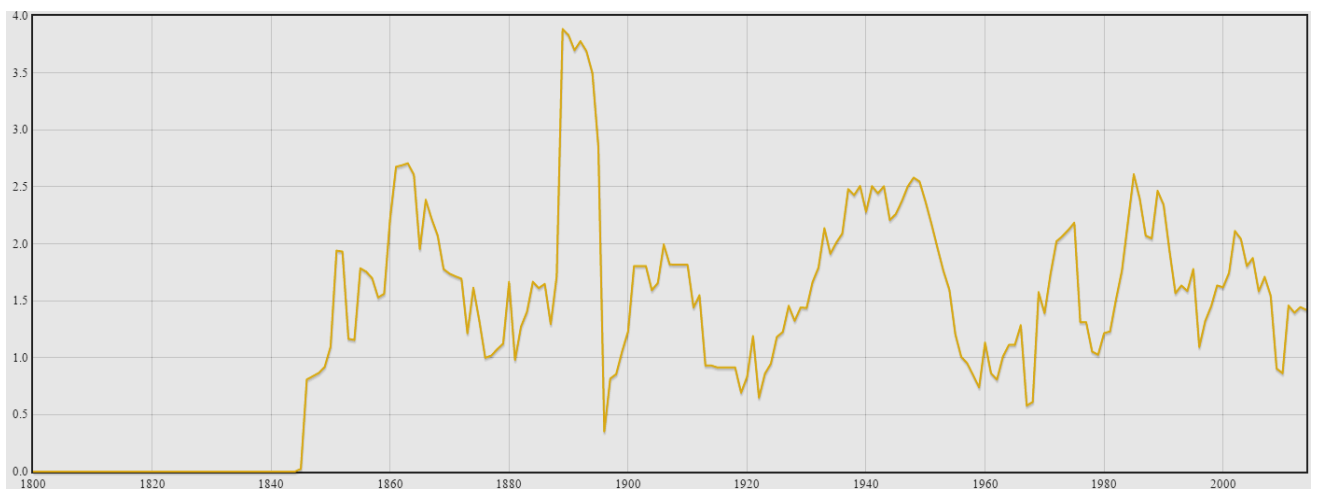

Рисунок 31 – График частотности вхождений слова *шваль*

Если принять данную версию за рабочую, мы вполне можем объяснить, во-первых, уже упомянутое выпадение *esaduc* в первом слоге: характерная для всякой революции, «чистка» французской армии привела к практически полному изгнанию из нее старых кадров и напротив – резкому росту выходцев из низших, революционно настроенных, слоев населения, для которых просторечные нормы были единственными из возможных (ср. современное *petit* [pti], *venir* [vnir] и т.п.),

российским крестьянам же, воспринимавшим французов исключительно на слух, было совершенно не до «королевских» норм; во-вторых, становится понятной родовая принадлежность лексемы: корреляция французского *cheval* и русского *лошадь* и обусловила оформление категории рода данной лексической единицы в русском языке).

6. Фонемы [ɔ], [o].

Фонемы [ɔ] и [o] довольно четко противопоставляются друг другу: если первая, довольно открытая, функционирует в середине слова либо в финальном закрытом слоге, то вторая, гласная заднего ряда, закрытая и очень огубленная, много чаще встречается в позиции абсолютного конца слова. В русском языке происходит их субституция

а. звуком [o] в сильной позиции:

[ɔ] – [o]: *bémol* – бемоль, *bottes-fo[ɔ]rtes* – ботфо[o]рты, *brioche* – бриошь, *capote* – капот, *cérémonie* – церемония, *comto[ɔ]de* – комо[o]д, *corrido[ɔ]r* – коридо[o]р, *couro[ɔ]nne* – коро[o]на, *décor* – декор, *épisode* – эпизод, *époque* – эпоха, *ironie* – ирония, *justaico[ɔ]rps* – жюстоко[o]р, *loge* – ложа, *méthode* – метода, *mode* – мода, *note* – нота, *ordre* – орден, *parodie* – пародия, *patriote* – патриот, *personne* – персона, *pistole* – пистоль, *portion* – порция, *poste* – пост, *profile* – профиль, *réforme* – реформа, *ressort* – рессора, *sorte* – сорт, *uniforme* – униформ;

[o] – [ɔ]: *bureau* – бюро, *chapiteau* – шапито, *contrôle* – контроль, *dépôt* – депо, *échafaud* – эшафот, *paletot* – пальто, *prose* – проза, *role* – роль, *tricot* – трико, *trumeau* – трюмо.

б. аллофонами фонемы [a] в слабой:

[ɔ] – [ʌ]: *bo[ɔ]ttes-fortes* – бо[ʌ]тформы, *bocal* – бокал, *canonnade* – канонада, *choco[ɔ]lat* – шоко[ʌ]лад, *co[ɔ]mmode* – ко[ʌ]мод, *conso[ɔ]mmé* – консо[ʌ]ме, *coquette* – кокетка, *cornette* – корнет, *corset* – корсет, *décolleté* – декольте, *dissonance* – диссонанс, *égoïsme* – эгоизм, *épaulette* – эполет, *favori* – фаворит, *flageolet* – флажолет, *gobelin* – гобелен, *grotesque* – гротеск, *grotte* –

grom, *limonade* – лимонад, *monnaie* – монета, *morale* – мораль, *motif* – мотив, *o[ɔ]fficier* – о[л]фицер, *orchestre* – оркестр, *ovale* – овал, *pistolet* – пистолет, *po[ɔ]mmade* – по[л]мада, *poète* – поэт, *portefeuille* – портфель, *porte-monnaie* – портмоне, *portrait* – портрет, *position* – позиция, *pro[ɔ]nonce* – про[л]нонс, *province* – провинция, *provision* – провизия, *raisonneur* – резонер, *ricochet* – рикошет, *roman* – роман, *soldat* – солдат, *sonnet* – сонет, *trophée* – трофей;

[ɔ] – [ъ]: *cho[ɔ]colat* – шо[ъ]колад, *co[ɔ]tillon* – ко[ъ]тильон, *impro[ɔ]visateur* – импро[ъ]визатор, *porte-épée* – портупея, *po[ɔ]rte-monnaie* – портмоне, *po[ɔ]stillon* – по[ъ]чтальон, *promenade* – променад, *protégé* – протеже, *trottoir* – тротуар;

[o] – [л]: *côtelette* – котлета, *dauphin* – дофин, *maraudeur* – мародер, *restauration* – ресторация;

[o] – [ъ]: *vaudeville* – водевиль.

В графике характерная русскому языку редукция неударной о до [л] («аканье») нашла отражение в отмеченном Н.В. Габдреевой на материале переводной французской литературы XVIII столетия функционировании серии дублетов: *карсет* – *корсет*, *софа* – *сафа*, *фонтан* – *фантан*. В произведениях отечественной художественной литературы выбранной нами данный тип вариантности не зарегистрирован, что свидетельствует об оформлении единых норм, отражающих орфографию прототипа.

7. Фонема [y].

Фонема [y] довольно близка к русской [y], хотя полностью идентичными считать их трудно: французский звук более напряженный. характеризуется более высокой степенью лабиализации, что и отличает его от русского. Тем не менее, последовательная субституция одной фонемы другой в паре «прототип – коррелят» обусловлена, помимо артикуляционной близости, тем фактом, что фонемы языка-источника и языка-рецептора вполне могут функционировать в аналогичных (или сходных) позициях, не ограниченных какими бы то ни было фонетическими условиями (здесь мы также позволим себе ограничиться лишь

одним, основным, аллофоном русской фонемы [y], поскольку неударная ее разновидность отличается лишь количественными, но не качественными характеристиками.

[u] – [y]: *accoucheur* – акушер, *amoulet* – амулет, *amour* – амур, *blouse* – блуза, *bou[u]doir* – бу[y]дуар, *boulevard* – бульвар, *bouquet* – букет, *bouteille* – бутылка, *bouton* – бутон, *courbette* – курбет, *courier* – курьер, *cousin* – кузен, *dejour* – дежурный, *gouvernante* – гувернантка, *groupe* – группа, *journal* – журнал, *ou[u]verture* – у[y]вертюра, *patrouille* – патруль, *poudre* – пудра, *redoute* – редут, *soupe* – суп, *soutane* – сутана, *tabouret* – табурет, *tambourin* – тамбурин, *tourpet* – тупей, *tour* – тур, *tournoi* – турнир, *trou[u]badou[u]r* – тры[y]баду[y]р.

8. Фонемы [ã], [ẽ], [õ], [œ].

Для характеристики процесса усвоения носовых гласных французского языка как нельзя лучше подходит высказывание Н.С. Трубецкого: «Всюду, где в чужом языке мы слышим звуковое образование, чуждое родному для нас языку, мы склонны расценивать его как сочетание звуков и рассматривать его как реализацию группы фонем родного для нас языка» [Трубецкой 1960, с. 72].

Справедливость данного утверждения неоспорима: абсолютно чуждые русскому языку носовые гласные получают в ходе фонологической адаптации многофонемную трактовку: чистый русский гласный в сочетании с носовыми согласными [м], [н] (фактически сохранение графической формы прототипа).

Итак, рассмотрим конкретные примеры реализации данной общей для всех носовых модели, реализующиеся в различных фонетических условиях.

а. В сочетаниях -an, -am, -on, -om в сильной позиции фонемы [ã] и [õ], сохраняют при переходе в язык-рецептор качественные характеристики (кроме назальности):

[ã] – [ан]: *avance* – аванс, *chance* – шанс, *dissonance* – диссонанс, *distance* – дистанция, *divan* – диван, *matan* – маман, *plan* – план, *rang* – ранг, *revanche* – реванш, *roman* – роман, *séance* – сеанс, *sultan* – султан, *talisman* – талисман, *titan* – титан, *vagant* – вагант, *variante* – вариант;

[ã] – [ам]: *lampe* – лампа;

[õ] – [он]: *balcon* – балкон, *baron* – барон, *bastion* – бастион, *caleçon* – кальсоны, *canon* – канон, *sarichon* – капюшон, *chiffon* – шифон, *compagnon* – компаньон, *dragon* – дракон, *escadron* – эскадрон, *façon* – фасон, *flacon* – флакон, *front* – фронт, *griffon* – грифон, *illusion* – иллюзион, *jargon* – жаргон, *monstre* – монстр, *pantalon* – панталоны, *patron* – патрон, *pilon* – пилон, *prononce* – прононс, *remonte* – ремонт, *saison* – сезон, *salon* – салон, *ton* – тон, *vason* – вазон, *wagon* – вагон;

[õ] – [ом]: *potre* – помпа;

в. в слабой позиции в основном переходят в [л] либо в [ъ] также в сочетании с согласными [м], [н].

[ã] – [лн]: *bandit* – бандит, *lancette* – ланцет, *mansarde* – мансарда;

[ã] – [лм]: *ambre* – амбре, *amplitude* – амплитуда, *campagne* – кампания, *champagne* – шампанское, *vampire* – вампир;

[ã] – [ън]: *candidat* – кандидат, *fantaisie* – фантази;

[ã] – [ъм]: *tambourin* – тамбурин;

[õ] – [лн]: *confuse* – конфуз, *construction* – конструкция, *contusion* – контузия, *jongleur* – жонглер, *volontaire* – волонтер;

[õ] – [лм]: *compagnie* – компания;

[õ] – [ън]: *consommé* – консоме;

[õ] – [ъм]: *compagnon* – компаньон, *compliment* – комплимент, *compromis* – компромисс.

с. В сочетаниях -en, -em носовой в процессе заимствования претерпевает качественные изменения [ã], зачастую даже оставаясь в сильной позиции. Следуя графической форме прототипа, язык–рецептор осуществляет субституцию фонемы русской [ɛ] перед твердой согласной либо [e], если согласный палатализуется.

[ã] – [ɛн]: *licence* – лицензия, *prétention* – претензия, *sente[ã]nce* – сенте[ɛ]нция;

[ã] – [ɛн]: *audience* – аудиенция, *client* – клиент, *compliment* – комплимент, *concurrent* – конкурент, *document* – документ, *élément* – элемент, *engage[ã]nt* – ангажеме[ɛ]нт, *instrument* – инструмент, *moment* – момент;

Лексем, оформляющихся согласно произносительным нормам оригинала, мы обнаружили всего две: *талант (talent)* и *реверанс (révérence)*.

d. в слабой позиции субституция осуществляется по обеим моделям:

[ã] – [лн]: *aventure* – авантюра, *entracte* – антракт, *pension* – пансион;

[ã] – [лн]: *assemblée* – ассамблея, *empire* – импир;

[ã] – [и³н]: *clémentine* – клементин;

[ã] – [ы³н]: *censure* – цензура, *exemplaire* – экземпляр;

Вариантность, связанная с передачей носовых звуков (в частности [ã]): *сентименты* – *сантименты*, *декаденс* – *декаданс*, *пенсион* – *пансион*, по далеко не обосновательному утверждению Н.В. Габдреевой [Габдреева 2011], сохраняется в русском языке довольно долгое время, пусть даже в работах последней речь идет больше о переводной литературе, где переводчик находится в прямом контакте с языком оригинала, невольно подпадая под его влияние.

e. Гласный [ɛ̃] в сочетаниях -in, -im также меняет качество и передается русским [и] – либо неударным аллофоном [и³] – в сочетании с согласными [н], [м], отражая графику оригинала:

[ɛ̃] – [ин]: *province* – провинция, *tambourin* – тамбурин;

[ɛ̃] – [и³н]: *incunable* – инкунабула, *instrument* – инструмент, *intervalle* – интервал, *intérieur* – интерьер;

[ɛ̃] – [и³м]: *improvisateur* – импровизатор.

f. Гласный [œ̃] зафиксирован лишь в одном заимствовании: *парфюм (parfum)*, что не дает нам возможности с уверенностью говорить о каких-либо тенденциях, но можно предположить, что последующие галлицизмы, содержащие

данный звук будут оформляться скорее согласно графическим нормам французского языка: модель палатализованный согласный + [j], графически выражаемая буквой ю много проще, чем поиски более или менее эквивалентной замены носовому звуку.

3.1.3 Консонантизм

При сопоставлении консонантных систем французского и русского языков первой обращает на себя внимание количественная асимметрия консонантных элементов: 35 и 17, двукратное превосходство в пользу русского языка.

Этот разрыв реализуется за счет оппозиции по твердости-мягкости, охватывающей в русском языке абсолютное большинство согласных фонем, но совершенно не характерной для французского консонантизма: как известно, единственной мягкой согласной фонемой здесь является [ɲ].

Максимально полно сравнительно-типологические характеристики русского и французского консонантизма представлены в артикуляторной таблице Л.В. Щербы [Щерба 1963, с. 64]. Мы позволили себе внести в нее некоторые несущественные изменения (таблица 3), касающиеся обозначения палатализации согласных (во избежание путаницы, поскольку Щерба использует с этой целью «ь», в нашей же работе данный символ традиционно используется для обозначения одного из аллофонов гласной фонемы [и] в слабой позиции), и отразив лишь два наиболее употребительных из трех упомянутых аллофонов французской фонемы [v].

Таблица 3 – Классификация согласных фонем русского и французского языков

По действующему органу По способу образования			Губные		Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные	Увулярные
			губно-губные	губно-зубные				
Смычные	шумные носовые		п п' б б' р в		т т' д д' td ц ч		к к' г г' k g	
	сонанты носовые		м м' m		н н' п			
Щелевые	шумные	однофокусные	с плоской щелью		ф ф' в в' f v		х х' ү ү'	
			с круглой щелью			с с' з з' s z		
		двухфокусные			ш ж ʃ ʒ			
	сонанты	боковые				л л' l		
		серединные		w ʧ				
Дрожащие сонанты					р р' r			

Как мы видим из представленной таблицы, несмотря на значительное несовпадение количественных характеристик, консонантные системы обоих языков имеют несколько существенных общих признаков:

1. Большинство согласных как французского, так и русского языка формируются в передней части рта (губные: 5 (7 с учетом полугласных)/10; переднеязычные: 9/18).

2. Фонологическая оппозиция по звонкости/глухости имеет важное значение в обоих языках. Во французском языке она проявляется во всех позициях: перед гласной, другой согласной либо на конце слова (напр., *vif – vive*);

в русском языке ассимилятивные процессы оглушения/озвончения имеют место в позиции конца слова либо перед другой согласной. Специфика французского языка в этом отношении обусловлена долгим процессом исторического развития: в старофранцузском конечные согласные оглушались и, в конце концов, стали «немыми» (т.н. *consonnes muettes*) – т.е. исчезли из произношения, в результате чего звонкие согласные в абсолютном конце слова долгое время (вплоть до XII в.) не функционировали вовсе. Их появление обусловлено выпадением из произношения конечной беглой *e* (*longue, brève, blonde*) и процессу сцепления (т.н. *enchaînement*), перемещающему конечный согласный в начало слога (*une grande amie* [y-nə-grã-da-mi]).

3. Обеим системам характерно обилие щелевых согласных (10/17).

Данные общие признаки позволяют довольно легкую и безболезненную субституцию большинства французских согласных их русскими аналогами, а специфика русского консонантизма, выражающаяся, повторимся, в функционировании оппозиции по твердости/мягкости, обуславливает своеобразную компенсацию не раз муссировавшейся исследователями т.н. «бедности» вокалической системы языка-рецептора за счет аллофонизации гласного перед палатализованным согласным (см. выше).

1. Фонемы [p], [b], [t], [d], [k], [g], [f], [v], [s], [z].

Несмотря на более четкую и напряженную артикуляцию французских согласных фонем, французским смычным [p], [b], [t], [d], [k], [g] и щелевым [f], [v], [s], [z] соответствуют русские смычные [п], [б], [т], [д], [к], [г] и русские щелевые [ф], [в], [с], [з], поэтому в процессе заимствования они в большинстве случаев полностью включаются в русскую фонологическую систему, принимая правила оглушения в позиции конца слова и палатализации перед *i, e*.

а. В абсолютном большинстве случаев французская фонема заменяется соответствующей русской.

[p] – [п]: *adepte* – *адент*, *amplitude* – *амплитуда*, *campagne* – *кампания*, *caporale* – *капрал*, *capote* – *капот*, *caprice* – *каприз*, *compagnie* – *компания*, *complet* – *комплект*, *compliment* – *комплимент*, *compromis* – *компромисс*, *dépôt* – *депо*,

épaulette – эполет, *équipage* – экипаж, *étape* – этап, *groupe* – группа, *improvisateur* – импровизатор, *lampe* – лампа, *manipulation* – манипуляция, *page* – паж, *paletot* – пальто, *panel* – панель, *paquet* – пакет, *parade* – парад, *parc* – парк, *parfum* – парфюм, *pari* – пари, *parquet* – паркет, *parterre* – партер, *pasquin* – пасквиль, *passage* – пассаж, *passager* – пассажир, *patience* – пасьянс, *patriote* – патриот, *patron* – патрон, *patrouille* – патруль, *pause* – пауза, *plan* – план, *poète* – поэт, *pomade* – помада, *portefeuille* – портфель, *portière* – портьера, *portion* – порция, *portrait* – портрет, *position* – позиция, *poste* – пост, *postillon* – почталион (почтальон), *roudre* – пудра, *première* – премьера, *prétention* – претензия, *privilège* – привилегия, *procédure* – процедура, *profile* – профиль, *promenade* – променад, *prononce* – прононс, *protégé* – протеже, *province* – провинция, *provision* – провизия, *public* – публика, *rapport* – рапорт, *salope* – салон, *soupe* – суп, *surprise* – сюрприз;

[b] – [б]: *abordage* – abordаж, *acrobate* – акробат, *album* – альбом, *arbalète* – арбалет, *assemblée* – ассамблея, *bagage* – багаж, *bal* – бал, *balcon* – балкон, *baldaquin* – балдахин, *ballade* – баллада, *ballet* – балет, *baron* – барон, *barrière* – барьер, *base* – база, *bastard* – бастард, *bastion* – бастион, *bataille* – баталия, *blanc-manger* – бланманже, *blonde* – блонды, *boulevard* – бульвар, *bouquet* – букет, *bouteille* – бутылка, *bouton* – бутон, *bracelet* – браслет, *brillant* – бриллиант (брильянт), *brochure* – брошюра, *brunette* – брюнетка, *buffet* – буфет, *fabrique* – фабрика, *public* – публика, *tabouret* – табурет, *tribune* – трибуна, *troubadour* – трубадур;

[t] – [т]: *acrobate* – акробат, *adepte* – адепт, *amplitude* – амплитуда, *arbalète* – арбалет, *aristocrate* – аристократ, *attaque* – атака, *bastard* – бастард, *bataille* – баталия, *bouteille* – бутылка, *bouton* – бутон, *brunette* – брюнетка, *capitaine* – капитан, *capote* – капот, *caricature* – карикатура, *carte* – карта, *cartouche* – картуш, *casemate* – каземат, *chapeau* – шапото, *commentateur* – комментатор, *construction* – конструкция, *contusion* – контузия, *côtelette* – котлета, *couchette* – кушетка, *détail* – деталь, *dictateur* – диктатор, *diète* – диета, *distance* – дистанция, *épaulette* – эполет, *étage* – этаж, *étape* – этап;

этан, étiquett[t]e – этикет[m], frégate – фрегат, fronton – фронтон, garniture – гарнитур, geste – жест, grotte – грот, improvisateur – импровизатор, instrument – инструмент, irritation – ирритация, jaquette – жакет, lancette – ланцет, marionnette – марионетка, méthode – метод(а), ministre – министр, mixture – микстура, nature – натура, note – нота, paletot – пальто, patriote – патриот, patron – патрон, patrouille – патруль, pistolet – пистолет, poète – поэт, portefeuille – портфель, portrait – портрет, poste – пост, redoute – редут, remonte – ремонт, restauration – ресторация, résultat – результат, sculpture – скульптура, secrétaire – секретарь, soutane – сутана, spectacle – спектакль, spéculateur – спекулятор, st[t]atue – ст[m]атуя, sultan – султан, surtout – сюртук, t[t]artine – т[m]артинка, tabouret – табурет, taille – талия, talent – талант, taxi – такси, théât[t]re – теат[m]р, tit[t]an – тит[m]ан, toilette – туалет, ton – тон, toupet – тупей, tour – тур, tournoi – турнир, tradition – традиция, tribune – трибуна, tricotage – трикотаж, trône – трон, trophée – трофей, trottoir – тротуар, troubadour – трубадур, trumeau – трюмо, végétal – вежесталь, visite – визит;

[d] – [д]: *abordage – абордаж, adresse – адрес, amplitude – амплитуда, baldaquin – балдахин, ballade – баллада, candid[d]at – кандидат[д]ат, canonade – канонада, commandant – комендант, corridor – коридор, dame – дама, dauphin – дофин, document – документ, drame – драма, duel – дуэль, madame – мадам, médaille – медаль, méthode – метода, mode – мода, pomade – помада, poudre – пудра, procédure – процедура, redoute – редут, soldat – солдат, troubadour – трубадур;*

[k] – [к]: *accoucheur – акушер, acrobate – акробат, aristocrat – аристократ, attaque – атака, balcon – балкон, cabinet – кабинет, caisse – касса, caleçon – кальсоны, calque – калька, camisole – камзол, campagne – кампания, canaille – каналья, canal – канал, candidat – кандидат, candidat – кандидат, canetille – канитель, canon – канон, canonade – канонада, capitaine – капитан, caporale – капрал, capote – капот, caprice – каприз, capuchon – капюшон, caricature – карикатура, carrière – карьер, carte – карта, cartouche – картуш, casemate – каземат, casque – каска, cavalerie – кавалерия, cavalier – кавалер, cirque – цирк,*

client – клиент, *climat* – климат, *collègue* – коллега, *colonne* – колонна, *comité* – комитет, *commandant* – комендант, *commentateur* – комментатор, *commode* – комод, *compagnie* – компания, *complet* – комплект, *compliment* – комплимент, *compromis* – компромисс, *concurrent* – конкурент, *confort* – комфорт, *confus* – конфуз, *consommé* – консоме, *construction* – конструкция, *contusion* – контузия, *coquette* – кокетка, *corridor* – коридор, *corset* – корсет, *costume* – костюм, *côtelette* – котлета, *couchette* – кушетка, *couronne* – корона, *cousin* – кузен, *créditeur* – кредитор, *crème* – крем, *critique* – критика, *décor* – декор, *dictateur* – диктатор, *document* – документ, *escadron* – эскадрон, *fabrique* – фабрика, *flacon* – флакон, *frac* – фрак, *laque* – лак, *mixture* – микстура, *parc* – парк, *pasquin* – пасквиль, *peruque* – парик, *rique* – рика, *public* – публика, *recrue* – рекрут, *ricochet* – рикошет, *risque* – риск, *sculpture* – скульптура, *secrétaire* – секретарь, *spectacle* – спектакль, *spéculateur* – спекулятор, *surtout* – сюртук, *taxi* – такси, *tricotage* – трикота́ж, *tunique* – тюник, *vacance* – вакансия;

[g] – [г]: *arrière-garde* – арьергард, *bagage* – багаж, *collègue* – коллега, *égoïsme* – эгоизм, *engagement* – ангажемент, *épigramme* – эпиграмма, *exemplaire* – экземпляр, *figure* – фигура, *frégate* – фрегат, *galanterie* – галантерея, *galerie* – галерея, *galop* – галоп, *garantie* – гарантия, *garde-robe* – гардероб, *garnison* – гарнизон, *garniture* – гарнитур, *gobelin* – гобелен, *gouvernant* – гувернантка, *griffon* – грифон, *grotte* – грот, *groupe* – группа, *jongleur* – жонглёр, *wagon* – вагон;

[f] – [ф]: *bas-relief* – барельеф, *bottes-fortes* – ботфорты, *fabrique* – фабрика, *face* – фас, *façon* – фасон, *famille* – фамилия, *fantaisie* – фантази, *farce* – форс, *favorite* – фаворитка, *flacon* – флакон, *flageolet* – флажолет, *flirt* – флирт, *fond* – фонд, *frac* – фрак, *frégate* – фрегат, *fronton* – фронтон, *griffon* – грифон, *nef* – неф, *phrase* – фраза, *uniforme* – униформ;

[v] – [в]: *avance* – аванс, *avarie* – авария, *aventure* – авантюра, *boulevard* – бульвар, *cavalerie* – кавалерия, *cavalier* – кавалер, *chef-d'oeuvre* – шедевр, *divan* – диван, *favorite* – фаворит, *manoeuvre* – маневр, *ovale* – овал, *vampire* – вампир, *variante* – вариант, *vassal* – вассал, *volontaire* – волонтер;

[s] – [с]: *adresse* – адрес, *arsenal* – арсенал, *artiste* – артист, *assemblée* – ассамблея, *bracelet* – браслет, *buste* – бюст, *caleçon* – кальсоны, *caprice* – каприз, *chance* – шанс, *distance* – дистанция, *escadron* – эскадрон, *esquisse* – эскиз, *façon* – фасон, *farce* – фарс, *geste* – жест, *instrument* – инструмент, *masque* – маска, *mixture* – микстура, *monstre* – монстр, *obusson* – обюссон, *orchestre* – оркестр, *passage* – пассаж, *passager* – пассажир, *patience* – пасьянс, *pistolet* – пистолет, *poste* – пост, *prononce* – прононс, *salade* – салат, *salon* – салон, *séance* – сеанс, *soldat* – солдат, *sonnet* – сонет, *soupe* – суп, *spectacle* – спектакль, *sphère* – сфера, *spirale* – спираль, *statue* – статуя, *sultan* – султан, *talisman* – талисман, *terrasse* – терраса, *vacance* – вакансия;

[z] – [з]: *base* – база, *blouse* – блуза, *camisole* – камзол, *casemate* – каземат, *dose* – доза, *épisode* – эпизод, *garnison* – гарнизон, *hasard* – азарт, *illusion* – иллюзион, *improvisateur* – импровизатор, *jalousie* – жалюзи, *mésalliance* – мезальянс, *pause* – пауза, *phrase* – фраза, *prose* – проза, *résultat* – результат, *saison* – сезон, *vase* – ваза, *visa* – виза.

б. Довольно значительное количество согласных, находящихся в препозиции к [i]. [e], [ɛ], [y], [œ], [ə], приходят в русский язык в мягком – палатализованном варианте. В этом случае графемы, обозначающие вышеупомянутые французские звуки, выражаются в языке-рецепторе посредством и, е, ю, ё, я:

[p] – [п’]: *appétit* – аппетит, *capitaine* – капитан, *capuchon* – капюшон, *chapelain* – капеллан, *chapeau* – шапото, *dépêche* – депеша, *empire* – импир, *épigramme* – эпиграмма, *épisode* – эпизод, *paysage* – пейзаж, *pension* – пенсия, *piété* – пиетет, *pique* – пика, *pistolet* – пистолет, *spectacle* – спектакль, *spéculateur* – спекулятор, *spirale* – спираль, *tourpet* – тупей, *vampire* – вампир;

[b] – [б’]: *billet* – билет, *béret* – берет, *bureau* – бюро, *buste* – бюст, *cabinet* – кабинет, *gobelin* – гобелен, *libéral* – либерал, *obusson* – обюссон;

[t] – [т’]: *appétit* – аппетит, *artillerie* – артиллерия, *artiste* – артист, *aventure* – авантюра, *bastion* – бастион, *cannetille* – канитель, *comité* – комитет, *costume* – костюм, *critique* – критика, *dynastie* – династия, *étiquette* – этикет,

garantie – гарантия, *hérétique* – еретик, *intérêt* – интерес, *matière* – материя, *motif* – мотив, *piété* – пиетет, *portiere* – портьера, *rhumatisme* – рюматизм, *style* – стиль, *tartine* – тартинка, *terrasse* – терраса, *théâtre* – театр, *titan* – титан, *tunique* – тюник, *turlurlu* – тюрлюрлю, *tyran* – тиран;

[d] – [д’]: *audience* – аудиенция, *candidat* – кандидат, *candidat* – кандидат, *créditeur* – кредитор, *décor* – декор, *dépêche* – депеша, *dépôt* – депо, *dessert* – десерт, *détail* – деталь, *devise* – девиз, *diadème* – диадема, *dictateur* – диктатор, *diète* – диета, *distance* – дистанция, *divan* – диван, *disc* – диск, *duchesse* – дюшес, *dynastie* – династия, *garde-robe* – гардероб, *idée* – идея, *marquandeur* – мародёр, *tradition* – традиция;

[k] – [к’]: *bouquet* – букет, *coquette* – кокетка, *équipage* – экипаж, *esquisse* – эскиз, *étiquette* – этикет, *jaquette* – жакет, *laquais* – лакей, *orchestre* – оркестр, *paquet* – пакет, *parquet* – паркет, *piquet* – пикет;

[g] – [г’]: *guide* – гид;

[f] – [ф’]: *affiche* – афиша, *buffet* – буфет, *chef* – шеф, *dauphin* – дофин, *ferme* – ферма, *fermoir* – фермуар, *figure* – фигура, *filet* – филе, *final* – финал, *effet* – эффект, *officier* – офицер, *parfumerie* – парфюмерия, *physionomie* – физиономия, *portefeuille* – портфель, *trophée* – трофей;

[v] – [в’]: *chevelure* – шевелюра, *gouverneur* – губернёр, *nerveux* – нервюра, *province* – провинция, *provincial* – провинциал, *privilège* – привилегия, *révérence* – реверанс, *vedette* – ведет, *végétal* – вегеталь, *vitrage* – вираж;

[s] – [с’]: *bastion* – бастион, *corset* – корсет, *costume* – костюм, *dessert* – десерт, *dynastie* – династия, *patience* – пасьянс, *pension* – пенсия, *saison* – сезон, *secrétaire* – секретарь, *séance* – сеанс, *sénat* – сенат, *sentence* – сентенция, *signal* – сигнал, *silhouette* – силуэт, *sirène* – сирена, *style* – стиль, *surprise* – сюрприз, *surtout* – сюртук, *taxi* – такси;

[z] – [з’]: *contusion* – контузия, *fantaisie* – фантазия, *position* – позиция, *provision* – провизия, *visite* – визит, *poésie* – поэзия;

Многими лексикографами и лексикологами отмечается тенденция функционирования твердого согласного перед [э] в заимствованных (и,

разумеется, прежде всего, романских лексических элементах). Наиболее частотно сохранение непалатализованного «оригинального» [t]: *galanterie* – галантерея, *grotesque* – гротеск, *hôtel* – отель, *intervalle* – интервал, *sentence* – сентенция, *parterre* – партер, *prétention* – претензия, *protégé* – протеже; гораздо реже сохраняют твердость [d]: *adepte* – адепт, *chef-d'oeuvre* – шедевр, *diadème* – диадема, *vedette* – ведет – и [n]: *brunette* – брюнетка, *cornette* – корнет, *nécessaire* – несессер, *sonnet* – сонет, единичны случаи отсутствия палатализации у [s]: *assesseur* – асессор, *nécessaire* – несессер – и [m]: *consommé* – консоме.

с. В конце слова, как уже отмечалось, звонкие фонемы обязательно оглушаются.

[b] – [п]: *garde-robe* – гардероб;

[d] – [т]: *arrière-garde* – арьергард, *commode* – комод, *épisode* – эпизод, *guide* – гид, *limonade* – лимонад, *marinade* – маринад, *méthode* – метод, *parade* – парад, *promenade* – променад, *salade* – салат;

[g] – [к]: *épilogue* – эпилог, *prologue* – пролог.

[z] – [с]: *confuse* – конфуз, *devise* – девиз, *surprise* – сюрприз.

Нами не зарегистрировано случаев оглушения фонемы [v], что объясняется особенностями французской орфографии, с одной стороны (в абсолютном конце слова графема *v* не встречается, она всегда чередуется с *f* в данной позиции), и особенностями рецепции галлицизмов в русском языке (конечное французское *-ve*, являющееся зачастую показателем женского рода, всегда оформляется в русском языке посредством флексии *-а* после *-в-*, напр., лава), единственный найденный нами пример оглушения в сочетании *-ve* – *глефа* (от *glaive*) – обязан, скорее, немецкому произношению *Glefe* – и как чистый случай рассматриваться не может.

Для фонемы [s], выраженной графемой *s* перед *i*, *e*, *u*, ярко вырисовывается тенденция к субституции русским аффрикатом [ц]: *cérémonie* – церемония, *distance* – дистанция, *lancette* – ланцет, *province* – провинция, *provincial* – провинциал, *procédure* – процедура, *scène* – сцена, обусловленная латинским

происхождением данных единиц и оформлением по аналогии с ранее заимствованными напрямую из латыни терминами.

2. Фонемы [ʋ], [m], [n].

Фонемы [m], [n], как и смычные, описанные в предыдущем пункте, имеют свои русские аналоги [м], [н], артикулирующиеся с меньшей напряженностью речевого аппарата.

Увулярная [ʋ], имеющая несколько факультативных вариантов произношения (напомним, что на данный момент парижский вариант, произносимый без вибраций и шума, считается нормативным, вытеснив из употребления широко функционировавший еще в середине прошлого века [R] *grasseyé* и окончательно закрепив за [r] *roulé* статус диалектного), по мнению многих исследователей фонологической адаптации галлицизмов [Габдреева 2011, 2013; Калиневич 1978; Агеева 2008, 2013; Андрианова 2009], вполне коррелирует с русским [р].

Рассмотрение адаптационных характеристик данных фонем. таким образом, не представляет сложности, однако мы сочли уместным вынести сонанты в отдельный пункт, поскольку в силу отсутствия глухого коррелята, они представляют лишь два варианта субституции:

а. соответствующим русским твердым согласным, в любой позиции: перед гласной, другой согласной, в конце слова.

[m] – [м]: *amour* – амур, *amulette* – амулет, *arôme* – аромат, *blanc-manger* – бланманже, *camisole* – камзол, *cérémonie* – церемония, *charme* – шарм, *commode* – комод, *crème* – крем, *dame* – дама, *diadème* – диадема, *épigramme* – эпиграмма, *ferme* – ферма, *fermoir* – фермуар, *garnison* – гарнизон, *garniture* – гарнитур, *limonade* – лимонад, *madame* – мадам, *matan* – маман, *manège* – манеж, *manière* – манера, *manipulation* – манипуляция, *manoeuvre* – манёвр, *marqueur* – мародёр, *marche* – марш, *marinade* – маринад, *marionette* – марионетка, *masque* – маска, *masse* – масса, *matière* – материя, *mémoire* – мемуары, *mode* – мода, *moment* – момент, *monnaie* – монета, *morale* – мораль, *motif* – мотив, *potnade* – помада,

rate – рама, *remonte* – ремонт, *rhumatisme* – рюматизм, *roman* – роман, *trumeau* – трюмо, *uniforme* – униформ;

[в] – [р]: *amour* – амур, *armée* – армия, *charme* – шарм, *compromis* – компромисс, *couronne* – корона, *épigramme* – эпиграмма, *ferme* – ферма, *fermier* – фермуар, *gouvernante* – гувернантка, *journal* – журнал, *manière* – манера, *manoeuvre* – манёвр, *maroudeur* – мародёр, *marche* – марш, *mémoire* – мемуары, *mirage* – мираж, *mixture* – микстура, *morale* – мораль, *nature* – натура, *numéro* – номер, *promenade* – променад, *prononce* – прононс, *rate* – рама, *roman* – роман, *uniforme* – униформ;

[п] – [н]: *canaille* – каналья, *canal* – канал, *canon* – канон, *capitaine* – капитан, *colonne* – колонна, *couronne* – корона, *gouvernante* – гувернантка, *journal* – журнал, *limonade* – лимонад, *marinade* – маринад, *mine* – мина, *nature* – натура, *note* – нота, *numéro* – номер, *promenade* – променад, *prononce* – прононс, *scène* – сцена, *sénat* – сенат, *sirène* – сирена, *tribune* – трибуна, *trône* – трон;

в. его мягким коррелятом в позиции перед передними и, е и грфемами ю, я, ё, являющимися маркервами палатальности согласного:

[м] – [м’]: *armée* – армия, *commandant* – комендант, *commentateur* – комментатор, *compliment* – комплимент, *compromis* – компромисс, *document* – документ, *engagement* – ангажемент, *instrument* – инструмент, *médaille* – медаль, *mémoire* – мемуары, *méthode* – метод(а), *migraine* – мигрень, *million* – миллион, *mine* – мина, *ministre* – министр, *mirage* – мираж, *mixture* – микстура, *moment* – момент, *parfumerie* – парфюмерия, *poème* – поэма, *première* – премьера, *promenade* – променад;

[п] – [п’]: *cannetille* – канитель, *cérémonie* – церемония, *chenille* – шинель, *compagnie* – компания, *garnison* – гарнизон, *garniture* – гарнитур, *général* – генерал, *gouverneur* – гувернёр, *ironie* – ирония, *manège* – манеж, *manière* – манера, *manipulation* – манипуляция, *manoeuvre* – манёвр, *marionette* – марионетка, *migraine* – мигрень, *ministre* – министр, *monnaie* – монета, *niche* – ниша, *tunique* – тюник, *uniforme* – униформ;

[ʁ] – [pʰ]: *cérémonie* – церемония, *crème* – крем, *marinade* – маринад, *marionette* – марионетка, *matière* – материя, *migraine* – мигрень, *parfumerie* – парфюмерия, *remonte* – ремонт, *rhumatisme* – рюматизм, *sirène* – сирена, *tribune* – трибуна, *trumeau* – трюмо;

3. Фонема [ɫ].

В отличие от большинства согласных, французская среднеязычная фонема [ɫ] совершенно не вписывается в фонологическую систему русского языка. Не знакомый с французским языком слушатель, может интерпретировать ее как [лʰ] перед гласными переднего ряда либо как [л] перед гласными заднего ряда. Обе эти интерпретации будут ложными, поскольку фонема артикулируется при незначительном поднятии средней части языка к верхнему небу, образуя таким образом звук мягче русского [л], но тверже его палатализованного коррелята.

Единой интерпретации при заимствовании, таким образом, не существует, однако некоторые более или менее последовательные ряды корреляций позволяют сделать следующие выводы:

а. В зависимости от качества следующего за ним гласного [ɫ] передается в русском языке как [л]: *blondes* – блонды, *diplomat* – дипломат, *flacon* – флакон, *gallant* – галант, *galop* – галоп, *laquais* – лакей, *plafond* – плафон, *plan* – план, *talent* – талант, *salon* – салон либо как [лʰ]: *allée* – аллея, *arbalète* – арбалет, *bracelet* – браслет, *collègue* – коллега, *crinoline* – кринолин, *épaulette* – эполет, *filet* – филе, *limonade* – лимонад, *pistolet* – пистолет, *public* – публика, *soufflé* – суфле, *toilette* – туалет.

Важно отметить тот факт, что при выборе варианта из пары [л – лʰ] определяющим является качество соответствующей гласной в языке-рецепторе, но не в языке-источнике. Так, гласная [a] во французском языке артикулируется впереди (ср. с задней [ɑ]), тогда как русская фонема [а] есть звук заднего ряда, т.е. палатализация имеет место согласно правилам русской фонетики.

Впрочем, зарегистрированы и случаи сохранения палатального характера [лʰ] перед фонемами непереднего ряда: *cloche* – клёш, *foulard* – фуляр, *jongleur* – жонглёр, *moullage* – муляж, *spéculation* – спекуляция.

С другой стороны, сочетание [ly] устойчиво передается в русском языке посредством [л'] в сочетании с соответствующим аллофоном фонемы [y]: *allure* – *аллюр*, *coqueluche* – *коклюш*, *craquelure* – *кракелюр(а)*, *plumage* – *плюмаж*, *salut* – *салют*.

в. Французская [l], в закрытом слоге, в абсолютном конце слова передается русской [л]: *arsenal* – *арсенал*, *bal* – *бал*, *bocal* – *бокал*, *canal* – *канал*, *carnaval* – *карнавал*, *général* – *генерал*, *intervalle* – *интервал*, *journal* – *журнал*, *signal* – *сигнал*, (оформляя имена существительные мужского рода), либо [л']: *châle* – *шаль*, *duel* – *дуэль*, *flanelle* – *фланель*, *morale* – *мораль*, *pistole* – *пистоль*, *rôle* – *роль* (оформляя женский род, причем родовая принадлежность существительного в языке-источнике играет не слишком значительную роль).

В середине слова звук [л'], конечный в закрытом слоге, зафиксирован, например, в словах *album* – *альбом*, *calque* – *калька*; [л] же регистрируется в словах *soldat* – *солдат*, *sultan* – *султан*. В закрытом слоге [л'] звучит также в той ситуации, когда в оригинале выпадает е беглая: *décolleté* – *декольте* – и в сочетании [lj]: *atelier* – *ателье*, *collier* – *колье*.

Из вышеприведенных примеров видно, что передача французской [l] есть фактическая попытка включить французский звук в активную в языке-рецепторе оппозицию, с учетом специфики его функционирования в языке-источнике. Субституция [l] перед гласными среднего и заднего ряда русским [л] закономерно вписывается в фонологические тренды принимающего языка, тогда как палатализация согласных наиболее частотна в русском языке в сочетании с гласными переднего ряда, что открывает возможности для акустического выравнивания звуковой формы коррелятивного заимствования, т.е. ее максимального приближения к протипу. Таким образом, посредством субституции французской [l] русской [л'] билингвы пытаются передать звучание языка-источника. Девиации ([л'] перед гласными [а] или [у]) имеют более позднюю фиксацию в источниках и датируются в большинстве своем расцветом галломании (ср. жалюзия, XVIII в. и жалюзи XIX в.), когда билингвизм становится массовым и слуховое выравнивание занимает лидирующие позиции, формируя

новую модель ассимиляции. Что же до [l], конечной в закрытом слоге, то четких фонологических законов, регламентирующих выбор одной из двух фонем, в современном русском языке нет (исторически данный выбор обусловлен падением слабых редуцированных заднего ряда: *кол, палка, холка*, и переднего ряда: *боль, гниль, мальки*), в связи с чем оба варианта субституции возможны и частотны.

4. Фонема [l].

Единственной мягкой согласной французского языка является фонема [l]. Акустически данный звук похож на долгий русский [л'], с отодвинутой назад артикуляцией: [л'] – переднеязычный зубной, тогда как [l] – среднеязычный. В результате рецепции содержащих данную фонему галлицизмов мы выделим два способа возможной ее передачи:

а. В конце слова [l] передается русским [л']: *vigogne – вигонь* (ср. собственные имена: *Gascogne – Гасконь, Champagne – Шампань, Bretagne – Бретань*);

б. Внутри слова довольно устойчиво наблюдается йотация следующей за [l] гласной, отсутствующая во французском языке, в результате чего фонема передается сочетанием [л'й]: *champignon – шампиньон, compagnon – компаньон*.

5. Фонемы [ʃ], [ʒ].

Несмотря на более мягкий характер французских шумных щелевых [ʃ], [ʒ] по сравнению с русскими [ш], [ж], их передача средствами русской фонологии также не встречает особых трудностей.

а. Основная масса заимствованных слов, где во французском языке выступают [ʃ], [ʒ], оформляется посредством соответствующих русских твердых [ш], [ж].

[ʃ] – [ш]: *affiche – афиша, brioche – бриошь, capuchon – капюшон, châles – шаль, chance – шанс, charpenteau – шапито, charme – шарм, chef – шеф, chef-d'oeuvre – шедевр, chic – шик, chocolat – шоколад, couchette – кушетка, d'œuvre – депеша, échafaud – эшафот, ricochet – рикошет*;

[ʒ] – [ж]: *dejour* – дежурный, *étagère* – этажерка, *engagement* – ангажемент, *gilet* – жилет, *jaquette* – жакет, *jongleur* – жонглер, *journal* – журнал, *protégé* – протеже;

в. В конце слова [ʒ] оглушается до [ш].

[ʒ] – [ш]: *abordage* – abordаж, *bagage* – багаж, *chantage* – шантаж, *équipage* – экипаж, *étage* – этаж, *manège* – манеж, *mariage* – марьяж, *massage* – массаж, *passage* – пассаж, *payage* – пейзаж, *tricotage* – трикотаж, *vitrage* – витраж, *voyage* – вояж;

с. Мягкий характер французских согласных [ʃ], [ʒ] отражен в единичных лексемах: *brochure* – брошюра, *jury* – жюри, *justaucorps* – жюстокор.

Актуализация мягких [ш], [ж] вполне закономерна: по меткому выражению Л.В. Щербы, это проявление подсистемы, которая стремится «достроить» коррелятивные по твердости / мягкости пары за счет новых мягких фонем, тем более что заимствуемая лексика предоставляет для подобной «подстройки» богатый материал.

6. Немые согласные фонемы (consonnes muettes).

Рассмотрев ассимиляцию конкретных согласных фонем в русском языке, мы не можем остановиться еще на одной тенденции, которая касается всех согласных фонем языка-источника, которые выступают как немые (непроизносимые) в конце слова: t, d, s, x, z, p, g, r (в сочетании -er).

Конечный немой согласный французского прототипа в абсолютном большинстве случаев становится произносимым в русском языке, т.е. фонетически иноязычное слово оформляется согласно графическому облику прототипа: *appétit* – анпетит, *aristocrat* – аристократ, *ballet* – балет, *bandit* – бандит, *bastard* – бастард, *béret* – берет, *billet* – билет, *bouquet* – букет, *bracelet* – браслет, *brillant* – бриллиант, *buffet* – буфет, *cabinet* – кабинет, *cavalier* – кавалер, *client* – клиент, *confort* – комфорт, *corset* – корсет, *courrier* – курьер, *crédit* – кредит, *dessert* – десерт, *document* – документ, *flageolet* – флажолет, *flirt* – флирт, *fond* – фонд, *galop* – галоп, *gilet* – жилет, *moment* – момент, *officier* – офицер, *paquet* – пакет, *passager* – пассажир, *pistolet* – пистолет, *portrait* –

портрет, rang – ранг, rapport – рапорт, résultat – результат, ricochet – рикошет, salut – салют, sénat – сенат, soldat – солдат, sonnet – сонет, tabouret – табурет, talent – талант, vagant – вагант.

7. Двойные согласные (*consonnes doubles*)

В большинстве французских слов функционирование двойных согласных обусловлено в первую очередь орфографией, но не фонетикой: так, двойные согласные образуются либо на стыке морфем (ср. префиксы *mortel – immortel, légal – illégal, reel – irréal*), либо несут в себе смысловозначительную характеристику (например *s* между гласными будет читаться как [z], тогда как *ss* – как [s], напр., *fasse (qu’il) – phase*. Л.В.Щерба отмечает, что произношение долгого согласного «не обязательно и в сущности не свойственно французскому языку» [Щерба, с. 77].

В силу данной особенности, удвоенные согласные, которые в рамках французского слова читаются как соответствующие единичные, передаются чаще в фонетическом варианте: *arrière-garde – арьергард, attaque – атака, barrière – барьер, carrière – карьер, collier – колье, corridor – коридор, couronne – корона, courrier – курьер, dessert – десерт, flanelle – фланель, intervalle – интервал, palissade – палисад, salle – зала, sonnet – сонет, toilette – туалет, trottoir – тротуар, vedette – ведом.*

Графическая норма французского языка, выражающаяся в удвоении согласной, встречается лишь в редких случаях: *allée – аллея, allure – аллюр, ballade – баллада, classe – класс, illusion – иллюзион, nécessaire – несессер, passage – пассаж, ressort – рессора*, немалое их количество имеют греческое либо латинское происхождение: *épigramme – эпиграмма, masse – масса, million – миллион, somme – сумма*.

Добавим также, что функционирование вариантных рядов, связанных с передачей двойного согласного, – явление известное и широко изученное в русском языке. Так, Н.В. Габдреева отмечает развитие дублетных форм у лексем *алея – аллея, бриллиант – бриллиант, комисар – комиссар, милион – миллион* и др.

Данный тип вариантов актуален для переводов на протяжении всего XIX века [подробнее см. Габдреева 2001, с. 44 – 44, 102 – 104].

3.1.4 Аппроксиманты

Французская фонологическая традиция называет фонемы [w], [ʷ], [j] полугласными (*semi-consonnes, semi-voyelles*), поскольку они характеризуются, подобно гласным, отсутствием шумов и гласными же буквами обозначаются на письме.

Сонанты [w], [ʷ] всегда выступают в сочетании с гласными, однако дифтонгами их называть в корне неверно: это сочетание не двух гласных в рамках одного слога, а фактически – гласного и согласного.

1. Фонема [w].

Сочетания *oi, ou*, которые и служат основным источником данной фонемы [wa, waj] могут следовать то фонетике (*ya*) прототипа, то его графике (*oa*): *вуаль – воаль, эксплуатация – эксплоатация* (Габдреева, 2011). В Русская литература, начиная с первой трети XIX века, сохраняет произношение прототипа и указанные лексические единицы не имеют вариантов, т.е. субституция осуществляется при помощи гласной фонемы [y]: *boudoir – будуар, couloir – кулуар, dortoir – дортуар, emploi – амплуа, fermoir – фермуар, mademoiselle – мадмуазель, toilette – туалет, trottoir – тротуар, répertoire – репертуар, voile – вуаль*.

2. Фонема [ʷ].

Сонант [ʷ] выступает лишь в небольшом количестве слов, заимствованных русским языком: *duel – дуэль, conduit – кондуит, statuette – статуэтка*. Как видим из приведенных примеров, в большинстве случаев передается также русской фонемой [y] в сочетании с твердым согласным.

Фонема [y] (точнее ее аллофон [y̥]) в сочетании с мягкой согласной встретился нам лишь один раз: *suite – сюита* (к слову, этот же прототип дал

начало русскому *свита*, акустически, разумеется, более далекому от французского произношения, но более верному, если рассматривать процесс субституции согласного).

3. Фонема [j].

Французский сонант [j], по мнению многих исследователей галлицизмов (Щерба, Калиневич, Габдреева), близок к русскому [й], что и обусловило его последовательную передачу соответствующим звуком: *alliance* – альянс, *atelier* – ателье, *barrière* – барьер, *carrière* – карьер, *client* – клиент, *courrier* – курьер, *maniaque* – маньяк, *première* – премьера.

Однако по-прежнему актуален вариантный ряд, связанный с воспроизведением [j]: *биллиард* – бильярд, *бриллиант* – брильянт, *булион* – бульён [Габдреева 2011]. Французский полугласный [j], графически передающийся сочетанием -il(l)- в позиции перед гласным, последовательно передается в русском языке переднеязычной фонемой [л'], при этом в большинстве случаев «выживает» лишь один из вариантов: *artillerie* – артиллерия, *billet* – билет, *quadrille* – кадрили, *canaille* – каналья, *cotillon* – котильон,

Тем не менее фонетические девиации достаточно частотны в литературе: *brilliant* – бриллиант / брильянт, *postillon* – почталион / почтальон, *taille* – талия / талья.

Мы умышленно не включили в этот ряд параллель *мильон* – миллион, т.к. прототип не содержит звука [j], данная лексема является одним из немногих исключений из правила во французском языке: *million* [miljɔ̃].

Обобщая, необходимо добавить, что для рассматриваемой эпохи нормативной была, скорее, орфография *брильянт*, *таля*, *бильярд*, т.к., по словам Я.К. Грота: «тамъ, гдѣ звуку а въ иностранныхъ словахъ предшествуетъ Imouillé, какъ напр. въ именахъ: *brillant*, *billard*, нѣтъ основанія писать по-русски: "бриллиантъ, биллиардъ"; всего ближе къ составу подлинныхъ словъ правописание: брильянтъ, бильярдъ» [Грот 1894].

Я.К. Грот говорит здесь о произносительной норме, характерной для «королевского» французского дореволюционной эпохи – и практически полностью вытесненной народным [j] после 1789 г.

Как видно из всего вышеизложенного, проникающие в русский язык французские слова в большой степени включаются в фонологическую систему русского языка, так или иначе к ней приспособляясь. Более того, очевидно, что процесс фонетической адаптации не есть слепое копирование произносительной нормы либо графического облика прототипа, он имеет жёсткие рамки, обусловленные как законами принимающего языка, так и влиянием языка-источника, двух разных фонологических и фонематических систем. Степень последнего в свою очередь зависит от соотношения многих факторов: как сугубо лингвистических (структурное сходство или различие языков, количественные характеристики процесса, путь заимствования – устный или письменный), так и внеязыковых (количество билингвов в обществе, языковая мода и культурное доминирование в мире). В ключевую эпоху становления современного русского языка – в XIX в., в период, когда создавались важнейшие произведения русской художественной литературы, ставшие ее классикой и, по сути, на долгое время определившие вектор развития ее языка, достигла своего апогея галломания, и этот факт не мог не отразиться на чисто языковых процессах и явлениях, в частности, на формировании и закреплении фонетического облика лексических единиц, заимствованных из французского языка, а впоследствии – и из других европейских языков.

§3.2 Акцентологические характеристики французской и русской языковых систем

Акцентологическое оформление слова как основной значащей единицы языка является одной из его основных характеристик. Функциональная специфика ударения в качестве супрасегментного средства, оформляющего слово как морфологическую единицу (т.е. выполняющего смысловозначительную

функцию) либо как единицу синтаксическую (не несущую смысловой нагрузки, в силу чего факультативную) впервые отмечена И.А. Бодуэном де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963, с. 231]. В рамках данного исследования мы ограничимся рассмотрением общих и специфических черт «морфологизованного» ударения французского и русского языков как характеристики, присущей каждому значимому слову.

Словесное ударение русского языка является в полном смысле этого слова морфемным, причем наибольшую активность в этой сфере проявляют корень, представляющий собой семантическое ядро слова, и суффикс, по всей вероятности, в силу своих позиционных характеристик, поскольку русский язык имеет тенденцию к смещению ударения к концу слова. Акцентная активность прочих морфем ниже, что, тем не менее, не делает подобную ситуацию вовсе невозможной или даже сколь-нибудь редкой, т.е. акцентная структура русского слова характеризуется высокой степенью динамики применительно к его морфемной структуре: русское словесное ударение не имеет жесткой привязки к определенному слогу или морфеме. С другой же стороны, за редким исключением, акцентный рисунок каждой конкретной словоформы постоянен, для него характерно статичное ударение, которое в потоке речи всегда выделяет одну и ту же гласную, вне зависимости от фразовых условий.

Акустически русское ударная и безударная гласные различаются количественно: силой и длительностью, а также частотой основного тона и тембром. Не следует забывать и о качественных изменениях безударных гласных, выражающихся редукцией, т.е. сближением по подъему и ряду, предельными значениями которой следует считать трансформацию гласной (например, в послеударном слоге) в [ъ] / [ь] – своеобразный маркер твердого или мягкого согласного [Зализняк 2002, с. 118].

Речь на французском языке распадается не на отдельные слова, но на группы слов, выражающие единое целое, т.н. ритмические группы (*groupes rythmiques* по М. Граммону), и количество ударений во фразе определяется не

количеством слов, а количеством ритмических групп, несущих ударение на последнем слоге последнего слова.

Ритмическая группа обычно представляет собой:

1. Знаменательное слово со всеми его детерминативами: *la télévision, elle regarde, je ne parle pas, nous ne lui avons pas écrit.*

2. Определяемое слово со всеми определяющими словами, находящимися в препозиции: *c'est un très joli garçon, tu es vraiment heureux.*

3. Определяемое слово и определяющее его односложное слово, находящееся в постпозиции: *un professeur russe, je vous entends bien.*

Отметим здесь, что, если находящееся в постпозиции определение является многосложным либо представляет собой группу слов, оно образует отдельную ритмическую группу: *un film intéressant, il me comprend parfaitement.*

4. Сложное слово либо устойчивое словосочетание (*locution figée*): *de temps en temps, un oeil de loup.*

Определяющий закон французской ритмики: невозможно наличие двух подряд ударенных слогов внутри ритмической группы, в результате чего любое знаменательное слово, находящееся в препозиции по отношению к односложному служебному (либо другому знаменательному), заканчивающему ритмическую группу, теряет ударение: *il écrit – il n'écrit pas, vous écrivez – écrivez-vous?*

Структура французской акцентной системы осложняется, кроме того, наличием, помимо ритмического, дополнительных ударений (*accent secondaire*), которые падают на каждый нечетный слог с конца ритмической группы, что способствует особой интенсивности и четкости произношения французский гласных. Дополнительное ударение намного слабее ритмического и характеризуется не столько силой либо долготой гласного, сколько высотой тона, т.е. является большей частью музыкальным, нежели силовым или квантитативным: *Adèle n'est pas malade.*

Вне речевого потока, в изолированном слове, ударение всегда падает на последний произносимый гласный, т.е. позиционно французское ударение представляет собой полную противоположность русскому: оно статично в рамках

отдельно взятого слова, будучи жестко закрепленным за последним слогом, но динамично в речевом потоке. В количественном отношении оно также характеризует гласную по силе и длительности, высоте тона и тембру, но о качественных изменениях речи практически не идет: *accent secondaire* поддерживает четкую артикуляцию не только ударных, но и безударных гласных, каждая из которых находится между двумя ударными.

Тем не менее, вследствие того, что рассматриваем мы отдельные французские слова, заимствованные русской лексикой (лишь в редких случаях речь идет о вкраплениях и/или устойчивых словосочетаниях) и выступающие в качестве изолированных единиц, примем за данность, что французское ударение по природе своей близко к русскому словесному ударению, где ударным является всегда последний произносимый слог основы.

Таким образом, нашей основной целью является рассмотрение основных тенденций акцентологической адаптации французской иноязычной лексики в русском языке, выражающихся в сохранении ударения языка-источника либо его смещения в результате влияния русской акцентуационной системы, поскольку, в отличие от французского ударения, всегда отмечающего конец слова / ритмической группы, функции русского ударения несколько иные:

- во-первых, оно выражает членимость речевого потока на слова;
- во-вторых, не будучи связанным никакими фонетическими правилами, оно является неотъемлемой характеристикой самого слова;
- в-третьих, в силу своей подвижности при изменении грамматической формы слова, является выразителем его грамматического значения.

М. Калиневич очень верно отмечает, что ударение надо анализировать как нечто целое, характеризующее слово либо синтагму наряду с фонемами и, как следствие, являющейся обусловленной корнем надстройкой над фонетическим составом слова [Калиневич 1978, с. 32].

Ею же был проведен анализ ударения в русском языке (по данным словаря «Русское литературное произношение и ударение» под редакцией Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова), результатом чего явилась констатация того факта, что

«французский» акцентный тип (т.е. ударение на последнем слоге основы) весьма распространен в русском языке, не только у французских заимствований [подробнее см. Калиневич 1978, с. 32], что и, разумеется, является одним из определяющих факторов сохранения ударения языка-источника в процессе заимствования.

Здесь следует оговорить, что при анализе тенденций акцентологической адаптации мы рассматриваем в основном форму именительного падежа, принимая во внимание тот факт, что большая часть проанализированной нами лексики иноязычного происхождения обладает неподвижным ударением внутри парадигм склонения / числа. Однако в некоторых случаях единственным способом обнаружения подвижности ударения у заимствований, сохранивших акцентную форму языка-источника в именительном падеже, является исследование всех словоформ иноязычной единицы; подобные явления мы также рассмотрим отдельно и попытаемся объяснить.

Итак, основной тенденцией акцентологической адаптации галлицизмов является сохранение ударения языка-источника на последнем произносимом слоге основы. В данной группе фигурируют:

1. Односложные имена существительные мужского рода с неподвижным ударением: *banque* – банк, *buste* – бюст, *chef* – шеф, *frac* – фрак, *marche* – мариш, *plan* – план, *risque* – риск, *tigre* – тигр, *ton* – тон.

Как уже отмечалось выше, ударение в русском языке зачастую зависит от конкретной словоформы, что обнаруживается лишь при анализе всей парадигмы слова: подобное явление зарегистрировано нами в случае лексемы **бал**, имеющей в начальной форме нулевое окончание и, как следствие ударение, падающее на основу, что при поверхностном исследовании позволяет сделать, казалось бы, логичный вывод о принадлежности слова к группе ЛЕ, сохраняющих ударение прототипа. Однако рассмотрим остальные формы: БАЛ, бала, о бале, на балу (на бале устар.), мн. балы (балы устар.) [Ушаков 1935]; БАЛ, -а, о бале, на балу и (устар.) на бале, мн. -ы, -ов [Ожегов 1973]; (нет) чего? бала, чему? балу, (вижу)

что? бál, чем? бáлом, о чём? о бáле и на балу́; мн. что? балы́, (нет) чего? балóв, чему? балáм, (вижу) что? балы́, чем? балáми, о чём? о балáх [Дмитриев 2003].

Учитывая расхождения даже в пределах данных одного словаря, попытаемся установить примерное время акцентного сдвига по данным Национального корпуса русского языка. Так, сравнительный анализ частности словоформ *на бале* и *на балупоказывает* соответственно:

- активизация формы *на бале* датируется 1784 г., далее, как видно из рисунка 32, пики частотности формы приходятся на 1797 и 1837 гг., далее значения резко падают, незначительные всплески наблюдаются в 1853, 1866, 1870, 1879-1880, 1894-1895 и, как ни удивительно, в 1978-1984:

Рисунок 32 – График частотности вхождений словоформы *на бале*

На бале фигурирует в произведениях Н.М. Карамзина (*На третий он увидел ее на бале: князь сидел подле нее, князь танцевал с нею, князь занимал ее приятным своим разговором.* [Н.М. Карамзин. Юлия (1796)]), А.С. Пушкина (*Когда являлись мы на бале, одетые одинаково, я досадовала не видя на ее шее жемчугов.* [А.С. Пушкин. Роман в письмах (1829)]), М.Ю. Лермонтова (*...а иногда, особливо на бале где-нибудь, она совсем другая, – и я больше не верю ни ее любви, ни своему счастью!* [М.Ю. Лермонтов. Странный человек (1831)]; *Через два года, Вера, назначаю тебе свидание где-нибудь на бале, на лице твоём будет играть улыбка, в волосах будут блистать жемчуг и бриллианты, а в сердце*

твоим будет пусто и светло... [М.Ю. Лермонтов. Два брата (1834-1836)]; ... *на бале вы сами догадаетесь.* [М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)], И.А. Гончарова (*Какой-то барин завез и приказал сказать, что надеется вас непременно видеть на бале.* [И.А. Гончаров. Счастливая ошибка (1839)]; ... *и где же? на бале! Одна только Елена действовала на него таким образом.* [И.А. Гончаров. Счастливая ошибка (1839)]; *Не правда ли, Дружеский, что вчера на бале были все посланники и вся петербургская знать?* [И.А. Гончаров. Счастливая ошибка (1839)]; Н.А. Дуровой (*Но что ж значили поступки его на бале?* [Н.А. Дурова. Угол (1840)]), Н.В. Гоголя (*В первый раз, как только увидел вас вместе на бале, ну уж, думаю себе, Чичиков, верно, даром...* [Н.В. Гоголь. Мертвые души (1842)]), Ф.М. Достоевского (*Говорит мне Семен Алексеич, что не в клубе ли вы Соединенного общества на бале?* [Ф.М. Достоевский. Роман в девяти письмах (1847)]), И.С. Тургенева (*На бале у предводителя увидел Вереницынову дочь, протанцевал с ней три польки, сказал ей, должно быть, эдак закативши глаза: «О, как я несчастлив!»* [И.С. Тургенев. Месяц в деревне (1850)]; *Я уже начинал мечтать об отъезде и ждал только, чтобы прошли дядины именины, но в самый день этих именин на бале я увидел Веру Николаевну Ельцову – и остался* [И.С. Тургенев. Фауст: рассказ в девяти письмах (1856)]), Л.Н. Толстого (*Кавалерист объяснил, что хорошеньких пропасть на бале будет...* [Л.Н. Толстой. Два гусара (1856)]; *Я вас воображаю на бале в лиловом.* [Л.Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]), М.Е. Салтыкова-Щедрина (*Хотя в особенности много неподдельного чувства было выражено в последней сцене примирения, но и на бале у Размазни дело шло нисколько не хуже, если даже не лучше* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Приезд ревизора (1857)]), А.П. Чехова (*Не далее как сегодня вечером, на бале у знакомых, он нечаянно встретился с барыней, в которую лет 20-25 тому назад был влюблен* [А.П. Чехов. Открытие (1885-1886)]).

- активизация формы на балу относится к 1810 г., далее из рисунка 33 следует, что экстремума график достигает в столетие спустя, в 1911, довольно значительные всплески приходятся на 1827, 1842, 1869-1873, 1891-1893, 1925, 1931, 1943, 1982 и на новейший период: с 2010 г. по настоящее время. Фигурирует

в произведениях многих авторов XIX в. (Лажечников, Вельтман, Булгарин, Авдеев, Станюкович и др.), однако у писателей, опреливших литературную норму русского языка первой половины столетия не регистрируется.

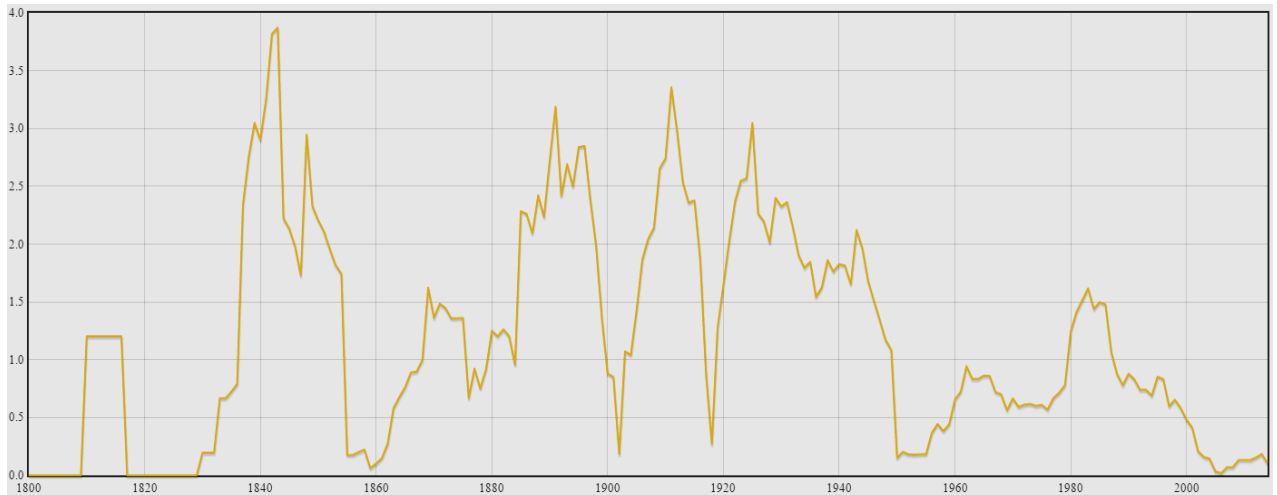

Рисунок 33 – График частотности вхождений словоформы *на балу*

Впервые из анализируемых нами авторов ее употребляет Л.Н. Толстой, причем, если форма на бале фигурирует в его произведениях достаточно последовательно, то форма на балу зафиксирована нами всего дважды: *Поверители, на балу у губернатора, как я вошел, так знаете... очень хорошо принимали.* [Л.Н. Толстой. Рубка леса. Рассказ юнкера (1855)]; *Милорадовича не было тоже дома, но тут ему сказали, что Милорадович на балу у генерала Кикина, что, должно быть, и Ермолов там.* [Л.Н. Толстой. Война и мир. Том 4 (1867-1869)] (что характерно, данные Национального Корпуса русского языка подтверждают результаты наших изысканий: поиск точных форм отразил лишь эти два контекста). Также окказиональные употребления формы на балу зарегистрированы у И.А. Гончарова: *Но как-то зимой Райский однажды на балу увидел Софью, раза два говорил с нею и потом уже стал искать знакомства с ее домом.* [И.А. Гончаров. Обрыв (1869)]. Однако уже у М.Е. Салтыкова-Щедрина акценты смещаются в буквальном смысле слова – если нами найдены лишь единичные употребления формы на бале, то на балу функционирует с достаточной степенью частотности: *В другой раз, на балу, он долгое время стоял молча подле*

нее... [М.Е. Салтыков-Щедрин. Помпадурсы и помпадурши (1863-1874)]; *В одном появится 31 декабря у себя на балу, когда соседи съедутся к ним Новый год встречать...* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина (1887-1889)]. Далее употребляется А.П. Чеховым (...и Аня вспомнила, как года три назад на балу он так же вот пошатывался и выкрикивал... [А.П. Чехов. Анна на шее (1895)]), А.И. Куприным (*Вы его забыли на стуле на балу в Благородном собрании.* [А.И. Куприн. Гранатовый браслет (1911)]), Тэффи (*На балу будет только что выслуживший свой срок солдат Марковкин.* [Н.А. Тэффи. Веселая вечеринка (1910)]); в произведениях, переписке и дневниковых записях Серебряного века данная форма наиболее частотна, что, наряду с представленными статистическими данными, и предоставляет нам возможности с большей или меньшей точностью установить период окончательного смещения ударения на окончание слова: первое десятилетие XX вв.

2. Двусложные имена существительные, заимствованные русским языком с ударением языка-источника: *amour* – амур, *artiste* – артист, *ballet* – балет, *barrière* – барьер, *billet* – билет, *canal* – канал, *capot* – капот, *caprice* – каприз, *carrière* – карьер, *commode* – комод, *courrier* – курьер, *cousin* – кузен, *divan* – диван, *façon* – фасон, *galop* – галоп, *hasard* – азарт, *journal* – журнал, *laquais* – лакей, *manège* – манеж, *manoeuvre* – маневр, *million* – миллион, *ministre* – министр, *paquet* – пакет, *parade* – парад, *passage* – пассаж, *patron* – патрон, *pistole* – пистоль, *poète* – поэт, *ponteur* – понтёр, *projet* – проект, *roman* – роман, *salon* – салон, *sénat* – сенат, *signal* – сигнал, *sultan* – султан, *talent* – талант, *théâtre* – театр, *toupet* – тупей, *trionphe* – триумф, *tunique* – тюник, *vampire* – вампир, *vedette* – ведет, *visite* – визит, *voyage* – вояж и др.

Среди двусложных имен существительных случаи смещения ударения в косвенных падежах регистрируются у слова **парик** и части существительных на -аж (*багаж, тираж, фураж, шантаж, этаж*).

Первый случай обусловлен, по всей вероятности, законом аналогии: в русском языке имена существительные с финалью -ик могут иметь ударение как на корне: в первую очередь речь идет об уменьшительном суффиксе -ик (домик,

бантик, мальчик) либо об омонимичном суффиксе -ик, обозначающем одушевленный либо неодушевленный предмет, наделенный признаком мотивирующего слова (чайник, ватник, ратник). Этот последний в некоторых случаях может быть ударным, ср.: озорник, баловник, ямщик, причем в косвенных падежах ударение смещается с основы на флексию: озорникá, озорникú, об озорникé и т.п., что и повлияло на акцентный сдвиг в слове *парик* по всей словоизменительной парадигме (парíк, парикá, парикú, парикóм, о парикé, парикí, парикóв, парикáм, парикáми, о парикáх).

Что касается имен существительных с финалью -аж, данный суффикс появился в русском языке исключительно в связи с наплывом французских заимствований [Калиневич 1978, с. 40], однако единой модели акцентологической ассимиляции не образовал. Тем не менее, некоторые закономерности можно выявить:

- среди односложных имен существительных ударение на флексии в косвенных падежах фиксируется только у лексемы *паж* (пажá, пажú, о пажé), причем довольно долго слово функционировало в двух акцентных вариантах. сравним данные Национального корпуса русского языка по двум формам, максимально четко иллюстрирующих ударное / безударное окончание: творительный падеж единственного числа (*пажем / пажом*).

Первая фиксация формы *пажом* относится к 1787 г.: *Спустя несколько времени случилось быть у короля великому банкету, то королева не преминула просить своего отца, чтоб сделал ее истопника **пажом*** [Сказка третья о Эдуарде-королевиче (1787) «Сказки русские, содержащие в себе 10 различных сказок», 1787] – и далее словоформа последовательно функционирует в литературе (что легко проследить по рисунку 34), в частности у И.С. Тургенева (*Ведь не я вас назвал **пажом**, а пажы бывают преимущественно у королев* [И.С. Тургенев. Первая любовь (1860)]), А.И. Куприна (*Одна из них, по виду девочка лет четырнадцати, одетая **пажом**, с ногами в розовом трико, сидела на коленях у Бек-Агамалова и играла шнурами его аксельбантов* [А.И. Куприн. Поединок (1905)]), В. Брюсова (*Мадонна! позвольте мне быть вашим **пажом***.

[В. Брюсов. Последние страницы из дневника женщины (1910)]; *Буду твоим рыцарем, твоим **пажем**, твоим служителем* [В. Брюсов. Последние страницы из дневника женщины (1910)], М.А. Булгакова (*Тот, кто был котом, потешавшим князя тьмы, теперь оказался худеньким юношей, демоном-**пажем**, лучшим шутком, какой существовал когда-либо в мире* [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929-1940)]).

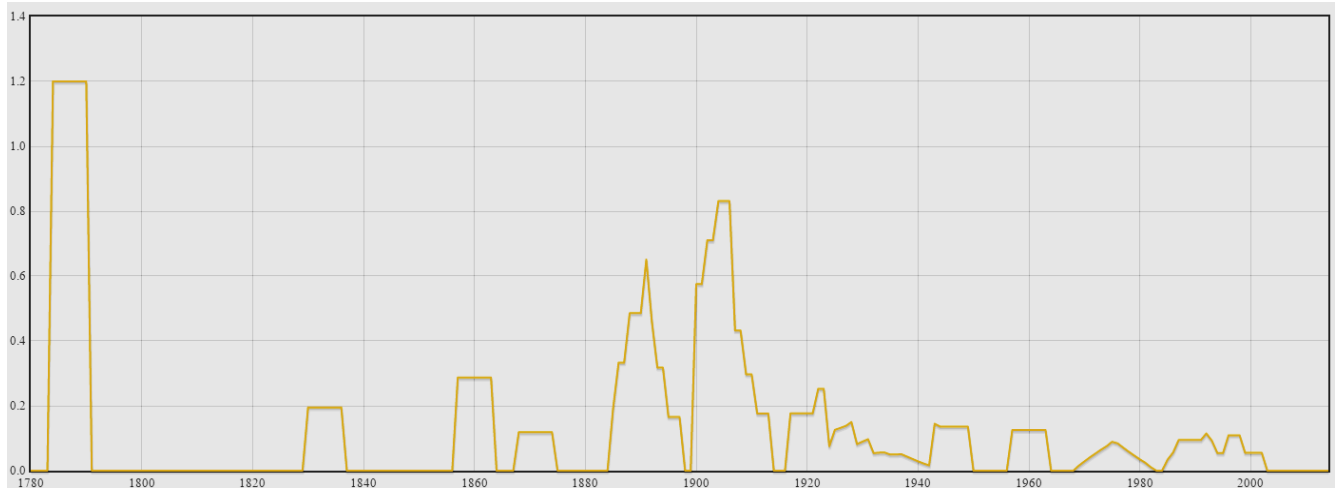

Рисунок 34 – График частотности вхождений словоформы **пажем**

Форма *пажем* зафиксирована впервые в 1825 г.: *Достоверно только, что он провел молодость свою при варшавском дворе, находился **пажем** у короля Иоанна Казимира и там образовался среди отборного польского юношества* [А.О. Корнилович. Жизнеописание Мазепы (1825)], частотность ее намного ниже, что показано на рисунке 35, всего 21 словоупотребление, в т.ч. у З. Гиппиус (*– Я не желаю, – произнес он, – чтобы вы проводили время с вашим **пажем**.* [З. Гиппиус. *Время* (1896)]), Д.С. Мережковского (*При нем был только один служитель – Евфросинья, переодетая **пажем**.* [Д.С. Мережковский. *Петр и Алексей* (1905)]; *Тонкое лезвие кортика-грифа, который носила она, одеваясь **пажем**, и которым только что, вместо ножа, отрезала от большого листа бумаги четвертушку для письма, сверкало на столе.* [Д.С. Мережковский. *Петр и Алексей* (1905)]), Ф. Соллогуба (*Я узнал её от моего покойного отца, и должен в свою очередь передать её моему сыну, который ныне имеет высокую честь быть **пажем***

вашего величества. [Ф. Сологуб. Королева Ортруда (1909)] и др, что позволяет нам сделать заключение о несостоятельности попыток унификации акцентологических норм по аналогии с большинством заимствований на -аж (*вояж, плюмаж, экипаж* и т.п.).

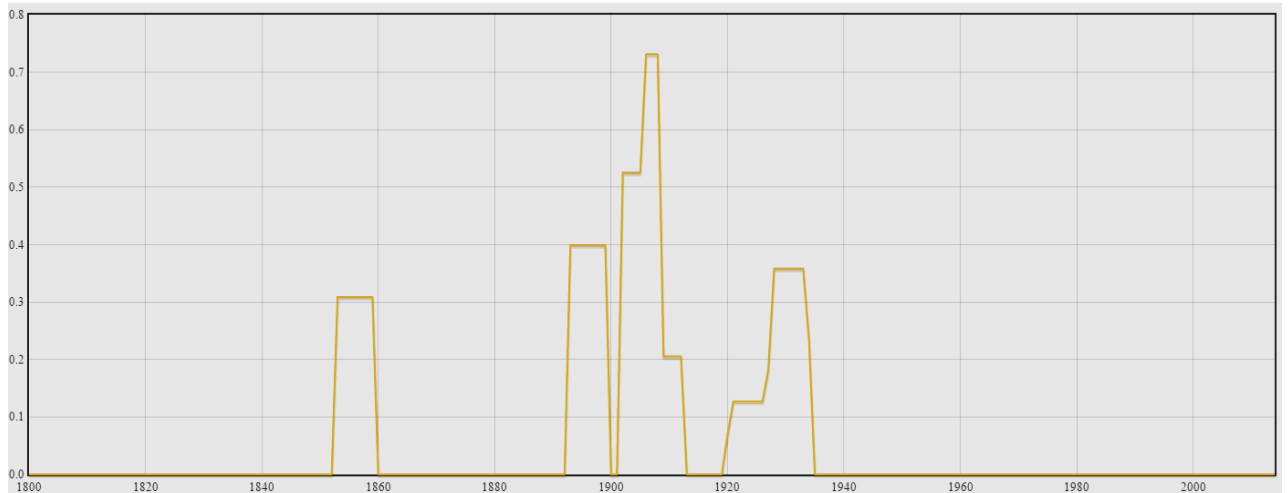

Рисунок 35 – График частотности вхождений словоформы *пажем*

- большая часть случаев акцентного сдвига с основы на флексию в косвенных падежах приходится на двусложные имена существительные, помимо перечисленным нами выше ЛЕ, можно отметить современные заимствования: *гараж, метраж, монтаж, бандаж*. Отметим здесь, что имя существительное *вояж*, сохраняя литературную норму, в просторечии также тяготеет к данной группе: в частности К.С. Горбачевич в «Словаре трудностей произношения и ударения в современном русском языке» отмечает неверную постановку ударения в родительном падеже единственного числа: ‘неправильновояжá’ [К.С. Горбачевич. Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке. СПб.: "Норинт", 2000].

- среди трех- и многосложных слов с финалью -аж случаев смещения ударения не зарегистрировано (см. ниже).

3. Большая часть трехсложных слов мужского рода характеризуется последовательным сохранением ударения на последнем слоге: *accoucheur – акушер, adjudant – адъютант, appétit – анетит, arrière-garde – арьергард*,

arsenal – арсенал, *brilliant* – бриллиант, *cabinet* – кабинет, *cavalier* – кавалер, *chocolat* – шоколад, *commandant* – комендант, *cotillon* – котильон, *créditeur* – кредитор, *diplomat* – дипломат, *échafaud* – эшафот, *entourage* – антураж, *épolette* – эполет, *équirage* – экипаж, *escadron* – эскадрон, *exemplaire* – экземпляр, *flageolet* – флажолет, *général* – генерал, *gouverneur* – губернёр, *ideal* – идеал, *instrument* – инструмент, *intervalle* – интервал, *journaliste* – журналист, *limonade* – лимонад, *maraudeur* – мародёр, *mascarade* – маскарад, *million* – миллион, *patriote* – патриот, *petit maître* – петиметр, *pistolet* – пистолет, *postillon* – почтальон, *rhumatisme* – ревматизм, *ridicule* – ридикюль, *romaniste* – романист, *secrétaire* – секретарь, *talisman* – талисман, *toilette* – туалет, *trottoir* – тротуар и др.

4. Общее количество многосложных слов (т.е. с количеством слогов, превышающих три) во французском языке вообще относительно невысоко, что объясняет тот ничтожный процент подобных заимствований в русском языке. Тем не менее, практически все они сохраняют ударение на последнем слоге: *accompagnement* – аккомпанемент, *aristocrat* – аристократ, *divertissement* – дивертисмент, *matérialisme* – материализм, *parlementaire* – парламентёр, *postillion* – почтальон, *provincial* – провинциал, *répertoire* – репертуар, *stéréotype* – стереотип.

5. В отдельную группу имеет смысл выделить имена существительные мужского рода, выступающие как имена нулевого склонения: *bourgeois* – буржуа, *chevalier* – шевалье, *curé* – кюре, *parvenu* – парвеню, – также, разумеется, сохраняющие ударение языка–источника, в силу отсутствия словоизменительной парадигмы как таковой.

6. Большая часть имен существительных женского рода также сохраняет ударение прототипа, причем здесь мы отчетливо выделяем две тенденции:

а. Одно- или двухсложные (крайне редко – трех- или четырехсложные) имена существительные женского родасмягкой (либошипящей) финалью: *aquarelle* – акварель, *brèche* – брешь, *cadrille* – кадрили, *chenille* – шинель, *duel* – дуэль, *émail* – эмаль, *migraine* – мигрень, *mademoiselle* – мадемуазель, *médaille* – медаль и т.д.

Подвижным ударением среди односложных существительных женского рода обладает только слово *роль*: ср. формы множественного числа: роли, но ролей, ролям, ролями, о ролях (видимо, по аналогии с исконными односложными соль, смерть)

в. Одно- и двухсложные слова с основой на твердый согласный и подавляющее большинство многосложных слов сохраняют место ударения, несмотря на прибавление к французской основе русской флексии –а, типичной для имен существительных женского рода: *attaque* – атака, *brochure* – брошюра, *canonade* – канонада, *carrière* – карьера, *carte* – карта, *casque* – каска, *censure* – цензура, *couronne* – корона, *dame* – дама, *dépêche* – депеша, *drame* – драма, *époque* – эпоха, *ferme* – ферма, *groupe* – группа, *manière* – манера, *masse* – масса, *méthode* – метода, *mine* – мина, *mode* – мода, *note* – нота, *phrase* – фраза, *pique* – пика, *poème* – поэма, *potade* – помада, *prose* – проза, *rate* – рама, *salle* – зала, *scène* – сцена, *sphère* – сфера, *terrasse* – терраса.

Ряд французских имен существительных с основой на -as при сохранении ударения в русском языке, тем не менее, получил грамматическое переобразование: в результате переразложения основы конечное ударное -а стало флексией вошло в состав нового квазисуффикса (-ва, -йа), перестав быть частью основы, ср. *canavas* – канва, *galimatias* – галиматья (по аналогии с мол-ва. куть-я).

7. В отдельную группу также выделим имена существительные женского рода, пополнившие в русском языке класс несклоняемых имен и, естественно, также сохранившие ударение прототипа: *ingénue* – инженерю, *madame* – мадам.

8. Все проанализированные нами имена существительные среднего рода, пополнившие, кроме того, класс несклоняемых имен, также сохраняют ударение языка-источника: *blanc-manger* – бланманже, *consommé* – консоме, *paletot* – пальто, *rinse-nez* – пенсне и др.

Вторую группу составляют слова, приобретшие новое ударение в языке-рецепторе, причем акцентный сдвиг наблюдается по всей парадигме: как в исходной форме, так и в косвенных падежах. Данную группу составляют:

1. Подавляющее большинство существительных, оформляющихся в языке-рецепторе посредством *-teur*, где при заимствовании традиционно происходит субституция указанной морфемы, чем и обусловлен перенос ударения на предпоследний слог основы, поскольку адаптировавшийся в русском языке суффикс *-тор* безударен так же, как и его латинский прототип: *commentateur* – комментатор, *dictateur* – диктатор, *improvisateur* – импровизатор, *rédacteur* – редактор, *restaurateur* – ресторатор, *spéculateur* – спекулятор.

Стоит упомянуть, что схожий по функциям и по внешнему облику французский суффикс *-eur* в русском языке сохраняет ударение: *bretteur* – бретёр, *gouverneur* – губернёр, *maraudeur* – мародёр, *ponteur* – понтёр. В качестве исключения выступает лексема *асессор* (Дал чин *асессора* и взял в секретари [А.С. Грибоедов, Горе от ума]), для которой также характерным оказалось смещение ударения на предпоследний слог основы в отличие от французского прототипа *assesseur*. И, напротив, по модели суффикса *-eur* оформляется в русском языке существительное *актёр* (*acteur*), с ударением на последний слог основы.

2. А.В. Суперанская указывает, что заимствования с финалью *-амент* (отметим: преимущественно латинского происхождения) образовали в русском языке отдельную группу с ударением на предпоследнем слоге: фундамент, орнамент, регламент – куда и примыкает часть франкоязычных существительных: *appartement* – апартамент, *département* – департамент, *parlement* – парламент и, после долгих колебаний в форме существительное *коносамент* (*connaissance*). За этим редким исключением, остальным существительным собственно французского происхождения с финалью *-мент* сохраняет ударение прототипа: *accompagnement* – аккомпанемент, *divertissement* – дивертисмент, *élément* – элемент, *engagement* – ангажемент и другие.

3. Аналогичный процесс регистрируется для имен существительных, оформленных в языке-источнике посредством суффиксов *-tion/-ation*, субституция которого финалью *-ция* также обусловлена более ранними латинскими заимствованиями: *construction* – конструкция, *irritation* – ирритация, *portion* –

порция, position – позиция, restauration – ресторация, vacation – вакация, station – станция.

4. Французские существительные женского рода, оформленные в языке-источники суффиксами -ion, -ée либо -ie, в русском языке получают безударную финаль -ия, что также способствует акцентному сдвигу: *armée – армия, artillerie – артиллерия, cavalerie – кавалерия, cérémonie – церемония, compagnie – компания, infanterie – инфантерия, ironie – ирония, manie – мания, pension – пенсия, poésie – поэзия, provision – провизия, religion – религия* и др. М. Калиневич как вероятную причину смещения ударения указывает влияние многочисленных латинских и греческих элементов, в том числе проникших в русский язык при польском посредстве [Калиневич 1978, с. 41] и обусловивших таким образом акцентный сдвиг даже в словах французского происхождения. никоим образом не отрицая той роли, которую сыграл в процессе заимствования западноевропейских элементов польский язык, отметим лишь, что многие латинизмы и, тем более грецизмы, функционирующие как в польском, так и в русском языках, пришли в них через французский – а, значит, уже со смещением ударения на последний слог, следовательно, здесь уместно скорее говорить об обратном акцентном сдвиге, обусловленном влиянием этимона.

Лишь немногие лексические единицы французского языка, оформленные вышеотмеченными суффиксами, сохранили ударение прототипа, среди них укажем: *allée – аллея, fusée – фузея, galanterie – галантерея, orangerie – оранжерея.*

Итак, на основании изученного материала можно заключить, что, благодаря разноместному характеру русского ударения, большая часть французских заимствований переносится в русский язык с сохранением ударения языка-источника, т.е. самой продуктивной оказывается акцентуационная модель с неподвижным ударением на последнем слоге основы. Среди причин, обусловивших смещение ударения по всей парадигме либо только в косвенных падежах, в первую очередь фигурирует «подстраивание» под акцентные модели, сложившиеся в языке-рецепторе, влияние языка-первоисточника (в случае с

элементами латинского либо греческого происхождения) и влияние языка-посредника.

§3.3 Морфологический аспект языковых контактов: становление моделей ассимиляции

По прохождении стадии фонологической адаптации, иноязычные слова обретают характерный для языка-рецептора фонемно-графический облик, что делает возможным их морфологическое освоение. Здесь, как и на предыдущем этапе, количество и качество адаптационных изменений прямо пропорционально степени алломорфизма контактирующих языков. Морфологическая ассимиляция иноязычной лексики, ее природа и закономерности являются предметом исследования множества научных работ, среди авторов наиболее референтных референтных из них следует отметить таких ученых, как Н.В. Габдреева, В.Г. Гак, Л.П. Крысин, М.М. Калиневич, Е.В. Маринова, М. Мартысюк и др .

В отличие от фонетических исследований, имеющих относительно недолгую историю, западноевропейская грамматическая традиция довольно обширна не только в синхронном плане, но и с точки зрения диахронии: первые грамматики французского языка появляются в XVI в. (Ж. Дюбуа или Сильвиус, Ж. Пийо, Л. Мегре, А. Этьен) и, как верно указывает В.Г. Гак, рассматривают французский язык сквозь призму латинского или древнегреческого, навязывая ему чуждые классификации и определения [Гак 2000, с. 24].

Следующий этап исследований ознаменовался предпринятой в известной грамматике Пор-Рояля (Arnaud A., Lancelot Cl., Grammaire générale et raisonnée, 1660) попыткой не просто описать языковые явления, а дать им объяснение с позиций рационализма и логики. Основным достоинством данной работы является установка на построение общей теории языка, обусловившая дальнейшее преобладание менталистического подхода, характерного для французской лингвистики в целом [Гак 2000, с. 24].

Как таковая, теоретическая грамматика, отличная и от исторических исследований, и от синхронной лингвистики, сформировалась в XX в., под влиянием работ Ш. Балли (анализизм и его проявления во французском языке), Ф. Брюно (грамматические средства выражения понятий), Ж. Дамурета и Э. Пишона (максимально полное описание французской грамматики), Ж. и Р. Лебидуа (семантика грамматических форм), Г. Гийома (формирование грамматических категорий и их функционирование в речи), Ж. Гугнейма (оппозиции в грамматике), Л. Теньера (соотношение семантического и структурного аспектов языка), Ж. Дюбуа (трансформационная грамматика), А. Мартине (функциональный анализ грамматических форм) и др. Как видно, современная традиция грамматических исследований во французском языке имеет долгую и сложную историю развития, тенденции которой разнонаправленны и зачастую противоречивы. В данном исследовании мы станем придерживаться классических принципов функциональной грамматики, изложенных в работах В.Г. Гака (Теоретическая грамматика французского языка, *Essai de la grammaire fonctionnelle de la langue française* и др.)

В начале данной главы стоит оговорить, что французская лексика представлена в русском языке прежде всего именами существительными, вследствие чего мы считаем наиболее целесообразным провести максимально подробный анализ плана выражения основных грамматических категорий именно этой части речи в обоих языках.

Итак, имени существительному во французском языке присущи категории рода и числа. Морфологические средства их выражения в современном языке, особенно если говорить об устной речи, в значительной степени нивелировались: зачастую род и число имени существительного не выявляются вне контекста либо в отсутствие служебных слов – детерминативов. В работе «Теоретическая грамматика французского языка» В.Г. Гак приводит в качестве примера слово [livr], которое не обнаруживает ни рода, ни числа (это может быть un livre ‘книга’, une livre ‘ливр’, des livres ‘книги’ либо ‘ливры’) [Гак 2000, с. 65]. Тем не менее, в ряде случаев род и число выражаются фонетически, в том числе и в устной речи;

ср.: *étudiant – étudiante, veuf – veuve, musicien – musicienne, cheval – chevaux, travail – travaux* и т. п. Более частотным отражение категорий рода и числа в речи становится благодаря т.н. *liaison* – явлению связывания немой в изолированном слове конечной согласной с инициальной гласной следующего слова в рамках одной ритмической группы: *de belles étrangères* и употреблению детерминативов: артиклей, указательных и притяжательных прилагательных и т.п., ср.: *une salle – des salles – ma salle – mes salles – cette salle – ces salles*. Таким образом, род и число действительно являются в современном французском языке основными морфологическими категориями имени существительного, выражающимися, помимо синтетических средств, аналитически, т.е. посредством детерминативов, имен прилагательных, а также фонетических явления (*liaison*).

3.3.1 Категория рода во французском и русском языках.

Оформление рода галлицизмов

Род существительного во французском языке выполняет различные функции, в зависимости от его принадлежности к разряду одушевленных либо неодушевленных имен:

1. Категория рода имен одушевленных значима лишь при наличии форм, противопоставляемых одновременно по роду и полу: *instituteur – institutrice; lion – lionne*. В противном случае род асемантичен: *professeur, ministre*, так же, как и в названиях животных: *crocodile, girafe* (Гак, с. 68). Таким образом, первичной значимой функцией рода существительного является указание соответственно на одушевленное существо мужского или женского пола, а противопоставление родовых форм обозначает чаще всего лиц разного пола в названиях людей по роду деятельности, личным качествам и признакам, национальности: *écolier – écolière, peintre – peintresse, bavard – bavarde, Français – Française, vieux – vieille*; в названиях животных род различает самца и самку (*lion – lionne, tigre – tigresse*). При генерализации (т.н. нейтрализующая функция), когда в контексте

обобщаются и мужчины, и женщины, употребляется мужской род: *fatigue nerveuse et physique des employés de la poste* [LeMonde, 03.06.10].

2. Род неодушевленных существительных незначим, однако и здесь форма мужского рода выступает как основная (немаркированная [см. Гак, с. 69], как в количественном отношении (слова мужского рода более многочисленны, порядка 60% от общего числа существительных), так и в качественном (при сочетании существительных мужского и женского рода прилагательное согласуется с первым: *un chapeau et une robe démodés*, а также при субстантивации, явившейся результатом прямой транспозиции, например, *le beau* (*je joue sans toucher le beau*, Mozart, *Assasymphonie*).

Род неодушевленных имен существительных выполняет скорее дистинктивную функцию, различая скорее значения слова:

а) род классифицирует имена в семантическом отношении: например, по значению, т.е. мужской род характерен для названий металлов – *le fer, le nickel, le cuivre*; сторон света – *le nord, le sud*; плодовых деревьев – *le pommier, le prunier*, механизмов – *le découpeur*; к женскому роду относятся названия болезней – *la grippe, la bronchite*; марок автомобилей – *une Renault*, названия машин – *la découpeuse, la génératrice* и т.п.

б) род различает омонимы, например, уже упомянутые *le/la livre*, а также *le/la page, le/la vase, le/la voile* и др.

Неоднократно высказывавшаяся в рамках общего языкознания мысль, что мужской род характеризует первичность объекта / понятия, а женский его производных характер, в некоторой степени подтверждается французским языком, где суффиксы женского рода образуют наименования действий, качеств, абстрактных и собирательных понятий (ср. *-tion (-ation), -aison, -eur, -erie, -aille, -esse, -ise, -ude, -té, -ade, -ée, -aie, -aine, -ance, -ie* и т.п.), тогда как суффиксы мужского рода намного менее частотны в данном выражении, из наиболее продуктивных отметим, пожалуй, лишь *-âge, -ment, -is, -isme, -at*.

Род имен существительных русского языка чаще всего определяется формально-грамматически: структурой именительного падежа единственного

числа. Как правило, мужской род характерен для имен существительных, имеющих нулевую флексию в именительном падеже, в том числе для имен с твердой или мягкой основой, а также основой на шипящий согласный или -й (дополнительным и необходимым идентификатором является флексия -а/-я в родительном падеже: дома, брата, календаря, огня, героя).

Последний признак является дифференциальным, поскольку имена существительные с основой на мягкий согласный или шипящий, оформляющиеся в родительном падеже посредством флексии -и, пополняют категорию женского рода (боли, соли, мыши), к которой также относятся имена на -а/-я: каша, листва, земля.

Средний род представлен именами существительными на -о/-е (стекло, молоко, море), группой разносклоняемых на -мя (знамя, семя), а также большей частью несклоняемых имен существительных: вкусное рагу

При этом семантический принцип определения родовой принадлежности имени существительного также не чужд русскому языку: напомним, что значительное количество одушевленных имен, называющих лиц мужского пола (слуга, дядя, папа) формируют группу имен мужского рода на -а/-я. Иноязычные существительные с нулевым склонением, при условии их одушевленности (милая инженю, красивый какаду) либо ассоциации видового наименования с родовым понятием также относятся к мужскому (кофе, виски) или – реже – к женскому роду (маго).

Таким образом, категория рода в русском языке напрямую зависит от морфологической структуры или, вернее, от формального облика слова, причем категории мужского рода с основой на согласный и женского рода с основой на -а являются наиболее частотными, следовательно продуктивными, тогда как категория среднего рода в современном языке непродуктивна абсолютно. В данной главе нами предпринята попытка проиллюстрировать на материале языка художественной литературы XIX – начала XX вв., до сегодняшнего дня в этом плане не изученном, каким образом происходила и каким закономерностям следовала морфологическая адаптация галлицизмов, совершенно чуждого с

морфологической точки зрения, лексического пласта, в некоторые ключевые моменты развития русского языка, что и зафиксировали произведениями русской литературы.

При заимствовании галлицизмы, оформленные в условиях иной морфологической системы, теряют собственные способы выражения родовой принадлежности, в частности, артикль, являющийся во французском языке важнейшим его показателем: *le cabinet* – кабинет, *la censure* – цензура, *la construction* – конструкция, *le pistolet* – пистолет (фонетически слово при этом сокращается на один слог). По мнению Э.А. Балалыкиной, в языке-рецепторе слова распределяются по родам исключительно в силу своего морфологического облика, «независимо от родовой принадлежности в языке-источнике» [Балалыкина 1980, с. 17].

Данный тезис, однако, не объясняет некоторых наших наблюдений, подтвержденных в работах других и касающихся становления родовых характеристик имен существительных. Мы считаем, что ни в коем случае не стоит недооценивать стремление иноязычного слова сохранить свою природу, активно поддерживаемое билингвальной средой. В свою очередь законы системы языка-рецептора в буквальном смысле навязывают «чужому» элементу свои признаки и подчиняют его своим требованиям. Как следствие противоборства двух полярных тенденций, род иноязычного слова всякий раз определяется и зависит от целого комплекса факторов.

Имена существительные мужского рода

Рассмотрим для начала реализацию наиболее простой модели ассимиляции, где французское имя существительное мужского рода, вследствие совпадения формальных признаков с русскими существительными 2-го склонения (основа на твердый согласный) сохраняет род в языке-рецепторе (разумеется, не обходя вниманием возможные отклонения, если не окказиональны и сколько-нибудь последовательны).

М. Калиневич в работе «Заимствования из французского языка в современном русском литературном языке в свете фонологической и морфологической систем» пишет: «Исключение составляют, конечно, слова, называющие лиц. О их грамматическом роде решает пол называемого лица, и они, как правило, обязаны сохранять принадлежность к определенному грамматическому роду» [Калиневич 1978, с. 44].

Разумеется, одушевленные существительные, называющие лиц, получают родовую принадлежность скорее в силу семантических признаков (как во французском, так и в русском языке первичная значимая функция рода одушевленных имен существительных – номинация лиц соответствующего пола, в нашем случае мужского, пола). Формальный же признак (конечная согласная – либо еще конкретнее – соответствующий мужскому роду суффикс) лишь подкрепляют эту тенденцию, что позволяет нам выделить несколько подтипов морфологической адаптации, которые вполне коррелируют с ассимиляционными моделями неодушевленных имен (однако зачастую могут быть применены к обеим категориям).

1. Иноязычные существительные мужского рода, оканчивающиеся в единственном числе на произносимый согласный, сохраняют мужской род и в языке-рецепторе, так как по нормам русского языка такие существительные всегда относятся к мужскому роду: *un bordel* – бордель, *un flirt* – флирт, *un harem* – гарем, *un hôtel* – отель, *un profil* – профиль и т.п.

а. Имена существительные с основой на -al, вне зависимости от категории одушевленности, всегда относятся к мужскому роду в языке-рецепторе: *un caroral* – каррал, *un chacal* – шакал, *un clérical* – клерикал, *un général* – генерал, *un liberal* – либерал и *un arsenal* – арсенал, *un bal* – бал, *un bocal* – бокал, *un canal* – канал, *un carnaval* – карнавал, *un cristal* – кристалл, *un final* – финал, *un idéal* – идеал, *un journal* – журнал, *un signal* – сигнал, *un tribunal* – трибунал, *un végétal* – вежеталь.

Единственным существительным на -al, меняющим род в процессе морфологической ассимиляции выступает *uncheval* – шваль, оформляющееся -ь и

по формальным показателям примыкающее к именам существительным III скл. на мягкий согласный. Впрочем, одного лишь формального признака здесь было бы недостаточно (ср. уже упомянутый *un végétal* – *вежеталь*, а также *календарь*, *секретарь*, *нуль/ноль* и др.), скорее значительное влияние на оформление категории рода оказала семантика: напомним, что функция генерализации в наименовании данного животного в русском языке присуща форме женского рода (лошадь) и, кроме того, сменившее в силу экстралингвистических факторов значение слово примыкает, скорее, к группе существительных с собирательным значением «сволочь, рвань» и т.п.

b. Имена существительные на -с, произносимый в языке источнике как [k], также относятся к мужскому роду: *un chic* – *шик*, *un choc* – *шок*, *un estoc* – *эсток*, *un frac* – *фрак*, *un parc* – *парк*.

c. Имена существительные на -f сохраняют категорию рода по образцу языка-источника, вне зависимости от графического облика галлицизма (напомним, что финаль -ve является во французском языке последовательным коррелятом -f при оформлении имен женского рода (*unsportif* – *unesportive*, *unveuf* – *uneveuve*) : *un motif* – *мотив*, *un nef* – *неф*, *un relief* – *рельеф*.

d. Имена существительные на -г, произносимую в языке источнике, также относятся к мужскому роду: *un amour* – *амур*, *un cauchemar* – *кошмар*, *un contour* – *контур*, *un corridor* – *коридор*, *un décor* – *декор*, *un tour* – *тур*, *un troubadour* – *трубадур*.

e. Имена существительные с суффиксом -oir, выступающим со значением предметности в языке-рецепторе (помещение, пространство либо орудие действия) также сохраняют род в русском: *un boudoir* – *будуар*, *un couloir* – *кулуар*, *un fermoir* – *фермуар*, *un peignoir* – *пенюар*, *un réservoir* – *резервуар*, *un trottoir* – *тротуар*.

f. Как уже отмечалось, наиболее часто наблюдается субституция французского суффикса -teur, оформляющего одушевленные имена существительные мужского рода и имеющего в языке-источнике значение «номинация лица мужского пола по роду деятельности» -тор в русском (под

влиянием более ранних латинских заимствований с этим суффиксом): *un commentateur* – комментатор, *un dictateur* – диктатор, *un docteur* – доктор, *un improvisateur* – импровизатор, *un rédacteur* – редактор, *un restaurateur* – ресторатор, *un spéculateur* – спекулятор.

Эта традиция обусловит в дальнейшем функционирование в русском языке неодушевленных имен существительных с суффиксом -тор: ср. *un atténuateur* – аттенюатор, *un générateur* – генератор, *un moteur* – мотор, *un respirateur* – респиратор, *un sécateur* – секатор и т.п. [Агеева 2008; Андрианова 2009].

При этом, суффикс -eur, являющийся результатом регрессивного переразложения во французском языке [см. В.А. Богородицкий «О морфологической абсорбции // Русский филологический вестник», т. VI, 1881 г.], т.е. изменения морфемных границ слова (ср. лат. *salvator*, *bibitor* и фр. *sauveur*, *buveur*) сохраняется в русском языке: *un bretteur* – бретёр, *un chargeur* – шаржёр, *un chauffeur* – шофёр, *un gouverneur* – губернёр, *un jongleur* – жонглёр, *un maraudeur* – мародёр, *un souffleur* – суфлёр, *un visiteur* – визитёр, *un raisonneur* – резонёр.

2. Французские имена существительные мужского рода, оканчивающиеся на -e muet, в большинстве случаев не меняют категорию в языке-рецепторе, т.к. последний согласный перед немой -е в русском языке становится конечным.

Данная категория существительных очень разнородна, поэтому мы считаем уместным разнести их на две большие группы: непроизводных и образованных при помощи суффиксальной деривации, поскольку, на наш взгляд, наличие суффикса, априори относящего существительное во французском языке к мужскому или женскому роду, в значительной степени интерферирует и в языке-рецепторе, особенно принимая во внимание уже неоднократно упомянутую нами и иными исследователями галлицизмов ключевую особенность эпохи заимствования, когда подавляющее число французских элементов приходило в русский язык путем непосредственных контактов, одну из сторон которых представляли естественные билингвы, в то время как непроизводное существительное на -e muet не несет в себе дополнительных корреляций, что мы и

продемонстрируем в дальнейшем, в частности, когда будем говорить о случаях смещения родовых характеристик.

2.1. Суффиксально непроизводные имена существительные мужского рода на -e muet в абсолютном большинстве относятся к мужскому роду: *un acte* – акт, *un arbitre* – арбитр, *un bénéfice* – бенефис, *un buste* – бюст, *un buste* – бюст, *un capitaine* – капитан, *un caractère* – характер, *un charme* – шарм, *un cirque* – цирк, *un contraste* – контраст, *un crabe* – краб, *un crêpe* – креп, *un diplôme* – диплом, *un entracte* – антракт, *un geste* – жест, *un intervalle* – интервал, *un manège* – манеж, *un monstre* – монстр, *un orchestre* – оркестр, *un poste* – почта, *un prestige* – престиж, *un risque* – риск, *un spectacle* – спектакль, *un style* – стиль, *un type* – тип и др.

2.2. Имена существительные, образованные при помощи суффиксов, оканчивающихся на -e muet, как уже отмечалось, имеют ряд особенностей с точки зрения родовой ассимиляции. Выделим так называемые «чистые» типы, дающие на выходе наиболее простую схему: мужской род в языке источнике – мужской род в языке рецепторе.

а. Имена существительные с суффиксом -age, имеющем значения «действие» либо «совокупность предметов» относятся к мужскому роду в русском языке: *un abordage* – abordаж, *un bagage* – багаж, *un bel-étage* – бельэтаж, *un courage* – кураж, *un équipage* – экипаж, *un étage* – этаж, *un massage* – массаж, *un mirage* – мираж, *un passage* – пассаж, *un paysage* – пейзаж, *un sac de voyage* – саквояж, *un stellage* – стеллаж, *un tricotage* – трикотаж, *un voyage* – вояж.

б. Суффикс -aire, оформляющий как одушевленные существительные со значением «род занятий», так и неодушевленные со значением «орудие», также обуславливает сохранение рода: *un secrétaire* – секретарь и *un exemplaire* – экземпляр, *un inventaire* – инвентарь.

с. Имена существительные с суффиксом -iste, указывающим на род занятий, убеждений и т.п., оформляются в русском языке при помощи аналогичного суффикса -ист. Здесь на первый план выступает, с нашей точки зрения,

генерализующая функция мужского рода и все тот же формальный признак (основа на согласный), поскольку во французском языке суффиксом -iste могут оформляться существительные обоих родов, как мужского, так и женского, ср. фр. un/une artiste – и рус. артист/артистка: *un artiste* – *артист*, *journaliste* – *журналист*, *un légiste* – *легист*, *un romaniste* – *романист*.

d. Суффикс -isme, образующий имена существительные с абстрактным значением, характеризующим доктрину, убеждения и т.д., в русском языке также обуславливает принадлежность имени к мужскому роду: *un égoïsme* – *эгоизм*, *un matérialisme* – *материализм*.

3. Имена существительные мужского рода, оканчивающиеся на непроизносимый согласный (*consonne muette*), в языке-источнике сохраняют род в языке-рецепторе, т.к. немой согласный становится произносимым в русском языке. Французская орфография таким образом «помогает» сохранять род существительных в русском языке, формально облегчая их вхождение в парадигму склонения [Калиневич, с. 46]. Проиллюстрируем более детально.

a. Конечное -et во французском языке характерно только существительным мужского рода, что и обусловило функционирование в русском языке функционирование целого ряда имен с финалью -ет, среди которых как одушевленные: *un baronet* – *баронет*, *un cadet* – *кадет*, так и неодушевленные: *un ballet* – *балет*, *un beret* – *берет*, *un billet* – *билет*, *un bouquet* – *букет*, *un bracelet* – *браслет*, *un buffet* – *буфет*, *un cabinet* – *кабинет*, *un corset* – *корсет*, *un flageolet* – *флажолет*, *un gilet* – *жилет*, *un raquet* – *накет*, *un parquet* – *паркет*, *un piquet* – *пикет*, *un pistolet* – *пистолет*, *un ricochet* – *рикошет*, *un sonnet* – *сонет*, *un tabouret* – *табурет*. Единичны имена существительные с суффиксом -et, что, вопреки общей тенденции, отбрасывает конечную -t, оформляясь как слова среднего рода на -е: *un filet* – *филе*, *un tiret* – *тире*.

b. Конечное -at, также довольно частотное во французском языке, дало начало некоторому количеству имен существительных на -ат, как одушевленных: *un aristocrat* – *аристократ*, *un candidat* – *кандидат*, *un soldat* – *солдат*, так и

неодушевленных: *un célibat* – *целибат*, *un climat* – *климат*, *un dissertat* – *диссертат*, *un résultat* – *результат*, *unsénat* – *сенат*.

с. Немногочисленные существительные с суффиксом -it, заимствованные русским языком, также принадлежат к мужскому роду, вне зависимости от категории одушевленности: *un appétit* – *анпетит*, *un bandit* – *бандит*, *un credit* – *кредит*, *un gabarit* – *габарит*, *un petit* – *петит*.

d. Многочисленная группа существительных, образованных при помощи суффикса -er (-ier), образующего имена мужского рода, чаще всего одушевленные, также сохраняет род при переходе в русский язык: *un cavalier* – *кавалер*, *un courrier* – *курьер*, *un officier* – *офицер*, *un passager* – *пассажир*. Ведущую роль здесь играет, разумеется, семантический критерий: все они называют лиц мужского пола того или иного рода занятий либо выполняющих те или иные функции.

Особо отметим, что выше мы рассматривали ассимиляцию одушевленных имен существительных с суффиксами -er/-ier, заостря внимание на семантике суффикса и, как следствие, слова целиком. Если же говорить о неодушевленных именах существительных, оформляемых данным суффиксом, значение которого меняется на «помещение» либо «предмет», то картина резко отличается: в большинстве случаев слова этого типа пополняют группу галлицизмов среднего рода на -е, отбрасывая конечную немую -г: *un atelier* – *ателье*, *un collier* – *колье*, *un foyer* – *фойе*.

e. Имена существительные с суффиксом -ant, изначально оформляющем действительное причастие настоящего времени, которое, приобретая в процессе субстантивации родовую характеристику, а – в случае одушевленности – соответственно формы мужского и женского рода, приобретают в русском языке финаль -ант, где немой в языке-источнике согласный становится произносимым в языке-рецепторе. Все проанализированные нами лексемы данного типа сохраняют мужской род: *un adjudant* – *адъютант*, *un commandant* – *комендант*, *un galant* – *галант*, *un intendant* – *интендант*, *un vagant* – *вагант* и *un brillant* – *бриллиант*, *un foliant* – *фолиант*.

Здесь следует отметить, что суффикс -ант уже в русском языке дает начало целому ряду существительных, именующих лиц с характеристикой их рода занятий, привычек, предпочтений, например: *дуэлянт, оркестрант*. Во французском языке данные существительные оформляются другими суффиксами, ср. *duelliste*, либо вовсе отсутствуют в словообразовательной парадигме – так, например, *оркестрант – instrumentiste* либо *musicien d'orchestre*.

f. Французские имена существительные с финалью -ment/-ement также принадлежат к мужскому роду в русском языке: *un appartement – апартамент, un compliment – комплимент, un document – документ, un élément – элемент, un engagement – ангажемент, un instrument – инструмент, un moment – момент, un monument – монумент, un ornement – орнамент*.

4. Мужской род сохраняется за именами существительными с основой на носовой гласный в силу графической фиксации конечного согласного -н, присутствующего во французской орфографии.

a. Имена существительные на -ан, называющие лиц: *untitan – титан* и предметы: *un divan – диван, un plan – план, un roman – роман, un sultan – султан, un talisman – талисман*;

b. Имена существительные на -он, называющие лиц: *un baron – барон, un compagnon – компаньон*, животных: *un dragon – дракон, un griffon – грифон* и предметы, явления, абстрактные понятия: *un balcon – балкон, un bastion – бастион, un bouton – бутон, un canon – канон, un capuchon – капюшон, un chiffon – шифон, un cordon – кордон, un escadron – эскадрон, un flacon – флакон, un jargon – жаргон, un patron – патрон, un pilon – пилон, un salon – салон, un ton – тон, un vase – вазон, un wagon – вагон*;

c. Имена существительные на -ин (-ain), именующие лиц: *uncousin – кузен* и предметы: *un gobelin – гобелен, un mannequin – манекен, un marocain – марокен, un tambourin – тамбурин*.

Изменение родовой принадлежности, когда речь идет об именах существительных мужского рода – довольно редкий результат морфологической адаптации галлицизмов, тем не менее, некоторые тенденции видны довольно

четко: Ниже мы приведем несколько наиболее продуктивных моделей, функционирование которых обусловлено алломорфизмом родовых признаков в сравниваемых языках.

1. Исконные существительные среднего рода имеют основы на твердый или мягкий согласный с флексиями -o/-e, что способствует пополнению группы несклоняемых среднего рода на за счет большинства французских имен существительных мужского рода с основой на -eau (-ot) и -é (-er/-ier).

a. Данная группа включает все неодушевленные существительные, несущие финаль -eau во французском языке. В процессе заимствования их родовая принадлежность изменяется по умолчанию, поскольку принимающая система не предусматривает других вариантов: *un bureau* – бюро, *un chapiteau* – шапито, *un landeau* – ландо, *un manteau* – манто, *un ranneau* – панно, *un trumeau* – трюмо.

b. Идентичную природу имеет изменение рода имен, образованных посредством конверсии – субстантивации *Participépassé*, страдательных причастий прошедшего времени, глаголов 1-го типа спряжения, оканчивающихся на -é: *un carré* – каре, *un consommé* – консоме, *un décolleté* – декольте.

c. Имена существительные с суффиксом -ot зачастую отбрасывают конечную немую -t и оформляются как слова среднего рода на -o в русском языке: *un dérôt* – депо, *un jabot* – жабо, *un tricot* – трико.

Лишь одно существительное на -ot сменило род на женский (данный пример приводит М. Калиневич приводит): *un magot* – маго. Данная модификация обусловлена причинами семантического порядка, а именно корреляцией с русским словом *обезьяна*, причем современную форму единица получила в результате долгих колебаний фонематического и морфологического облика: в «Историческом словаре галлицизмов русского языке» неоднократно поминается существительное мужского рода с конечной произносимой -t: *magot* [Епишкин 2010]. Как видим, семантический принцип, тем не менее, стал определяющим в данном конкретном случае.

d. Средний род получают композиты, образованные путем слияния имени и инфинитива глагола 1-го типа спряжения на -er: *un blanc-manger* – бланманже,

либо глагола и существительного с финальным [e]/[ɛ]: *un pince-nez* – пенсне, *un porte-monnaie* – портмоне.

Данный пример также позволяет проиллюстрировать значимость семантического влияния русских (пирожное *бланманже*) на распределение по родам, по нашему мнению, не предполагающий толкований формальный признак среднего рода финаль -е оформился под влиянием семантики.

2. Среди существительных первого склонения, оформленных флексией -а/-я, присутствуют одушевленные имена мужского рода (папа, дядя). Весьма частотная в контексте оформления иноязычий женского рода, она совершенно непродуктивна, если речь идет о неодушевленных существительных рода мужского. По этой причине большинство французских имен существительных на -а пополнивают группу имен женского рода с ударной флексией -а (это вполне возможно в русском языке: война, тропа, ботва) и полной парадигмой склонения: *un canevas* – канва, *un taffetas* – тафта либо присоединяются к существительным среднего рода с нулевым склонением: *un bras* – бра, *un pas* – па.

К этой же группе стоит отнести существительные *un emploi* – амплуа, *un entrechat* – антраша и *un réséda* – резеда, которые, пусть и обладая в языке-источнике иными финалями, удачно и полностью вписываются в модель ассимиляции с точки зрения фонетико-морфологических критериев языка-рецептора.

3. Ученые неоднократно отмечали принципиальную чуждость существительных с ударными финалями -и, -у, -ю [Бахтина 2008; Габдреева 2013, Калиневич 1978] русскому языку. Во французском же языке подобная лексика характеризуется высокой частотностью, как в силу словообразовательных причин (например, финали -i/-u свойственны субстантивированным причастиям прошедшего времени глаголов 2-го и 3-го типов спряжений, очень часты у имен прилагательных), так и фонетических (напомним, что наличие немой согласной способствует росту фонетически открытых конечных слогов). Мы уже описывали модель, согласно которой немой согласный, следуя графической норме прототипа, становится произносимым в языке-рецепторе, выполняя тем самым

тем самым достаточное и необходимое условиепринадлежности слова к мужскому роду. Однако не будем забывать о масштабных и всеобъемлющих непосредственных языковых контактах, характерных для русско-французских отношений XIX – начала XX столетий, обеспечивающих широкие возможности для устного заимствования, конечным результатом которого является транскрипция, т.е. заимствование слова в его фонетической форме, без оглядки на графику. Рассмотрим возможные варианты.

a. Несклоняемыми существительными среднего рода становятся имена на -i/-is: *un croquis* – кроки, *un pari* – пари, *un taxi* – такси.

b. Категория среднего рода пополняется за счет имен существительных на -u: *un écu* – экю, *un menu* – меню, *un nu* – ню.

c. К среднему роду приобзаются существительные на -ou/-out: *un passé-partout* – паспарту, *un ragout* – рагу, *un sou* – су.

4. Небольшой процент имен существительных на -le/-l при субституции французской среднеязычной фонемы [l] русской фонемой [л'] пополняет 3-е склонение: *un châle* – шаль, *un duel* – дуэль, *un role* – роль (по аналогии с постель, боль, соль, прель).

5. Существительные на -asque становятся при заимствовании именами женского рода: *un casque* – каска, *un masque* – маска. Данная тенденция обусловлена, по всей вероятности, восприятием носителями русского языка финального [k] как суффикса женского рода -к (краска, опояска, связка). К этой же группе можно отнести имя существительное *un calque* – калька, по всей видимости, меняющее род в силу восприятия носителями русского языка части основы как суффикса женского рода.

6. Существительные греческого происхождения на -ème традиционно относятся к женскому роду в русском языке: *un diadème* – диадема, *un problème* – проблема, *un système* – система, что связано в первую очередь с довольно широким распространением среди российской научной и литературной элиты греческого языка, т.е. языком-первоисточником, где, как мы помним, лексика данной группы оканчивается на -а.

7. Имена существительные мужского рода на [j], графически оформленные через финаль -ail, как правило, меняют род, вчлняясь посредством субституции конечного полугласного русским -ль в парадигму 3-го склонения: *un détail* – *деталь*, *un émail* – *эмаль*. Мужской род сохраняет небольшое число галлицизмов, например, *un portail* – *портал*.

Имена существительные женского рода

Наиболее частотным маркером женского рода во французском языке является флексия -e muet. С формальной точки зрения, таким образом, они не отличаются для морфологической системы русского языка от существительных мужского рода: основа на произносимый согласный, если исходить из общепринятого тезиса о минимальном влиянии языка-рециптора на грамматическую ассимиляция галлицизмов, должна предопределять их принадлежность к мужскому роду в языке-реципторе. Заметим, что в ряде случаев так и происходит, палитра вариантов оформления родовой категории у данной группы существительных значительно шире, нежели у предыдущей, что может быть объяснено, в условиях поддержки живых и непосредственных контактов, лишь сильным влиянием французского языка. Следует уточнить, что, исходя из морфологического устройства принимающей системы, сохранение рода у подобных существительных вообще не может быть объяснено, тем не менее:

1. Женский род сохраняет довольно значительная группа имен существительных женского рода, отбрасывающих -e и принимающих окончание -а, характерное для русских существительных данной категории. Все иноязычные слова, следующие данной модели, полностью ассимилируются в языке-реципторе, образуя полную парадигму склонения и числа.

1.1. Основная масса непрямых имен существительных сохраняет род посредством прибавления флексии -а к заимствованной основе. Среди них как одушевленные имена существительные, называющие лиц женского пола: *une dame* – *дама*, *une sirène* – *сирена*, так и неодушевленные: *une affiche* – *афиша*, *une*

attaque – атака, une blouse – блуза, une caisse – касса, une carte – карта, une couronne – корона, une dague – дага, une dépêche – депеша, une diète – диета, une fabrique – фабрика, une ferme – ферма, une géenne – геенна, une hallebarde – алебарда, une lampe – лампа, une loge – ложка, une mansarde – мансарда, une méthode – метода, une mine – мина, une mode – мода, une note – нота, une phrase – фраза, une rique – рика, une rompre – помпа, une pose – поза, une poudre – пудра, une prose – проза, une rame – рама, une rose – роза, une ruine – руина, une salle – зала, une scène – сцена, une soutane – сутана, une sphère – сфера, une suite – свита, une terrasse – терраса.

В литературе рассматриваемого периода лексемы *зала* и *метода* уже имеют родовую синонимию и употребляются как в женском, так и в мужском – как одним автором, зачастую в рамках одного произведения, так и разными авторами в разных произведениях, хотя более частотным долгое время остается вариант *зала* и *метода*.

Проиллюстрируем на примере слова *зала/зал*.

Поехала, вошла я в залу, заиграли и на скрипичах, и на гобоях, и на клевикортах... [А.П. Сумароков. Рогоносец по воображению (1772)]; *Потом повели козла в залу, на стене которой поставлено было большое зеркало.* [Д.И. Фонвизин. Козел философ (1788)]; *...он удостоит выбором какую-нибудь счастливую девушку, прокружится раз по зале – и устал до ужина; тут, правда, усталых нет; наедятся, напьются, и уедут спать.* [А.С. Грибоедов. Студент (1817)]; *Смотритель, не отвечая, вошел в залу.* [А.С. Пушкин. Повести покойного Ивана Петровича Белкина/Станционный смотритель (1830)]; *Уже взобравшись на лестницу, запорожцы прошли первую залу.* [Н.В. Гоголь. Ночь перед Рождеством (1831-1832)]; *Подите к маменьке, – сказала Наденька, когда они подошли к дверям залы.* [И.А. Гончаров. Обыкновенная история (1847)]; *Он воспользовался скандалёзною сценою ссоры детей и вышел потихоньку из залы.* [Ф.М. Достоевский. Елка и свадьба (1848)]; *Сцена представляет залу в доме богатого помещика; направо два окна и дверь в сад, налево дверь в гостиную; прямо – в переднюю.* [И.С. Тургенев. Нахлебник (1848)]; *Коля вдруг с шумом*

вбегают из залы прямо к Анне Семеновне. [И.С. Тургенев. Месяц в деревне (1850)]; Одна дверь в залу, где обедают гости, другая во внутренние комнаты. [А.Н. Островский. Бедность не порок (1853)]; паркетная светлая большая зала экзамена... [Л.Н. Толстой. Севастопольские рассказы/ Севастополь в августе 1855 года (1855)]; В дверях залы показался сам его высокородие. [М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856-1857)]; – Ну, всё равно, хоть в залу, – говорил молодой офицер в шубе и гусарской фуражке, только что из дорожных саней, входя в лучшую гостиницу города К. [Л.Н. Толстой. Два гусара (1856)]; Он сперва пожал ее, потом поднес к губам и вышел в залу, а из залы на террасу. [И.С. Тургенев. Рудин (1856)]; Большая зала в доме Вышневого, богато меблированная. [А.Н. Островский. Доходное место (1857)]; ...вошел в большую университетскую залу. [Л.Н. Толстой. Юность (1857)]; Но опишу первоначально залу и устройство театра. [Ф.М. Достоевский. Записки из мертвого дома (1862)]; Как только я вошел в игорную залу (в первый раз в жизни), я некоторое время еще не решался играть. [Ф.М. Достоевский. Игрок (1866)]; Вдалеке виделась уже ему наполненная зала, и он своей игрой потрясал стены и сердца знатоков. [И.А. Гончаров. Обрыв (1869)]; Прямо к ней в залу вошли, сама вышла к нам. [Ф.М. Достоевский. Идиот (1869)]; А мы в залу пойдёмте; я к вам за делом. [Ф.М. Достоевский. Бесы (1871-1872)]; Зала, меблированная по-старинному; с правой стороны (от зрителей) три окна, в простенках узкие длинные зеркала с подзеркальниками. [А.Н. Островский. Волки и овцы (1875)]; Видел, как следили за мной из угла залы, когда, бывало, танцуют (а у нас то и дело что танцуют), ее глазки, видел, как горели огоньком – огоньком кроткого негодования. [Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)]; Пойдемте, господа, куда-нибудь в другое место. В залу, что ли. Надоело мне здесь... [А.П. Чехов. Леший (1888)]; Шагая по зале, он чувствовал себя как-то неловко. [И.А. Бунин. На хуторе (1892)]; Оставаться долее за портьерой становилось неудобно, и Сергей Григорьевич предпочел войти в залу. [А.И. Куприн. Впотьмах (1892)]; Я окинул глазами зрительную залу и увидел все давно знакомые лица оживленными и улыбающимися. [А.И. Куприн. К славе (1894)]; В передней не было ни души; он

вошел в залу, потом в гостиную... [А.П. Чехов. Учитель словесности (1894)]; *Из зрительной залы уже доносились в уборную звуки настраиваемых инструментов оркестра.* [А.И. Куприн. Полубог (1896)]; *Теперь пожалуйста, господа, в залу, – приятным жестом указывая на дверь, сказал пристав.* [Л.Н. Толстой. Воскресение (1899)]; *Войдя в залу, он с силою швырнул свою шляпу-котелок о пол, цинично и длинно выругался и повалился на кровать.* [А.И. Куприн. На покое (1902)].

Вариант *зал* функционирует в бытовой и специальной сфере, употребляется в художественной литературе лишь с 30-х гг. XIX столетия:

«Подите, маменька, какая-то барышня приехала!»[Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)]; *Бежит к дверям в зал и встречается с Нивиным.* [А.Н. Островский, Н. Я. Соловьев. Счастливый день (1877)]; *Когда Егорушку опять позвали в зал, Иван Иванович уже стоял со шляпой в руках и прощался.* [А.П. Чехов. Степь (1888)]; *Все отправились в зал. Варя села за рояль и стала играть танцы.* [А.П. Чехов. Учитель словесности (1894)]; *Сбросив наскоро пальто и шляпу и захватив под мышку камеру, он быстро вошел в длинный, неосвещенный зал.* [А.И. Куприн. Игрушка (1895)]; *Крики постепенно стихли, но весь зал продолжал глядеть на нее влюбленными глазами.* [А.И. Куприн. Каприз (1897)]; *Однажды вечером, когда полуодетые девицы ужинали перед тем, как идти в зал...*[М. Горький. Васька Красный (1900)]; *А когда в зал вошла содержанка судьи Романова, он бросился к ней, поклонился, как губернаторше...* [М. Горький. Мещане (1901)]; *А я медленно прохожу в большой гулкой зал, где в углах свалены книги, пыльные акварельные портреты, ножки столов...* [И.А. Бунин. Золотое дно (1903)]; *Сквозь высокие окна зал ровно наливался мутным светом, снаружи по стеклам скользил снег.* [М. Горький. Мать (1906)].

Проанализированный материал показывает, что употребление варианта *зал* долго остается окказиональным, даже отдающие ему предпочтение авторы периодически употребляют слово в женском роде – и это видно из приведенных примеров. Его частотность резко возрастает к концу XIX в., и уже в начале XX столетия именно форма мужского рода становится нормативной.

Та же тенденция наблюдается при анализе становления категории рода существительного *метод/метода*, причем употребление формы мужского рода становится более частотным уже в 70-80-е гг. XIX в., сравним: *Вот я ведь говорил, вам надобно лечиться долго, постепенно, по **методе**, а вы всё хотите вдруг!* [М.Ю. Лермонтов. Станный человек (1831)]; *...вместо капельных приемов тратишь столько вина зараз, что им бы, по **методе** Ганемана, можно было напоить допьяна всех рыб Финского залива на пятьдесят лет, не считая этого.* [А.А. Бестужев-Марлинский. Фрегат «Надежда» (1833)]; *Так очень хороша! **Метода** басурманская...* [Н.А. Некрасов. Феоклист Онуфрич Боб, или муж не в своей тарелке (1841)]; *...вот и без дядиной **методы**, а как проворно эта девушка образовалась в женщину!* [И.А. Гончаров. Обыкновенная история (1847)]; *Рубини – удивительный артист. **Метода** необыкновенная... голос... Это удивительно, удивительно!* [И.С. Тургенев. Холостяк (1849)]; *...много рассказывал о разных медицинских казусах, всего больше об удивительных успехах своей **методы** врачевания...* [Н.Г. Чернышевский. Что делать? (1863)]; *Друг мой, сегодня я взял особую **методу**, я потом тебе растолкую.* [Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)], но: *Ну и материальный старый **метод**...* [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]; *...сколь важен этот административный **метод**.* [М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города (1869-1870)]; *...Ипполит Кириллович, очевидно избравший строго исторический **метод** изложения...* [Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)]; *Кто с большею выпуклостью, так сказать, при помощи собственных боков, пустит в ход сравнительный **метод**, который, в деле оценки форм общежития, представляет самое веское и убедительное доказательство?* [М.Е. Салтыков-Щедрин. За рубежом (1880-1881)]; *Я, признаться, плохой приверженец консервативного **метода**.* [А.П. Чехов. У постели больного (1884-1885)]; ***Метод** научный, метод эмпирический, метэмпирический **метод**...* [В.Г. Короленко. Федор Бесприютный (1886)]; *...и образование по сокращенному **методу**, на манер принца, и участвовал в напышнейших священнодействиях, занимая самые привлекающие внимание должности.* [Н.И. Лесков. Заячий ремиз (1894)];

...спокойно сказал Хребтов своим «гонким голосом, Теперь возникает вопрос о методе... о приемах... [М. Горький. Мужик (1899)].

В отличие от существительных мужского рода, которые меняют род весьма эпизодически, в силу окказионального совпадения фонетического облика того или иного слова с русскими словами, в процессе адаптации галлицизмов, относившихся к женскому роду в языке-источнике, данная тенденция весьма ощутима: *une adresse* – адрес, *une basse* – бас, *une camisole* – камзол, *une commode* – комод, *une crème* – крем, *une devise* – девиз, *une étape* – этап, *une farce* – фарс, *une frégate* – фрегат, *une garde-robe* – гардероб, *une passe* – пасс, *une perruque* – парик, *une sauce* – соус, *une sorte* – сорт, *une soupe* – суп, *une tunique* – тюник, *une uniforme* – униформ, *une visite* – визит.

Примечательно, что имена существительные *униформ* и *тюник*, фиксируемые словарями современного русского языка исключительно в женском роде *униформа*, *туника*, в начале XIX в., по-видимому, имели более частотную форму мужского рода, затем уступившую место формам женского рода: *униформа*, *туника*.

Данный феномен объясняется, по всей видимости, тем фактом что вышеперечисленная лексика имеет преимущественно конкретное значение, которое в русском языке наиболее частотно для мужского рода.

1.2. Производные имена существительные, как правило, следуют двум тенденциям, причем выбор той или иной модели практически не поддается объяснению в рамках описываемой группы на -е в целом. Нами отмечалось неоднократно [Агеева 2013, 2014, 2015, 2017], в каждом конкретном случае процесс ассимиляции испытывает значительную интерференцию посторонних признаков: семантика, схожесть финалей с исконными, письменный либо устный источник заимствования, сфера употребления, личность заимствующего, его социальная принадлежность, определяющая как уровень владения французским языком, так и общую культуру – факторов множество, они зачастую никак не связаны с собственно языковыми явлениями, окказиональны и с трудом поддаются классификации, но именно они всякий раз иначе формируют

ассимиляционную модель. Проиллюстрируем данное утверждение, обратив внимание также на тот факт, что, в отличие от имен существительных мужского рода, в данном случае уместнее рассматривать случаи сохранения и смены рода параллельно, поскольку действительно «чистых типов» среди галлицизмов практически не выявлено.

а. Имена существительные женского рода, оформленные суффиксом –ade, имеют два возможных пути развития, приблизительно равных с точки зрения количественного распределения слов.

- субституция финальной немой -е флексией женского рода -а и дальнейшее функционирование галлицизма как полноценного существительного женского рода: *une ballade* – баллада, *une bravade* – бравада, *une cannonade* – канонада, *une colonnade* – колоннада, *une escapade* – эскапада, *une estrade* – эстрада, *une pomade* – помада. С нашей точки зрения, данная тенденция может быть объяснена двумя причинами:

1) Суффикс -ade во французском языке является заимствованным и восходит к испанскому -ada, который, как видим, характеризуется финалью -а, вполне коррелирующей с русской флексией женского рода. Довольно интенсивные языковые контакты, которыми характеризуется эпоха, могли обусловить опосредованное влияние испанского языка на освоение французских слов русской морфологической системой.

2) Окказиональное совпадение финали с русскими отглагольными существительными типа *победа, запруда, досада, засада* повлияло на оформление галлицизмов как существительных женского рода, тем более что в данном случае регистрируется одновременное совпадение как формальных, так и семантических признаков: чаще всего суффикс -ade образует отглагольные существительные, называющие действие: *braver* – *bravade*, *canonner* – *cannonade*, *baller* – *ballade*.

- выпадение конечной -е немой и образование мужского рода с конечным твердым согласным в основе: *une limonade* – лимонад, *une marinade* – маринад, *une mascarade* – маскарад, *une orangeade* – оранжад, *une parade* – парад, *une*

promenade – промена́д. Не рискуя делать каких-либо категорических утверждений, мы лишь можем предположить, что галлицизмы, пошедшие данным путем эволюции, – практически полностью лексика бытового характера, заимствованная устным путем, что влечет за собой целый спектр явлений, в первую очередь фонетического плана: основа на согласную, оглушение конечной звонкой -д в языке-рецепторе и последующее уподобление исконным существительным мужского рода на -ат (ср. *хват, брат, сват*), что частично подтверждается функционированием слова *салат (une salade)*.

в. Имена существительные с суффиксом -ière, также оформляющим женский род во французском языке (отметим, что изначально данным суффиксом оформлялись прилагательные, ставшие именами существительными женского рода, ср. *professionouvrière – uneouvrière*, etc), демонстрируют ту же тенденцию.

- субституция конечной немой -е флексией женского рода -а наблюдается у небольшого количества абстрактных имен существительных: *une carrière – карьера, une manière – манера, une première – премьера*. Напомним, что в русском языке абстрактное значение присуще в большинстве случаев женскому роду, что, по нашему мнению, в значительной степени и обусловило наличие их в данной группе. Лишь редкие имена существительные со значением конкретности подключаются к этой модели: *une portière – портьера, une rapière – рапира*.

- выпадение конечной -е немой и формирование основы на согласный с последующим отнесением галлицизма к категории мужского рода: *une barrière – барьер, une carrière – карьер, une volière – вольер*. Здесь, напротив, стоит обратить внимание на массовое присутствие галлицизмов с конкретным значением, что легко объяснимо с позиций языка-рецептора, которому более характерны конкретные имена существительные мужского рода.

Косвенным свидетельством влияния семантических факторов на оформление категории рода в русском языке является вышеприведенное слово *карьер/карьера*, принадлежащее в языке-источнике к женскому роду, и, в зависимости от значения, меняющее или сохраняющее его в языке-рецепторе (подробнее см. Семантика).

с. Для имен существительных с суффиксом *-ure* в основном характерно сохранение категории рода посредством субституции *-e* немой флексией *-a*: *une aventure* – авантюра, *une brochure* – брошюра, *une caricature* – карикатура, *une censure* – цензура, *une figure* – фигура, *une gravure* – гравюра, *une littérature* – литература, *une mixture* – микстура, *une nature* – натура, *une nervure* – нервюра, *une ouverture* – увертюра, *une parure* – парюра, *une procédure* – процедура, *une sculpture* – скульптура. Весьма небольшое количество подобных существительных меняет род, отбрасывая конечное *-e*: *une allure* – аллюр, *une bordure* – бордюр, *une garniture* – гарнитур, причем для последнего долгое время были характерны колебания в роде: **Гарнитур** спальный – в союз охотников, **гарнитур** столовый – в Старгородское отделение Главчая. **Гарнитур** гостиный ореховый – по частям. [И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев (1927)]; *Инвентарь: зеркальный шкаф, кровать, обеденный и туалетный столы и гарнитур (диван, несколько мягких стульев)*. [Ю.К. Олеша. Книга прощания (1930-1959)]; *Мебель из расстроенных гарнитуров дополняли единичные предметы, которым до полноты комплекта недоставало парных*. [Б. Пастернак. Доктор Живаго (1945-1955)], но: *Преобразование происходит моментально: гарнитура так прилажена, что вся целиком сразу откалывается*. [Изо дня в день (1912.03.07) // «Петербургская газета», 1912]; *Место видное, угол бойкий, а уж отделаем его вам в полной гарнитуре*. [В. Катаев. Сердце (1928)]; *...и сам Игнац Альбертович говорил о себе и жене и гостях не марусиных: – Мы – вторая гарнитура...* [В.Е. Жаботинский. Пятеро (1936)].

2. Часть существительных указанной группы также сохраняет род, отбрасывая конечное *-e* и принимая, наряду с окончанием *-a*, суффикс *-к-*. В первую очередь это касается имен с суффиксом *-ette* [Калиневич 1978, с.48]. В равной степени данная тенденция характерна как для имен одушевленных: *une brunette* – брюнетка, *une cocainette* – кокаинетка, *une coquette* – кокетка, *une soubrette* – субретка, так и для имен неодушевленных: *une causette* – козетка, *une chansonette* – шансонетка, *une couchette* – кушетка, *une crevette* – креветка, *une gorgette* – горжетка, *une marionette* – марионетка, *une rosette* – розетка, *une*

statuette – *статуэтка*, и, с нашей точки зрения, не может быть обусловлена ничем иным, как непосредственным влиянием языка-источника: в русском языке суффикс женского рода -к- придает значению слова тот же нюанс деминутива, т.е. вполне коррелирует со значением суффикса -ette во французском языке.

а. Отметим также, что в русском языке позднейшей эпохи, в связи с постепенным угасанием массовых непосредственных контактов с носителями языка-источника, данная тенденция практически сходит на нет: ранее в своих работах [Агеева 2008; Габдреева 2013] мы отмечали, что для русского языка новейшего периода более характерна ассимиляционная модель первого типа, т.е. присоединение только флексии -а: *une cassette* – *касsetа*, *une disquette* – *дискета* (ср. *une gazette* – *газета*) – здесь экстралингвистические факторы, а именно практически полный разрыв отношений с Западом, обусловленный сначала революцией 1917 г. и гражданской войной, массовый отток из страны наиболее образованной части российского общества, а затем политика идеологического пуризма, далее холодная война и «железный занавес» обусловили явление чисто языкового характера: изменение ассимиляционной модели в сторону ее упрощения по причине утраты семантических связей на морфемном уровне.

Впрочем, та же М. Калиневич отмечает довольно долгие колебания формы существительного *касsetа*, имеющего параллельный и, по ее мнению, более частотный вариант: *касsetка* [Калиневич 1978, с. 48], что подтверждается, в частности, словарными данными: КАСCETA, кассеты, и (чаще) КАСCЕТКА [асе], кассетки, жен. (франц. *cassette* ящичек) (фото). Непроницаемый для света ящик с выдвижной крышкой для хранения фотографических пластинок [Ушаков 1935]. Данный факт также имеет логическое объяснение: слово было заимствовано русским языком до вышеперечисленных событий, когда веяния языка-источника были еще довольно сильны и обеспечили функционирование дублетов.

Единственное существительное, получившее суффикс -к- в современном русском языке непосредственно в процессе морфологической адаптации и не имеющее дублетов: *une bourse* – *барсетка*.

в. Исключительно формальными критериями кажется обусловлена ассимиляция галлицизмов: *une jaquette* – *жакет*, *une lancette* – *ланцет*, *une pirouette* – *пируэт*, *une silhouette* – *силуэт*, *une toilette* – *туалет*, *une vedette* – *ведет*. Как мы видим, конечный твердый согласный способствовал их отнесению к мужскому роду безотносительно к роду языка-источника и семантическим нюансам. Впрочем, семантическое влияние все же имело место, однако речь идет отнюдь не о значении французского суффикса: отнесение лексемы *пируэт* к мужскому роду представляется нам напрямую связанной с его уподоблением русскому поворот, они даже фонетически созвучны, не говоря о том, что галлицизм есть ни что иное как специализация русского наименования общего понятия.

Слово *жакет*, по данным Национального корпуса русского языка, вошло в активное употребление в конце XIX – и особенно – в начале XX вв., тогда же и оформилось окончательно как существительное мужского рода. До того функционировало эпизодически, в том числе и как нетранслитерированное вкрапление, оформляясь при этом зачастую как существительное женского рода: *...он так же изящно одевался и так же свободно двигался в серых панталонах, сером жилете и серой **жакете** английского покроя, как будто век не носил другого платья...* [Д.В. Григорович. Пахатник и бархатник (1860)].

с. Наглядным отражением борьбы влияния языка-источника и грамматических требований языка-рецептора является наличие морфологических вариантов, в том числе и родовых синонимов, возникших в процессе ассимиляции существительных на *-ette*: *une civette* – *кювет* / *кювета* / *кюветка*, *une manchette* – *манжет* / *манжета* / *манжетка*, *une planchette* – *планшет* / *планшета* / *планшетка*, *une étiquette* – *этикет* / *этикетка*.

d. К группе существительных, оформляющихся в языке-рецепторе при помощи суффикса *-к-*, в силу разных причин примыкают галлицизмы с иным морфемным составом: *une bouteille* – *бутылка*, *une étagère* – *этажерка*, *une favorite* – *фаворитка*, *une manière* – *манерка*, *toujours* – *тужурка*. В рамках данной работы мы считаем необходимым лишь отметить факт их существования,

поскольку само их наличие есть феномен, обеспеченный сочетанием нескольких, зачастую окказиональных, факторов, подлежащих анализу либо с точки зрения словообразования в русском языке (*бутыль* – *бутылка*), либо с позиций интерференционных явлений, обусловленных польским посредничеством в заимствовании иноязычной лексики разных этимологий (ср. *манерка* – польск. *manerka* от фр. *manière* – и *фляжка* – польск. *flaszka* от нем. *Flasche*), либо конверсионным процессам в ходе ассимиляции.

3. Имена существительные женского рода, имеющие произносимую гласную (чаще всего -i- либо -é-) и -е немое в основе, всегда оформляются как существительные женского рода в русском языке, принимая финаль -я.

а. В первую очередь это существительные греческого либо латинского происхождения, оформленные суффиксом -ie: *une avarie* – *авария*, *une cérémonie* – *церемония*, *une compagnie* – *компания*, *une copie* – *копия*, *une fantaisie* – *фантазия*, *une ironie* – *ирония*, *une mélancholie* – *меланхолия*, *une physionomie* – *физиономия*, *une poésie* – *поэзия*. Нами выделено лишь одно существительное этого типа, изменившее род в русском языке: *жалюзи* (*une jalousie*), однако и ему характерно довольно долгое функционирование в форме женского рода *жалузия* [подробнее см. Габдреева 2012].

Слово же *фантази* / *фантези*, вошедшее в русский язык в начале XX в. как характеристика стиля одежды (*У меня четыре перемены «фантази», да еще посторонних брюк две пары.* [В. Авсеенко. Петербургские очерки (1900)]) выступает скорее как неизменяемое имя прилагательное (ср. *франц. беж, бордо, от кутюр* и *англ. хаки, кэжуал*): *в раме фантази темно-зеленого полированного дуба под стеклом.* [И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев (1927)]; *Косоворотки, апашки, гейши, сорочки-фантази, толстовки, лжетолстовки и полутолстовки, одесские сандалии и тапочки полностью преобразили работников прессы капиталистического мира.* [И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок (1931)].

б. Французские существительные, образованные при помощи собирательного суффикса -erie: *une artillerie* – *артиллерия*, *une cavalerie* – *кавалерия*, *une féerie* – *феерия*, *une infanterie* – *инфантерия*. Редкие галлицизмы

данной группы оформляются финальным элементом -ея: *une batterie* – батарея, *une galanterie* – галантерея, по мнению ряда исследователей, являющимся результатом «народного» переосмысления французского прототипа [Калиневич 1978, с. 48, с. 134].

с. Имена существительные с суффиксом -ée отбрасывают конечное -е немое и образуют женский род посредством присоединения флексии -я: *une allée* – аллея, *une idée* – идея, *une porte-épie* – портупея.

4. В некоторых случаях становление женского рода в языке-рецепторе требует субституции суффикса прототипа, сопровождающейся морфологическим переразложением.

а. Французский суффикс латинского происхождения -tion (и его варианты -ation/-ition), называющий действие, трансформируется в конечный элемент -ция, обслуживающий в русском языке имена существительные латинского происхождения: *une construction* – конструкция, *une émanation* – эманация, *une irritation* – ирритация, *une manipulation* – манипуляция, *une portion* – порция, *une position* – позиция, *une réputation* – репутация, *une restauration* – ресторация, *une station* – станция и т.д. Напомним, что во французском языке суффикс -tion является книжным (в отличие от «народного» аналога -aison) и латинское происхождение данных слов ничем не замаскировано, что, по всей видимости, и послужило основой для подобной субституции, совершенно не характерной для существительных с суффиксом -aison, оформляющих род по образцу существительных на носовой согласный: *une combinaison* – комбинезон, *une saison* – сезон.

б. Финаль -ция оформляет также имена существительные с суффиксом -ance/-ence/-ince: *une distance* – дистанция, *une province* – провинция, *une sentence* – сентенция, *une vacance* – ваканция. Часть существительных на -ance/-ence сохраняет фонетический облик в русском языке, принимая категорию мужского рода, причем на протяжении XIX в. две модели успешно сосуществовали. Точкой бифуркации послужил все тот же XX в. с его тенденцией к упрощению и в настоящее время именно вторая модель является доминирующей: *une alliance* –

альянс, une avance – аванс, une chance – шанс, une dissonance – диссонанс, une mésalliance – мезальянс, une patience – пасьянс, une révérence – реверанс, une séance – сеанс.

5. Лишь небольшая часть французских имен существительных женского рода сохраняет в русском языке как фонетический облик, так и категорию рода.

а. Речь идет прежде всего о существительных на шипящие, которые полностью входят в парадигму 3-го склонения, отбрасывая конечное -е и прибавляя -ь (по образцу *мышь, ложь, рожь*), формально относящий существительное к женскому роду: *une brioche – бриошь, une gouache – гуашь, une flèche – флешь, une touche – тушь.*

б. Ранее мы рассматривали модель, согласно которой проходит в русском языке морфологическая адаптация имен существительных женского рода, имеющих в основе мягкую согласную фонему (либо воспринимаемую таковой носителем русского языка, как [l], например) и -е muet. В данном случае оформление финали посредством -ь не является лишь формальным признаком принадлежности, как описывалось в предыдущем пункте, но имеет и фонетическое выражение – палатализацию конечного согласного: *une citadelle – цитадель, une console – консоль, une morale – мораль, une parallèle – параллель, une spirale – спираль.*

с. Имена существительные на [j], т.е. графически оформленные посредством -ille / -aille / -eille, также сохраняют род посредством субституции финали русской -ль: *une bouteille – бутыль, une chenille – шинель, une vanille – ваниль.*

3.3.2 Категория числа имен существительных

Мы уже упоминали ранее, что, помимо категории рода, французская и русская морфологические системы совпадают в наличии категории числа имен существительных. во всяком случае в плане ее содержания, выражающем «общие числовые отношения между предметами или явлениями» [Гак 1983, с.188]. Единственное или множественное число имен существительных характеризует

соответственно единичность или множественность счисляемых, т.е. поддающихся счету предметов или явлений действительности.

Тем не менее, во французском языке категория числа более специфична, нежели в русском, как в отношении способов ее выражения, так и в плане содержания. В.Г. Гак отмечает, что в формальном аспекте прежде всего бросается в глаза ее нерегулярное выражение, особенно в устной речи, где число существительного очень часто опознается не по морфологическим признакам, но по синтаксическим: служебные слова, согласование [Гак 2000, с. 70]. План выражения категории числа во французском языке может быть как синтетическим, так и аналитическим. Единственное число, таким образом, выражается т.н. *forme initiale* – начальной формой существительного, сочетающегося с различными формами артикля единственного числа (определенным, неопределенным, частичным): *une table / la table, un bateau / le bateau, un gateau – le gateau – du gateau, une bière – la bière – de labière*. Специфика категории числа во французском языке с точки зрения ее семантики обусловлена наличием частичного артикля, который функционирует на основе той же семантической оппозиции: считаемость / несчитаемость предмета [Гак 2000, с. 70]. Плану выражения множественного числа характерны специальные флексии и суффиксы, а также формы множественного числа определенного или неопределенного артикля (частичного артикля множественного числа по понятным причинам не существует): *une / la chaise – des / les chaise-s, un / le chapeau – des / les chapeau-x, un / le cheval – des / les chev-aux*.

Ввиду неизменяемости имен в устной речи категория числа зачастую выражается аналитически: в детерминативах либо глагольных формах. Например, фраза *Ces jeunes filles ont-elles visité le musée?* характеризуется выражением числа посредством двух признаков: детерминатива (*ces*) и глагольной формы (*ontvisité*), тогда как, например, *Ces jeunes filles visitent-elles le musée?* – только одним, поскольку фонетически формы единственного и множественного числа глаголов первого типа спряжения совпадают в настоящем времени (*visite / visites / visitent*). Возможен вариант и полного отсутствия формального выражения числа

существительного, например, во фразе *Quelles jeunes filles avez-vous vus?* устная речь е совершенно не сохраняет признаков множественного числа.

Единственное и множественное число русского языка также также имеют различный план выражения. Синтетический строй языка выводит на первое место соответствующие флексии – маркеры нескольких грамматических категорий одновременно. Например, родовое окончание имени существительного определяет одновременно категорию числа, т.е. при наличии родового окончания: кот, весна, горе – форма классифицируется как единственное число существительного, тогда как отсутствие соответствующего признака маркирует форму множественного числа, которой свойственна общая флексия -и/-ы: кот-ы, ран-ы, кост-и, парн-и. Вариантной является флексия -а/-я: пол-я, доктор-а, причем наиболее частотна она в профессионально-ориентированном дискурсе: бухгалтер бухгалтер-а, слесарь – слесар-я.

Категория числа в русском языке выражается фонетически (изменением акцентной либо фонологической структуры слова: бедá – беды, весна́ – вёсны), словообразовательно (суффиксальной деривацией либо, напротив, усечением суффикса: гражданин – граждане, лист – листья, поросенок – поросята) и, наконец, супплетивно (человек – люди) [Зализняк 2002, с. 64].

Таким образом, очевидной становится разница как в средствах оформления грамматической категории числа в русском и французском языках, основанных в первую очередь на дивергенции их формального выражения (суффиксов и флексий, фонологических и акцентных чередований, наличия / отсутствия артикля), так и в плане содержания, где, несмотря на совпадение первичной значимой функцией форм числа в обоих языках (оппозиция по принципу единичности/множественности), имеется своя специфика, связанная с существованием во французском языке дополнительной категории.

В силу вышеизложенного, обязательным условием оформления категории числа лексики романского происхождения является полный отказ от словоизменительной парадигмы прототипа и формирование новых

парадигматических отношений, обусловленных требованиями морфологической системы языка-рецептора.

Таким образом, приобретая в русском языке специфические маркеры мужского, женского или среднего рода, французские существительные получают одновременно форму единственного числа: *афера*, *вояж*, *эмаль*, *клика*, *бордюр*, *сеанс*, *жилет* и т.п., которая является первым элементом словоизменительной парадигмы. Второе ее звено уже формируется за счет морфологических средств принимающей системы. Изоморфизм же плана содержания категории числа формирует наиболее продуктивную в этом отношении группу галлицизмов – имена существительные, в обоих языках имеющие полную парадигму числа: *une affaire / des affaires* – *афера / аферы*, *un émail / des émaux* – *эмаль / эмали*, *un gilet / des gilets* – *жилет / жилеты*, *un voyage / des voyages* – *вояж / вояжи* и т.п.

Иноязычным существительным с нулевым склонением характерен аналитический способ определения числа, т.е. его значение определяется в рамках синтагмы в зависимости от формы согласующегося с ним зависимого слова: *длинное пальто*, *лисье манто*, *свежее филе*, *алмазные кольца*, *дикие маго*.

Из приведенных примеров довольно очевидно, что наиболее продуктивными маркерами множественного числа галлицизмов следует считать флексии *-ы/-и*: *эмаль – эмали-и*, *спекулятор – спекулятор-ы*, *паж – паж-и*, *панель – панел-и* и т.д., в отличие, например, от германизмов, для которых весьма продуктивным остается оформление второго элемента числовой парадигмы посредством флексии *-а/-я* [Мартысюк 1979, с. 79].

Имена существительные *Singularia tantum* и *Pluralia tantum*

Рассмотрев общую закономерность становления категории числа романских заимствований в русском языке, следует остановиться на существующих в обоих языковых системах девиациях, а именно асемантичности признака, следствием чего является наличие в каждом из контактирующих языков т.н. классов *singularia* или *pluralia tantum*, т.е. имен существительных, функционирующих лишь в форме

единственного или множественного числа. Асемантичность признака числа выражается в несовпадении реального количества предметов / явлений с их грамматической характеристикой, например, слово *ножницы*, принадлежащее к группе *pluralia tantum*, сохраняет множественное число, даже если речь идет об одном предмете, тогда как существительное *дичь*, обозначая совокупность предметов, всегда выступает в качестве *singularia tantum*. Подобные отношения вполне характерны и для французского языка, к классу *singularia tantum*, например, можно отнести имя существительное *l'argent*, всегда выступающее в силу этимологических характеристик в единственном числе (первичное значение данного существительного – ‘серебро’); в качестве *pluralia tantum* выступает существительное *les fiançailles* – ‘помолвка’. Классы *singularia* или *pluralia tantum* могут пересекаться в двух языках (ср. *gibier* – дичь, *les funérailles* – похороны), но с той же степенью вероятности не коррелируют, с чем связаны, как показывает наша практика преподавания французского языка, многочисленные ошибки в речи изучающих французский язык русских студентов – и франкоязычных студентов, изучающих русский язык.

С целью установления специфики корреляций и расхождения случаев отсутствия соотносительных форм парадигмы числа в обоих языках приведем их сравнительный анализ.

Класс имен существительных *singularia tantum* в русском языке сформирован именами абстрактными и собирательными (печаль, отвага, старость, предательство, переводоведение, молодежь, листва); значительной частью вещественных имен (голубика, золото, кислород, мука); рядом топонимов (Санкт-Петербург, Алтай, Якутия, Волга). Во французском языке принадлежность к группе *singularia tantum* характерна для несчитаемых имен существительных, которые обычно принимают форму единственного числа как немаркированного члена оппозиции: *le pain, le soleil, la beauté, le rire, Paris, la France* [Гак 2000, с. 71].

Класс *pluralia tantum* русского языка представлен рядом абстрактных существительных (похороны, каникулы), некоторыми номинациями веществ (щи, сливки) или игр (салки, прятки), небольшим количеством топонимов (Чебоксары,

Саяны, Кордильеры) и, наконец, номинациями парных либо либо составных предметов (плоскогубцы, брюки, трусы, лыжи [Новиков 2003, с. 185]. Существительные *pluralia tantum* намного более редки во французском языке: *les archives*, *les fiançailles*, *les Alpes*, *les Pays-Bas*, поскольку, как уже отмечалось, немаркированной и наиболее часто употребляемой в функции нейтрализации и с несчитаемыми существительными является именно форма единственного числа: по меткому выражению В.Г. Гака, категория множественного числа обозначает множественность, тогда как единственное число – безразличие к числу [Гак 2000, с. 71]. В целом однако, по приведенному иллюстративному материалу, можно судить о том, что до некоторой степени фактическое наполнение групп в обоих языках сходно: абстракции и вещества, собирательные существительные и большая часть собственных имен в первом случае, парные предметы и редкие традиционно употребляющиеся во множественном числе топонимы во втором, что позволяет сделать вывод об образовании числа иноязычных имен существительных по семантическим признакам, а не только в силу формальных показателей и вывести нижепредставленные закономерности.

1. Класс *Sg. tantum* сохраняется за такими существительными как:

a. Абстрактные (отвлеченные) существительные), среди которых названия направлений в политике, искусстве, науке: *absolutisme* – абсолютизм, *décadance* – декаданс, *poésie* – поэзия, *prose* – проза, *Renaissance* – Ренессанс, *réalisme* – реализм, *romantisme* – романтизм; состояния, эмоции: *courage* – кураж, *choc* – шок, *ironie* – ирония, *rage* – раж; названия качеств и действий: *appétit* – аппетит, *fantaisie* – фантазия, *manicure* – маникюр, *prestige* – престиж и др.

b. Собирательные имена существительные: *artillerie* – артиллерия, *cavalerie* – кавалерия и др.

c. Вещественные существительные: *caramel* – карамель, *marocain* – марокен, *taffetas* – тафта, *vanille* – ваниль и др.

Семантический принцип оформления категории числа вступает в силу при расхождениях в формировании парадигматических связей галлицизма и его прототипа, т.е. когда французское слово, для которого характерны оба элемента

парадигмы, пополняет классы *pluralia / singulariatantum* языка-рецептора на основании нюансов лексического, а не грамматического значения. Здесь уместно выделить:

1. Иноязычные имена существительные класса *Sg. tantum*, протипы которых характеризуются полной парадигмой числа, например, фр. *une galanterie / des galanteries* – рус. *галантерея* (*sg. tantum*). Слово, во французском языке имевшее значение ‘*politesse empressée auprès des femmes*’, в русском языке полностью изменило лексическое значение и оказалось в одном ряду с *бакалея, одежда, обувь* и другими собирательными названиями: мелочной дорогой товар; предметы щегольства.

Фр. *une démocratie / des démocraties* – рус. *демократия* (*sg. tantum*) – обнаруживается среди наименований политических режимов: олигархия, монархия, деспотия, тоталитаризм, авторитаризм, тогда как во французском языке слово употребляется и в значении ‘*état démocratique*’, т.е. имеет форму множественного числа (для сравнения вспомним, например, что существительное *монархия* и в русском языке сохранило полную парадигму числа: современные монархии, т.е. государства с монархическим устройством). Примечательно, что в прессе последних лет множественное число (*западные демократии*, например) становится все более допустимым, однако, согласно нашим наблюдениям, данная словоформа фигурирует с определенной долей устойчивости лишь в цитировании переводных источников.

2. Иноязычные имена существительные класса *Pl. tantum*, протипы которых характеризуются полной парадигмой числа: уапример: фр. *un pantalon / des pantalons* – рус. *панталоны* (*pl. tantum*). Традиционно имена существительные, обозначающие парные предметы, относятся в русском языке к данной группе (ср. уже упомянутые брюки, штаны, лосины).

Фр. *un couloir / des couloirs* – рус. *кулуары* (*pl. tantum*). В языке-рецепторе происходит смещение значения: это не просто ‘*espace ou passage entre les pieces dans un lieu d'habitation, un lieu public*’, но ‘помещения вне зала заседания (в

парламенте, на конференции’, т.е. неопределенное множество помещений, где ведутся неофициальные разговоры.

3.3.3 Категория падежа галлицизмов

Язык синтетической структуры, русский язык предполагает наличие развитой системы склонения имен, что выражается в наличии категории падежа имен существительных. Парадигматические отношения в рамках падежной системы выражаются флективно, причем, в зависимости от их специфики выделяются три типа склонения, причем первый тип объединяет существительные двух родов (м.р. и ж.р.), дистинктивным признаком которых является флексия -а/-я (корова, проволока, дядя, плакса); ко второму типу относятся имена существительные м.р. с нулевой флексией и имена существительные ср.р. с флексией -о/-е в именительном падеже (потолок, вес, окно, горе); наконец, третий тип характерен исключительно для существительных ж.р., имеющих нулевую флексию в именительном падеже (речь, былль, филигрань).

Язык преимущественно аналитической структуры, французский в процессе своего исторического развития утратил падежную систему. Справедливости ради, впрочем, следует отметить, что довольно долгое время в нем сохранялись прямой и косвенный падежи, т.н. *cas direct* и *cas régime*, однако к моменту сколь-нибудь интенсивных контактов с русским языком они полностью вышли из употребления. Нюансы грамматического значения косвенных падежей выражаются порядком слов и развитой системой предлогов: *Les murs des salles d'études sont ornées par les élèves.* – стены классных комнат украшены учениками. *Elle prend un crayon de Pierre.* – Она берет карандаш Пьера. *Je veux faire cadeau à Mireille pour son anniversaire.* – Я хочу сделать Мир ей подарок на день рождения.

Как показывает детальное изучение романских элементов в русском языке, абсолютное их большинство полностью вписывается в парадигму того или иного склонения. Приобретая формально-грамматические признаки исконных слов,

галлицизмы полностью адаптируются к падежной системе, следуя специфике русской морфологии в распределении по типам склонения, равно как и в формировании словоизменительной парадигмы:

- Существительные женского рода на -а/-я: *горжетка / горжетки / горжетке / горжетку / горжеткой / о горжетке; купюра / купюры / купюре / купюру / купюрой / о купюре.*

- Существительные мужского рода на согласный: *жонглер / жонглера / жонглера / жонглеру / жонглером / о жонглере; роман / романа / роман / роману / романом / о романе.*

- Существительные женского рода на -ь: *бриошь / бриоши / бриошь / бриоши / бриошью / о бриоши; шаль / шали / шаль / шали / шалью / о шали.*

Понятно, что среди заимствованных имен существительных не обнаруживается ни так называемых разносклоняемых, которые невозможно отнести ни к одному из типов (имя, дитя, мать, путь), ни склоняющихся по моделям иных частей речи существительных: столовая, ванная, безработный.

И, напротив, значительная группа существительных, не изменяющихся по падежам (т.н. нулевое склонение), представлена в основном именами существительными романской этимологии мужского, женского и среднего рода с основой на нехарактерный для русской флективной системы гласный (алоэ, атташе, денди, меню, фрау) либо женского рода с твердым гласным в финали: *мадам*. Среди существительных нулевого склонения имена мужского рода, чаще всего одушевленные: *крупье, карго, мсье*; имена существительные женского рода, также одушевленные в большинстве случаев: *инженю, маго, мадам*; неодушевленные имена существительные среднего рода: *антраша, антре, бра, меню, па, су, экю* и т.п. Невозможность формирования парадигмы склонения объясняется здесь тем фактом, что «русские именные флексии не могут присоединяться к основам на гласную: традиционно (исторически) сложившийся тип исконных русских именных основ характеризуется конечной согласной» [Новиков 2003, с. 414].

В качестве заключения необходимо отметить, что сильное влияние французского языка в русском языке XIX ощущимо даже в такой «консервативной» области, как морфология – и это влияние отчетливо просматривается даже при поверхностном изучении материала. Следствием французских веяний является обилие романских словообразовательных морфем в русском языке рассматриваемого периода: уже отмеченные суффиксы мужского рода -изм, -ист, -аж, а также суффикс -тор, суффиксы женского рода -ция (-ация, -иция), -ия (восходящие к латыни, но пришедшие в русский язык и получившие в нем массовое распространение при французском посредстве). При более глубоком анализе можно выявить и чуждые, зачастую противоречивые, с позиции языка-рецептора, закономерности морфологического оформления лексики, легко объяснимые тем не менее в языке-источнике (так, напр., конечное -оп в словах *тон* (ton), *патрон* (patron) является частью корня, тогда как аналогичная финаль в словах *construction* или *portion* – часть суффикса, оформляющегося по иной схеме – *конструкция*, *порция* и, как следствие, иначе определяющего грамматическую категорию существительного в русском языке). Наконец, обилие имен существительных женского рода с не характерным для них значением конкретности, аналитические тенденции в выражении форм рода, числа и падежа также со всей очевидностью указывают нам на тот факт, что и самая ригидная из областей русского языка подвергалась в указанный период заметному французскому влиянию. Понятно, что процесс морфологической адаптации жестко детерминирован внутриязыковыми причинами, в первую очередь, законами языка-рецептора, но не представляется возможным и умалять роль таких факторов, как интенсивность языковых контактов, количественные характеристики процесса заимствования, количество билингвов в обществе, языковая мода и снобизм, определяющие степень влияния языка-источника.

Выводы по главе 3

В фонологическом отношении французский и русский языки представляют собой две фактически полярные системы, различающиеся:

1) количественно. Соотношение гласных и согласных фонем позволяет отнести французскую фонологическую систему к вокалическим, тогда как русский язык представляет собой систему ярко выраженного консонантного типа;

2) качественно. Акустико-артикуляторные характеристики французских гласных и согласных, значительно большая четкость и интенсивность их произношения по сравнению с русскими коррелятами позволяют сказать, что, при всем их кажущемся сходстве, ни одна французская гласная или согласная не совпадает с соответствующей русской;

3) спецификой сильных/слабых позиций. В русском языке слабой позицией гласной фонемы является неударная, согласной – финальная в слове. Во французском языке в данных позициях нейтрализации фонем не происходит;

4) организацией оппозиций. Французский вокализм в силу количественных характеристик гласных фонем представляет значительно более сложное явление, нежели русский: в нем более развиты коррелятивные оппозиции фонем по ряду, подъему и представлена отсутствующая в русском языке оппозиция по назализации гласного. Коррелятивные оппозиции русским гласным не свойственны вовсе, за исключением [и]/[ы], все они различаются между собой комплексом признаков, зато в сфере консонантизма значима оппозиция по твердости/мягкости.

В свете вышеизложенного становится понятно, что в процессе перехода в русскую фонологическую систему романская лексика теряет акустическое и артикуляционное своеобразие фонемного состава языка-источника, приобретая взамен специфические свойства, продиктованные требованиями принимающей системы. Во-первых, речь идет о субституции французских фонем соответствующими русскими, причем одной русской гласной фонеме может соответствовать несколько французских и напротив – одной французской

согласной может соответствовать несколько русских. Во-вторых, в силу специфики позиционных изменений в потоке речи, гласные фонемы в неударном слоге теряют свои дифференциальные признаки и нейтрализуются, так же как и согласные фонемы в финальной позиции. В-третьих, в действие вступают комбинаторные модификации, т.е. в процессе аккомодации гласные фонемы среднего и заднего ряда после мягких согласных артикулируются ближе к переднему ряду.

Степень и характер влияния прототипа на оформление фонемного облика галлицизмов определяются, в первую очередь, интенсивностью устных языковых контактов и количеством билингвов в обществе, выражаясь в функционировании фонематических вариантов галлицизмов, а также в нехарактерных для языка-рецептора тенденциях, например, сохранении твердого согласного перед гласным [э] либо напротив палатализации согласного перед гласными заднего ряда, например [y] или [o], при передаче французских фонем переднего ряда [y] или [œ]/[ø]. Произносительными нормами языка-источника обусловлено также выпадение некоторых гласных (е *caduc*) и варьирование в передаче французского [l].

Акцентологические характеристики французского слова позволяют сделать вывод о том, что фактически французское ударение с известным допущением можно считать близким к русскому, всегда падающему на последний слог, в силу чего большая часть галлицизмов сохраняет ударение прототипа, т.е. на последнем слоге основы, за редким исключением, представленным субституцией французского ударного суффикса его русским неударным коррелятом, имеющим чаще всего латинское происхождение.

Будучи языками индоевропейской языковой семьи, французский и русский относятся к одному и тому же морфологическому типу: флективному, хотя характеризуются разнонаправленными векторами развития. Неуклонный рост аналитизма во французском языке лишил его системы склонений и оставил два рода: мужской и женский. Язык четко выраженного синтетического типа, русский сохраняет развитую систему склонения, довольно жестко спаянную с флексией одного из трех родов: мужского, женского среднего.

Таким образом, французские имена существительные мужского рода, имеющие твердый согласный в основе (произносимый или немой) представляют наиболее простую ассимиляционную модель: в силу совпадения формальных признаков, они оформляются в русском языке как существительные мужского рода, получая полную парадигму склонения. Девиации представлены именами существительными с основой на мягкий согласный, которые пополняют группу существительных женского рода, а также разнородными существительными на гласный, которые распределяются соответственно между женским родом (ударная -а в финали становится в результате переразложения флексией и обеспечивает существительную полную парадигму склонения) и средним, формируя группу существительных с нулевым склонением (исключая, понятно, одушевленные существительные, грамматический род которых определяется полом).

Наиболее сильно влияние французской морфологии прослеживается в ассимиляции существительных женского рода, которые за три столетия практически не выработали единой адаптационной модели. Совпадение формальных признаков большей части французских существительных женского рода, оканчивающихся на произносимый твердый согласный, требует их включения в парадигму склонения, характерную для существительных мужского рода, тогда как коллективное сознание билингвального общества позапрошлого столетия требует сохранения родовой принадлежности прототипа через присоединение флексии -а, позволяющей отнести имя существительное к женскому роду, сформировав соответствующие парадигматические связи. Очевидная простота обоих решений не позволяет отдать предпочтение какому-то одному, в связи с чем существительные женского рода допускают выбор между двумя моделями. Отметим, что женский род более частотен у суффиксально оформленных существительных (суффикс – дополнительный маркер рода в языке-источнике), нежели у производных, хотя и среди последних к женскому роду относится порядка половины. Отклонения фиксируются на уровне существительных женского рода на гласный, которые, в зависимости от категории

одушевленности / неодушевленности, пополняют ряды несклоняемых существительных среднего рода либо сохраняют женский род лишь формально, в силу отсутствия парадигмы склонения.

Фактически, как мы видим в данной главе, галлицизмам свойственно полное включение в фонологическую, акцентную и морфологическую систему языка-рецептора. Тем не менее, воздействие языка-источника не может быть сведено практически к нулю: мы можем его наблюдать на все анализируемых уровнях, и зачастую это не отдельные хаотично разбросанные по разным словам следы произносительных либо грамматических норм оригинала; долгая история галлицизмов в русском языке привнесла новые тенденции в его фонетику и грамматику, несколько переформатировав оба языковых яруса.

Глава 4. Семасиологические отношения лексических параллелей: семантическая адаптация лексики французского происхождения

§4.1 Основные тенденции семантического освоения иноязычной лексики в исторической перспективе

Формальное подчинение иноязычия законам языка-рецептора, каким бы сложным процессом оно не являлось, не отменяет необходимости его семантического освоения, которое, по мнению большинства исследователей (Е.Ф. Арсентьева, Э.А. Балалыкина, Н.В. Габдреева, Л. Гальди, Л.М. Грановская, Т.Р. Димитрова, А.А. Иваницкая, А.И. Киндеревич, Л.П. Крысин, Г.М. Милейковская, Л.М. Роже), является ключевым фактором, определяющим дальнейшую судьбу заимствованного слова: войдет оно в активный словарный запас, навсегда останется на периферии языка или вовсе выйдет из употребления, так и не сумев найти свое уникальное место в новой лексико-семантической системе. Будучи процессом комплексным, семантическая адаптация представляется многими исследователями как последовательность нескольких этапов, каждый из которых обладает своей спецификой и характерными признаками. М. Мартысюк, например, считает уместным разделить ее на две стадии, предполагающие сначала вхождение слова в новый язык и лишь затем – развитие у него собственной семантической структуры [Мартысюк 1979, с. 81]. Л.М. Роже и А.А. Иваницкая выделяют уже три этапа: на стадии перехода единица используется окказионально и эпизодично; стадия вхождения характеризуется его постепенным освоением и расширением функциональной сферы при сохранении гетерогенности, которая является ключевым признаком иноязычия в плане восприятия носителями языка; наконец, стадия интеграции знаменует полное подчинение заимствования требованиям принимающей системы [Роже 1985, с. 9; Иваницкая 1980, с. 13].

Вслед за Н.В. Габдреевой, мы считаем, что попытки подобным образом периодизировать адаптационные процессы отражают более когнитивную

специфику научного исследования в области освоения иноязычной лексики [Габдреева 2001, с. 248]. Приводимые последовательности облегчают анализ и системное описание процесса, на деле же ассимиляция иноязычного элемента затрагивает все языковые ярусы одновременно: фонологическая адаптация не сопровождается морфологической, а затем семантической, все три процесса, пусть и с собственной интенсивностью, исподволь меняют чужеродную единицу, отсекая избыточное, не свойственное языку-рецептору, и «достраивая» до идеала – исконного слова. Разумеется, процесс ассимиляции далек от хаотичного, он имеет свои четкие рамки и законы, но в каждом конкретном случае он неповторим в силу многих переплетающихся факторов: прагматики заимствования, специфики рецепции на данном этапе языкового развития, интенсивности воздействия языка-источника, интерференции со стороны других языков и т.п.

В синхронном плане все многообразие путей семантической эволюции иноязычного слова обычно сводится к четырем типам модификации лексического значения прототипа:

1. Сужение либо сокращение семантического объема, под которым понимается как упрощение семантической структуры прототипа, так и собственно сужение, конкретизация тех единичных значений, которые сохраняются при переходе. На начальном этапе (этапе вхождения) сокращение числа семем многозначного в языке-источнике слова есть общая универсальная тенденция семантической адаптации иноязычного слова. Конкретизация чаще всего проявляется при необходимости уточнения видового наименования, передаче оттенков, фоновых знаний посредством иноязычия и требует обычно некоторого времени.

2. Сохранение семантического объема, характеризующее в основном лексику специальную, не осложненную дополнительными коннотациями. Моносем в языке-источнике остается таковым в языке-рецепторе, называя одно четко определенное понятие.

3. Расширение семантического объема. Если речь идет об иноязычной лексике, под расширением мы всегда подразумеваем усложнение структуры, т.е. формирование семантических дериватов. Генерализация лексического значения не актуальна в силу специфики материала: чаще всего язык-рецептор уже имеет исконное наименование родового понятия либо, в случае заимствования комплекса реалий, перенимает и весь иерархически организованный комплекс лексических единиц. С другой стороны, расширение объема может являться следствием двух тенденций: семантические новации развиваются на почве принимающей системы либо заимствуются.

Многие исследователи сходятся во мнении, что наращение числа семем есть один из главнейших показателей освоенности заимствования, не принимая во внимание происхождение вторичного значения, т.е. не уточняя его природу. Тем не менее, как справедливо отмечает Н.В. Габдреева, принципиально важным является определение источника переносного значения, поскольку устойчивые семантические корреляции между прототипом и иноязычным словом в русском языке свидетельствуют о формировании в процессе непосредственных контактов прямой связи прототип – коррелят, которая не просто закрепляет в языке-рецепторе основное значение, но ведет «к семантическому размежеванию, упорядочиванию в сознании носителя комплекса значений» [Габдреева 2001, с. 121].

Процесс переноса фигуральных значений из французского языка в русский известен с XVIII в. Будучи довольно стабильным явлением, он применим к довольно значительной группе слов. И в первую очередь данная тенденция характеризует лексику, попавшую в поле нашего исследования: долгий ассимиляционный период (с момента первой фиксации, как правило, начало-середина XVIII в., – вплоть до начала XX в.) обусловил значительное расширение семантического объема большинства проанализированных нами лексических единиц, продиктованное постоянными и непосредственными языковыми контактами.

4. Семантический сдвиг, характеризующийся смещением лексического значения в силу тех или иных причин, перечисляемых ниже.

Обширный временной диапазон, задающий рамки нашего исследования, редко позволяет нам выделить т.н. «чистые типы» – напротив, нашей задачей является исследование **динамики** семантического освоения галлицизмов русского языка. В этих целях постараемся максимально точно проиллюстрировать важнейшие временные вехи: фиксация в основном значении, образование новаций (как на базе принимающего языка, так и посредством вторичного семантического заимствования), активизация окказиональных и/или индивидуально-авторских значений и т.п. Кроме того, значительная часть настоящего параграфа будет посвящена рассмотрению семантической структуры прототипа, т.е. французской лексической единицы, послужившей источником заимствования, поскольку, на наш взгляд, лишь максимально подробный анализ всего комплекса лексических значений слова в языке-источнике, с опорой на литературные произведения оригинала, позволяет сделать наиболее достоверные выводы о природе соответствующих изменений семантики иноязычного слов в русском языке.

1. Собственно сужение семантического объема фиксируется, как уже отмечалось, в исключительно редких случаях.

Вояж (voyage). Н.М. Яновский дает одно значение: путешествие, дорога, путь, приемлемый с одного в другое отдаленное какое-либо место сухим путем или морем от праздности, по собственным делам или для приобретения полезных сведений [Яновский, т. 1, с. 491], которое и сохраняется в дальнейших лексикографических описаниях: **ВОЯЖ** – франц. voyage, от voie, дорога. Путешествие [Михельсон 1865]; **ВОЯЖ** – путешествие [Попов 1907]; **ВОЯЖ ИЛИ ВОЯЖИРОВАНИЕ** – путешествие [Павленков 1907]; **ВОЯЖ** – (фр. voyage, от voie – дорога). Путешествие [Чудинов 1910].

По сравнению с семантической структурой прототипа, изобилующей производными и переносными значениями, мы отмечаем значительное сужение объема в языке-рецепторе, ср.:

1. Chemin qu'on fait pour aller d'un lieu à un autre lieu qui est éloigné. *Le vrai secret pour avoir de la santé et de la gaieté est que le corps soit agité et que l'esprit se repose ; les voyages donnent cela.* [Voiture, Lettres]. Cheval de voyage, cheval propre à transporter un cavalier d'un endroit à un autre, assez rapidement, et pendant plusieurs jours de suite. **Fig. et familièrement.** Faire le voyage de l'autre monde, le grand voyage, mourir. *Le mari fait seul le voyage.* [La Fontaine, Fables]. **Fig.** La vie est un voyage, nous ne faisons que passer sur cette terre. *Mon beau voyage encore est si loin de sa fin !* [Chénier, La jeune captive].

2. **Terme de marine.** Campagne, navigation plus ou moins longue. *Le Mercure galant écrit quelquefois nos voyages si bizarrement, sur quelques relations de vaisseaux, que je croirais, monsieur, qu'il n'en devrait rien dire que suivant vos ordres.* [D'estrées, à Seignelay, 26 août 1680, dans JAL]. Voyage de long cours, les longs voyages sur mer. *Il n'y a guère que quatre sortes d'hommes qui fassent des voyages de long cours, les marins, les marchands, les soldats et les missionnaires.* [Rousseau, Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes]. Voyages d'outre-mer, les voyages que les chrétiens entreprenaient autrefois pour conquérir la terre sainte, pour faire la guerre aux musulmans.

3. Relation des événements d'un voyage (on met une majuscule). Ces Voyages sont fort intéressants à lire. Recueil de Voyages. Voyage pittoresque, relation d'un voyage accompagnée de vues, de gravures.

4. Allée et venue d'un lieu à un autre. J'ai fait deux voyages à Versailles. J'ai fait vingt voyages chez lui sans le trouver. *Depuis que j'ai écrit ce commencement de lettre, j'ai fait un fort joli voyage ; je partis hier assez matin de Paris, j'allai dîner à Pomponne...* [Sévigné, 48].

5. Course, commission d'un homme de peine. Il faut payer les voyages de ce conducteur, de ce charretier. Ce que transporte un homme ainsi employé. Un voyage de bois, de charbon.

6. Séjour dans un lieu où l'on ne fait pas sa demeure habituelle. Mon voyage à ma terre sera de six semaines. Le voyage de la cour à Compiègne.

7. Anciennement, frais qu'on allouait à une partie ou à des témoins. Taxer les voyages.

8. *Autrefois, dans certains couvents, un voyage à Jérusalem, la prison perpétuelle à laquelle les religieux condamnaient un de leurs confrères, ainsi dit parce que, si on venait le demander, ils répondaient qu'il était allé faire un voyage à Jérusalem.* [Biblioth. critique, Amsterdam, 1710, t. IV, p. 294].

У Н.А. Дуровой наивыявлено употребление анализируемой единицы в основном значении прототипа: ‘Chemin qu'on fait pour aller d'un lieu à un autre lieu qui est éloigné’, т.е. ‘дорогаотодногоместакдругому’:

Это могло б рассмешить и умирающего; я забываю в ту же минуту затруднительный вояж по грязным улицам. [Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)]. Однако данное словоупотребление скорее всего окказионально, и ЛЕ функционирует чаще всего в основном, зафиксированном словарями XIX – начала XX вв. значении ‘путешествие’, зачастую выступая синонимом русского слова:

«Какой тут вояж! – думал господин Голядкин, смотря на погоду, – тут всеобщая смерть... [Ф.М. Достоевский. Двойник (1846)]; Очень рад, – сказал он, в свою очередь. – Вы давно изволили возвратиться из вояжа?.. [М.Е. Салтыков-Щедрин. Брусин (1847-1848)]; Но, положим, вояж – это роскошь, и не все в состоянии и обязаны пользоваться этим средством; а Россия? [И.А. Гончаров. Обломов (1859)]; – Действительно, глупо, мы собрались в дружеской компании, чтоб проводить в вояж доброго приятеля, а вы считаетесь, – заговорил Трудолобов, грубо обращаясь ко мне одному. [Ф.М. Достоевский. Записки из подполья (1864)]; Слышишь, Потапыч, – обратилась она к седому старичку, во фраке, в белом галстуке и с розовой лысиной, своему дворецкому, сопровождавшему ее в вояже, – слышишь, не узнает! [Ф.М. Достоевский. Игрок (1866)]; Много вояжу было; прошлое лето вот тоже в Крым... [А.Н. Островский. Невольницы (1881)]; На первый вояж я думаю взять с собой жену. [А.И. Куприн. Яма (1909-1915)];

Галоп (galop). В словаре Н.М. Яновского отражено одно значение: «хода лошадиная скаком» [Яновский, т. 1, с. 511].

В 20-е гг. XIX в. появляется и становится популярным бальный танец, состоящий из серий непрерывных скачущих шагов и также получивший название галоп (или галопад), поэтому последующие лексикографы фиксируют эту семему: ГАЛОП – франц. galop. Быстрый бег лошади, но не во всю прыть и ГАЛОПАД ИЛИ ГАЛОП – франц. galopade, galop. Род танца или музыка к нему [Михельсон 1865]; ГАЛОП – 1) аллюр, особый бег лошади в припрыжку; 2) быстрый танец прыжками [Попов 1907]; ГАЛОП – 1) особый бег лошади, при котором она выкидывает то обе передние, то обе задние ноги; 2) танец, отличающийся быстрым движением [Павленков 1907]; ГАЛОП – 1) быстрый бег лошади, при котором она поднимает одновременно обе ноги. 2) то же, что галопад [Чудинов 1910]; ГАЛОПАД или ГАЛОП (франц. galopade, galop). – Род танца или музыка к нему [Чудинов 1910].

Во французском языке лексемы *galop* и *galopade* функционируют, по данным Littré, примерно в тех же значениях:

galop

1. La plus élevée et la plus rapide des allures du cheval. *Son cheval se mit au galop malgré qu'elle en eût.* [Hamilton, Mémoires du chevalier de Grammont]. Un temps de galop, un court espace parcouru au galop. *Un temps de galop jusqu'à la ferme.* [Beaumarchais, Le mariage de Figaro, ou La folle journée]. **Par extension.** Aller, courir le galop, se hâter, aller fort vite. **Fig.** *Chassez le naturel, il revient au galop* [Destouches, Le glorieux]. **Fig.** Aller au galop, courir au galop, faire une chose avec précipitation. *Il dit fort posément ce dont on n'a que faire Et court le grand galop quand il est à son fait.* [Racine, Les plaideurs]. **Fig.** Aller le grand galop à l'hôpital, faire des dépenses excessives. Dans un sens analogue. *Le bien de notre amant s'en va le grand galop* [La Fontaine, Pet. chien.]. Il s'en va le grand galop, il mourra bientôt.

2. **Techniquement.** Allure très rapide dans laquelle le cheval est supporté successivement par un pied de derrière, un bipède diagonal et un pied de devant, puis reste sans support un instant, pour retomber de nouveau sur les mêmes appuis, Branle

de galop, mouvement que fait le cheval pour prendre le galop. Galop de chasse, celui où le cheval déploie librement ses membres, galop modéré auquel les chasseurs mettent leurs chevaux pour suivre une chasse. Galop de contre-temps, allure semblable au galop sur le devant, et aux courbettes sur le derrière. Galop d'école, voir GALOPADE.

3. Danse hongroise à deux temps et d'un mouvement vif, introduite dans la danse française et formant une des figures du quadrille. Le cavalier tient de la main droite sa dame par la taille ; la dame s'appuie sur lui de la main gauche ; les deux autres mains se tiennent en avant: et le pas de galop consiste en une suite de chassés, la dame ayant le pied droit et le cavalier le pied gauche en avant. Le pied de derrière chasse constamment le pied de devant; c'est là le pas de galop qu'on emploie aussi dans d'autres figures, notamment dans la finale du quadrille ordinaire (voir GALOPE 2). Air sur lequel on danse le galop.

4. **Fig. et populairement.** Réprimande, gronderie. Donner, recevoir un galop.

galopade

1. Action de galoper. Ce cheval a la galopade fort belle. Faire une galopade, faire une petite course au galop. *Et vous faisiez de belles galopades, je pense ?* [Dancourt, Moul. Javelle, sc. 32].

2. Air de manège, sorte de galop en trois temps et très raccourci, dit aussi galop d'école, où l'allure, très cadencée, est moins rapide, mais plus élégante.

3. Espace qu'on parcourt en galopant.

4. S'est dit du galop de la danse.

5. **Populairement.** Réprimande, gronderie.

Как видим, частично значения слов в языке-истонике совпадают, причем в трех значениях: «alluretrèsrapide», «danse» и «reprimande» (третье значение – ‘упрек’ – в русском языке не зарегистрировано), однако разница существенна: если galop – это сам аллюр, то galopade – это и действие, производимое галопирующей лошастью, и пространство, которое преодолевают галопом.

Здесь также следует отметить, что во французском языке значение «танец» регистрируется у лексемы не сразу, изначально для его номинации служила лексема *galope*, женского рода (Littré): Nom donné d'abord à

unedansequ'onappelleaujourd'hui galop. *La galope, une danse si vive, si animée, vraiment nationale.* [Scribe Et Mélesville, la Seconde année, sc. 4 (janvier 1830).]

Нам представляется, что именно данная лексема и послужила прототипом для заимствования, однако в силу фонетико-морфологических особенностей языка-рецептора разница в произношении (немая конечная согласная становится произносимой в русском языке, что позволяет отнести единицу ко 2-му склонению) нивелировалась и позднейшие лексикографы просто не фиксировали данный факт – либо вследствие его кажущейся незначительности, либо в силу не слишком близкого знакомства с французским языком.

С нашей же точки зрения, данный факт достаточно важен для понимания семантической природы слова *галоп*, поскольку разность прототипов указывает (как и в случае со словом *пистоль*) на то, что мы имеем дело не с полисемией как таковой, а с омонимичными значениями различных лексических единиц и, как следствие, следует ли рассматривать процесс активизации значения «танец» в качестве вторичного семантического заимствования уже существующей лексемы либо же отдельные французские единицы, послужившие материалом заимствования, обсловили активизацию и дальнейшее функционирование двух разных галлицизмов в русском языке (и в этом случае, разумеется, ни о каком расширении семантического объема речь не идет, напротив, в первом случае мы регистрируем его сужение, а во втором – сохранение).

Данные Исторического словаря галлицизмов косвенно подтверждают данное предположение: «*Другой новейший танец (la galope) забавен до крайности и нравится своею странностью. 1825 // Столпянский Музыка 90*» [цит. по: Елишкин 2010].

Попробуем разобраться, привлекая материалы художественной литературы. Первая фиксация, согласно данным Национального корпуса русского языка, датируется концом XVIII в.:

...к удивлению всех явился там на кургузом коне своем, пустился в *галоп* по аллее и едва не передавил гуляющих. [Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793)].

Далее лексема довольно долго функционирует только в этом значении:

Я села на лошадь и стала делать вольты в галоп. [Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)]; *Гринева, узнав от него об нашей опасности, велел садиться, скомандовал марш, марш в галоп – и, слава богу, прискакал во время.* [А.С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)]; *Сели на лошадей и поскакали в галоп.* [Ф.М. Достоевский. Бесы (1871-1872)]; *...слышится впереди галоп белого жеребца, увлекающего за собой Изумруда.* [А.И. Куприн. Изумруд (1907)].

Первая фиксация в значении «танец», по материалам Национального корпуса русского языка, датируется 1847 г.:

– Ну, хоть не складно, да ладно, – сказал черкес по окончании польки. – Теперь пьяный галоп. Башкин, начинай! [И.Т. Кокорев. Саввушка (1847)].

Однако последовательно функционировать в этом значении лексема начинает лишь к 70-м гг. XIX в., сначала в мемуаристике, затем и повсеместно:

Устроено оно было в трактирном заведении города; главная танцевальная зала была довольно большая и холодноватая; музыка стояла в передней и, когда Вихров приехал, играла галоп [А.Ф. Писемский. Люди сороковых годов (1869)]; *У Вихрова очень уж зашумело в голове. – Господа, пойдёмте танцевать галоп! – сказал он* [А.Ф. Писемский. Люди сороковых годов (1869)]; *Прохоров насильственно водворялся в моем доме, насильственно заставлял меня выслушивать свои «насмешки», насильственно хватал меня под мышки и увлекал в галоп – и вот я в той же насильственной форме дал ему отпор* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Убежище Монрепо (1878-1879)]; *Кружитесь!.. Мазурку!.. Галоп!.. Матлот!.. Balancez!..* [М.Ф. Каменская. Воспоминания (1894)]; *Меняйте дам!.. Галоп по всем комнатам!.. Опять в кучу!..* [М.Ф. Каменская. Воспоминания (1894)]; *В то время только что вошла в моду французская кадрили; матрадур, краковяк и даже экосез были уже изгнаны; на вечерах только и танцевали, что вальс, галоп да французскую кадрили без конца...* [М.Ф. Каменская. Воспоминания (1894)]; *Рассказывали в особенности про бешеный галоп, какой танцевали эти господа с какою-то приехавшею в Тамбов госпожою Миницкой, представлявшею подобие вакханки.* [Б.Н. Чичерин.

Воспоминания (1894)]; *А к концу зимы я уже с некоторым увлечением отплясывал вошедший тогда в моду **галоп** с хорошенькою гувернанткой и не без тайного удовольствия, смешанного со стыдом, надевал баумачки, готовясь к этому упражнению.* [Б.Н. Чичерин. Воспоминания (1894)]; *Музыка заиграла бешеный **галоп**, и, раскачиваясь под него в руках Антонио, Генриетта весело перебирала ногами и била ими одна о другую.* [А.И. Куприн. В цирке (1901)]; *Играла она две вещи: унылый немецкий вальс Лаунера и **галоп** из «Путешествий в Китай» – обе бывшие в моде лет тридцать – сорок тому назад, но теперь всеми позабытые.* [А.И. Куприн. Белый пудель (1903)]; *– вздохнул, покрутив головой, дедушка, однако приблизился к балкону, снял шарманку, укрепил ее перед собою на палке и заиграл **галоп** с того самого места, на котором его только что прервали.* [А.И. Куприн. Белый пудель (1903)].

Историческим словарем галлицизмов фиксируется также значение: «Усиленное действие чего-л. *Маленькая княгиня, как старая полковая лошадь, услышав звук трубы, бессознательно и забывая свое положение, готовилась к привычному **галопу** кокетства.* Толст. Война и мир» [Епишкин 2010], однако, кроме данного примера, более нигде в литературе оно не фиксировалось, из чего мы можем сделать вывод о его окказиональности.

Не менее интересна история активизации и функционирования слова **карьер** (*carrière*). «Новый словотолкователь» фиксирует его только в одном значении, причем само слово отнесено им к 1-му склонению на -а (под влиянием языка-источника ЛЕ последовательно функционировала в русском языке как существительное женского рода): карьера – каменоломня, яма, из которой достают камни [Яновский, т. 2, с. 141]. Этот вывод вполне подтверждается данными Исторического словаря галлицизмов, ср.: «23 сентября 1797 г. Сенат издал указ, которым было обещано тому, кто первый где-либо откроет угольную **карьеру**, для разработки надежную. РОА 9 57» [цит. по: Епишкин 2010].

Позже слово меняет род и приобретает новое значение, что отражается словарями ностранных слов начала XX века: **КАРЬЕР** пустить лошадь в карьер –

значит скакать во весь опор [Паленков]; КАРЬЕР – (фран. *carriere*). 1) самый быстрый бег лошади. 2) камнеломня, ломка, выломка, прииск [Чудинов 1910].

Здесь снова стоит задаться вопросом, является ли новое значение результатом вторичного семантического заимствования или речь идет об омонимии? Отсутствие общей семы (каковой в случае лексемы галоп является признак «быстрый») вполне недвоячно указывает на омонимию. Кроме того, словарь Littré приводит следующую структуру лексических значений слова *carrière*:

1. Lieu fermé de barrières et disposé pour les courses. *Il excelle à conduire un char dans la carrière* [Racine, *Britannicus*]. **Fig.** *Passer carrière, accepter certaines conditions. Personne n'avait été d'avis de passer carrière sur les énormes propositions qui avaient été faites à Torcy à la Haye.* [Saint-Simon, *Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon*]. Donner carrière, laisser le champ libre ; se donner carrière, s'ouvrir un champ libre. Donner carrière à ses plaintes, à ses passions. *J'avais franchi les monts qui bornent cet état, Et trottais comme un jeune rat Qui cherche à se donner carrière* [La Fontaine, *Fables*]. **Familièrement.** Se donner carrière aux dépens de quelqu'un, le railler sans aucune retenue. Il ouvrit et ferma la carrière, il ferma la carrière qu'il s'était ouverte, se dit d'un homme qui, excellent dans l'art dont il fut le créateur, est resté sans rivaux.

2. **Terme de manège.** La course que peut fournir un cheval sans perdre haleine. Ce cheval a bien fourni sa carrière. Donner carrière à un cheval, lui lâcher la bride. *Ils avaient exigé du roi de Perse qu'il se tiendrait toujours éloigné des côtes de la mer de la carrière d'un cheval* [Montesquieu, *L'esprit des lois*]. Sorte de manège découvert, dans les haras. **Terme de fauconnerie.** La carrière de l'oiseau, qui est un espace d'environ soixante toises qu'il est dressé à monter.

3. **Par extension,** une course quelconque. *Les navires qui partent pour fournir une longue carrière* [Massillon, *Prof. 2*].

4. Course ou cours des astres. Les planètes fournissant toujours la même carrière.... Le soleil étant au milieu de sa carrière. Il voulait reculer les frontières de son empire jusqu'aux lieux où le soleil finit sa carrière. *Le dieu [le soleil], poursuivant sa*

carrière, Versait des torrents de lumière Sur ses obscurs blasphémateurs [Lefranc de Pompignan, Odes, III, 1].

5. **Fig.** Champ, espace où la vie se déploie et s'exerce, où les choses s'accomplissent, où les sentiments se font jour. *Qu'ils fassent un ouvrage Riche d'inventions, de sens et de langage.... Qu'ils montrent de leur eau, qu'ils entrent en carrière* [Régnier, Satires].

6. Le cours de la vie, le temps pendant lequel on exerce une charge, un emploi, etc. *Qu'un long âge apprête aux hommes généreux Au bout de leur carrière un destin malheureux !* [Corneille, Le Cid]

7. Profession, état, étude. Choisir ou se choisir une carrière. Entrer dans la carrière politique. Faire ses premiers pas dans la carrière du gouvernement. La carrière du barreau. La carrière militaire. La carrière des armes. *Vaincu par lui, j'entrai dans une autre carrière* [Racine, Athalie].

Таким образом, первым и основным значением слова является ‘закрытое место, предназначенное для скачек’. В русский язык слово пришло во втором значении ‘самый быстрый бег лошади’. Еще четыре семемы, производные от второй: ‘бег, передвижение’, ‘движение светил’, ‘жизненное пространство’, ‘жизнь’ – в русском языке не представлены; зато последнее значение послужило основой для русского *карьер* (функционирование данной ЛЕ в русской литературе мы также рассмотрим ниже). Отметим лишь, что изначально она употреблялась русскими авторами как существительное 2-го склонения (т.е. относилась к мужскому роду): «*Но тетушка имела на него гораздо более важные виды <...> и спросила, не хочет ли он "изменить свой карьер"*». 1892. Лесков Юдоль» [цит. по: Епишкин 2010].

Что касается слова *карьер* в значении ‘каменоломня, выработка’, оно произошло от омонимичной лексемы *carrière*, представленной в словаре Littré отдельной статьей:

1. Lieu d'où l'on tire de la pierre. Ouvrir une carrière. Carrière de marbre, d'ardoise. *Une corde qui, en s'enroulant [autour d'un treuil], amène à la surface du sol une pierre taillée aux fond de la carrière* [A. Dumas, Les mille et un fantômes, § 1].

Dans l'antiquité on employait les prisonniers aux travaux des carrières. Condamner aux carrières. **Fig.** Qu'on me ramène aux carrières, se dit pour exprimer qu'on est prêt à redire ou à refaire ce pourquoi on a été mené aux carrières, on a subi un traitement injuste. Expression empruntée à ce Grec qui, à la cour de Denys le tyran, aimait mieux être ramené aux carrières d'où il sortait, que d'admirer les mauvais vers du roi. Il a une carrière dans le corps, se dit d'un homme qui a subi plusieurs fois l'opération de la taille pour des calculs, ou qui rend souvent des calculs en urinant.

2. Concrétion pierreuse dans l'intérieur de certains fruits.

3. Eau de carrière, humidité que contiennent les pierres récemment extraites de la carrière pour la bâtisse, et qui les rend plus tendres et plus faciles à tailler que lorsqu'elles ont séché à l'air.

Первая фиксация лексемы – в значении «скачка, быстрый бег лошади» относится к первой трети XIX в.:

Любопытно бы было видеть, как скачет подобная величественная толпа во весь карьер. [В.Н. Баснин. Петербургские впечатления молодого сибиряка в 1828 г. (1828)]

Данное значение последовательно функционирует в русской литературе на протяжении всего XIX столетия:

...я понеслась в карьер к квартире К*** [Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)]; *«Ну, попадись теперь кто бы ни был», думал Ростов, вдавливая шпоры Грачику, и, перегоняя других, выпустил его во весь карьер* [Л.Н. Толстой. Война и мир. Том первый (1867-1869)]; *«Модницу» заставляют делать круги всевозможными аллюрами: и тихим шагом, и рысью, и в галоп, и во весь карьер.* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина (1887-1889)]; *Сначала тихо, потом шибче, а затем, доехав до конца улицы, к выезду из слободы, – вдруг нахлестал лошадь и пустился в карьер.* [В.Г. Короленко. Феодалы (1904)]; *А дашь ему приказание – знай себе жарит, куда попало, во весь карьер.* [А.И. Куприн. Поединок (1905)]; *Стоишь, как тот болван, а на тебя казачишки во весь карьер дуют.* [А.И. Куприн. Поединок (1905)].

Первая фиксация лексемы *карьер* (ж.р.) в значении «поприще» относится к началу века:

Он человек очень добрый, но, говорят, до крайности бестолков, иначе он мог бы давно составить себе блистательную карьеру». [С.П. Жихарев. Записки современника (1806-1809)]; Поверьте, что тот дурачится, кто хочет выказываться и возбуждать зависть в начале служебной своей карьеры; он не кончит ее благополучно, если скоро не будет в отставке» [С.П. Жихарев. Записки современника (1806-1809)]; Каллиграф имел большие средства, но, к сожалению, карьера его была непродолжительна: он умер в 1780 г. [С.П. Жихарев. Записки современника (1806-1809)].

Первая фиксация слова *карьер* (м.р.) в значении «поприще» также регистрируется у Николая Алексеевича Полевого [Полевой Н.А. Делать карьер, опубликовано впервые в «Новом живописце общества и литературы», сатирическом приложении к журналу «Московский телеграф», 1830, № 19, ч. 35]:

Не я, имевший честь обещать почтенным читателям «Живописца» объяснение о том, что такое значит делать карьер, не я, но сочинитель, из которого беру эпиграф к моей статейке, может их уверить, что слово карьер и фраза делать карьер существуют в нынешнем русском языке. [Н.А. Полевой. Делать карьер (1830)]; Что такое, собственно, значит: делать карьер? [Н.А. Полевой. Делать карьер (1830)]; Карьер, перешедши к нам, имеет свой, определенный смысл в устах русского... [Н.А. Полевой. Делать карьер (1830)].

Однако приведенные нами фрагменты взяты из публицистики, рассмотрим литературу художественную:

...вы теряете всё: расположение общества, карьер, уважение друзей... попасться в историю! [М.Ю. Лермонтов. Княгиня Лиговская (1836-1837)]; Оставляя так выгодно начатый карьер из-за того только, что попался начальник не того... [Н.В. Гоголь. Мертвые души (1842)].

Колебания в роде наблюдаются у Салтыкова-Щедрина: *Никто хороший-то на такой карьер и не соблазняется. [М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки*

(1856-1857)] – однако в большинстве случаев он последовательно употребляет галлицизм во множественном числе, избегая прямого указания рода:

Других карьер также в виду не имеется. [М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856-1857)]; *...сквернословит насчет предстоящих ему карьер...* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Круглый год (1879-1880)].

Разумеется, по форме (нулевое окончание в родительном падеже множественного числа) мы можем заключить, что речь идет скорее всего о женском роде, но в случае иноязычного слова именно форма является довольно дискуссионным признаком (ср. мандарин. апельсин и др.)

В современном облике слово *карьера* впервые употреблено Ф.М. Достоевским: *И потому не только не ропщу на давешний случай, но твёрдо надеюсь на блистательнейшую из карьер* [Ф.М. Достоевский. Крокодил (1865)].

2. Также редки случаи сохранения семантического объема.

Бал (bal). Лексема *bal* имеет во французском языке одно прямое значение:

1. *Assemblée dansante. Donner un bal. Aller au bal. Bal public. Bal costumé. Bal masqué. Les bals sont très nombreux cet hiver.*

Quelle joie les dames ont eue d'apprendre que celui qu'elles ont vu triompher dans les bals fasse la même chose dans les armées ! [Voiture, Lettres]. *Donner le bal, amener les musiciens pour faire danser une compagnie. Qu'ils viennent vous donner le bal* [Molière, Les précieuses ridicules].

И несколько переносных, в основном функционирующих в устойчивых словосочетаниях и выражениях:

Ironiquement. *Donner le bal à quelqu'un, le maltraiter* ‘дурно обращаться с кем-л.’

Fig. *Mettre le bal en train, engager une discussion, exciter les esprits* ‘начинать дискуссию’

En termes de jeu, *mettre une carte au bal, jouer sur cette carte. On dit, dans un sens analogue, c'est le bal de telle carte* ‘разыгрывать карту’

Épée de bal, épée qui ne sert que pour la toilette ‘букв. Бальная шпага – парадное оружие’ ит.п.

Н.М. Яновский в «Новейшем словотолкователе» фиксирует два значения: Бал – 1) съезд, собрание, где танцуют и самый пир; 2) маленький шар, который употребляют при балотировании [Яновский, т. 1, с. 324-325]

Последующими русскими словарями иностранных слов вторая семема не фиксируется: БАЛ – франц. bal, от древнефранц. baler, balloter, танцевать, плясать. Собрание общества для танцев [Михельсон 1865]; БАЛ – званый вечер с музыкой и танцами, частный или общественный; б.-маскарад – б., на который гости являются в масках [Павленков 1907]; БАЛ – собрание для танцев; частный званый танцевальный вечер или общественный, куда входят за известную плату, или официальный, напр., дворянский, придворный и т. п. Бал-маскарад – костюмированный вечер с танцами [Попов 1907]; БАЛ – (франц. bal, от древн.-франц. baller, balloter – танцевать). Собрание многочисленного общества для танцев [Чудинов 1910].

Наиболее подробно из современных толковых словарей семантика лексемы бал представлена в Историческом словаре галлицизмов, который фиксирует семемы: ‘Праздник, собрание с танцами’, ‘Место, где происходит бал’, ‘Встреча с угощением’, ‘Помещение для гуляний молодежи зимой’, ‘Гулянье молодежи зимой’, ‘Свадьба’ [Епишкин 2010].

Однако три из представленных значений приводятся в словаре с пометой «обл.» (областное), последнее несет помету «устар. простореч.», что говорит о нормативности лишь двух первых семем. Кроме того, подавляющее большинство примеров, приводимых автором в качестве иллюстраций производных значений ЛЕ, либо неоднозначны (напр., «*Вы увидите что по желанию кузины раут обратится в бал или вернее в танцевальный вечер, который у бедных чиновников в Костроме называется подбалок. Н. Крыжановский. Дочь Алаяр-хана*» [цит. по: Епишкин 2010]), либо носят довольно окказиональный характер и, следовательно, вряд ли могут быть учтены в качестве нормативного словоупотребления. Совершенно не случайно лексикограф приводит далее выдержки из очерков В.В. Виноградова: «Норм. Балом называется собрание, в котором танцуют; называть этим словом большой обед, пирушку, ужин или даже дружескую

попойку, неправильно. Так же должно говорить на бале, а не на балу. Справочное место рус. слова 1839-1843» [цит. по: Епишкин 2010], поскольку в анализируемых нами источниках лексема употребляется только в прямом значении:

Третьего дня был бал у К**. Народу было пропасть. [А.С. Пушкин. Роман в письмах (1829)]; *Вот недавно один поручик пишет к приятелю и описал бал в самом игривом...* [Н.В. Гоголь. Ревизор (1836)]; *Печорин отправился на один бал, где должен был с нею встретиться.* [М.Ю. Лермонтов. Княгиня Лиговская (1836-1837)]; *У нас опять бал и будет красивый поручик.* [Ф.М. Достоевский. Двойник (1846)]; *...и уехал на именинный бал к стряпчему.* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856-1857)]; *...из театра на бал, в маскарад, за город с визитами, чтоб около вас друзья, шум, смех...* [И.А. Гончаров. Обломов (1859)]; *Несколько дней спустя состоялся бал у губернатора.* [И.С. Тургенев. Отцы и дети (1862)]; *Одним словом, у меня будет сначала литературное утро, потом легкий завтрак, потом перерыв, и в тот же день вечером бал.* [Ф.М. Достоевский. Бесы (1871-1872)]; *Ну-с, и в другое время неприятно, знаете, такую конфету получить, а у них, кроме того, еще бал на другой день в подгородном имени на всю губернию назначен-с.* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Петербурге (1872)]; *...на другой день идет это бал, кадрили, вальсы, все как следует, – вдруг входит Кузьма Тихоныч, подходит к хозяину и только, знаете, шепнул на ушко: аллэ!* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Петербурге (1872)]; *И такой это приятный бал был, что долгое время вся губерния о нем говорила!* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Петербурге (1872)]; *Надеть подвенечное платье и флердоранж, да и ехать на бал... ха, ха, ха!..* [А.Н. Островский. Последняя жертва (1877)]; *Княжна помогает сделать бал веселым и прекрасным.* [Л.Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]; *Разделась как на бал, – оглядывал ее Ракитин.* [Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)]; *Я-то видала бал. Третьего года Кузьма Кузьмич сына женил, так я с хор смотрела.* [Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)]; *Это был первый бал, на который Зинаида Павловна уговорила поехать свою воспитанницу.* [А.И. Куприн. Впотьмах (1892)]; *...и всё*

кажется мне, будто я лежу в долине Дагестана и снится мне бал. [А.П. Чехов. Три года (1895)]; *Это была Мисси, которая придумала предлог вызвать его вечером к себе, чтобы показаться ему в бальном платье, в котором она ехала на бал.* [Л.Н. Толстой. Воскресение (1899)]; *И музыканты пришли некстати, и бал мы затеяли некстати...* [А.П. Чехов. Вишневый сад (1904)].

Как видно из вышеприведенного, нормативное функционирование лексемы бал в литературе описываемого периода отвечает только одному значению: «танцевальный вечер», более того, некоторые примеры, выявленные нами при анализе художественных произведений, позволяют сделать вывод, что «называть этим словом большой обед, пирушку, ужин или даже дружескую попойку, неправильно» [Виноградов 1982]; авторами четко отграничиваются понятия «бал» и «обед»/«ужин», сравним:

...одному из польских генерал-адъютантов государя пришла мысль дать обед и бал государю. [Л.Н. Толстой. Война и мир. Том третий (1867-1869)]; *«Лавр Мироныч Прибытков покорнейше просит сделать ему честь – пожаловать на бал и вечерний стол по случаю помолвки дочери его Ирины Лавровны с Вадимом Григорьичем Дульчиным».* [А.Н. Островский. Последняя жертва (1877)]; *И все это было: заехал Лавр Мироныч, завез приглашение на бал и вечерний стол по случаю помолвки Ирины Лавровны с Вадимом Григорьичем Дульчиным, оборвалось сердце, и конец.* [А.Н. Островский. Последняя жертва (1877)].

Пистоль (pistole). Во французском языке основное значение лексемы связано с финансами:

1. Pièce d'or qui n'était point battue au coin de France et qui valait onze livres et quelques sous 'золотая монета стоимостью чуть более одиннадцати ливров'.

2. En France, terme de compte qui se disait de dix livres tournois, et qui se dit aujourd'hui de dix francs 'бухг. сегоднядесятьфранков'. *Je jetai cinq cents pistoles par les fenêtres de l'hôtel de ville.* [Retz, Mémoires]. Il est cousu de pistoles, se dit d'un homme fort riche 'досл. сшитыйизпистолей: обоченьбогатомчеловеке'. *Un de ces jours on me viendra chez moi couper la gorge, dans la pensée que je suis tout cousu de pistoles* [Molière, L'avare].

3. La pistole volante, pistole que la légende suppose toujours revenir à celui qui la dépense ‘неразменная монета’. Cet homme fait tant de dépense qu'on dirait qu'il a la pistole volante [Littré].

Словотолкователь Н.М. Яновского фиксирует данную единицу только в одном значении, а именно: пистоля – и пистоль – испанская монета, содержащая 4 пезодотто, равная нашим 380 4/4 коп. Пистоль в Португалии содержит 6 курсадо, т.е. 360 коп. нашими деньгами, больше и меньше смотря по курсу [Яновский, т. 3, с. 342], также как и М.И. Михельсон: ПИСТОЛЬ – франц. pistol. Золотая монета в Италии и Испании, стоящая около 5 рублей [Михельсон 1865], – и Ф.Ф. Павленков: ПИСТОЛЬ – золотая монета различной ценности в Испании, Мексике, Португалии и Бразилии (в старину также во Франции и Дании) [Павленков 1907], т.е. наблюдается частный семантический сдвиг (сема «французская» уступает место «испанской») при сохранении общего значения: *Михель не возразил мне ни слова, но проводил меня до косогора, где нас ждали лошади, и помог мне сесть в седло, а я на прощание дал ему золотой **пистоль**...* [В.Я. Брюсов. Огненный ангел (1908)]; *Я думал – колик не снесу, Вот посмеялся вволю! За вход я отдал тридцать су, Смеялся на десять **пистолей!*** М.А. Булгаков, «Жизнь господина де Мольера», 1932-1933 г.; *Кроме кольца у Володи из старины еще была – пистоль, «ишпанская пиштоль», как мы ее называли, и эту **пистоль** я, из любви к нему, взяла в свое «Приключение ...* [М.И. Цветаева. Повесть о Сонечке (1937)]. Здесь стоит отметить также, что в анализируемых нами литературных произведениях XIX в. **пистоль** в значении ‘монета’ не зарегистрирована, первая фиксация относится к началу XX столетия (см. выше). Отметим также, что современные толковые словари французского языка, в отличие от Littré, также отражают это значение ‘nom qui fut donné en France à un écu d'orespagnol du début du XVIes.’, т.е. ‘испанская золотая монета начала XVI в.’ [Larousse].

Единственная фиксация иноязычия в значении прототипа, т.е. ‘terme de compte qui s'edit aujourd'hui de dix francs’, по данным Национального корпуса

русского языка, относится к концу XX в.: *Экю равняется трем ливрам, а пистоль – десяти!* [Михаил Веллер. Хочу в Париж (1990)].

Словарь иностранных слов А.Н.Чудинова, вышедший в 1910, отражает наконец семему ‘огнестрельное оружие’, причем без пометы «устар.»: ПИСТОЛЬ – (фр. pistol). 1) золотая монета в некоторых европейских государствах = 5 р. с. 2) пистолет [Чудинов 1910].

Вэтомзначении, аналогичномфранцузскому ‘Ancienne arme, dite aussi pistolet à rouet, employée principalement par la cavalerie (XVIe et XVIIe siècles). *Dans la forêt on avait vu cinq hommes avec des pistoles.* [Malherbe, Lexique, éd. L. Lalanne]’ [Littré] лексема и функционирует в литературных произведениях с середины XIX в., в основном для придания тексту (реплике) просторечной, простонародной окраски, ср., например: *Смотрю: у Радды в руке пистоль, и она в лоб Зобару целит.* [М. Горький. Макар Чудра (1892)]; *Радда заткнула за пояс пистоль и говорит Зобару: – Я не убить тебя пришла, а мириться, бросай нож!* [М. Горький. Макар Чудра (1892)]; *Он, Верушка, как эту пистоль-то завёл, так сам три ночи заснуть не мог.* [Н.А. Тэффи. Утешитель (1910)]; *Незаряжено-то оно незаряжено, да Мишенька говорит, что в газетах читал, быдто как нагреется пистоль от солнца, так и выстрелит; и заряживать, значит, не надо.* [Н.А. Тэффи. Утешитель (1910)]; *Ох, Господи, – застонала маменька, – пистоль эту окаянную да ещё газетку какую-то!* [Н.А. Тэффи. Утешитель (1910)].

При анализе материала мы также можем констатировать, что функционирование слова **пистоль** связано с известными затруднениями в определении рода данного существительного (несмотря на однозначное утверждение толковых словарей русского языка, относящих его к мужскому роду (Д.Н. Ушаков, С.И. Ожегов), вышепротитированные фрагменты литературных произведений убеждают нас в обратном). На наш взгляд, колебания в роде здесь тесно связаны с семантикой слова: когда речь идет об оружии, наиболее частотен женский род; в случае же с «монетой» – мужской род превалирует (в данном случае речь идет как о русской художественной литературе, так и о переводной, ср. «Три Мушкетера» А. Дюма: «У **пистолей**, молодой человек, нет имени, а у

этого перстня имя есть, страшное имя, которое может погубить того, кто носит его на пальце» [А. Дюма. Три мушкетера].

Единственным найденным нами исключением из этого правила является цитата из М. Цветаевой, которая относит «гишпанскую пистоль» к женскому роду – однако не будем забывать, что получившая классическое образование Цветаева скорее всего даже не задумывалась, к какой грамматической категории отнести иноязычное слово, поскольку во французском языке *pistole* функционирует исключительно в качестве имени существительного женского рода.

Таким образом, несмотря на наличие общей семы в языке-источнике (и монета, и оружие получили свою номинацию благодаря итальянской области Пистойя, где производились изначально пистолеты, денежная же единица получила свое название посредством метафорического переноса: наименьшее по размерам оружие – наименьшая по весу монета), можно констатировать разрыв полисемии и функционирование двух разных, омонимичных ЛЕ, не связанных между собой ни в языке-источнике, ни в языке-рецепторе, что говорит нам не о вторичном заимствовании, а о сохранении семантического объема каждой из единиц.

Пика (pique). Н.М. Яновский посвящает лексеме довольно длинную словарную статью, где определяет: ‘дротик, копьё; металлическое оружие разного вида с острым концом, насаженное на длинное древко’. То же значение дает и М.И. Михельсон: ПИКА – франц. pique. Копье с длинным древком [Михельсон 1865]. В словаре А.Н. Чудинова отражено, помимо приведенного значения, устойчивое выражение ‘сделать кому что в пику, значит наперекор, на зло’ [Чудинов 1910].

С целью установления природы процессов, сопровождающих семантическую ассимиляцию данного заимствования, обратимся к словарю Littré, в котором представлено три омонимичных лексемы *pique*. Итак, первая явно послужила прототипом для значения «оружие с длинным древком» в русском языке, значительно сократив своей объем:

1. Chez les anciens, arme formée d'un long bois garni d'un fer plat et pointu. *Vous avez déjà, en animaux raisonnables et pour vous distinguer de ceux qui ne se servent que de leurs dents et de leurs ongles, imaginé les lances, les piques, les dards, les sabres et les cimenterres* [La Bruyère, XII].

2. Arme d'hast, plus courte que la lance, employée autrefois pour armer certains corps d'infanterie. Par une ordonnance de Louis XIV, le tiers de chaque compagnie d'infanterie devait être armé de piques, pour arrêter l'effort de la cavalerie. *Le maréchal de Saxe regrettait les piques.* [St-foix, Ess. Paris, Oeuv. t. IV, p. 380]. Avoir la pique basse, la croiser en avant, pour combattre. *Notre cavalerie, qu'ils attendaient derrière des haies les piques baissées, s'avança, mais n'osa jamais les joindre.* [Pellisson, Lettres historiques]. **Fig.** *J'avais, sans nul appui, le ministère et l'intérieur du roi contre moi, et dans la cour force piques baissées sur moi par la peur et la jalousie qu'on avait prise.* [Saint-simon, Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon]. Lever la pique, cesser de combattre, se rendre. **Fig.** Il a passé par les piques, se dit de quelqu'un qui s'est trouvé en plusieurs occasions dangereuses, ou qui a souffert quelque perte, quelque dommage en des affaires qu'il a eues.

3. **Terme de marine.** Négocier à la longueur de la pique, traiter à la pique, s'est dit de navires interlopes qui, dans les mers du Sud ou ailleurs, se tenant à l'abri de rochers ou d'une côte élevée, envoyaient secrètement quelques hommes à terre pour s'informer si on pouvait trafiquer en sûreté.

4. Il se dit du fer, indépendamment du bois. *Le roi Salomon fit donc faire deux cents piques d'or du poids de six cents sicles.* [Sacy, Bible, Paralip. II, IX, 15]

5. Longueur, hauteur d'une pique. *C'est un spectacle de voir les pélicans raser l'eau, s'élever de quelques piques au-dessus, et tomber le cou raide et leur sac à demi plein* [Buffon, Pélican].

Второе слово – это карточный термин: '**Terme de jeu de cartes.** Une des figures de la couleur noire. C'est du pique qu'il retourne. *Vous croyez, en votre humeur caustique, En agir avec moi comme avec l'as de pique?* [Regnard, Le joueur].

Илишь третий изомонимов дает нам: 'Brouillerie, aigreur entre deux ou plusieurs personnes. *Les aversions, les piques, les jalousies et toutes les autres causes de division.*

[Nicole, Essais, t. XIII, p. 29, dans POUGENS]’, т.е. ‘размолвка, язвительность в отношениях’. Данная статья ценна еще и тем, что здесь приводится устойчивое выражение ‘Mettreenpique, susciterunepique, unequerelle. *D'où lui vient cette humeur ? qui les a mis en pique?* [Corneille, Placeroy. II, 5]’, т.е. ‘вызывать ссору’, которое и послужило, с нашей точки зрения, прототипом для русского ‘в пику кому-л.’

Первая фиксация в художественном произведении, в значении «оружие», датируется 1793 г. (первая фиксация в письменных источниках, согласно данным Национального корпуса русского языка, почти веком ранее – 1709 г.) у Н.М. Карамзина:

В верхнем этаже спальня бога Марса: везде пики, каски, трофеи, знаки сражений и побед. [Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793)].

Далее лексема довольно частотна в литературных произведениях, в основном в военной и исторической прозе:

...коли меня пикой, когда уже мне так написано на роду, но возьми сына! [Н.В. Гоголь. Страшная месть (1831-1832)]; *Драгуны, с развевающимися флюгерами пик, выехали вперед; в пехотных ротах послышались песни, и обоз с дровами стал строиться в арьергард.* [Л.Н. Толстой. Рубка леса. Рассказ юнкера (1855)]; *Молния блеснула на остриях их пик и очень явственно осветила их фигуры.* [А.П. Чехов. Степь (1888)]; *...однако, кабы он не воткнул в себя имперских пик, – швейцарцев-то вздули бы. Мало ли таких дураков! Однако – они герои... А умники-то – трусы...* [М. Горький. Фома Гордеев (1899)]; *В битве при Лесном, поставив позади фронта казаков и калмыков с пиками, дал повеление колоть беглецов нещадно, не исключая и его самого, царя.* [Д.С. Мережковский. Петр и Алексей (1905)]; *Выкованы пики на наковальне Немврода, и рухнет башня его.* [В.Я. Брюсов. Огненный ангел (1908)]; *Кто хотя один раз лично испытал, с каким счастьем погружается душа в Бога, – не подумает никогда, что надо ковать пики или точить серпы.* [В.Я. Брюсов. Огненный ангел (1908)]; *Они поняли, в чем наше спасение, и решили преградить нам путь. «Пики к бою, шашки вон!» – скомандовал я, и мы продолжали нестись.* [Н.С. Гумилев. Записки кавалериста (1914-1915)]; *Немцы орали и вертели пики над головой.*

[Н.С. Гумилев. Записки кавалериста (1914-1915)]; *Я слышал тяжелый храп и стук копыт передовой немецкой лошади, видел всклокоченную бороду и грозно поднятую **пику** ее всадника.* [Н.С. Гумилев. Записки кавалериста (1914-1915)]; *И на **пику** нельзя поднять – переломится пика!* [М. Горький. В людях (1915-1916)]; *Потом седой, кудрявый грузин принес ему на железной **пике** полусырой пахучий шашлык...* [И.А. Бунин. Казимир Станиславович (1916)].

Первая фиксация выражения «**сделать в пику**» датируется 1817 г.:

*Тогда пришло нам в голову, не **в пику** ли капитан гишпанского фрегата **сделал** это нашему за то, что он не делал ему визита.* [Ф.П. Литке. Дневник, веденный во время кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» (Кронштадт) (1817)].

Далее отмечается у Н.В. Гоголя:

*И потом еще прибавил ему **в пику** для большей досады: «Да вот, мол, что!»* [Н.В. Гоголь. Мертвые души (1842)].

И, наконец, с середины XIX в. последовательно употребляется в литературе:

*Ославят они меня до тех пор, интригуют они, **в пику** работают!* [Ф.М. Достоевский. Двойник (1846)]; *И мы умеем подчас **действовать в пику**.* [Ф.М. Достоевский. Роман в девяти письмах (1847)]; *«Это мне она **в пику**, – подумал Чертопханов, но тут же простонал: – Ох, нет: это она со мною прощается навеки»* [И.С. Тургенев. Конiec Чертопханова (1872)]; ***В пику** темнокрылой ночи он **утраивал** освещение на северо-востоке.* [Андрей Белый. Симфония (1901)]; *Она хочет **в пику** тебе **понравиться** Дон-Кихоту своею декламациею и быть первою у него по русскому языку.* [Л.А. Чарская. Записки институтки (1901)].

В значении «**карточная масть**» лексема употребляется как Pluraliatantum:

*...кладет короля **пик** на две тысячи рублей...* [Л.Н. Толстой. Два гусара (1856)]; *...сейчас семь **в пиках** выиграл и Александра Семеныча обремизил!* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Жених (1857-1865)]; *Ну, что ж, что туз, король, – оправдывался Семен Семеныч, – а третья-то была шестерка **пик!*** [М.Е. Салтыков-Щедрин. Жених (1857-1865)]; *– Не егози, сударь, – отвечал*

Спиридон, – не было у тебя никакой шестерки пик! [М.Е. Салтыков-Щедрин. Жених (1857-1865)]; *Азамат выбросил двойку пик.* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа ташкентцы. Картины нравов (1869-1872)]; *Только назначает он три в пиках, а Семен Иванович перебивает: в таком разе я назначаю три в червах!* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия (1877-1883)]; *Чиновники казенной палаты – черви, губернское правление – трефы, служащие по министерству народного просвещения – бубны, а пиками будет отделение государственного банка.* [А.П. Чехов. Винт (1884-1885)]; *Понимаете, туз, дама-шесть на трефах, туз, десятка-третьей пик...* [А.П. Чехов. Иванов (1887)]; *И вдруг несчастье: туза пик по первой бьют...* [А.П. Чехов. Иванов (1887)]; *...а надо мне знать – у кого дама пик? Пик-пик-пик! Ты, Таня, ходила ко мне тройкой, – дама треф, дама бубен и что ещё?* [М. Горький. Трое (1901)].

Таким образом, из вышеописанного можно сделать вывод, что и в русском языке функционируют три омонимичные лексические единицы, причем две из них *пика* в значении ‘холодное оружие’ и *пика* в значении ‘назло’, пусть сочетаемость второй и ограничена рамками устойчивого выражения «сделать что-л. в пику» совпадают по грамматическим категориям рода и числа, тогда для третьей – *пики* в значении ‘карточная масть’ Pluraliatantum выступает, кроме всего прочего, еще и смысловозначительным критерием.

3. Более широкий простор для анализа представляет собой тенденция к расширению семантического объема, здесь можно выделить несколько дистантных комплексов.

а. Заимствование ЛЕ характеризуется упрощением структуры, затем увеличением числа сем.

Ведет (vedette). Обширная семантическая структура имени существительного *vedette*, *f* во французском языке насчитывает, по данным словаря Литтре, пять значений, основным из которых является ‘1. Tourelle sur un rempart servant de guérite aux sentinelles. Lieu où l'on met les sentinelles sur le rempart d'une place de guerre, ou sur les angles de quelque fortification’, т.е. «крепостная башня, служащая убежищем для часовых».

Второе значение образовалось посредством метонимического переноса:

2. Par transport du nom du lieu où l'on observe à celui qui observe, un cavalier posé en sentinelle, qui revient promptement donner avis de ce qu'il a découvert. *"Il y a des vedettes de part et d'autre, qui n'ont qu'un petit ruisseau ou qu'un petit fossé entre deux"*. [Pellisson, Lettres historiques]. Mettre en vedette, mettre un cavalier en fonction de vedette. Être en vedette, être en fonction de vedette. **Fig.** *"Dans les quatre parties du monde la religion a distribué ses milices et placé ses vedettes pour l'humanité"*. [Chateaubriand, Le génie du christianisme, ou Les beautés de la religion chrétienne] – и оно же послужило прототипом для русского *ведет* – конный караул, поставленный близ лагеря, близ крепости или близ квартиры генерала [Яновский, т. 1]. Позже данная лексема фиксируется и другими лексикографами:

ВЕДЕТ – ближайший к неприятелю пост солдат, в передовой цепи [Павленков 1907]; ВЕДЕТ – муж., франц. ближайший к неприятелю конный караул; цепь часовых со стороны неприятеля; у казаков, глаз. Ведеты двух армий, или отрядов, часто стоят в виду друг друга [Даль 1882]; ВЕДЕТЫ (франц. vedette, от итал. vedetto – стража). Отряд конного войска для караула или стражи на передовых постах [Чудинов. 1910]; ВЕДЕТЫ. См. Сторожевое охранение [Военная энциклопедия. – СПб.: Т-во И.Д. Сытина. Под ред. В.Ф. Новицкого и др.. 1911—1915].

Согласно данным этимологических словарей в русском языке лексема впервые зафиксирована в середине XVIII в.: «ведёт "конный разъезд", у Порошина, 1764 г.; см. Христиани 57; заимств. из франц. vedette, ит. vedetta; ср. Доза 742» [Фасмер 2003] – и далее последовательно функционировала в значении 'разъезд, караул': «Армия осталась еще в ружье и выставила *ведеты*. 1765. Порошин Зап. Рота расположилась, выставила *ведеты* и капитан спокойно занял свою квартиру. 1831. Маевский Мой век [цит по: Епишкин 2010].

Согласно данным Национального корпуса русского языка, довольно долгое время слово остается однозначным, функционируя преимущественно в военно-исторической прозе:

Ведеты наши были сменены; трусов наказали больно, унтер-офицера еще больнее. [Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)]; – *Не на таких нападут.* – *Помните, там уже конец ведетов* [Г.П. Данилевский. Сожженная Москва (1885)];...это французские *ведеты*, лежавшие в хлебах далеко впереди позиций, по своей инициативе, тоже узнав Суворова, открыли по нем огонь. [М.А. Алданов. Чертов мост (1925)].

Т.е. остальные значения, отраженные в словаре Littré, не были заимствованы русским языком:

3. **Terme de marine.** Cinquième foc que les grands bâtiments ont au delà de tous les autres. Petit bâtiment de guerre placé momentanément en observation, en découverte de l'ennemi ‘пятый кливер на больших судах, а также небольшое военно-разведывательное судно’.

4. Dans une lettre, la tête, la place isolée où l'on écrit le titre de la personne à qui on l'adresse. Écrire Monsieur en vedette, et non pas à la ligne. "*Dans le protocole.... il appelle le parlement Messieurs, sans vedette*". [Bachaumont, Mém. t. XXXVI, p. 279]. **Par extension**, mettre en vedette, mettre dans un écrit, d'une façon à attirer le regard, la ligne, le mot sur lequel on veut attirer le regard. Certains restaurants mettent en vedette sur leur carte les mets du jour ‘шапка письма, куда вписывается имя адресата’.

5. **Terme de théâtre.** Faveur toute spéciale de voir son nom imprimé sur l'affiche en caractères beaucoup plus gros que celui de ses camarades ‘особая честь, оказываемая актеру, когда его имя на афише напечатано более крупным шрифтом’.

Современные толковые словари французского языка приводят иную семантическую структуру лексемы *vedette*, что свидетельствует о семантическом развитии лексемы в языке-источнике:

1. Fait d'avoir le rôle principal dans une pièce, un film, etc.: Tenir la vedette. – 2. Acteur principal d'une pièce ou d'un film et dont le nom figure en tête sur le programme. – 3. Acteur, chanteur, artiste, sportif, etc., très connu du public : Vedettes du music-hall. – 4. Personne, chose dont on parle beaucoup, qui tient une place éminente: Être la vedette de l'actualité. Mannequin vedette d'une maison de couture. – 5. Mot placé en tête d'une

fiche de bibliographie ou de catalogue. – 6. Synonyme de entrée (d'un dictionnaire). – 7. Autrefois, sentinelle à cheval ou guetteur posté pour signaler la venue de l'ennemi; aujourd'hui, sentinelle chargée de la sécurité sur un champ de tir [Larousse].

Как видно, основным значением ЛЕ во французском языке становится 'главная роль в пьесе, фильме' (т.е. театральный термин, зафиксированный у Литтре, подвергнутый метонимическому переносу, вытеснил доминирующее в прошлом значение), а его производные: 'актер, исполняющий главную роль', 'известный актер, певец, художник, спортсмен', 'лицо или объект, о котором много говорят' – уже со второй трети XX века функционируют в русских текстах, правда в ином фонетико-графическом облике, представляя обширную палитру вариантности – от нетранслитерированного иноязычного вкрапления *vedette* до морфологически оформленного имени существительного I склонения с флексией -а: *Знаменитая "ведетта" мюзик-холлов*. Вертинский За кулисами 168. <...> *беседовал в парижском кафе "Шахерезада" с королями, магараджами, великими князьями, миллионерами, ведеттами*. Бабенко Вертинский 61. <...> *затейливые парикмахерские конструкции ведет и старлет*. Н. Богословский *Интересное кино 1990 80*. [цит. по: Епишкин 2010].

В художественной литературе слово зафиксировано в переносном значении «главная героиня, звезда» у Н.А. Тэффи:

*Так как на этом вечере я была **ведетта**, то такое с моей стороны уважение к таланту Северянина много подняло его в глазах публики*. [Н.А. Тэффи. *Моя летопись (1929)*].

Аллея (allée). Основным значением существительного *allée*, согласно данным словаря Littré во французском языке является 'L'action d'aller. Pour aller à cette chapelle, il faut toujours monter ; l'allée est très rude, le retour est facile. **Familièrement, au pl.** Allées et venues, courses, démarches. Il perd son temps en allées et venues. **Fig.** "La nature de l'homme n'est pas d'aller toujours ; elle a ses allées et ses venues" [Pascal, édit. Cous.], т.е. «действие от глагола идти». Производными от первого являются:

2. Passage étroit entre deux murs, conduisant du dehors dans l'intérieur d'une maison. *"J'entre dans une allée pour échapper aux spectateurs"*. [Rousseau, Julie, ou la Nouvelle Héloïse]

3. Voie entre deux rangs d'arbres. *"Aristote choisit dans le Lycée un lieu où il y avait de belles allées d'arbres"* [Fénelon, Philos. Arist.].

В третьем значении – ‘дорога между двумя рядами деревьев’ – лексема и была заимствована русским языком: **аллея**, фр – 1. В лесу просека. 2. В саду место, удобное для гулянья, простирающееся в длину и усаженное с обеих сторон деревьями [Яновский, т.1, с.99].

В том же значении ЛЕ приводится в Толковом словаре живаго великорусскаго языка В.И. Даля: АЛЛЕЯ – жен., франц. дорога, усаженная по сторонам деревьями; в лесу это просек, просека; если же деревья сажены, то просадь. От большой дороги к усадьбе идёт кленовая просадь. Аллейные дорожки, просадные, просажены, в просадях [Даль1880].

Большая часть лексикографов фиксирует, однако, только одну сему: АЛЛЕЯ – франц. allée, от aller, идти. Дорожка, обсаженная вдоль обеих сторон деревьями [Михельсон 1865]; АЛЛЕЯ – дорога, обсаженная по обеим сторонам деревьями или кустарником [Попов, 1907]; АЛЛЕЯ – дорожка, обсажен. деревьями [Павленков 1907]; АЛЛЕЯ – (фр. allée, от aller – идти). Дорожка, обсаженная с обеих сторон деревьями [Чудинов 1910]. Лишь в Большом толково-фразеологическом словаре Михельсона фиксируется переносное значение: Аллея (иноск.) длинный рядъ чего-либо, вообще (намекъ на рядъ деревьевъ), а также – люди, гуляющіе въ нихъ.

Ср. *Какой это паркъ съ аллеями стриженныхъ липъ?* [И.С. Тургенев. Призраки. 20].

Ср. *Вдали зрѣть можетъ за собой*

Аллею подвиговъ прекрасныхъ. Державинъ.

Ср. *Всѣ говорили вслухъ... Аллеи кипѣли и шумѣли; на скамьяхъ обнимались... на Царицыномъ лугу народъ роился.* И.И. Лажечниковъ. Ледяной домъ. 1, 3 [А.Д. Михельсон 1896-1912].

Впервые, согласно данным Национального корпуса русского языка, единица фиксируется в художественной литературе в середине XVIII в. у М.Д. Чулкова:

*Спустя очень мало времени все деревья неопisanного сего сада при корнях загорелись, и разноцветный огонь поднимался от часу выше, даже до самой вершины оных; у стоящих по **аллеям** статуй открылись урны, которые они в руках держали, и начало из них пыхать благовоние; словом, везде было освещено и везде наполнено ароматами; всё играло и всё старалось утешить Силослава.* [М.Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766-1768)].

Мы умышленно приводим максимально широкий контекст, поскольку из него становится ясно, что лексема пришла в русский язык именно в том значении, которое отражено словарями: ‘дорожка, обсаженная деревьями’ – и в нем же последовательно употребляется у Н.М. Карамзина:

*...самая густая **аллея** в саду его, которая, после Юлии, сделалась ему всего милее* [Н.М. Карамзин. Юлия (1796)].

- и далее в литературе рассматриваемого периода:

*Старинный сад с его стриженными липами, четверугольным прудом и правильными **аллеями** ему не понравился...* [А.С. Пушкин. Дубровский (1833)]; *Солнце, вступивши на полдень, жарило всею силою лучей, но под темными густыми **аллеями** гулять было прохладно, и цветы, пригретые солнцем, утроили свой запах.* [Н.В. Гоголь. Коляска (1835)]; *Желая пройти несколько пешком по прекрасной тенистой **аллее**...* [Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)]; *Я углубился в виноградную **аллею**, ведущую в грот; мне было грустно.* [М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)]; *Кусточек ли, **аллея**, полоса воды – уж вы тут; так и стоите передо мной, охорашиваясь, и все в глаза мне заглядываете, точно вы мне свои владения показывали.* [Ф.М. Достоевский. Бедные люди (1846)]; *Помните наши утренние прогулки в саду, по липовой **аллее**, перед завтраком?* [И.С. Тургенев. Провинциалка (1851)]; *Внизу по тенистым пахучим **аллеям** белых акаций ходили и сидели уединенные группы* [Л.Н. Толстой. Севастопольские рассказы / Севастополь в мае (1855)]; *Он пошел по той **аллее**, где было объяснение, и застал ее там, на скамье, недалеко*

от того места, где она сорвала и бросила ветку. [И.А. Гончаров. Обломов (1859)]; *Помните сад? Помните липовую аллею?* [А.Н. Островский. Грех да беда на кого не живет (1862)]; *На променаде, как здесь называют, то есть в каштановой аллее, я встретил моего англичанина* [Ф.М. Достоевский. Игрок (1866)]; *Сад обширный около обоих домов, содержащийся в порядке, с темными аллеями, беседкой и скамьями* [И.А. Гончаров. Обрыв (1869)]; *Иду я по той аллее и издали вижу: стоит человек, разиня рот и вытаращив глаза; шляпа на затылке* [А.Н. Островский. Бешеные деньги (1869)]; *...прямо напротив дома возвышались большим сплошным четырехугольником липовые скрещенные аллеи.* [И.С. Тургенев. Новь (1877)]; *Да погоди, он в саду; поди в аллею, я сейчас с ним поговорю.* [А.Н. Островский, Н.Я. Соловьев. Дикарка (1880)]; *Эти аллеи, защищенные от солнца сводом из зеленых, сплетающихся ветвей старушек-лип, знают меня...* [А.П. Чехов. Драма на охоте (1884)]; *При повороте на главную аллею, усыпанную щебнем, мы встретили похоронную процессию* [А.П. Чехов. На кладбище (1884-1885)]; *Наконец он так решительно отстранил Януша, что тот не посмел более надоедать ему; отец повернул в боковую аллею, а я побежал к калитке.* [В.Г. Короленко. В дурном обществе (1885)]; *В смолкших аллеях, отзывавшихся только шепотом буков и сирени, слепому чуялись отголоски недавних разговоров.* [В.Г. Короленко. Слепой музыкант (1886-1898)]; *...таинственным казался этот крик и таинственно стояла темнота в аллеях...* [И.А. Бунин. На хуторе (1892)]; *Солнечные лучи, пробившись сквозь густую чащу липовой аллеи, ложились на песке дорожки круглыми движущимися пятнами.* [А.И. Куприн. К славе (1894)]; *Потом я повернул на длинную липовую аллею.* [А.П. Чехов. Дом с мезонином (1896)]; *Машинально он свернул в калитку и, пройдя длинную аллею лип, занесенных снегом, опустился на низкую садовую скамейку.* [А.И. Куприн. Чудесный доктор (1897)]; *Длинная еловая аллея, в конце которой видна река* [А.П. Чехов. Три сестры (1901)]; *Грустно глядя в глубь уходящей густой аллеи, он вдруг заметил, что сентиментальные слезы щиплют ему глаза* [А.И. Куприн. Яма (1909-1915)]; *Только для первого и второго rendez-vous допустима большая аллея* [Н.А. Тэффи. К теории флирта (1910)];

Окказионально лексема может функционировать в значениях ‘деревья, ряд деревьев’:

...либо дороги аллеями обсадит, либо пожарную трубу выпишет, либо предпишет разводить картофель... [М.Е. Салтыков-Щедрин. Помпадурсы и помпадурши (1863-1874);]

- либо ‘проход, галерея’:

С этим словом она встала и вошла в крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась к Анне Власьевне, исполненная радостной надежды. [А.С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)]; *Только сквозь широкие чугунные ворота, похожие своей причудливой резьбой на кружево, можно было рассмотреть уголок свежего, точно зеленый яркий шелк, газона, круглые цветочные клумбы и вдали, на заднем плане, крытую сквозную аллею, всю обвитую густым виноградом.* [А.И. Куприн. Белый пудель (1903)].

В значении ‘длинный ряд чего-л.’ фиксируется у Куприна:

Сейчас же при входе в загородный кафешантан сияла разноцветными огнями искусственная клумба, с электрическими лампочками вместо цветов, и от нее шла в глубь сада такая же огненная аллея из широких полукруглых арок, сужавшихся к концу [А.И. Куприн. Яма (1909-1915)].

Пистолет (pistolet). По данным словаря Яновского, лексема вошла в русский язык со значением ‘оружие огнестрельное, подобное ружью, но у коего ствол весьма короток, употребляемое наиболее конницею по причине удобства стрелять из него одною рукою; употребляются они так же с великою пользою на кораблях во время abordage и в пороховых подкопах. – Первые пистолеты изобретены в Пистоле в герцогстве Тосканском, от чего и название свое получили. Германцы начали употреблять пистолеты прежде французов’ [Яновский, т. 3, с. 342].

Рассмотрим семантическую структуру прототипа, предлагаемую словарем Littré. Первым значением является ‘Pistolet à rouet ou pistole, nom d'une ancienne arme courte employée principalement par la cavalerie aux XVIe et XVIIe siècles ; cette

arme portait une platine à rouet’, т.е. ‘пистоль, название старинного короткого оружия, употребляемого преимущественно кавалерией в XVI-XVII вв.’

Вторым значением прототипа, согласно словарю Littré, является ‘Aujourd'hui, la plus courte des armes à feu portatives; fait partie de l'armement de la marine et des troupes à cheval’, т.е. ‘наиболее короткое из всех типов переносного огнестрельного оружия, состоит на вооружении флота и кавалерии’ – и его многочисленные производные (гладкоствольный пистолет пистолет с нарезным стволом, кавалерийский пистолет, карманный пистолет, стрелять из пистолета и пр.):

Pistolet lisse; pistolet rayé; dans ce dernier, la surface intérieure de l'arme présente des rayures en hélice, destinées à communiquer à la balle un mouvement de rotation. M. de Nemours força presque M. de Beaufort à se battre ; il y périt sur-le-champ d'un coup de pistolet à la tête [Retz, Mémoires]. Pistolet d'arçon, grand pistolet qui se porte à l'arçon de la selle. Pistolet de poche, pistolet assez petit pour être mis dans la poche. Le cher correspondant est supplié de vouloir bien faire mettre à la poste tous ces petits pistolets de poche [petits écrits] [Voltaire, Correspondance].

Практически все эти выражения вошли в русский язык (ср., напр.:

*...француз в одной руке держал карманный **пистолет*** [А.С. Пушкин. Дубровский (1833)]; *«У меня был маленький карманный **пистолет**»* [Ф.М. Достоевский. Идиот (1869)], за исключением переносных, как, например:

Faire le coup de pistolet, se dit d'un cavalier qui sort des rangs et va défier quelqu'un des ennemis ‘говорят о всаднике, покинувшем строй с целью бросить вызов неприятелю’. Faire le coup de pistolet, s'est dit aussi pour combattre dans la cavalerie ‘сражаться в кавалерии’. Il se vantait, et, je crois avec vérité, qu'il avait fait le coup de pistolet avec le grand Gustave, roi de Suède, et le brave Christian, roi de Danemarck [Retz, Mémoires]. Fig. Il a tiré son coup de pistolet, il a dit son mot dans une discussion, dans une dispute ‘сказать свое слово в споре’; il a dit quelque chose de vif, de piquant. Il s'en est allé après avoir tiré son coup de pistolet. Fig. Tirer des coups de pistolet dans la rue, chercher à attirer l'attention par des paradoxes ‘пытаться привлечь внимание’. Si ses yeux étaient des pistolets, il le tuerait, se dit d'un homme qui lance à un autre des regards menaçants [Littré].

Остальные значения русскими лексикографами XIX в. не зафиксированы:

3. Pistolet de Sancerre, fronde, ainsi dit parce que les Sancerrois, assiégés peu après la Saint-Barthélemy, se défendirent à coups de fronde, manquant d'armes à feu 'праща'.

4. Fig. et populairement. Il se dit d'un original, d'un homme fort bizarre. Drôle de pistolet ! 'оригинал, странный человек'

5. Terme de physique. Pistolet de Volta, petit vase cylindrique en fer-blanc verni ou en laiton, portant une armature sur une de ses parois, qu'on remplit de gaz détonant et qu'on décharge ensuite à l'aide d'une étincelle électrique 'пистолет Вольта'.

6. À Bruxelles, nom des petits pains au lait qu'on prend au déjeuner 'булочка'.

7. Instrument avec lequel le parcheminier retourne le fil d'un fer à raturer. Chaudron pour chauffer la matière du papier 'инструмент для вытягивания проволоки'.

8. Terme de marine. Pistolet d'amure, pièce de bois saillante qui sert à amurer la misaine 'инструмент для выравнивания галса'.

9. Outil de mineur, espèce de trépan qu'on nomme aussi fleuret 'бур'.

10. Feuille de bois mince, découpée en forme de gabarit, dont certains dessinateurs se servent pour tracer des courbes qui passent par des points déterminés d'avance 'клише'.

Сравним с данными словарей иностранных слов русского языка: ПИСТОЛЕТ – франц. pistolet. Самое короткое огнестрельное оружие, изобретенное в XVI столетии в городе Пистоли [Михельсон 1865]; ПИСТОЛЕТ – короткое огнестрельное оружие, вытесненное револьвером (Павленков 1907); ПИСТОЛЕТ (фр. pistolet). Короткое огнестрельное оружие, из которого стреляют одною рукою: название свое получил от города Пистоия в Италии, где был изобретен в XVI в. [Чудинов 1910].

В литературе единица также функционирует лишь в одном значении:

Пистолет у него торчал из бокового кармана. [А.С. Пушкин. Повести покойного Ивана Петровича Белкина / Выстрел (1830)]; *Я заткнул за пояс пистолет и вышел.* [М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)];

Базаров бросил пистолет в сторону и приблизился к своему противнику. [И.С. Тургенев. Отцы и дети (1862)]; Одной рукой он держался за левый бок, другой сжимал опущенный пистолет. [Л.Н. Толстой. Война и мир. Том второй (1867-1869)]; Складная шляпа, братец, два парика, пистолет тут у меня хороший, у черкеса в карты выиграл в Пятигорске [А.Н. Островский. Лес (1871)]; Сергей Сергеич дает ему пистолет, ставит себе стакан на голову и отходит в другую комнату, шагов на двенадцать. [А.Н. Островский. Бесприданница (1879)]; Для пуганья воров Лефоше не годится, мсье, потому что он издает негромкий, глухой звук, а я предложил бы вам обыкновенный капсульный пистолет Мортимера, так называемый дуэльный... [А.П. Чехов. Мститель (1887)].

Толковый словарь русского языка XX в. фиксирует ЛЕ в том же единственном значении: ПИСТОЛЁТ, -а, муж. Короткоствольное ручное оружие для стрельбы на коротких расстояниях [Ожегов 1973]; в «Толковом словаре Ушакова» отражена еще одна семема: ПИСТОЛЁТ, пистолета, муж. (франц. pistolet). 1. Короткое ручное огнестрельное оружие. Однозарядный пистолет. Автоматический пистолет. «В руке не дрогнет пистолет.» Лермонтов. 2. Озорной мальчишка, мальчик-хулиган (прост.) [Ушаков 1940].

Трудно сказать с большой степенью уверенности, обусловлена ли активизация данного значения оригинальным ‘Il se dit d'un original, d'un homme fort bizarre’, нам представляется, что в большей степени расширение семантического объема обязано развитию вторичных значений непосредственно в принимающем языке, однако сам метафорический перенос «предмет – человек», по всей вероятности, был заимствован из французского языка, в силу довольно активного функционирования вкрапления *drôle de pistolet* ‘чудак’, ср.:

«Старуха не спросила, как о нем сказать, но он узнал от нея, что "*drôle de pistolet*" спит до первого часа и тотчас уходит. Бобор. Солидн. добродетели 277. *Но несправедливая судьба, перед которой, вероятно, очень много нагрешил такой невинный и веселый пистолет, как Нельгин, готовила ему серьезное испытание. Куприн Храбрые беглецы [цит. по:Елишкин 2010].*

в. ЛЕ заимствуется в нескольких значениях, в дальнейшем еще более расширяя семантическую структуру.

Марш (marche). В «Новейшем словотолкователе» Яновского (т. 2.) приведена словарная статья, посвященная глаголу маршировать: идти вперед, подвигаться нога в ногу, по такту играемого музыкантами марша, – откуда мы видим, что сама лексема марш была вполне распространена в русском языке начала XIX в. Вопрос же ее семантического наполнения и его эволюции не столь прост. Рассмотрим структуру лексических значений слова во французском языке, представленную словарем Littré:

1. Mouvement de celui qui marche. La marche s'exécute par une série de pas, dont la succession plus ou moins prompte et le plus ou moins de longueur la rendent ou lente ou rapide. Ralentir, retarder, accélérer sa marche. *C'est en vain qu'à travers des bois, avec sa cavalerie toute fraîche, Bek précipite sa marche pour tomber sur nos soldats épuisés* [Bossuet, Oraisons funèbres]. **Terme de chasse.** Se dit des vestiges de la loutre ou du cerf, comme pieds, fuie, etc.

2. L'action de marcher, par rapport à la distance ou à la durée. Nous avons été huit jours en marche. Il y a d'ici là trois heures de marche. Faire une longue marche.

3. Mouvement des troupes, des armées. La marche des colonnes. *Que de campements, que de belles marches, que de hardiesse, que de précautions, que de périls, que de ressources!* [Bossuet, Oraisons funèbres]. Dérober sa marche à l'ennemi, exécuter un mouvement à l'insu de l'ennemi. **Fig.** Cacher sa marche, cacher les mesures qu'on prend pour quelque affaire, pour quelque entreprise. Marche forcée, par opposition à marche ordinaire, marche que l'on fait en forçant le pas, avec une extrême diligence. Fausse marche, se dit quand, feignant de marcher d'un côté, on tourne de l'autre. Marche de flanc, marche qu'un corps de troupes fait par le côté d'un de ses flancs. *Une lettre de Berthier à Kutusof, datée du premier jour de cette marche de flanc, fut à la fois une dernière tentative de paix et peut-être une ruse de guerre* [Séguir, Histoire de Napoléon et de la Grande-Armée pendant l'année 1812]. Bataillon de marche, bataillon que l'on forme avec des hommes appartenant à différents corps et qui n'est organisé que pour les conduire à leur destination. *Il [Napoléon] compte sur les*

détachements qu'envoient les dépôts, sur les malades et les blessés rétablis, sur les traînards ralliés et formés à Vilna en bataillons de marche [Séguir, Histoire de Napoléon et de la Grande-Armée pendant l'année 1812]. Sonner, battre la marche, donner aux troupes le signal de se mettre en marche. L'espace moyen qu'une troupe parcourt en une journée. *Tout à coup, au milieu du jour, il tourna subitement à droite avec son armée, et gagna en trois marches et à travers champs la nouvelle route de Kalougha.* [Séguir, Histoire de Napoléon et de la Grande-Armée pendant l'année 1812]. Gagner une marche sur l'ennemi, le devancer de quelque temps; et **fig.** obtenir sur son adversaire un avantage de temps et de position.

4. **Terme de marine.** Vitesse progressive d'un navire sous l'impulsion des rames, du vent ou de la vapeur. Disposition ou facilité qu'a un navire à faire plus ou moins de chemin avec telle voilure ou sous telle allure. Ordre de marche, ordre dans lequel les bâtiments de guerre se placent en faisant route.

5. Cérémonie solennelle dans laquelle un cortège, un convoi parcourt un certain espace. Marche triomphale. *Ce roi parut après une longue marche de prisonniers et de dépouilles* [Fontenelle, Candaule et Gygès.]. Fermer la marche, clore la marche, être à la queue d'un cortège, d'une procession, etc. *On vit passer [à Moscou], sous sept arcs magnifiques, l'artillerie des vaincus [Suédois], leurs drapeaux.... les soldats, les officiers, les généraux, les ministres prisonniers tous à pied.... les vainqueurs à cheval fermaient la marche, les généraux en tête, et Pierre à son rang de général major* [Voltaire, Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand]. **Par extension,** fermer la marche se dit de ceux qui sont les derniers d'une bande qui chemine. Ils étaient en tête, et nous fermions la marche.

6. Convoi. *La mortalité prodigieuse des ouvriers [travaillant à Versailles], dont on remporte toutes les nuits, comme de l'hôtel-Dieu, des charrettes pleines de morts ; on cache cette triste marche pour ne pas effrayer les ateliers* [Sévigné, 12 oct. 1678].

7. Voyage. *J'ai une envie extrême de savoir de vos nouvelles, et comme vous vous trouvez de la tranquillité et de la longueur de votre marche.* [Sévigné, t. XI, p. 10, éd. RÉGNIER.]

8. La marche des astres, des corps célestes, leur mouvement réel ou apparent. *Le soleil par deux fois a, d'un tropique à l'autre, Éclairé dans sa marche et ce monde et le nôtre* [Voltaire, *Alzire*, ou *Les américains*].

9. La marche d'une montre, d'une pendule, la manière dont elle se conforme au mouvement effectif des corps célestes qui marquent les heures. La marche d'une montre marine est la variation journalière de cette montre. *De fréquentes relâches [du navire] mettaient à portée de vérifier la régularité de la marche des montres marines* [Condorcet, *Courtanvaux*].

10. **Terme de musique.** Marche harmonique, marche de l'harmonie, la succession des différents accords, et la manière dont la modulation passe d'un ton à un autre.

11. Au jeu d'échecs, mouvement particulier de chaque pièce. La marche du roi. La marche insidieuse du cavalier. Il se dit aussi des autres jeux. La marche du jeu de dames, du whist, etc.

12. **Fig.** Conduite, manière d'agir, de procéder. Il cache habilement sa marche. La marche de la nature. *Une forte constitution et une santé ferme secondaient parfaitement la marche vigoureuse de son esprit et le soutinrent jusque vers la fin de sa vie.* [Mairan, *Éloge de Halley*]. *La marche du siècle, le progrès que chaque siècle fait spontanément dans les voies de la civilisation. De tels changements dans les idées et dans les rôles, au sein d'une population aussi prompte à perdre ses illusions qu'à les adopter, étaient l'oeuvre d'un seul homme [Napoléon 1er] doué du génie le plus audacieux, plus remarquable encore par sa sagacité et son discernement que par son audace, qui avait espéré pouvoir arrêter la marche du siècle présent, et qui y était parvenu pour quelques années.* [MOLLIEN, *Mémoires d'un ministre du trésor*, I, 30 et 31]. La marche d'un poème, d'un ouvrage, etc. le progrès de l'action dans un poème, la progression des idées dans un ouvrage. La marche du style, d'une phrase, la manière dont le style, une phrase procède. *Le français, par la marche naturelle de toutes ses constructions et aussi par sa prosodie, est plus propre qu'aucune autre langue à la conversation.* [Voltaire, *Dictionnaire philosophique*]. **Terme de peinture.** Se dit de la manière dont procède le crayon ou le pinceau, de l'ordre dans lequel se présentent les figures, les groupes, les masses d'ombre et de lumière, la suite des plans d'un tableau.

13. Air de musique qui règle et anime la marche soit de troupes, soit de tout autre corps. La marche des Gardes-Françaises. La marche funèbre de la symphonie héroïque de Beethoven. Il y a dans l'Alceste de Gluck une très belle marche religieuse. *Il y avait une distinction à faire et qu'on n'a point faite, entre les musiques convenables à la troupe en parade, et celles qui lui conviennent en marchant, et qui sont proprement des marches* [Rousseau, Sur la mus. milit.]. Par **extension**, air de musique qui a le mouvement d'un air militaire.

14. Partie d'un escalier sur laquelle on pose le pied pour monter ou pour descendre. *Et comme une victime aux marches de l'autel, Il semblait présenter la gorge au coup mortel* [Corneille, Horace]. Marches gironnées, celles des quartiers tournants des escaliers ronds ou ovales. La marche d'angle, est celle qui est la plus longue d'un quartier tournant. Marche de demi-angle, la marche qui précède et celle qui suit la marche d'angle. Marche dansante, celle qui est plus large d'un bout que de l'autre, dans les parties tournantes d'un escalier. Marches moulées, marches bordées d'une moulure. **Fig.** Être sur les marches du trône, se dit d'un prince appelé par sa naissance à remplacer celui qui règne.

15. Les tourneurs et les tisserands appellent marche, le morceau de bois sur lequel ils mettent le pied, pour faire aller leur travail. Les marches d'un métier à toile.

16. **Terme d'organiste.** Ce qu'on touche avec les pieds et qui fait résonner les pédales. Les marches, les touches de la vielle.

17. **Terme de teinturier.** Marche en gris, action de soumettre le coton au garançage, immédiatement après qu'il a reçu les apprêts huileux et les mordants de galle et d'alun; ce qui lui donne une couleur grise. Marche en jaune, action de soumettre le coton au garançage, après qu'il a passé une seconde fois par les apprêts huileux et les mordants, ce qui lui donne une couleur jaune.

18. Sorte de tissage. Des taffetas figurés à la marche, rayés en long et à travers, mouchetés, et avancés, tapis figurés, etc. Statuts des marchands de draps d'or, 9 sept. 1667, art. 53.

19. Marche ! Commandement militaire d'exécution pour : en marche [Littré].

Как видно из вышеприведенного, лексическое значение существительного *marche* во французском языке примерно соответствует русскому *ход*, *движение* (ср. *marcher* – *идти*, *ходить*), однако, в силу большей имплицитности французского языка, подразумевает более широкое семантическое наполнение. Так, первые два значения: ‘*движение идущего*’ и ‘*действие ходьбы, перемещение во времени и пространстве*’ – являются прямыми значениями данной лексемы, тогда как для остальных характерна большая или меньшая степень метафоризации и специализации: это и ‘*передвижение войск*’, и ‘*скорость судна*’, и ‘*торжественная церемония, сопровождаемая перемещением войск или почетного караула*’, и сам ‘*почетный караул либо конвой*’, и ‘*движение небесных светил*’, и ‘*ход часов*’, и шахматный термин, обозначающий ‘*передвижение той или иной фигуры*’ (ср. рус. *ход конем*). Кроме того, среди значений данного слова значатся и ‘*поведение, манера вести себя*’, а также ‘*последовательность аккордов в музыкальном произведении*’, ‘*развитие действия художественного произведения*’, ‘*манера работы художника*’ и другие терминологические значения, свойственные различным профессиональным подъязыкам: от токарей до красильщиков тканей.

Из этой палитры значений словарями иностранных слов русского языка XIX – начала XX в. фиксируются: *МАРШ* – франц. *marche*; этимологию см. *маршировать*. а) Торжественный ход войск. б) Музыка для этого хода. с) Вперед! [Михельсон 1865]; *МАРШ* – 1) торжественное, мерное шествие войска; 2) музыка (пьеса) для этого хода; 3) команда, означающая: «вперед!» [Павленков 1907]; *МАРШ* – 1) мерное движение войска в строгом порядке и расположении; форсированный м. – ускоренное движение; 2) музыкальное произведение с таким счетом, что счет шагов с ним совпадает, и потому идти бывает легче; 3) команда, приказание, которое выкрикивает начальник части, означает, что нужно начать движение [Попов 1907]; *МАРШ* – (франц. *marche*; этим. см. *маршировать*). 1) торжественный ход войск. 2) то же, что поход. 3) военная музыка, под которую маршируют войска. 4) вперед (восклицание). 5) в лестницах, часть со ступеньками соединяющая площадки [Чудинов 1910].

Как видим, максимальное количество семем зарегистрировано в словаре Чудинова (1910), где отражены два значения, не зафиксированные более ранними словарями: 'поход' и 'часть лестницы, соединяющая площадки'.

Согласно данным Национального корпуса русского языка, лексема впервые зарегистрирована в 1709 г.:

*А потом его светлость паки к главной армии возвратился, генералу же лейтенанту Ренцелю веле продолжать **марш** к Полтаве, по которого прибытии ретировался генерал-маеор Розе с тремя при нем бывшими полками в сделанные перед городом от неприятеля крепости и шанцы; но оной от помянутого генерала-лейтенанта Ренцеля тамо атакован и по кратком учиненном супротивлении принужден со всеми при нем будущими людьми на дискрецию здатца* [«Обстоятельная реляция» о Полтавской битве (1709)].

Далее фиксируется с достаточной степенью регулярности в военных отчетах (реляциях), переписке, мемуарах и военной прозе именно в этом значении, т.е. «движение войска в строгом порядке и расположении». Исторический словарь галлицизмов русского языка переносит дату первой фиксации на четыре года ранее, ср.: «МАРШ -а, м. marchef. > Marsch. 1. воен. Походное движение войска (сушей или морем), поход обычно с доп, указывающим направление или цель движения. *Генерал Чамберс с тремя пехотными ... полками **марш** свой взяли на Друю. Пох. журн. 1705*» [Епишкин 2010].

Однако и здесь следует отметить, что первое и основное значение, с которым лексема пришла в язык-рецептор, остается неизменным. Время фиксации слова в прочих значениях, тем не менее, не слишком отдалено: 'Дневной переход' (1713), 'Сигнал к походу или походная музыка'(1715), 'Торжественное шествие' (1715), 'Музыкальная пьеса'(1731), 'Часть лестницы между двумя площадками' (1790) [там же].

Обратим внимание, что значение 'дневной переход' во французских словарях вообще не зарегистрировано, лишь в позднейших редакциях словаря Larousse отражена близкая, но более узкая по значению семема: '**Militaire**.

Étape que par court un troupe sans s'arrêter 'воен. путь, который войско проходит без остановки', т.е. вполне вероятно, что расширение семантического объема лексемы обусловлено в данном случае не вторичным заимствованием, а семантическим развитием на почве принимающего языка.

Также стоит отметить, что значение 'часть лестницы между двумя площадками' возникло у лексемы далеко не сразу: первоначально, как это очевидно из приведенного Историческим словарем галлицизмов примера, марш коррелировал скорее с оригинальным французским значением 'ступенька': *возвышенный пол в два марша* [там же].

И, наконец, наиболее поздняя фиксация значения лексемы как междометия: 'команда для начала строевого движения' (1800) [там же].

В анализируемых нами произведениях русской литературы лексема употребляется в следующих значениях:

1. Походное движение войска.

Двое суток я не спала и не ела, непрерывно на марше [Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)]; *...перейдя мост в Вене, усиленным маршем или на Цнайм* [Л. Н. Толстой. Война и мир. Том первый (1867-1869)].

2. Дневной переход.

Скорыми маршами едем мы в глубь России [Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)]; *Марши наши довольно велики; я почти всякий раз выезжаю в ночь, приезжаю на место около полудня* [Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)].

3. Команда для начала строевого движения.

«Справа по три марш!» [Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)]; *При команде: «С места! марш! марш!»* [Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)]; *Гринев, узнав от него об нашей опасности, велел садиться, скомандовал марш, марш в галоп – и, слава богу, прискакал во время.* [А.С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)]; *Левое плечо вперед, шагом марш!* – *скомандовали впереди.* [Л.Н. Толстой. Война и мир. Том третий (1867-1869)].

Примерно с середины XIX в. междометие марш приобретает более широкое значение и употребляется скорее как команда к началу любого действия вообще:

...ну, за это надевай же шляпку да и **марш** к нам на квартиру! [М.Е. Салтыков-Щедрин. Брусин (1847-1848)]; *Стыдись! Марш оба! Васильевна и Аполлон уходят.* [И.С. Тургенев. Провинциалка (1851)]; *Тут смеяться нечего, а коли говорю, что убирайся, так марш!* [Л.Н. Толстой. Отрочество (1854)]; *Вишь, поганец, тоже жениться хочет, подлец! Ну вот подхватила я эту шаль в охапку, да я марш к Шишанчиковым.* [А.Н. Островский. Старый друг лучше новых двух (1860)]; *Посижу в кустах до свету, и марш.* [А.Н. Островский. Лес (1871)]; *Я вам не Раиса Павловна; у меня все по струнке будете ходить, а то и марш со двора.* [А.Н. Островский. Лес (1871)].

4. Музыкальное произведение:

Пленный танцмейстер ... услаждал скуку зимнего вечера, наигрывая старинные шведские марши. [А.С. Пушкин. Арап Петра Великого]; *Григорий Александрович улыбнулся и стал насвистывать марш.* [М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)]; *С торжественным победным маршем сливалась песня.* [Л.Н. Толстой. Война и мир. Том четвертый (1867-1869)].

5. Торжественное шествие:

Потом все в сад, а музыка чтоб впереди, да так по всем дорожкам маршем; потом опять домой да песни, а там опять маршем. [А.Н. Островский. За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Бальзамина) (1861)]; *...войска стали проходить мимо его церемониальным маршем.* [Л.Н. Толстой. Война и мир. Том первый (1867-1869)].

Отмечаются также окказиональные значения имени существительного *марш*, например:

Ну можно ли было предполагать, когда, помните, Чичиков только что приехал к нам в город, что он произведет такой странный марш в свете? [Н.В. Гоголь. Мертвые души (1842)].

Исторический словарь галлицизмов фиксирует данное словоупотребление как ‘перен., окказ. Шум, переполох, сумятица’ [Елишкин 2010].

План (plan). «Словотолкователь» Н.М. Яновского фиксирует два значения:

1. В архитектуре чертеж, начертание основы, строения по мере его длины и

ширины, означаемых на бумаге. он изображает горизонтально и плоскоразрезанными стены, простенки, долготу и широту покоев, окон, дверей, печей, строения и положения места. 2. В переносном смысле предначертание, расположение какого сочинения или работы, так же намерение, предмет [Яновский, т. 3, с. 352].

Толкование М.И. Михельсона более лаконично: ПЛАН – лат. *planum*, от *planus*, ровный, гладкий. Чертеж; предположение, намерение [Михельсон 1865]; М. Попов практически повторяет статью «Словотолкователя»: ПЛАН – 1) начерченный снимок местности, здания и т. п., дающий точное представление о направлениях, взаимном расположении линий и расстояниях действительности, т. е. участка земли, постройки и т. п.; 2) программа, определенное соответствие частей одного целого, расположение действий, расстановка и т. д., нпр., план повести, рассказа, план военной кампании [Попов 1907]. В словаре иностранных слов Ф.Ф. Павленкова, датированном тем же 1907 г., отражено еще одно значение: ПЛАН – 1) точный снимок на бумаге, по известному масштабу, здания, местности и т. д.; 2) *в живописи. – место, занимаемое в картине тою или иною подробностью, смотря по важности её (на первом, на втором, на заднем плане) (курсив наш – А.А.)*; 3) программа какого-либо сочин. (план романа, повести, драмат. произвед. и т. д.) или образа действий (между прочим план кампании и др.) [Павленков 1907]; та же структура приводится и А.Н. Чудиновым: ПЛАН (лат. *planum*, от *planus* – ровный, гладкий). 1) чертеж, изображение предмета на бумаге в малом виде. 2) в живописи: расстояние предметов одного от другого. 3) фигурально: общее распределение какой-либо работы, соображения, намерения, проект; план действия, напр. в военном искусстве [Чудинов 1910].

Приведем для сравнения словарную статью из словаря Littré:

1. Surface plane. La surface de la terre n'est pas ce qu'elle nous semble, un plan.

Terme d'exploitation. Plan de joints, surface des couches dans les roches stratifiées.

2. Surface qu'on suppose passer dans tel ou tel sens déterminé, et à laquelle on rapporte différentes directions. **Terme de physique.** Plan de réfraction, plan qui passe par le rayon incident et le rayon réfracté. **Terme d'artillerie.** Plan de tir, plan vertical

passant par l'axe d'une arme à feu. Plan d'eau, le niveau de l'eau d'une rivière. *La hauteur des ponts au-dessus du plan d'eau [sur le canal de Lunel] est, au minimum, de 4m, 30.* [E. Grangez, Voies navigables de France, p. 350]. *Plan d'un glacier, la partie élevée et à peu près horizontale dans laquelle on peut le traverser.* [Saussure, Voir Alpes, t. III, p. 21, dans POUGENS]. **Terme d'anatomie.** Surface qu'on suppose traverser le corps verticalement et le partager en deux parties égales, et à laquelle on rapporte l'abduction, l'adduction, etc. Plans de muscles, plans musculaires, couches de muscles. On dit de même : plans de fibres, chez les animaux et les végétaux. **Terme de marine.** Plan de barriques, de gueuses, etc. rangée horizontale de barriques, de gueuses, etc.

3. Plan incliné, voir INCLINÉ, n° 1. Plan incliné de Galilée, corde inclinée sur laquelle glissait un petit chariot en fer, et dont il se servit pour déterminer les lois de la chute des corps.

4. Plans cotés, science analogue à la géométrie descriptive ; les lignes et les surfaces sont représentées par les projection sur un plan horizontal, dit plan de comparaison, et par la cote ou la distance verticale de chacun de leurs points à ce plan.

5. Plan se disait jadis plate-forme.

6. Dessin d'une ville, d'un bâtiment, etc. ainsi dit parce qu'il est la réduction à une surface plane d'une ville, d'un bâtiment, etc. Un plan de Paris. *Il [l'abbé de Coulanges] a reçu le plan de Grignan, dont il est très content ; il s'y promène déjà par avance.* [Sévigné, 15 janv. 1672]. **Fig.** *Je ne sais plus le plan de votre famille ; je ne sais à qui j'ai affaire, ni ce qui est autour de vous.* [Sévigné, à Mme de Guitaut, 6 oct. 1693]. Plan géométral, voir GÉOMÉTRAL. Plan perspectif, voir PERSPECTIF. Plan à vue d'oiseau, voir OISEAU, n° 14. Plan en relief, voir RELIEF. Lever un plan, prendre les mesures d'un objet pour en tracer un plan. Faire l'élévation d'un plan, après que la représentation du trait fondamental d'un édifice a été tracée sur le papier, représenter tous les dehors du même édifice en élévation. Plan relevé, se dit souvent du plan géométral d'un édifice, quand on représente sur ce plan la partie supérieure, les toits et les terrasses, de sorte que la distribution intérieure reste cachée.

7. **Terme de marine.** Plan, synonyme de devis d'un navire et de gabarit.

8. **Terme de peinture.** Il se dit des éloignements, plus ou moins grands, où sont placés les personnages et les objets qu'un tableau représente. Les figures du second plan sont trop grandes par rapport à celles du premier plan. Dégradation d'un plan, la différente diminution des objets, à mesure qu'ils sont représentés plus éloignés. Les plans de cette figure, de cette tête sont bien sentis, tous les passages d'un détail à un autre y sont bien exprimés et bien à leur place. *Comme elle est coiffée ! comme cette tête est bien par plans ! comme elle est hors de la toile.* [Diderot, Salons de peinture]. **Par extension,** il se dit des différents éloignements dans un paysage, dans une vue. *Nous distinguons déjà le temple d'Apollon, et cette prodigieuse quantité de statues qui sont semées sur différents plans, à travers les édifices qui embellissent la ville.* [Barthélemy, L'atlas du Voyage du jeune Anacharsis].

9. En sculpture, plan du bas-relief, nom donné aux épaisseurs au moyen desquelles les objets représentés s'enlèvent sur le fond ou se distinguent les uns des autres. *On dit qu'un bas-relief n'a qu'un plan, lorsque, par exemple, les personnages qui en forment le motif se détachent directement sur le fond, ou sont tous, par rapport à lui, également proéminents ; il y en aura deux ou davantage, si deux figures ou un plus grand nombre sont disposées dans le champ, soit en groupes par étages, soit isolément à d'inégales profondeurs* [GUILLAUME, Sur les principes du bas-relief, dans Institut, août-sept. 1866, p. 64].

10. **Fig.** Dispositions générales d'un ouvrage. *J'ai marqué comment Virgile avait formé le dessein et le plan de l'Énéide sur l'Iliade et l'Odyssée d'Homère.* [Rollin, Histoire ancienne]

11. Il se dit de ce qui est comparé à une oeuvre de littérature ou d'art, projet, dessein. *Ceux dont l'aveugle manie Dresse des plans de tyrannie.* [Malherbe, II, 4]

Анализируя данные словарей языка-донора и языка-рецептора, мы делаем вывод, что семантический объем коррелята значительно сокращен по сравнению с таковым в оригинале, однако русским языком были заимствованы несколько значений 'dessin d'une ville, d'un bâtiment'; 'éloignements, plus ou moins grands, où sont placés les personnages et les objets qu'un tableau représente'; 'dispositions

générales d'un ouvrage' ; 'ce qui est comparé à une oeuvre de littérature ou d'art, projet, dessein'. Рассмотрим хронологию их вхождения в русский язык.

По данным Национального корпуса русского языка, активизация датируется 1730 г., причем лексема употреблена в значении «программа сочинения»:

*Признаваюсь необиновенно: сия самая ода подала мне весь **план** к сочинению моя «О сдаче города Гданска» [В.К. Тредиаковский. Рассуждение об оде вообще (1734)].*

Уже у Н.М. Карамзина фиксируются два значения, оба в рамках одного произведения – «чертеж, изображение» и «намерение, проект», ср.:

*«...сочинять **план** путешествия»; «сочинять **план** для остального дня» и «Забыв взять с собою **план** Парижа»; «он предлагал Лудовику XIV **план** Версальских садов» [Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793)].*

Далее, на протяжении всего XIX в., значения функционируют параллельно в произведениях разных авторов. Проиллюстрируем.

1. Проект литературного произведения:

*Надобно нам обдумать и привести в исполнение **план** нашей комедии на скорую руку [А.С. Грибоедов, П.А. Вяземский. Кто брат, кто сестра, или обман за обманом (1823)]; Умный человек мог бы взять готовый **план**, готовые характеры [А.С. Пушкин. Роман в письмах (1829)]; Окончу мою большую статью – вы знаете – о трагическом в жизни и в искусстве – я вам третьего дня **план** рассказывал – и пришлю ее вам. [И.С. Тургенев. Рудин (1856)]; Если откопаем верный **план**, то книга пойдет [Ф.М. Достоевский. Бесы (1871-1872)].*

2. Программа действий:

*...в мыслях принялся строить **план**, как бы склонить его в свою пользу. [Н.В. Гоголь. Сорочинская ярмарка (1831-1832)]; ...несколько переменили свой прежний **план** и хотят зарядить пулю один пистолет Грушницкого. [М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)]; ...обдумала было какой-то ужасный **план** мщенья, но потом мало-помалу оставила его. [И.А. Гончаров. Обыкновенная история (1847)]; **План** хорош, надо только выполнить его. [А.Н. Островский. Волки и овцы (1875)]; *Граф выпил коньяку и начал излагать**

ему **план** своих будущих действий в области рационального хозяйства [А.П. Чехов. Драма на охоте (1884)].

3. Расположение детали картины:

*...они составляли первый **план** картины; за ними всё было мрачнее и неопределительнее...* [М.Ю. Лермонтов. Вадим (1833-1834)].

Во второй половине XIX в. живописный термин послужил основой для переносного значения:

*Когда у Нехлюдовых бывали гости и между прочими иногда Володя и Дубков, я самодовольно и с некоторым спокойным сознанием силы домашнего человека удалялся **на последний план**, не разговаривал и только слушал, что говорили другие.* [Л.Н. Толстой. Юность (1857)]; *Толстый польский пан, самый враждебный ко мне человек за табльдотом, стушеввался **на второй план**.* [Ф.М. Достоевский. Игрок (1866)]; *Райский и кружок его падали только на репетициях и на экзаменах, они уходили тогда **на третий план** и на четвертую скамью.* [И.А. Гончаров. Обрыв (1869)]; *Не о бабах речь... Баб всегда **на задний план**... Первое дело – хладнокровие!* [А.П. Чехов. Безотцовщина (1878)].

4. Чертеж, рисунок:

*Между прочим между Кроншлотом и Кронштадтом над фарватером сделал он **план** баши наподобие Родосского колосса* [А.С. Пушкин. История Петра: Подготовительные тексты (1835-1836)]; *...не пришел от архитектора определительный **план** и работники остались в недоуменье.* [Н.В. Гоголь. Мертвые души (1842)]; *Что Глупов велик – в этом легко убедится всякий, кто не поленится взглянуть на **план** его.* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Глуповское распутство (1857-1865)]; *Набросав **план** местности и расспросив взятых с нами кучеров о положении, в котором была найдена Ольга, мы поехали обратно, чувствуя себя не солоно хлебавши.* [А.П. Чехов. Драма на охоте (1884)].

Климат (climat). Согласно Н.М. Яновскому, *климат* – небольшая полоса земного шара, лежащая между двумя параллельными Экватору кругами, под которыми должайшие в году дни приметно, и по новейшей Географии получасом рознятся один от другаго <...> [Яновский, т. 2., с. 231-232]. Отдельная словарная

статья посвящена омонимичной, с точки зрения составителя, лексеме *климат*: Сие слово употребляется так же для означения физического качества какого либо места. *Климат жаркий, холодный, умеренный в таком-то месте* [Яновский, т. 2, с. 235].

Позднейшими лексикографами первое значение не фиксируется, полностью вытесняясь вторым: КЛИМАТ – греч. *klimatos*. Местное свойство страны в отношении температуры и проистекающих отсюда явлений атмосферы [Михельсон 1865]; КЛИМАТ – метеорологические условия, в которых находится данная местность, т. е. большая или меньшая влажность температуры и её колебания, ветры и проч., иначе говоря, состояние погоды за длинный промежуток времени. К. различается по поясам: холодный, умеренный, теплый и жаркий; различ. также к.: морской – влажность, нет резких переходов от зимы к лету, и континентальный – более сухой, зима сурова, лето очень жаркое [Попов 1907]; КЛИМАТ – совокупность метеорологических условий страны К. жаркий (сред. годовая температура: 16° – 25° P.), теплый (10 – 16°), умеренный (3 – 10°), холодный (3° и ниже). К. морской – зима и лето умеренные; к. континентальный – суровая зима, знойное лето [Павленков 1907]; КЛИМАТ – (греч. *klima, atos*). Местные свойства страны относительно температуры и проистекающих отсюда явлений атмосферы [Чудинов 1910].

Попробуем разобраться, откуда и каким образом в русский язык пришло первое значение слова. Словарь Littré в качестве основной фиксирует семему: *L'espace compris, surlamappemondeetlescartesgéographiques, entredeuxcerclesparallèles à l'équateurterrestre*, т.е. речь идет о той самой 'географической зоне между двумя параллелями'. Вторым и третьим значениями выступает производные:

2. **Par extension**, une étendue de pays dans laquelle la température et les autres conditions de l'atmosphère sont partout à peu près identiques. Les climats se divisent : en chauds, de l'équateur au 30e ou 35e degré de latitude ; tempérés, du 30e ou 35e degré au 50e ou 55e ; froids, du 50e ou 55e au pôle. *Des climats différents la nature est diverse; La Grèce a des vertus qu'on ne voit point en Perse.* [Corneille, Agésilas].

3. Pays, région. *J'ose dire, seigneur, que par tous les climats Ne sont pas bien reçus toutes sortes d'États.* [Corneille, Cinna, ou La clémence d'Auguste]. En Bourgogne, nom de certains territoires propres à la culture de la vigne. Ce propriétaire a des vignes dans les meilleurs climats.

Т.е. можем констатировать, что во французском языке понятие *climat* было связано в первую очередь с территорией и лишь во вторую – с собственно метеорологическими характеристиками территории, что также наблюдается у коррелятивного заимствования *климат* в русском языке.

В письменных источниках фиксируется с первой трети XVIII в., в обоих значениях:

...зимних бо климатов народи, яко удобнейшыя к войне, паче прочих от политиков похваляются... [архиепископ Феофан (Прокопович). Слово о состоявшемся между империею Российскойю и короною Шведскою мире (1722)] и *Разность климата* наибольшая в том помеществует, ибо оные свежие наиболее в студенейших северных странах находятся, а в нижайших местах не так свежи, яко видно, что хотя около Тюмени, Томска, Тобольска и протчих мест не меньше находится, но более гнилые, и что далее к средоземью, то гнилые. [В.Н. Татищев. Сказание о звере мамонте (1730)].

Первая фиксация в художественной литературе – у А.Н. Радищева:

На изготованном велением его чертеже совершенного в мечтании плавания уже видны были во всех частях мира новые острова, климату их свойственными плодами изобилующие. [А.Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву (1779-1790)].

В данном случае даже по расширенному контексту сложно судить о том, разграничивались ли автором понятия ‘географическая зона’ и ‘метеорологические условия, свойственные той или иной территории’. Сравним с выдержками из произведений Н.М. Карамзина, где эта разница прослеживается довольно четко:

Но такой ли погоды ожидал я в здешнем кротком климате? [Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793)]; *Можно ли человеку с*

нежным здоровьем сносить жестокость вашего климата? [Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793)] и *...животные, будучи привязаны к некоторым климатам, не могут выйти из пределов, начертанных им натурою, и умирают, где родятся; но человек, силою могущественной воли своей, шагает из климата в климат – ищет везде наслаждений и находит их* [Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793)].

Подобное разграничение, пусть неявно, пусть с доминированием второго значения, которое в конечном итоге и вытеснило первое, но прослеживается во всей последующей литературе XIX – начала XX вв. Сравним.

‘Метеорологические условия’:

Издrevле Горюхино славилось своим плодородием и благорастворенным климатом. [А.С. Пушкин. История села Горюхина (1830)]; *... климат наш, как видите, очень тепел* [Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)]; *5 июля дан ему собственноручно указ о сбережении здоровья солдат сообразно климату.* [А.С. Пушкин. История Петра: Подготовительные тексты (1835-1836)]; *Благодаря великодушному вспомоществованию петербургского климата болезнь пошла быстрее, чем можно было ожидать...* [Н.В. Гоголь. Шинель (1842)]; *Если вы еще года два-три проживете в этом климате да будете все лежать, есть жирное и тяжелое – вы умрете ударом.* [И.А. Гончаров. Обломов (1859)]; *Климат превосходный; есть много замечательно богатых и хлебосольных купцов; много чрезвычайно достаточных инородцев.* [Ф.М. Достоевский. Записки из мертвого дома (1862)]; *Климат в этом городе довольно ровный; летом погода стоит постоянная, горячая: а это и на руку бродяге.* [Ф.М. Достоевский. Записки из мертвого дома (1862)]; *...ежели бы неожиданно в теплом климате не открылась его рана* [Л.Н. Толстой. Война и мир. Том второй (1867-1869)]; *...она вдруг поднялась, оттолкнула предложенную руку и, выбежав на улицу, через несколько мгновений исчезла в молочной мгле тумана, столь свойственного шварцвальдскому климату в первые осенние дни.* [И.С. Тургенев. Дым (1867)]; *Климат, что ли, я для вас переменить должен? Вот в Головлеве: нужен был дождик – и был дождик; не нужно дождя – и нет его!* [М.Е. Салтыков-Щедрин.

Господа Головлевы (1875-1880)]; *Здесь именье такое роскошное, богатое... **Климат** один чего стоит!.. Делом, по крайней мере, можно заняться!* [А.П. Чехов. Драма на охоте (1884)]; *Не только **климат**, но даже желудки делают у них чудеса!* [А.П. Чехов. Глупый француз (1885-1886)]; *Леса смягчают суровый **климат**. Где мягче климат, там меньше тратится сил на борьбу с природой, и потому там мягче и нежнее человек.* [А.П. Чехов. Леший (1888)]; *И, поговорив об ужасах русского **климата** и пригласив Нехлюдова приехать к ним, она дала знак носильщикам.* [Л.Н. Толстой. Воскресение (1899)]; *Мы не затем туда ходили, чтобы **климат** измерять...* [М. Горький. Мещане (1901)]; *Живешь в таком **климате**, того гляди снег пойдет, а тут еще эти разговоры...* [А.П. Чехов. Три сестры (1901)]; ***Климат** в Сибири очень хорош, особенно полезен для слабогрудных.* [Н.А. Тэффи. Утешитель (1910)]; *Минуты счастья. Московский **климат** известен своими капризами. Через два дня был прекрасный, как бы летний, тёплый день.* [М.А. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман) (1936-1937)].

‘географическая зона’:

*...государство, заключающее в себе столько же народов, сколько и **климатов*** [Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)]; *Оно досадно, конечно, что англичане на всякой почве, во всех **климатах** пускают корни, и всюду прививаются эти корни.* [И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855)]; *Из географии, в порядке, по книге, как проходили в классе, по **климатам**, по народам, никак и ничего он не мог рассказать...* [И.А. Гончаров. Обрыв (1869)].

Мы видим, что лишь небольшое количество примеров отвечает понятию «географическая зона», тогда как в подавляющем большинстве случаев лексема употреблена в значении «метеорологические условия», что и способствовало вытеснению в конце концов первого значения из обихода.

Еще одно значение лексической единицы, отраженное в Историческом словаре галлицизмов: ‘перен. Обстановка, положение, условия существования чего-л.’ устойчиво фиксируется в русском языке не ранее второй половины XX в.: «*На работе сложился нездоровый климат.* Ож. 1986» [Епишкин 2010]. В

настоящее же время уверенно лидирует по частотности функционирования в публицистической и критической литературе:

Последствия небрежения школьным словарём гуманитарных понятий влияют на весь интеллектуальный климат в нашей стране. [Михаил Арапов. Когда текст обретает смысл // «Знание – сила», 2003]; *До сих пор эта формула звучит, мягко говоря, угрожающе, оказывая заметное влияние на деловой климат в стране.* [Денис Викторов. Стена (2003) // «Бизнес-журнал», 2003.10.23].

В языке художественных произведений фиксируется начиная с 80-х гг. XX в.:

К тому же иностранные его связи не ко времени, неуместны они для нынешнего климата [Даниил Гранин. Зубр (1987)]; *Они были совсем разные с Зубром, и тем не менее Ляпунов хорошо дополнял нравственный климат, который сложился в Миассове* [Даниил Гранин. Зубр (1987)].

Амур (amour). В словаре Н.М. Яновского лексема отсутствует, однако прилагательное *амурный* лексикограф фиксирует в значении ‘любовный, страстный’, так же как и глагол *амуриться* ‘стараться нравиться и внушать любовь к себе, кокетствовать’, в сопровождении авторского комментария «слово довольно известное по обыкновенному употреблению своему; а потому не требующее дальнейшего изъяснения» [Яновский, т. 1, с. 126]. Позднейшие словари иностранных слов отражают следующую семантику: АМУР – франц. amour, любовь. а) Бог любви у язычников. б) Красивое дитя. – От этого слова произвели у нас: амурничать, любезничать; амуриться, взаимно любезничать; амурь, любовь, волокитство [Михельсон 1865]; АМУР – (мифол.) бог любви, сын Афродиты, изображ. в виде мальчика с луком и стрелами; любовь [Павленков 1907]; АМУР – 1) миф. сын Венеры, изображается красивым мальчиком с луком и колчаном за плечами; бог любви; 2) амур – любовь; амурничать – заводить амурь – играть в любовь, быть в любовной связи [Попов 1907]; АМУР – (франц. amour – любовь). 1) сын Венеры, бог любви, по греческой мифологии. 2) в переносном смысле – красивое дитя, то же, что купидон. От этого слова произвели у нас:

амурничать – любезничать, амуриться – взаимно любезничать, амурь – любовь, волокитство [Чудинов 1910].

Здесь важно подчеркнуть, что в русском языке семантический объем слова претерпел значительное сужение, что и привело к сокращению количества сем (во французском языке amour – любовь вообще, тогда как в русском – только между мужчиной и женщиной). Для сравнения приведем полностью семантическую структуру слова во французском языке, как она дается в словаре Littré:

1. Sentiment d'affection d'un sexe pour l'autre. Épris d'amour. Brûler d'amour. Un secret amour. Un amour partagé. L'amour des femmes. Lettre d'amour. *"Un amour violent aux raisons ne s'amuse"*. [Régnier, Élégies]. **Au féminin.** *"Mais j'ai grand' peur, enfin, que l'amour soit plus forte"*. [Régnier, Élégies]. Au pl. f. De mutuelles amours. *"Je redoutai du roi les cruelles amours"*. [Racine, Mithridate]. Commerce amoureux. *"Mais ce n'est pas assez expier vos amours"*. [Racine, Bérénice]. Il se dit aussi dans ce sens au pl. m. *"Et mes premiers amours, et mes premiers serments"*. [Voltaire, Œdipe]

2. Locutions diverses. Faire l'amour, courtiser, être en commerce amoureux. *"Ah ! lâche, fais l'amour et renonce à l'empire"*. [Racine, Bérénice]. **Familièrement.** Filer le parfait amour, s'aimer longtemps et constamment. *"La maison de Mme de Mortagne tomba fort ; ils [M. et Mme de Mortagne] s'en consolèrent par l'abondance et par filer le parfait amour"*. [Saint-simon, Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon]. C'est un vrai remède d'amour, se dit d'une femme fort laide. En termes de culture, la terre est en amour, elle est dans un état propre à la végétation. Être en amour, se dit des femelles des animaux, et signifie être en chaleur. Maison d'amour, maison de filles. *"On trouve dans Paris d'autres maisons d'amour"*. [Régn. Sat. X]

3. En général, affection profonde. L'amour des parents pour leurs enfants. *"Pour un fils jusqu'où va notre amour"*. [Racine, Andromaque]. **Au féminin.** *"L'empereur qui lui montre une amour infinie [à Sévère]"*. [Régnier, Poly. I, 4]. Pour l'amour de quelqu'un, par affection, par considération pour lui. Il le fit pour l'amour de moi. *"Je me purgerai pour l'amour de vous"*. [Sévigné, 382]. Amour de Dieu, amour que la créature doit porter à son créateur. *"L'âme est faite pour Dieu, et c'est à lui qu'elle devait se tenir attachée et comme suspendue par sa connaissance et par son amour"*. [Bossuet,

Oraisons funèbres]. Pour l'amour de Dieu, dans la seule vue de plaire à Dieu, sans aucune vue d'intérêt ; et aussi, ironiquement, sans soin, mal. Cela est fait pour l'amour de Dieu, cela est mal fait. **Ironiquement.** Comme pour l'amour de Dieu, se dit pour exprimer une chose faite à contre-cœur, avec lésinerie.

4. En parlant des choses, sentiment vif, attachement qu'on éprouve pour une chose. Amour du plaisir, du jeu. "*Si l'amour des grandeurs, la soif de commander....*" [Racine, Athalie]. **Au féminin.** "*Une certaine amour naturelle qu'on a pour ses sentiments*". [Vaugelas, Q. C. VII, 4]. Absolument. "*Nos peines ne deviennent si douloureuses que par les attachements outrés qui nous liaient aux objets perdus.... l'excès de nos afflictions est toujours la peine de nos amours injustes*". [Massillon, Avent, Afflict.]. Dans le langage des arts. Cet ouvrage est fait avec amour, l'artiste s'est complu à le faire.

5. Objet aimé. "*J'ai vu mon amour ; mais son visage était pâle*". [Chateaubriand, Dargo, chant I]. M'amour pour ma amour, au féminin. Terme caressant dont on se sert envers son mari, sa femme, sa fille, sa maîtresse. "*Allez, m'amour, et passez chez votre notaire, afin qu'il expédie ce que vous savez*" [Molière, Le malade imaginaire].

6. L'Amour, les Amours, divinités de la Fable. "*L'Amour n'enfante que des larmes; Les Amours sont frères des ris*". [Hugo, Odes et ballades]. **Fig. et familièrement.** C'est un amour, se dit d'une jeune femme très jolie, d'un enfant très joli, et aussi de quelque objet très joli.

7. Amour de soi, sentiment naturel qui attache chaque homme à ce qui lui est personnel. L'amour de soi est irrépréhensible, utile, et content quand nos vrais besoins sont satisfaits. "*Ce sont deux sortes d'amours qui sont ici toutes choses : l'un est l'amour de soi-même poussé jusqu'au mépris de Dieu, c'est ce qui fait la vie ancienne et la vie du monde ; l'autre, c'est l'amour de Dieu poussé jusqu'au mépris de soi-même, c'est ce qui fait la vie nouvelle du christianisme, et c'est ce qui, étant porté à la perfection, fait la vie religieuse*" [Bossuet, Oraisons funèbres].

8. Amour-propre, amour de soi, considéré comme un sentiment excessif pour soi et de préférence sur les autres; opinion avantageuse de soi-même. Cet homme est pétri

d'amour-propre. "*C'est [l'amour de la patrie] un véritable amour-propre*" [St-évrem. II, 399].

9. **En peinture**, amour, un certain duvet qui rend la toile très propre à recevoir la colle.

10. **En maçonnerie**, espèce d'onctuosité que le plâtre laisse dans les doigts.

11. Jeu de l'amour, sorte de jeu qui ressemble au jeu de l'oie, et qui se joue avec des tableaux et des dés.

12. **En termes de fauconnerie**, voler d'amour se dit des oiseaux qu'on laisse voler en liberté, afin qu'ils soutiennent les chiens.

13. Amour en cage, nm. **Terme de botanique**. Nom, dans certaines localités, de l'alkékенге et de son fruit. Pomme d'amour, tomate.

Мы видим, таким образом, что семантика французского слова *amour* с одной стороны полностью коррелирует с русским *любовь*: это и глубокое чувство между мужчиной и женщиной, и объект данных чувств (как в обращении *mon amour!* – *моя любовь*), и любая сильная привязанность (*любовь к жизни, любовь к игре*), и интимные отношения (ср., например франц. *faire l'amour* и рус. *заниматься любовью*), с другой же стороны сохраняет прямую связь с прототипом (*Амур* – мифическое божество). Кроме того, как видно из представленного, лексема обладает и некоторыми узкоспециальными значениями, которые, разумеется, не характерны русскому языку.

Семема 'любовь' известна с начала XVIII в.: *И тут в доме первое начало учинилось, что его царское величество начал с дамами иноземскими обходиться, и амур начал первый быть к одной дочери купеческой, названной Анна Ивановна Монсова*. [Б.И. Куракин. Гистория о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях (Начало самостоятельного правления Петра) (1709)]; далее регистрируется в переводах М.В. Ломоносова: *Добре знаю глубокую язву, которую уязвил меня амур к Эхарисе*. [М.В. Ломоносов. Похождение Телемаково сына Улисса (перевод) (1747)]; в непереводной художественной литературе впервые употребляется у Д.И. Фонвизина: *Да на что он становился на колени? – Я почем*

знаю, *Иванушка*. Неужели это для амуру? Ах, он проклятый сын!
[Д.И. Фонвизин. Бригадир (1783-1786)]; и далее:

...вам, верно, все стихотворство надобно, воздыханий, амуров, – ну, и стихов достану, всего достану; там есть тетрадка одна переписанная. [Ф.М. Достоевский. Бедные люди (1846)]; *...болит, говорю, мое сердце, от амура болит, да в слезы, да тайное объяснение!* [Ф.М. Достоевский. Ползунков (1848)]; *Не длинные языки, а тут верно про ваши амуры-то известно.* [Н.С. Лесков. Леди Макбет Мценского уезда (1865)]; *Поэтому почти наверное можно утверждать, что он любил амуры для амуров и был ценителем женских амуров просто, без всяких политических целей...* [М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города (1869-1870)]; *Или она затем выходит, чтобы показать, что на ней еще и после амуров с Гордашкой честные люди могут жениться!* [Н.С. Лесков. На ножах (1870)]; *Запутается в долгах да в амурах, ну и шлет за мной на картах ей гадать.* [А.Н. Островский. Поздняя любовь (1873)]; *Что же касается до юниц, то и они, в мере своей специальности, содействуют возрождению семьи, то есть удачно выходят замуж, и затем обнаруживают столько такта в распоряжении своими амурами, что без труда завоевывают видные места в так называемом обществе.* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы (1875-1880)]; *...то и дело занимался амурами и особенно влиял на некоторых «скучающих в одиночестве дам».* [Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)]; *Какие уж тут ферлакуры да амуры?* [И.С. Тургенев. Клара Милич (1882)]; *Секретарь отпуск взял, Храпов жениться поехал, канцелярская мелюзга помешалась на дачах, амурах да любительских спектаклях.* [А.П. Чехов. Трагик поневоле (1889)]; *У тебя с Полей, должно быть, тут шуры-амуры...* [А.П. Чехов. Рассказ неизвестного человека (1893)]; *Легкие нравы, веселые разговоры и дешевые амуры!* [А.И. Куприн. К славе (1894)]; *...что «брак пожинает в один день все цветы, кои амур производил многие лета», и что «ревнование есть лихоманка амура».* [Д.С. Мережковский. Петр и Алексей (1905)]; *Седок понукает ямщика: Знать, не знал седок угрюмый, Что ямщик*

давно влюблен... *На бис – снова ямищские **амуры**. И так раз шесть подряд* [Н.А. Тэффи. Прачечная (1911)].

Как видно из приведенных примеров, наиболее активно в художественной литературе данная единица функционирует начиная со второй половины XIX в., уточняя свою семантику до «любовные похождения, шашни» и приобретая несколько пейоративную коннотацию.

Кроме того, окказионально употребляется и в значении «плотская любовь, интимная близость», ср.: *Да-а, братец, великолепно это – заняться **амуром** на лоне природы, под сенью куц, как выражаются в книжках.* [Максим Горький. Трое (1901)].

В значении ‘божество’ впервые фиксируется в середине XVIII в.:

*Над головою Аполлоновою летал разнovidный и пленяющий взор **Амур**, красотою которого не только люди, но и боги беспрестанно любовались.* [М.Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766-1768)] – и далее с достаточной частотностью фигурирует именно с этой семантикой:

*Юлия хочет променять огненного **Амура** на холодного Гименя!* [Н.М. Карамзин. Юлия (1796)]; *Смеюсь я над **Амуром** смело И рад уверить целый свет, Что сердце наше будет цело, Хоть стрел его опасней нет!* [А.С. Грибоедов, П.А. Вяземский. Кто брат, кто сестра, или обман за обманом (1823)]; *...вывеска, изображающая дородного **Амура** с опрокинутым факелом в руке* [А.С. Пушкин. Повести покойного Ивана Петровича Белкина/Гробовщик (1830)]; *«Самый **амур** здесь совершает свой полет не иначе, как благословясь и в тихом безмолвии, на бесшумных крылышках»* [Н. С. Лесков. Чертовы куклы (1890)]; *...пейзаж с объяснением в любви и с низко повисшей радугой, над которой **Амур** розовую пролил гирлянду...* [Андрей Белый. Серебряный голубь (1909)].

Исторический словарь галлицизмов русского языка фиксирует в качестве отдельных значений следующие: ‘Крылатые божки любви по мифологии эллинистического периода’ либо ‘О скульптурном или живописном изображении этого бога (божков)’, также довольно частотном в литературе:

...одного из тех богатых любителей искусств, которые сладко продремали всю жизнь свою, погруженные в зефиры и **амуры**, которые невинно прослыли меценатами и простодушно издержали для этого миллионы, накопленные их основательными отцами, а часто даже собственными прежними трудами. [Н.В. Гоголь. Портрет (1835)]; По плечам рассыпались русые, почти пепельные кудри, из-под маски глядели голубые глаза, а обнаженный подбородок обнаруживал существование ямочки, в которой, казалось, свил свое гнездо **амур**. [М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города (1869-1870)]; ...Андрей Парфенович Перушкин, маленький кубарик, с крошечными, острыми коричневыми глазками, с толстыми, выпуклыми пунцовыми щечками, как у рисованого **амура**. [Н.С. Лесков. На ножах (1870)]; Помещики с крылушками, как у древних **амуров**, Печорины-сердцееды! [Ф.М. Достоевский. Бесы (1871-1872)]; Потолок, с аллегорической картиной Езда на остров любви – такой низкий, что голые **амуры** с пухлыми икрами и ляжками почти касались париков. [Д.С. Мережковский. Петр и Алексей (1905)]; Казалось, что все эти боги и богини, откормленные, как свиные туши, и маленькие **амуры**, похожие на розовых поросят, – весь этот скотоподобный Олимп предназначался для христианской бойни, для пыточных орудий Святейшей Инквизиции. [Д.С. Мережковский. Петр и Алексей (1905)]; Лицо его на минуту приняло младенческое выражение, но, вслед за тем, он плотно сжал губы и поднял глаза к потолку, где **амуры** стыдливо закрывали обнажённое тело толстой женщины с розовой кожей йоркширской свиньи. [М. Горький. Мои интервью (1906)].

В значении ‘красивое дитя’ найдены лишь несколько вхождений, в основном относящихся к первой половине XIX в., напр., *Но увы! это не сын, прекрасный, как **амур**! это дочь, и дочь богатырь!!* [Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)], что позволяет сделать вывод о практически полном нивелировании данной семемы уже к середине позапрошлого столетия, и, даже если принимать в расчет функционирование единицы Амур как онима, то в начале рассматриваемого периода мы можем довольно четко вычленить две противоположные тенденции: сужение семантического объема слова (не только в

количественном его выражении, упрощение семантической структуры происходит, изначально, на первом этапе вхождения единицы в словарный состав языка-рецептора, но и в качественном, характеризующимся конкретизацией значения, его спецификацией), а с другой стороны – стремление влить звучное слово в русский язык, снабдив его некими дополнительными коннотациями, что закономерно приводит к расширению семантического объема.

с. Однозначная в языке-источнике лексическая единица расширяет свой семантический объем на почве принимающей системы.

Униформа (uniforme). По Н.М. Яновскому: *униформ* или *униформа*. Однорядок; платье одинакого цвета, покроя и прочаго портнаго дела на многих людях, по большей части находящихся в какой нибудь государственной службе. Сие французское название означает то же, что немецкое *мундир* [Яновский, т. 3, с. 926].

Позднейшие словари иностранных слов объясняют значение одним словом: УНИФОРМА – франц. *uniforme*, от лат. *unus*, один, и *forma*, форма, вид. Мундир [Михельсон 1865]; УНИФОРМА – мундир [Павленков 1907]; УНИФОРМА – (фр. *uniforme*, от лат. *unus* – один, и *forma* – форма, вид). Мундир [Чудинов 1910]. Лишь в словаре Попова приводится: УНИФОРМА – общая и одинаковая для всех форма, форменная одежда [Попов 1907], т.е. сема ‘форменная одежда вообще’.

Во французском языке *uniforme* имеет только одно значение:

L'uniforme, habit d'une couleur et d'une forme particulières, par lequel sont distingués tous les hommes appartenant à un même corps et à un même grade dans ce corps. Par une ordonnance de 1717 les officiers mêmes sont obligés de porter constamment l'uniforme pendant qu'ils sont au corps, soit en marche, soit dans les garnisons. Le 16, il [le czar Pierre Ier] vit la revue de la maison du roi ; la magnificence des uniformes parut lui déplaire. [Duclos, Oeuv. t. v, p. 300]. Fig. Comment donc, lui dit le diable, vous frémissez ? ces ombres [de morts] vous font-elles peur ? que leur habillement ne vous épouvante point... c'est l'uniforme des mânes. [Lesage, Le diable boiteux]. Absolument, l'uniforme, l'habit militaire en général. Porter l'uniforme. Endosser l'uniforme. Fig. Quitter l'uniforme, se retirer du service militaire.

Se dit aussi du costume attribué aux différents ordres de fonctionnaires publics, de l'habit des collégiens, etc.

В русской литературе функционирует в соответствии со словарными данными, т.е. сначала как синоним слова мундир, затем – как любая форменная одежда. Н.А. Дурова последовательно употребляет ЛЕ как существительное мужского рода, что, впрочем, никак не влияет на семантику слова:

*...начала одеваться в казачий **униформ**. [Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)]; «Для того, ваше превосходительство, – отвечала я, – что К*** ничего не смыслит в нашем **униформе**, и что странно было бы, если б гусарский офицер имел нужду в наставлениях пехотного, как одеться в свой мундир». [Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)] и т.д.*

Более в литературе мужского рода лексема униформ не зарегистрировано, частотность ее сравнительно невысока (по всей вероятности, немецкое слово *мундир* как специальное название военной формы ее практически полностью вытесняет):

*Представьте себе мужчин в полной военной, статской и светской **униформе**, а женщин в бальном наряде – шейки и ручки по плечо наголо. [А.Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея (1848)]; Этим другом обыкновенно является либо стереотипная личность, сильно смахивающая на галантного купеческого молодца-приказчика, либо какой-нибудь господчик в армейской **униформе** с эполетами. [В.В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Роман в шести частях. Ч. 6 (1867)]; Если к пошло-сентиментальной истории примешивается элемент романтический, то, в большей части случаев, неизменным героем является личность в армейской **униформе**... [В.В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Роман в шести частях. Ч. 6 (1867)]; ...невзрачный блюститель благочиния в затрапезной **униформе**... [К.М. Станюкович. В далекие края (1886)]; ...он должен начать с того, чем кончил Ашинов, когда стал в гордой позе над телом последнего славянофильского поэта, лежавшего у его ног в генеральской **униформе**. [Н.С. Лесков. Вдохновенные бродяги (1894)].*

У А.И. Куприна слово впервые употребляется в значении ‘собир. персонал, одетый в специальные одинаковые костюмы, обслуживающий арену во время представления’ [Епишкин 2010]: *Все цирковые существа: женщины и мужчины, лошади и собаки, униформа и конюхи, клоуны и музыканты – точно старались перещеголять один другого.* [А. И. Куприн. Дочь великого Барнума (1926)].

Сцена (scène). Мнения лексикографов касательно этимологии данной единицы расходятся: ее относят то к немецким, то к французским заимствованиям. В пользу первого утверждения говорит, казалось бы, наличие звука [ц] в слове, совершенно не характерного для французского языка, но очень частотного среди немецкой иноязычной лексики [Мартысюк 1979]. Однако, как было описано нами выше, при фонетической адаптации галлицизмов в русском языке субституция французского звука [s], выраженного графемой с (ср. province – провинция, essence – эссенция, oscillation – осцилляция, fascine – фасцина), в словах латинского происхождения, русским звуком [ц] довольно закономерна.

Кроме того, нельзя не учитывать, помимо признаков формальных, лексико-семантическую корреляцию прототипа и заимствования, которая в данном случае близка к максимальным значениям. Сравним:

По данным словаря Littré, слово *scène* во французском языке имеет довольно разветвленную семантическую структуру, насчитывающую шесть семем:

1. *Partie du théâtre où jouent les acteurs. Les acteurs entrent en scène Voulez-vous sur la scène étaler des ouvrages Où tout Paris en foule apporte ses suffrages.* [Boileau, L'art poétique]. **Fig.** *Faisant de cet ouvrage [ses Fables] Une ample comédie à cent actes divers, Et dont la scène est l'univers.* [La Fontaine, Fables]. *Avant-scène, voy. ce mot à son rang.* **Fig.** *Ensanglanter la scène, voir ENSANGLANTER. Mettre un ouvrage en scène, régler la manière dont les acteurs doivent le représenter. On dit en ce même sens : la mise en scène d'une pièce. Mettre un personnage sur la scène, le représenter dans un ouvrage dramatique. Délateur, tremble, en scène il faut me suivre.* [Béranger, Censeur]. *On dit de même: mettre, transporter un événement, une action sur la scène. L'illustre Grotius a mis sur la scène la Passion même de Jésus-Christ.* [Corneille, Polyeucte]. **Par extension.** *Mettre sur la scène, mettre en scène quelqu'un, lui faire*

jouer un rôle, lui donner une place dans une composition littéraire ou artistique. *Je mets aussi sur la scène Des trompeurs, des scélérats, Des tyrans et des ingrats, Mainte imprudente pécore, Force sots, force flatteurs.* [La Fontaine, Fables]. En scène, sous les yeux du public en une représentation quelconque. *En scène d'abord admirons La grâce de ces deux lurons.* [Béranger, Boxeurs.] Être en scène, se dit d'un acteur qui n'oublie pas un seul moment le rôle qu'il joue. **Fig.** Il est toujours en scène, se dit d'un homme qui a toujours un maintien apprêté, comme si un grand nombre de personnes avaient les yeux sur lui. **Fig.** Paraître sur la scène, être nommé à un emploi qui attire les yeux ; commencer à prendre une part aux affaires publiques. On dit dans le même sens : être en scène, occuper la scène ; paraître, figurer, briller sur la scène du monde.

2. Décoration du théâtre. La scène représente un palais. La scène change à vue. **Fig.** La scène change, va changer, un changement considérable survient dans une affaire, dans les affaires.

3. L'action même qui fait le sujet de la pièce qu'on représente. La scène est à Paris. *Que le lieu de la scène y soit fixe et marqué.* [Boileau, L'art poétique]. Ouvrir la scène, commencer la représentation, paraître le premier sur le théâtre. **Fig.** *Nos troupes marchent vers Cologne; c'est M. de Luxembourg qui doit ouvrir la scène.* [Sévigné, 22 janv. 1672]

4. **Fig.** L'art dramatique. Les auteurs qui ont illustré la scène. *La scène même, qui depuis Molière est bien plus un lieu où se débitent de jolies conversations que la représentation de la vie civile.* [Rousseau, Julie, ou la Nouvelle Héloïse]. La scène tragique, la tragédie. La scène comique, la comédie. La scène lyrique, l'opéra. *Toi donc qui, t'élevant sur la scène tragique, Suis les pas de Sophocle.* [Boileau, Epîtres]. La scène française, la littérature dramatique en France. *Et la scène française est en proie à Pradon.* [Boileau, Epîtres]

5. Partie d'un acte d'un poème dramatique, laquelle apporte du changement à l'action par l'entrée ou la sortie d'un ou plusieurs acteurs. La première scène d'Athalie. *Que le trouble, toujours croissant de scène en scène, à son comble arrivé se débrouille sans peine.* [Boileau, L'art poétique]. Scène muette, voir MUET.

6. Ensemble d'objets qui s'offrent à la vue. Le pays offre une foule de scènes variées.

7. **Fig.** Il se dit de ce que l'on compare à la scène d'un théâtre. *Stratagème dont il se sert pour avoir la scène libre* [Hamilton, Mémoires du chevalier de Grammont].

8. **Fig.** Toute action qui offre quelque chose de remarquable, d'extraordinaire. Des scènes de plaisir et de joie. *Il est vrai que les scènes en [du conclave] furent curieuses.* [Retz, Conclave d'Alex. VI]

9. Sorte d'esclandre. *M. de Coësquen est arrivé à Paris en même temps que M. de Chaulnes; leur haine et les mémoires qu'a donnés Coësquen feraient une belle scène, si le roi les voulait entendre tous deux.* [Sévigné, 263]. *Il ne faut point donner de scène au public, il faut cacher au public des débats qui exciteraient sa malignité. Faut-il donner au public une scène...* [Massillon, Resp. hum.]. Faire une scène à quelqu'un, l'attaquer violemment de paroles. *Il lui dit avec une colère concentrée et une voix tremblante : eh bien, madame, allez-vous faire une scène?* [Genlis, Ad. et Th. t. I, p. 288, dans POUGENS]

В русском языке находим соответствия практически всем элементам французской семантической структуры и, что немаловажно, большинство фразеологических калек французских устойчивых выражений, сравним: Сцена – 1) театр или место, на котором актеры играют пред публикою; 2) явление, каждая часть действия драматической поэмы; 3) место, где история происходит, которая на театре представляется; 4) в иносказательном смысле значит представление какого либо происшествия или самое происшествие со всеми обстоятельствами [Яновский, т. 3, с. 770]; СЦЕНА – лат. scena. а) Возвышенное место в театре, на котором представляется пьеса. б) Часть действия в театральной пьесе. в) Случай, обративший на себя наше внимание [Михельсон 1865]; СЦЕНА – 1) возвышенное место в зрительной зале, на котором происходит представление; 2) к.-н. отдельное явление в драматическом произведении часть пьесы, рассматриваемая как целое; 3) зрелище вообще, случай, происшествие, наблюдаемое в действительности, на картине, в художественном литературном изображении и т. д. [Попов 1907]; СЦЕНА – 1) часть театральной залы, на которой происходит исполнение актерами

пьесы; 2) вообще театр и его жизнь; 3) отдельный эпизод из драматической пьесы; 4) отсюда отдельное событие человеческой жизни [Павленков 1907]; СЦЕНА – (лат. scena). 1) возвышенное место в театре, на котором представляется пьеса. 2) то же, что явление, часть акта оперы или иного драматическ. представления. 3) происшествие в действительности или изображение его на картине [Чудинов 1910].

Русскими словарями XIX – начала XX вв. отражены все основные и переносные значения слова, представленные у Э. Литтре, за исключением, пожалуй последней ‘sorted'esclandre’, т.е. ‘скандал’, однако она фиксируется Историческим словарем галлицизмов: ‘Взволнованный крупный разговор, ссора’ [Епишкин 2010].

Итак, проследим историю функционирования значений. Хронологически в основном значении – ‘**площадка, где происходит представление**’ – галлицизм функционирует в русском языке, по данным Национального корпуса русского языка, с конца XVIII в.: *Великая княгиня, по милости своей, при входе моем на сцену изволила ударить в ладоши, и меня это очень ободрило.* [И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем... (1788-1822)].

Далее встречается у Н.М. Карамзина: *...раза три приводил в замешательство актеров на сцене.* [Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793)] – и последовательно употребляется в художественной литературе рассматриваемого периода, чаще в авторских ремарках:

...выталкивается на сцену из дверей двумя руками Кочкарева [Н.В. Гоголь. Женитьба (1833-1842)]; *за сценой кряхтит и охает.* [Н.В. Гоголь. Женитьба (1833-1842)]; *Народ, еще неопытный в таких волнениях, похож на актера, который, являясь впервые на сцену, так смущен новостью своего положения, что забывает начало роли, как бы твердо ее ни знал он...* [М.Ю. Лермонтов. Вадим (1833-1834)]; *Устинья Наумовна отходит с Липочкой на другую сторону сцены.* [А.Н. Островский. Свои люди – сочтемся (1849)]; *Голос Фоминишны за сценой: Тишка, а Тишка!* [А.Н. Островский. Свои люди – сочтемся (1849)]; В

середине сцены сидели девицы в красных корсажах и белых юбках. [Л.Н. Толстой. Война и мир. Том второй (1867-1869)].

Семема **‘театральные декорации’** словарями иностранных слов не зафиксирована, однако пусть не слишком частотно, но вполне свободно функционирует в литературе:

*...я на превращенье **сцены** здесь глядел, как на чудо, и от всех предметов, меня окружающих, был вне себя.* [И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем... (1788-1822)]; *Но вот на **сцену** спустилась ночь* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы / Запутанное дело (1848-1863)]; ***Сцена** представляет залу в доме богатого помещика; направо два окна и дверь в сад, налево дверь в гостиную; прямо – в переднюю.* [И.С. Тургенев. Нахлебник (1848)]; ***Сцена** представляет два сада, разделенные посередине забором: направо от зрителей сад Пеженовых, а налево – Белотеловой; в садах скамейки, столики и проч.* [А.Н. Островский. За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Бальзаминова) (1861)].

Здесь стоит отметить наличие метафорических переносов, уже на ранней стадии функционирования значения, где сцена как «театральные декорации» вполне закономерно превращается в «обстоятельства вообще», ср.:

*Вчера был спектакль и новая была **сцена**, а именно: караул был утроен...* [Д.И. Фонвизин. К родным (1777-1778)]; *Варварство многих веков, варварство ума и нравов – эпоха мрачная – **сцена**, покрытая черным флером для глаз чувствительного философа!* [Н.М. Карамзин. Мелодор к Филалету (1795)].

Следующая обойденная вниманием лексикографов семема **‘сюжет, действие пьесы’** также представлена в русских письменных источниках, начиная с XVIII в.:

*Я не имел счастья видеть **сцены** Верновой поэмы и Руссова романа.* [В.В. Измайлов. Ростовское озеро (1795)]; *Он готовится играть ролю нежного отца в новой Дrame, где в самых жарких **сценах** ему должно молчать и красноречивою пантомимою трогать зрителей до слез.* [Н.М. Карамзин. Волшебной фонарь или картина Парижа // «Вестник Европы», 1802]; *Игра эта*

состояла в представлении **сцен** из «*Robinson Suisse*», которого мы читали незадолго пред этим [Л.Н. Толстой. Детство (1852)];

В значении **‘театр вообще’** лексема впервые употребляется также у Карамзина: *Автор осмелился вывести на сцену жену неверную...* [Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793)] – и далее периодически фигурирует в художественных произведениях:

Мне нравилась сцена. Я прочитала все, что было в нашей библиотеке драматического... [Т.Г. Шевченко. Музыкант (1855)]; *Роль Кропачева исполняется на московской сцене* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Глупов и глуповцы (1857-1865)]; *Все ему удалось: он мило пел, бойко рисовал, писал стихи, весьма недурно играл на сцене* [И.С. Тургенев. Дворянское гнездо (1859)]; *... хохот, похожий на тот, каким смеются на сцене.* [Л.Н. Толстой. Война и мир. Том второй (1867-1869)].

Сцена как **‘часть драматического произведения’** активизируется в русском языке в XVIII в.: *В две минуты комары меня растерзали, и я после первой сцены выбежал из него как бешеный.* [Д.И. Фонвизин. К родным (1784-1785)].

Далее также употребляется в анализируемых произведениях на протяжении всего XIX в.: *Господа актеры особенно должны обратить внимание на последнюю сцену.* [Н.В. Гоголь. Ревизор (1836)]; *В какой это мелодраме есть совершенно такая сцена?* [И.С. Тургенев. Дворянское гнездо (1859)].

В значении **‘картина; то, что представляется взгляду’** слово употребляется русскими авторами, начиная с Н.М. Карамзина: *Если бы Рафаэль увидел сию сцену, то он забыл бы писать картину и в восхищении бросил бы кисть свою.* [Н.М. Карамзин. Евгений и Юлия (1789)]; *Ах, верно молитвы отца и благословение старой бабушки моей хранят жизнь мою среди сих страшных, кровавых сцен.* [Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)].

Активизацией семемы **‘все, что сравнивается с театром, театральной сценой’** русский язык вновь обязан Н.М. Карамзину, калькировавшему

французское выражение ‘scènedumonde’: *Осьмой-надесять век кончается; что же видишь ты на **сцене** мира?* [Н.М. Карамзин. Мелодор к Филалету (1795)].

Емувторит А.С. Пушкин: *Между тем новое, важное лицо является на **сцене** действия: Суворов прибыл в Царицын* [А. С. Пушкин. История Пугачева (1833)].

У Н.А. Дуровой единица функционирует в данном значении самостоятельно, вне калькированного выражения: *Выступил на **сцену** четвертый взвод; им командовал Вонробка – отличный стрелок и наездник.* [Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)].

Далее в литературе рассматриваемого периода лексема встречается в основном в сочетании с генитивом (сцена мира, сцена общества) – как, впрочем, и самостоятельно: *...вы очаровательною улыбкою вызвали меня на **сцену** света, на участие в этом вихре жизни, в котором кружились сами.* [И.А. Гончаров. Счастливая ошибка (1839)]; *...на **сцену** выступает вся желчь, накопившаяся на дне ее тридцатилетнего сердца; ночь проводится без сна, среди волнений, порожденных злобой и отчаяньем...* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856-1857)]; *Впрочем, я с вами говорить не буду: в этой **сцене** не вы главное действующее лицо.* [И.С. Тургенев. Дворянское гнездо (1859)].

И, наконец, семема ‘**реальное событие**’ функционирует в художественной литературе с XVIII в.: *Madamo, я теперь был свидетелем пресмешных **сцен**.* [Д.И. Фонвизин. Бригадир (1783-1786)]; *Эта **сцена** никогда не выходила из памяти моей.* [Н.М. Карамзин. Евгений и Юлия (1789)]; *Но Юлия не могла уже вынести сей последней **сцены**, громко закричала и едва было без чувств не упала в могилу...* [Н.М. Карамзин. Евгений и Юлия (1789)]; *К тому же, не знаю отчего, собственное сердце мое бьется так сильно, когда я воображаю себе подобные **сцены**...* [Н.М. Карамзин. Юлия (1796)]; *Я знаю слабость пера своего и для того не скажу более ни слова о сей редкой **сцене*** [Н.М. Карамзин. Юлия (1796)].

Как видим, Н.М. Карамзин, которому русский язык обязан множеством галлицизмов, вслед за Фонвизиным, весьма активно употребляет слово в данном значении, будучи одним из первых, но отнюдь не последним:

Мисс Жаксон, свидетельница этой сцены, не знала, что подумать. [А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка (1830)]; *Забавные сцены случаются в компании господ охотников!* [Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)]; *Тогда произошла довольно странная сцена.* [Ф.М. Достоевский. Двойник (1846)]; *Ах ты, мальчишка! – вдруг запищал он, все более и более воодушевляясь звуками своего голоса. – Подлец! Но опустим скорее завесу над этой глубоко грустной сценой.* [Л.Н. Толстой. Севастопольские рассказы / Севастополь в августе 1855 года (1855)]; *Впрочем, он нрава малообщительного, больше молчит, и во время всей последующей сцены исключительно занимается всякого рода жеваньем...* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856-1857)].

И, наконец, первая фиксация семемы ‘скандал’ также датируется концом XVIII в.:...*боялся моей вспыльчивости и непристойной какой-либо между нами сцены, чего от дамы он ожидать не имел причины.* [И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем... (1788-1822)]

Далее также весьма частотна в литературе:

...может быть, домашняя сцена, до него случившаяся, потому что князь явно был не в духе ... [М.Ю. Лермонтов. Княгиня Лиговская (1836-1837)]; *А сверх того, сколько сцен будет! Сколько предметов для разговора!* [Н.А. Дурова. Угол (1840)]; *Ну, как можно так ребячиться, делать сцены... беситься?* [И.А. Гончаров. Обыкновенная история (1847)]; *Он был бледен как полотно, дрожал всем телом и как-то странно улыбался – может быть, потому, что всякое скандалёзное дельце или ужасная сцена и пугает, и вместе с тем как-то несколько радует постороннего зрителя.* [Ф.М. Достоевский. Слабое сердце (1848)]; *Инспектор, с которым я сразу не поладил, восстановил против меня директора; вышла сцена, я не хотел уступить, погорячился, дело дошло до сведения начальства; я принужден был выйти в отставку.* [И.С. Тургенев. Рудин (1856)]; *Сцен и размолвок больше не бывало между нами, я старалась угодить ему, он исполнял все мои желания, и мы будто любили друг друга.* [Л.Н. Толстой. Семейное счастье (1859)].

Армия (armée). Н.М. Яновский фиксирует слово в одном значении: ‘рать, войско, воинство; великое число войск собранных вместе и состоящих из артиллерии, пехоты и конницы под предводительством одного военачальника’ [Яновский, т. 1, с. 209].

Позднейшими словарями иностранных слов расширение семантического объема фиксируют весьма четко: АРМИЯ – франц. *armee*, от *armer*, вооружать. а) Вообще войска в государстве. б) Отдельная часть войска, действующая особо под предводительством отдельного начальника, с) Род войска с меньшими, чем гвардия, преимуществами [Михельсон 1865]; АРМИЯ – совокупность сухопутных военных сил государства; самостоятельная часть войска из пехоты, кавалерии, артиллерии и сапер, назначенная для определенных действий [Павленков 1907]; АРМИЯ – 1) все сухопутные военные силы государства; 2) отдельная часть военных сил, войска, под предводительством отдельного самостоятельного начальника [Попов 1907]; АРМИЯ (франц. *armee*, от *armer* – вооружать). 1) все вообще войска в государстве. 2) войска не гвардейские. 3) соединение нескольких корпусов, назначенных для действия на одном и том же театре войны, под начальством одного главнокомандующего [Чудинов 1910].

Историческим словарем галлицизмов приводится четыре значения: ‘Войска на одном театре военных действий’, ‘Вооруженные силы’, ‘Армейские части в противоположность гвардии’, ‘Множество’ [Епишкин 2010].

Попытаемся разобраться, что послужило источником столь впечатляющего расширения семантики слова. Структура значений слова в языке-источнике, представленная словарем Littré, дает нам:

1. Corps de troupes prêtes à faire la guerre. Armée de terre. Armée de mer. Le Dieu des armées, Dieu dans l'Écriture.

2. L'ensemble des troupes régulières d'un État. Armée permanente, régulière, soldée. Mettre l'armée sur le pied de guerre. Armée de ligne, s'est dit par opposition, en 1789, à la garde nationale ; plus tard, aux corps sédentaires ; et depuis 1800, à la garde impériale ou royale.

Таким образом, источником заимствования послужило первое – прямое значение слова – ‘войско’. Второе обусловило активизацию семемы ‘регулярные войска’, тогда как приведенная в этом же пункте оппозиция ‘Armée de ligne – garde nationale’ стала, по всей видимости, прототипом подобной же оппозиции в русском языке: ‘армия – гвардия’. И, наконец, не фиксируемая словарями XIX в. семема ‘множество’ обязана семантическому развитию на почве принимающего языка.

В художественных текстах фиксируется у Д.И. Фонвизина, где четко прослеживаются два значения. Значение ‘**Войско**’ впервые фиксируется у него же и весьма последовательно функционирует: *В некоторой армии находились двое маркизантов. Шатры их стояли тогда вместе.* [Д.И. Фонвизин. Два маркизанта (1788)]; *Тревога, которой я гораздо больше опасаясь, нежели идучи против целой неприятельской армии.* [Д.И. Фонвизин. Бригадир (1783-1786)], так же как и ‘**военные силы**’: *Пойдём тотчас в армию и сделаемся достойными звания дворянина, которое нам дала порода.* [Д.И. Фонвизин. Недоросль (1782)]; *Я слышал, что вы были в армии.* [Д.И. Фонвизин. Недоросль (1782)]; *Такой Советник, как ты, достоин быть другом от армии* [Д.И. Фонвизин. Бригадир (1783-1786)]; *Да хотя бы ты мне и чужой был, так тебе забывать того по крайней мере не надобно, что я от армии Бригадир.* [Д.И. Фонвизин. Бригадир (1783-1786)]; *«И у меня есть один сын, – говорила почтенная старушка, – которого я отправила в армию».* [Д.И. Фонвизин. Повествование мнимого глухого и немого (1783)]; *«Как вы решились, сударыня, отправить в армию сына, который у вас один?»* [Д.И. Фонвизин. Повествование мнимого глухого и немого (1783)]. Как видим, обе семемы представлены в творчестве Д.И. Фонвизина регулярно и устойчиво.

Аналогичную тенденцию можно отметить у Н.М. Карамзина: *ныне француз или гишпанец служит волонтером в русской армии единственно из чести; дерется храбро и умирает* [Н.М. Карамзин. Бедная Лиза (1792)], но *...два льва и орел, в ужасе и смятении, изображают соединенные армии, побежденные графом во Фландрии* [Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793)].

Подобная дифференциация семем сохраняется во всех анализируемых нами литературных источниках:

‘Войско’:

*За городскою эстафетой Летит из **армии** курьер Тут подкоморжий за курьером, Тут арендарж и офицер!* [А.С. Грибоедов, П.А. Вяземский. Кто брат, кто сестра, или обман за обманом (1823)]; *Чем виновато запорожское войско? тем ли, что перевело твою **армию** чрез Перекоп и помогло твоим енералам порубать крымцев?* [Н.В. Гоголь. Ночь перед Рождеством (1831-1832)]; *...как слаб был коронный гетьман Николай Потоцкий с многочисленною своею **армиею** против этой непреодолимой силы; как, разбитый, преследуемый, перетопил он в небольшой речке лучшую часть своего войска...* [Н.В. Гоголь. Тарас Бульба (1835-1841)]; *Теперь мы сделались ариергардом и будем прикрывать отступление **армии**.* [Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)]; *Оба находились в **армии** графа Дибича.* [А.С. Пушкин. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года (1835)]; *Сорок енаралов убито, четыре **армии** взято в полон.* [А.С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)]; *Мне часто приходила странная мысль: что ежели бы одна воюющая сторона предложила другой – выслать из каждой **армии** по одному солдату?* [Л.Н. Толстой. Севастопольские рассказы/ Севастополь в мае (1855)]; *Доктор этот с первого раза заставил подозревать, что он не англичанин, хотя и служил хирургом в полку в ост-индской **армии**.* [И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855)]; *Официальные состоят из самого губернатора, потом второго, начальствующего по **армии**, секретаря колонии, интенданта и казначея.* [И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855)]; *Губить **армию**, губить людей! За что?* [Л.Н. Толстой. Война и мир. Том второй (1867-1869)]; *главнокомандующие без **армий**...* [Л.Н. Толстой. Анна Каренина (1878)].

‘Вооруженные силы’:

*Того не надобно; пусть в **армии** послужит* [А.С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)]; *А у меня четыре сына в **армии**, а я не тужу.* [Л.Н. Толстой. Война и мир. Том первый (1867-1869)]; *Отец мой был, впрочем, **армии** подпоручик, из юнкеров.* [Ф.М. Достоевский. Идиот (1869)]; *Дело, впрочем, чрезвычайно глупое:*

был я тогда еще только что прапорщиком и в **армии** ляжку тянул. [Ф.М. Достоевский. Идиот (1869)]; Дешевейший способ продовольствия **армии** и флотов! [М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа ташкентцы. Картины нравов (1869-1872)]; ...взамен же того предлагал снабжать **армию** и флот изумительнейшею колбасою по баснословно дешевым ценам. [М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа ташкентцы. Картины нравов (1869-1872)]; И Прошки, Ипатки, Ионки исчезали бесследно в качестве кашеваров, лазаретных служителей и прочих фуриштатских чинов великой российской **армии**. [М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа ташкентцы. Картины нравов (1869-1872)]; Вот где нужно искать действительных космополитов: в среде Баттенбергов, Меренбергов и прочих штаб- и обер-офицеров прусской **армии**, которых обездолил князь Бисмарк. [М.Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни (1886-1887)]; Вся русская **армия** чтит память покойного вашего батюшки, а батальон, которым он командовал, и поныне считается образцовым. [М.Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни (1886-1887)]; Это так у нас в **армии** называли офицеров генерального штаба. [А.И. Куприн. Блаженный (1896)].

Данное значение, посредством метонимического переноса, обусловило широкое функционирование в русском языке семемы ‘**место дислокации войска**’, не фиксируемой словарями:

«...что вы намерены делать?» – «Ехать к **армии** [Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)]; они писаны были во время Турецкого похода и были адресованы в **армию** из Кистеневки. [А.С. Пушкин. Дубровский (1833)]; ...мало ли могло быть у нее обожателей после его отъезда в **армию**; может быть, и ей изменил который-нибудь из них, – как знать!.. [М.Ю. Лермонтов. Княгиня Лиговская (1836-1837)]; В этот день был случай отправить письма в **армию**, и графиня писала письмо сыну. [Л.Н. Толстой. Война и мир. Том четвертый (1867-1869)]; ...получилось известие о кончине генерал-лейтенанта Ставрогина, старца легкомысленного, скончавшегося от расстройства в желудке, по дороге в Крым, куда он спешил по назначению в действующую **армию**. [Ф.М. Достоевский. Бесы

(1871-1872)]; ...он приезжал из **армии** и не заехал к тетушкам. [Л.Н. Толстой. Воскресение (1899)].

В переносном значении – ‘множество’ – впервые фиксируется у А.П. Сумарокова: *Счастлив я, что я это без них говорю, а то бы я петиметеров и петиметерок на себя взволновал: а **армия** эта велика.* [А.П. Сумароков. Ссора у мужа с женой (1750)]. Далее, после большого перерыва, встречается у М.Е. Салтыкова-Щедрина и, начиная со второй половины XIX в. довольно часто встречается в литературе:

*Сначала общий интерес, потом общая опасность и, наконец, привычка и предание заставили этих людей съютиться в одну кучу и породили здесь ту дисциплину, которой могла бы позавидовать любая бюрократическая **армия**.* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Тихое пристанище (1857-1865)]; *мириады теней, миллионы очертаний <...> – и вся эта **армия**, эта толпа надвигалась ближе и ближе, росла, колыхалась усиленно...* [И.С. Тургенев. Призраки фантазия (1864)]; *Он занимался организацией **армии** цивилизаторов; он кликал клич и вербовал охочих людей; он отправлял их целыми транспортами к месту назначения, распоряжался перевозочными средствами и т. д. и т. д.* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа ташкентцы. Картины нравов (1869-1872)]; *«Я действовал неблагоразумно, – сказал он, – но я находился под гнетом целой **армии** негодяев, – и в этом заключается мое оправдание.* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Петербурге (1872)]; *С таким союзником, как вы, я на целую **армию** красавцев пойду.* [А.Н. Островский. Красавец мужчина (1882)]; *Привлеченные шумом и криками, которые во время этой революции неслись с острова, я и несколько моих товарищей пробрались туда и, спрятавшись за толстыми стволами тополей, наблюдали, как Януш, во главе целой **армии** красноносых старцев и безобразных мегер, гнал из замка последних, подлежащих изгнанию, жильцов.* [В.Г. Короленко. В дурном обществе (1885)]; *Жандарм утирал слезы; прокурор с целой **армией** стряпчих собирал слезы в урны.* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни (1886-1887)]; *Существует целая **армия** сотрудников, репортеров, странствующих витязей, которых назначение заключается*

единственно в том, чтобы оживлять столбцы и занимать читателя целым ворохом небывальщины. [М.Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни (1886-1887)]; *А солдатики твои – рубли, и у тебя их бо-ольшая армия...* [М. Горький. Фома Гордеев (1899)].

Зафиксированная словарями оппозиция ‘армия – гвардия’ также редко, но фигурирует в литературе XIX в., напр. *Сын не особенно радовал; он вел разгульную жизнь, имел неоднократно «истории», был переведен из гвардии в армию и не выказывал ни малейшей привязанности к семье.* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни (1886-1887)].

Арсенал (arsenal). У Н.М. новского находим: ‘Арсенал – пушечной двор; оружейная, дом, место, где хранятся военные орудия и снаряды для обороны города и атаки неприятеля Арсенал морской – хранилище кораблей и всех для них потребностей. Арсеналом так же называется особое отделение или бассейн в порте, где строятся или починиваются корабли; так же, где отправляются всякия работы, потребные для остнастки, вооружения и снабдения как воинскими, так и съестными припасами флотов.

Арсенал морской артиллерии – место, где хранится корабельная артиллерия, и где заготавливаются и хранятся воинские припасы для кораблей, как то бомбы, брантскугели, картечи и проч.’ [Яновский, т. 1, с. 214].

Позднейшими словарями семантика слова фиксируется более общо: АРСЕНАЛ – франц. arsenal, от кельт., sanal, магазин. Здание для хранения оружия [Михельсон 1865], АРСЕНАЛ – место для хранения или приготовления военных снарядов, оружия и проч. [Попов 1907], АРСЕНАЛ – строения, где приготавливаются или сохраняются военные орудия, снаряды и пр. [Павленков 1907].

Сравним с семантической структурой прототипа:

1. Lieu de dépôt pour les armes et les munitions de guerre. Arsenal bien muni. Les arsenaux maritimes.

2. Lieu où est situé l'arsenal. *Nous allâmes nous promener à l'arsenal.* [Sévigné, 5]

3. **Fig.** Ce livre est un arsenal qui fournit des armes à tous les partis. *On dit que c'est l'arsenal de l'enfer.* [Pascal, Pensées]

Ajoutez :

Etablissement dans lequel on fabrique ou répare les affûts, les voitures, le matériel d'artillerie, dit, suivant le cas, arsenal de construction ou de réparation [Littré].

Семантическая структура, представленная в толковом словаре Larousse, несколько отличается:

1. Établissement industriel d'un port, où les bâtiments de guerre sont construits, réparés, ravitaillés et armés.

2. Autrefois, établissement construisant des matériels de l'armée de terre. (On dit aujourd'hui atelier de construction ou manufacture.)

3. Grande quantité d'armes réunies: La voiture renfermait un véritable arsenal.

4. Familier. Équipement, matériel important ou complexe : L'arsenal d'un reporter photographe [Larousse].

Как видим, во втором случае на передний план выступает т.н. «арсенал морской» – т.е. ‘Место хранения, ремонта, изготовления оружия, военного снаряжения или военных кораблей (в европ. практике)’ [Епишкин 2010]. Обоими словарями фиксируется ‘место хранения оружия’ и ‘большое количество оружия’, а также переносное значение – ‘большое количество чего-л.’ Все эти семемы были заимствованы русским языком:

‘Место хранения оружия’:

Сборное место стрельцов – Лыков двор, в Кремле, где ныне арсенал. [А.С. Грибоедов. Заметки (1818-1820)]; *А он оказал удивительную бодрость, обошел палубы, спустился в самую нижнюю, в арсенал, и не обнаруживал никаких признаков усталости.* [И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855)]; *И немудрено, если больные, приходящие к Павлу Ивановичу, принимают его комнату за арсенал или музей...* [А.П. Чехов. Драма на охоте (1884)].

‘Большое количество оружия’:

Это был маленький арсенал: вся противоположная двери стена убрана была ружьями, пиками и саблями. [И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855)]; *Выбирай, арсенал целый...* [А.П. Чехов. Безотцовщина (1878)].

‘Большое количество чего-либо’:

...громадно выглядывает весь хлебный арсенал [Н.В. Гоголь. Мертвые души (1842)]; *Он выставял тогда целый арсенал монашеского, как он называл, угощения.* [И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855)]; *Весь арсенал воздействий, кажется, во всякое время налицо: и ежовые рукавицы, и бараний рог, и злачные места – а кому они служат защитой?* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Убежище Монрепо (1878-1879)].

§4.2 Семантический сдвиг как источник формирования пар

МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ОМОНИМОВ

Французская и шире – романская – лексика в русском языке как один из наиболее обширных иноязычных лексических пластов русского языка (возможно, даже самый обширный) имеет длительную историю становления. Более чем трехвековое развитие межъязыковых связей, прошедшее этапы галломании, билингвизма, пуризма и, наконец, реактивации контактов, поставляет редкий исследовательский материал, бесценный как в количественном, так и в качественном отношении. Особую важность обе эти характеристики имеют для исследования такого специфического явления как межъязыковая омонимия.

Межъязыковые омонимы, называемые в прикладных работах по переводоведению ложными друзьями переводчика, суть «слова обоих языков, сходные до степени отождествления по звуковой (или графической) форме, но имеющие разные значения» [Акуленко 1975, с. 372], причем определяющим здесь является принцип обратимости, т.е. восприятия омонимии пары «прототип – коррелят» носителями обоих языков. Так, пары, подобные французскому *fourchette* ‘вилка’ и галлицизму *фуришет*, пришедшему в русский

язык со значением «закуска, прием пищи не садясь за стол, стоя», или *vintage* ‘порто 10-летней выдержки’ и русскому *винтаж*, сменившему значение на «старая вещь высокого качества», одинаково неверно трактуются и русскими студентами, изучающими французский язык, и французскими студентами, изучающими русский (порядка 87% неверных толкований против 10% частично правильных и всего 3% – абсолютно верных). Для сравнения: лексика, остающаяся без изменений интерпретирована верно в 98% случаев, лексика, претерпевшая сужение или расширение семантического объема получила верное толкование в 60-80% случаев; процент ошибок, обусловленный собственно сужением (конкретизацией) либо расширением (генерализацией) значения не превысил 25%).²⁰

В поле предпринятого исследования по понятным причинам не вошли паронимы, т.е. лексические единицы, отличающиеся нюансами формы (например, получившие в языке-рецепторе аффиксальное оформление, отличное от прототипа), способные однако к отождествлению на основании ложных ассоциаций, вызываемых у части носителей языков [там же]. К слову, Э.А. Балалыкина предлагает применять понятие паронимии к «ложным друзьям» в целом, делая акцент на том, что форма прототипа и коррелята не совпадает в любом случае: будучи элементами разных фонологических и морфологических систем, они не могут быть идентичными, как не идентичны фонемы двух языков или их грамматические категории [Балалыкина 1998].

Мы придерживаемся мнения, что термин «ложные друзья переводчика», образованный путем пословного перевода французского выражения *fauxamisdutraducteur*, не вполне коррелирует с навязываемыми ему рамками. Напомним, что «ложные друзья» – элемент прикладного языкознания, переводоведения как такового, а ошибки в речи неопытного переводчика могут быть спровоцированы как межъязыковыми омонимами (фр. *marque* ‘пометка’ и рус. *марка*), так и межъязыковыми паронимами фр. *relation* ‘отношение’ и рус.

²⁰ Данные получены нами в рамках эксперимента, проведенного с группой франкоговорящих студентов (8 человек) и русских студентов, изучающих французский язык (уровень В1-В2) ВШИЯиП ИМО КФУ, в ходе которого участникам было предложено объяснить значения французского прототипа и галлицизма в русском языке.

реляция). Тем не менее, как и в рамках практического перевода, для нас имеет значение тот факт, что эти семантически гетерогенные группы объединены одним обстоятельством: при совпадении (схождении) плана выражения ассоциируемые либо отождествляемые единицы двух языков не совпадают (полностью или частично) в плане содержания.

Исторически их возникновение объясняется взаимовлиянием контактирующих языков: семантическим сдвигом в языке-рецепторе и дальнейшим разрывом полисемии, когда комплекс из нескольких значений, объединенных общей семемой (семой), перестает существовать как единое целое, распадаясь на несколько изолированных структур, которые в ходе собственного развития получают новые значения и коннотации, расширяя или сужая свою семантическую структуру до такой степени, что итог теряет всякую связь с прототипом [Габдреева 2001, 2012; Агеева 2008, 2013]. Причем хотелось бы заметить, что описанный алгоритм верен и для языка-источника, в этом случае прототип меняет свою семантику, тогда как коррелятивное заимствование продолжает функционировать в архаичном значении.

В некоторых случаях ложные друзья являются следствием окказиональных совпадений формального облика заимствованного и исконного слова (ср. *брак* ‘дефект, недостаток’ от нем. *Brack* и *брак* ‘семейная жизнь’ от рус. *брат*). Генетически родственные языки имеют омонимичные пары, чье существование объясняется общим прототипом в языке-основе, причем их количество прямо пропорционально степени близости родства.

Поскольку в нашем исследовании речь идет о языках разноструктурных, мы сосредоточимся на двух типах исторически обусловленных семантических изменений: когда смещение значения регистрируется в языке-рецепторе и напротив, когда семантический сдвиг модифицирует содержание прототипа.

В качестве иллюстрации первого типа можно привести единицу **салоп (salope)**, когда семантический сдвиг произошел на начальном этапе заимствования:

САЛОП – франц. *salope*, от англ. *sloppy* грязный; кельтск. *slaorach*, *slapach*. *slapog*, грязный, *slaib*, грязь, ил. Широкая длинная верхняя одежда женщин [Михельсон 1865], САЛОП – (фр.). Длинная, широкая верхняя одежда женщин, с рукавами и капюшоном, носившаяся в старину [Чудинов 1910].

Находиму Littré:

1. **Terme populaire.** Qui est sale et malpropre ‘грязнуля’. Un enfant *salope*. Cette personne est *salope*. "[II] *N'expose à mes regards qu'une mine de singe, Salope, dégoûtante*" [Champmeslé, Crispin chevalier, sc. 4].

2. **Substantivement, au féminin.** C'est une vraie *salope* ‘мерзавка, негодяйка’. "*N'est-ce pas bien raisonner? vous êtes une salope*" [Gherardi, Théâtre ital. Arlequin misanthr. Prol.]. **Fig. et par injure.** Une femme de mauvaise vie ‘женщина легкого поведения’. "Il écrivit au pasteur dont la *salope* était paroissienne, et fit en sorte d'assoupir l'affaire" [Rousseau, Les confessions].

3. **Terme de marine.** Marie-*salope* ‘грунтоотводная шаланда’, voir MARIE-SALOPE, à son rang (Littré).

Как видим, значения слов никоим образом не коррелируют друг с другом. В чем же причина столь впечатляющего семантического сдвига? Нам представляется, что основную роль здесь сыграл покрой одежды: подчеркнем, что салоп – широкая верхняя женская одежда и, вполне возможно, с точки зрения тогдашней моды, она выглядела несколько ‘*peusoigneuse*’ – неряшливо, а эта сема уже напрямую коррелирует со значением прототипа.

Частично данная версия подтверждается первыми вхождениями единицы: *...ходила в платке и большом салопе без всякого иного убранства.* [И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем... (1788-1822)]. Данный контекст, на наш взгляд, в достаточной степени передает пренебрежительное отношение к внешности героини. Приведем еще один пример, взятый у того же автора: *Княгиня Долгорукая, <...> в салопе, не называя себя никому, просидела в его прихожей так, что никто из окружающих г. генерал-прокурора не удостоили даже спросить ее, чья она такая, не только доложить об ней.* [И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем... 1799-1806 (1788-1822)].

В художественной литературе отмечается впервые у К.Н. Батюшкова: *Хозяин в тулупе, хозяйка в **салоне**; по правую сторону приходской поп, приходской учитель и шут, а по левую – толпа детей, старуха-колдунья, мадам и гувернёр из Немцев.* [К.Н. Батюшков. Прогулка по Москве (1811-1812)] – и далее довольно частотно в произведениях разных авторов:

*По окончании головного убора накинута она на себя старый, изношенный **салон** и отправилась хлопотать по хозяйству, наблюдая при том строго, чтоб как-нибудь не испортилась причёска; и для того сама она не входила в кухню, а давала приказания своей кухарке, стоя в дверях.* [Антоний Погорельский. Черная курица (1829)]; *И у них и у нас были люди в рясах, в балахонах, в женских шапочках, у кого нога в лапте, у кого в сапоге; мой вахмистр, лихой рубака, целых два месяца щеголял в **салоне** какой-то купчихи, а я сам был завернут в ковер, посреди которого прорезал место для головы.* [А.А. Бестужев-Марлинский. Латник (1832)]; *Печорин бросился к дверям... перед ним человека за четыре, мелькнул розовый салон, шаркнули ботинки...* [М.Ю. Лермонтов. Княгиня Лиговская (1836-1837)]; *Ведь вот, душечка моя, я вот знаю, что у вас теплого **салона** нет.* [Ф.М. Достоевский. Бедные люди (1846)]; *Оно же вам надобно, сударь, теперь-с; хороший **салон**-с, атласом крытый-с, на лисьем меху-с...* [Ф.М. Достоевский. Двойник (1846)]; *Входит девушка лет семнадцати, с узелком в руках, в **салоне** и в шляпке.* [И.С. Тургенев. Безденежье (1846)]; *Наконец я увидела, что он стаскивал все, что мог найти из нашего платья, взял **салон** матушкин, свой старый сюртук, халат, даже мое платье, которое я скинула, так что закрыл матушку совершенно и спрятал под набросанной грудой; она лежала все неподвижно, не шевелясь ни одним членом.* [Ф.М. Достоевский. Неточка Незванова (1849)]; *«Конечно, не в таких **салонах**, которые носят барыни в Петербурге и которые похожи на конфетные бумажки, так что не слышать, есть ли что на плечах или нет!* [И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855)]; *... мужички, придя в восторг от молодой барыни (которая и барина, в минуты гнева и запальчивости, кроткими словами смиряет), делают между собою складку и подносят: ему ильковую шубу, а ей – превосходнейший соболий*

салон! [М.Е. Салтыков-Щедрин. Жених (1857-1865)]; *И она уж не в лодке, она едет, как из Москвы, в повозке; она не одна: рядом с ней сидит маленькое существо, закутанное в старенький салон.* [И.С. Тургенев. Накануне (1859)]; *Она спустила с плеча на стул салон и шла тихо к постели, в белом капоте, без чепца, как привидение.* [И.А. Гончаров. Обрыв (1869)]; *Салон, что ли, какой али шляпку, на лошадях на хороших проехать, в коляске в какой модной.* [А.Н. Островский. Не все коту масленица (1871)]; *Окна в верхнем этаже были заколочены, а низ находился во владении капоров и салонов.* [В.Г. Короленко. В дурном обществе (1885)].

Более длительный процесс разрыва семантически связей с прототипом характерен для имен существительного **кураж** (**courage** ‘смелость’). Довольно долгое время единица фиксируется в значении прототипа:

Ты пей, да только дела не забывай, и косушка вина ради куражу не испортит никакого ума. [И.Т. Кокорев. Сибирка. Мещанские очерки (1847)]; *Вот в эдаких-то случаях, как мой, оно подлейшая штука для нашего брата мужика, по тем причинам, что больно делает человека беззаботным; пьешь больше для куражу, а как простишься, так хуже прежнего.* [А.Ф. Писемский. Питерщик (1852)]; *...а теперь вот словно новичок какой, весь кураж потерял-с.* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856-1857)]; *Ведь мало ль что, я куражу не теряю.* [А.Н. Островский. Правда – хорошо, а счастье лучше (1876)]; *А вот я сейчас для куража стакан шампанского выпью.* [А.Н. Островский, Н.Я. Соловьев. Жених Белугина (1877)] и т.д.

По всей видимости, именно данным, наиболее частотным, контекстом – выпить для куражу, т.е. для смелости – и обусловлена активизация нового значения ‘Непринуждённо-развязное поведение, наигранная смелость’ [Ожегов1973]. Наше предположение подтверждается контекстуально:

...последний был уже несколько под куражем, или, как выражалась жена его "осадила сивухой, одноглазый чёрт" [Н.В. Гоголь. Шинель (1842)]; *Едва показалась эта бутылка, лица всех гостей превратились в одну самодовольную улыбку, а Фома Фомич, бывший, что называется, под куражом, взял ее,*

погладил... [М.Е. Салтыков-Щедрин. Противоречия (1847)]; *...выпить шампанского и под куражем обозреть самого себя!* [А.П. Чехов. Безотцовщина, (1878)].

Лексикографическая фиксация единицы также говорит в пользу данного предположения: семемы «смелость» и «хмель» зарегистрированы в 1865 и в 1910 гг. [Михельсон 1865; Чудинов 1910], тогда более поздние словари фиксируют «развязно-непринужденное поведение, показная смелость», которое и становится основным содержанием, вкладываемым в это понятие и функционирующим самостоятельно:

И сейчас у него кураж; тут уж ему не попадайся, зубами загрызет. [А.Н. Островский. Горячее сердце (1869)]; *Вот при таком кураже и помереть не страшно* [М.А. Шолохов. Тихий Дон. Книга третья (1928-1940)]; *Куражу нет! Телевизор включите, что ли...* [Григорий Горин. Случай на фабрике № 6 (1960-1985)]; *Замоскворецкие его фокусы и кураж сразу надоели мне, но я говорил мирно, не хотел портить отношений, потому что и так в экспедиции меня все ещё считали чужаком.* [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)]; *Кураж... Сила, которая легко перешла бы в насилие.* [Сергей Довлатов. Зона (Записки надзирателя) (1965-1982)]; *В этих словах не только злая усмешка, кураж, но и напоминание* [Виктор Астафьев. Царь-рыба (1974)]; *С ними было скучно, пресно, в них не хватало куража, огня.* [Даниил Гранин. Зубр (1987)].

Как уже отмечалось, вторым фактором, полностью или частично обусловившим формирование пар межъязыковых омонимов, может стать прерывание языковых контактов: в этом случае значение прототипа развивается, обрастая новыми семами, тогда как значение коррелята застывает в том виде, в котором оно было заимствовано. Таким образом, в XX в. разошлись, например, значения слов *paquet* ‘пачка’ и *пакет*, *briquet* ‘зажигалка’ и *брикет* и т.п. Данное явление хорошо знакомо французскому языку: так, нынешний канадский вариант французского языка, развиваясь в условиях изоляции от метрополии, сохранил множество архаичных значений и форм, утраченных в стандартном французском, напр., *magasin* ‘магазин’, а не ‘склад’. Как видим,

русский магазин является омонимом французскому прототипу, который сохранил в качестве основного значение ‘Lieu où l'on garde des marchandises, dépôt’ [Larousse]. Семема ‘Établissement de commerce où l'on vend certaines marchandises soit en gros, soit en détail’ еще фигурирует в толковых словарях [Larousse], но в речи употребляется лишь в словосочетании *grandmagasin* ‘торговый центр’, все чаще заменяясь аналогами: *centrescommercial*, *supermarché*, *hypermarché* и т.д. Как и канадский французский, утративший живые связи с языком метрополии, русский язык XX в. прервал контакты с западным миром, что обусловило значительную архаику значений некоторых галлицизмов: помимо уже упомянутых *брикета*, *магазина*, *пакета*, следует отметить *пароль* ‘*motdepasse*’, *журнал* ‘*magazine*’.

С другой стороны, в последние годы заметна тенденция к «дистраиванию» семантической структуры галлицизмов за счет недостающих в языке-рецепторе звеньев семантики прототипа (напр, дефиле – модный показ), но в данный момент преждевременно делать какие-либо выводы о системности данного процесса.

Выводы по главе 4

Семантическая адаптация иноязычной лексики традиционно считается завершающим этапом комплексного процесса ассимиляции. В какой-то степени это верно, поскольку именно освоение в семантическом плане позволяет иноязычию занять собственное место в новой лексической системе. Что касается временных рамок данного процесса, то их следует считать более гибкими: семантическая адаптация может совпадать с формальной в плане протекания, может намного превысить заданной ей интервал, может завершиться раньше.

В синхронном плане традиционно выделяют четыре типа возможных связей между прототипом и коррелятивным заимствованием: сокращение (сужение), сохранение и расширение семантического объема, а также семантический сдвиг. Диахронический характер нашего исследования позволяет несколько уточнить данные типы, выделив среди моделей:

1. Собственно сужение семантического объема, фиксируемое крайне редко. Из всего семантического комплекса прототипа язык-рецептор заимствует одно, реже два, и иноязычное слово функционирует именно в нем на протяжении всей истории своего развития, без сколь-нибудь существенных модификаций семантической структуры.
2. Сохранение семантического объема. Моносем в языке-источнике остается моносемом в языке-рецепторе.

Обе эти тенденции не слишком продуктивны применительно к галлицизмам, имеющим долгую историю развития в русском языке, которая способствовала как развитию семантических дериватов, так и вторичному заимствованию. С другой стороны, в рамках данной работы, применяя материалы языка-источника, нам удалось более точно определить некоторые случаи сокращения либо сохранения исконной семантики, до сегодняшнего дня относившиеся исследователями к полярной тенденции.

3. Расширение семантического объема, в силу многообразия материала, позволяет выделить несколько самостоятельных моделей: крайнее упрощение семантики галлицизма на начальном этапе и ее усложнение посредством вторичного заимствования; перенос на русскую почву довольно сложного комплекса из двух-трех значений и еще большее усложнение семантической структуры на финальных этапах, обусловленное непосредственными языковыми контактами; сохранение моносемии на начальном этапе и усложнение структуры за счет семантической деривации в языке-рецепторе; перенос в русский язык полного комплекса значений прототипа с последующим формированием семантических производных в языке-рецепторе.

Именно расширение комплекса значений является наиболее продуктивным из процессов в сфере семантики романских иноязычий, внутри же этой большой группы, вне всяких сомнений, доминирует процесс переноса фигуральных значений из языка-источника, что лишний раз подчеркивает продолжающееся влияние языка-источника на галлицизм в условиях непосредственных контактов.

Что касается последнего из процессов, семантического сдвига, которому часто «вменяют в вину» формирование пар межъязыковых омонимов, мы вынуждены констатировать его сравнительно невысокую продуктивность, даже в сфере одного из старейших пластов иноязычий в русском языке. С другой стороны, нами выявлены случаи семантического сдвига в языке-источнике, которые, при сохранении «архаичного» значения в языке-рецепторе в условиях прекращения живого контактирования, также ведут к формированию омонимичных пар двух языков.

Заключение

В соответствии с целью работы, сформулированной во введении к данному исследованию, нами был выполнен подробный анализ общего и специфического в системах двух разноструктурных языков на материале художественной литературы и лексикографических источников, а также коррелятивных заимствований на фоне прототипов.

В ходе решения частных задач настоящей диссертации был затронут ряд важнейших вопросов, касающихся таких актуальных проблем контактологии, как процесс заимствования иноязычной лексики и ее адаптация в языке-рецепторе с учетом основных конвергентно-дивергентных параметров контактирующих языков.

Изучение романского лексического пласта, отражающего исторические связи России и Франции и составляющего значительный пласт в русском языке и русской культуре, несмотря на длительную историю, не утратило своей актуальности на современном этапе развития филологической науки хотя бы потому, что непосредственно влияет на методику и практику преподавания русского и французского языка, русской и французской литературы, при этом особенно важным представляется исследование черт дивергенции и конвергенции двух лексических систем – французской и русской – с точки зрения фонологических, морфологических и семантических характеристик лексемы в ее конкретном употреблении, т.е. на материале художественного текста, представляющего исследователю адекватную и максимально полную картину функционирования литературного языка.

В предлагаемом исследовании уточняется и разграничивается ряд ключевых понятий современной контактологии, в частности типы иноязычных слов с позиций психологического восприятия слова носителем языка, где выделяются иноязычные вкрапления, иноязычные слова и собственно заимствования, которые в сознании носителя причисляются к средствам русского литературного языка.

Специфические черты разноструктурных языков, к коим относятся русский и французский, определяют основную тенденцию отношений французского прототипа и его русского коррелята: французские слова лишаются исконных способов оформления и получают новые, присущие языку-рецептору. Освоение слов происходит на всех уровнях языковой структуры: фонетики, акцентуации, морфологии и семантики.

В работе выявлены основные особенности функционирования французских новообразований в русском языке на основании данных художественной литературы и лексикографических источников.

1. Французские элементы значительно обогатили лексику самых разнообразных сфер жизни: политики и дипломатии, военной сферы, культуры и искусства, науки, философии, моды и кулинарии. Большое количество специальных слов из числа галлицизмов подверглись детерминологизации в период XIX – начала XX вв. и повысили частотность функционирования в литературном и разговорном языке, что зарегистрировано на материале художественной литературы. Многочисленные вкрапления функционируют в русской литературе, как правило, без перевода, что свидетельствует о билингвизме образованной части русского общества отмеченной эпохи, и в самых разнообразных целях: от сугубо лингвистических (заполнение смысловых лакун) до этикетных (эвфемизация русского «грубого» слова).

2. Идеологический пуризм советского периода, а также в известной степени завершение вестернизации, европеизации России к XX в., значительно снизило количество новых проникновений французских единиц в русский язык, неологизмы-галлицизмы редки и обусловлены в основном наполнением некоторых терминосистем, значительная часть уже заимствованных лексических единиц архаизировалась.

3. В связи с коренными преобразованиями российского общества на рубеже XX – XXI вв., осознанием нового отставания от западного мира, новый этап вестернизации активизирует процессы языковых контактов, что обуславливает с одной стороны заимствование русским языком «свежих» французских

новообразований, а с другой стороны – запускает процессы реактивизации историзмов. Вновь отмечается большое число иноязычных вкраплений, причем функциональный репертуар их расширяется как за счет факторов лингвистических (couleurlocale), так экстралингвистических (рыночная политика в части сохранения бренда).

4. Период конца XVIII – начала XX в. характеризуется интенсификацией процессов т.н. опосредованного заимствования, а именно семантического, фразеологического и синтаксического калькирования. В рассматриваемую эпоху кальки французских выражений становятся системным элементом русского литературного языка, зачастую вводимым авторами, сознательно нацеленными на максимальное расширение возможностей русской словесности. В свою очередь столь широкое влияние языка, представляющего иной структурный подтип, ведет к серьезным изменениям сочетаемостных и синтаксических норм языка-рецептора.

5. В качестве универсальной закономерности отношений прототипа и коррелята, проявляющейся на уровне рецепции чужого элемента, является наличие вариантов на фонетико-орфографическом и морфологическом уровне, которые обусловлены влиянием языка-источника и представлены в основном тремя видами:

- фонематические варианты;
- морфологические варианты;
- орфографические варианты.

Представленные типы вариантности сохраняют свое значение на протяжении всего периода ассимиляции и стабилизации формально-семантического облика коррелятивных заимствований, в зависимости от языковой ситуации в обществе изменяется лишь их частотность.

В работе представлен подробный анализ фонологического алломорфизма контактирующих языков, выражающегося в моделях графемно-фонетической и акцентуационной адаптации французской лексики. Передача французских фонемных средств в заимствующем языке осуществляется двумя основными способами:

- путем воспроизведения иноязычного написания (транслитерация);
- путем воспроизведения иноязычного произношения (транскрипция).

Воспроизведение французского произношения происходит в большом приближении, так как для более точной его передачи в русском языке не хватает определенных фонологических средств. Это связано прежде всего с особенностями французского языка: наличием в нем носовых гласных, немых звуков, различием по долготе, подъему гласных, т.е. тех признаков, которые в русском языке не функциональны. Однако произносительные нормы французского языка в условиях интенсивных языковых контактов в значительной степени определяют фонетический облик коррелятивного заимствования в языке-рецепторе, актуализируя девиации на уровне фонетики: отсутствие палатализации перед передними гласными, инициальную а-, конечные ударные -э, -и, -у, функционирование переднерядного аллофона [y].

В области акцентуации ведущей тенденцией является сохранение присущего прототипу ударения на последнем слоге основы по всей парадигме склонения и спряжения существительного. Исключение представляют лексемы, подвергшиеся в языке-рецепторе морфологическим преобразованиям.

Алломорфизм морфологических структур французской и русской языковых систем определяет полный разрыв с грамматическим строем языка-источника. Иноязычные слова лишаются исконных способов выражения рода и числа. Обширные языковые контакты, обеспечивающие в том числе и передачу фонетических знаний, напротив «навязывают» корреляту морфологические признаки прототипа, чем обусловлена разносистемность оформления грамматических категорий в языке-рецепторе. Основные тенденции оформления категории рода заключаются в:

- сохранении коррелятом рода прототипа. Самая продуктивная группа существительных, сохраняющих свой род – существительные мужского рода, оканчивающиеся на согласный, произносимый или немой, либо -еиет, а также имена существительные мужского рода с основой на носовой гласный. Французские имена существительные женского рода, которые сохраняют род в

языке-рецепторе, составляют не менее значительную группу: существительные женского рода с основой на непроизносимую -е, которая в русском языке меняется на флексию -а, а также существительные с суффиксом -tion/-ation, который трансформируется в конечное -ция.

- изменении рода коррелятива. Значительная часть имен существительных женского рода во французском языке имеет в единственном числе основу -е немое. При этом у данных существительных в русском языке нивелируется конечное -е и образуется форма с основой на согласный. Этот формальный признак зачастую определяет их принадлежность к мужскому роду в русском языке. Здесь важную роль играет морфологическая мотивированность единицы в языке-источнике, выраженная в суффиксальной оформлении слова: у значительного количества единиц, оформленных суффиксами женского рода, регистрируется двойная адаптационная модель: усечение -е тует и формирование основы на согласный либо присоединение флексии -а. Французские имена существительные мужского рода с основой на гласную обнаруживают тенденцию к переходу в русском языке в разряд несклоняемых существительных среднего рода.

При становлении числа самая продуктивная группа – иноязычные слова, имеющие полную парадигму – Sg и Pl. Небольшая группа имен существительных принадлежит в русском языке к классу Pluraliatantum или Singulariatantum.

В силу отсутствия категории падежа во французском языке, романская лексика целиком включается в падежную систему русского языка, хотя в рассматриваемый период отмечается значительное число несклоняемых имен существительных.

В работе прослеживаются также основные черты конвергенции и дивергенции семантики слова в двух языках и приводится анализ основных путей становления семантической структуры галлицизмов русского языка на фоне французских прототипов во всем многообразии их значений и словоупотреблений. Освоение французской иноязычной лексики в плане семантики следует некоторым основным тенденциям (сужение, расширение и

сохранение объема слова). Сопоставительный анализ общего и специфического в понятийном поле прототипа (т. е. французского слова) и коррелята (галлицизма русского языка) с позиций принципа одновременности позволяет выявить доминирующую в диахроническом аспекте тенденцию к перманентному расширению семантического объема французского слова в русском языке вследствие непосредственных живых контактов с языком-источником, обуславливающих не только активизацию новых значений как фактор заполнения лакун, но и передачу фоновых знаний, связанных с динамикой культурных смыслов. Сокращение либо сохранение семантического объема выделяются весьма условно, исключительно на первых этапах функционирования ЛЕ в русском языке, в качестве самостоятельной тенденции сохранение объема слова может быть обусловлено моносемией прототипа.

Нами также зарегистрированы случаи семантического сдвига в русском языке. Иноязычное слово деэтимологизируется и включается в новую семантическую систему, что приводит к функционированию омонимичных единиц в языке-источнике и языке-рецепторе. Не менее важным источником межъязыковой омонимии является семантический сдвиг в языке-источнике, что, в сочетании с прекращением языковых контактов, способствует сохранению «архаичного» значения галлицизма, давно вышедшего из употребления во французском языке.

Таким образом, в данном исследовании мы попытались через историю одного лексического пласта проследить общие и специфические черты двух языковых систем на разных уровнях: фонологии и акцентуации, морфологии и семантики. Полученные нами данные уточняют и конкретизируют закономерности, влияющие на формирование и закрепление иноязычной лексики в исторической перспективе, а также позволяют пересмотреть степень и характер воздействия языка-источника на процессы ассимиляции.

Список литературы

1. Абдуллина, Л.Р., Галлицизмы как средство создания средневековой картины мира в современном русскоязычном фэнтези / Л.Р. Абдуллина, А.В. Агеева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2014. – Т. 11. № 1. – С. 74-78.
2. Абдуллина, Л.Р. Фреймовая репрезентация национальных особенностей новостных комментариев как жанра интернет-дискурса / Л.Р. Абдуллина, А.В. Агеева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2017. – Т. 14. № 1. – С. 21-26.
3. Аванесов, Р.И. Русское литературное произношение / Р.И. Аванесов. – М.: Просвещение, 1984. – 382 с.
4. Аврорин, В.А. Двужычие и школа / В.А. Аврорин // Проблемы двужычия и многоязычия. – М.: Наука, 1972. – С.49-62.
5. Агеева, А.В. Глоттонический дискурс французского языка как отражение русско-французских языковых контактов: фонетико-графический аспект / А.В. Агеева, Ю.В. Смахтина // Научный диалог. – 2018 – № 2. – С. 9-16.
6. Агеева, А.В. «Ондулянсион на дому» (О языковой моде в советском обществе эпохи НЭПа на материале романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев») / А.В. Агеева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – Том 2. № 3. – С.104-106.
7. Агеева, А.В. Вариантность как универсальная закономерность освоения иноязычной лексики / А.В. Агеева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – №6, ч.2. – 2011. – С.19-22.
8. Агеева, А.В. Изменения категории рода галлицизмов в свете морфологической ассимиляции / А.В. Агеева, Л.Р. Абдуллина // Концепт и культура: диалоговое пространство культуры: языковая личность. Текст. Дискурс. Сборник статей VI международной научной конференции. Кемеровский

государственный университет; Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского. – Кемерово – Ялта: 2016. – С. 595-600.

9. Агеева, А.В. Словесность не старше Ломоносова: процессы калькирования в русском языке XIX века / А.В. Агеева // Актуальные проблемы романских языков и современные методики их преподавания: материалы Международной научно-практической конференции (27-28 октября 2016 года) / Под ред. Е.А. Плеуховой. – Казань: Отечество, 2016. – С. 62-67.

10. Агеева, А.В. Становление и эволюция романского лексического пласта в языке русской художественной литературы (функциональный аспект): монография / А.В. Агеева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – 130 с.

11. Агеева, А.В. Типология иноязычных вкраплений в русских текстах / А.В. Агеева // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2014. – №1. – С. 153-162.

12. Агеева, А.В. Феноменология калькирования: французские кальки как системный элемент русского языка / А.В. Агеева, Д.Р. Сабирова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2017. – Т. 7. № 4(25). – С. 12-19.

13. Агеева, А.В. Фонологическая интерпретация французских элементов в русском языке (на материале фонем [ɛ] открытой и [e] закрытой) / А.В. Агеева // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы. Труды и материалы международной конференции. – Казань, 2016. – С. 17-22.

14. Агеева, А.В. Фрагмент национальной картины мира в зеркале интернет-комментария (на материале французского языка) / А.В. Агеева, С.В. Игнатьева // Региональная картина мира в языковой концептуализации: динамика культурных смыслов сборник статей / под ред. Л.А. Мардиевой, Т.Ю. Щуклиной. – Казань, 2016. – С. 3-9.

15. Агеева, А.В. Французская лексика в русском языке сферы косметологии и моды / А.В. Агеева, К.Р. Маметова // Французский язык и

методика его преподавания: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов / Под ред. В.Н. Васильевой, О.Ф. Остроумовой, А.В. Агеевой. – Казань: Хэтэр, 2014. – С. 31-36.

16. Агеева, А.В. Французские вкрапления в русской классической литературе: прагматический аспект / А.В. Агеева // Филология и культура. *Philology and Culture*. – 2013. – №4. – С. 7-12.

17. Агеева, А.В. Английская лексика в языке пользователей компьютерных онлайн-игр: анализ основных тенденций (на материале русского и французского языков) / А.В. Агеева, К.Р. Кашефразова // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Международная конференция (V Бодуэновские чтения): труды и материалы. Под общей редакцией К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. – Казань, 2015. – С. 27-29.

18. Айдукович, Й. Типы трансдериваций русизмов в контактологическом словаре / Й. Айдукович // Международный симпозиум «Лингвистическое и культурное разнообразие – фактор европейского развития»: труды и материалы. – Бухарест, 2000. – С. 45-52.

19. Акуленко, В.В. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика» / В.В. Акуленко, С.Ю. Комиссарчик. – М.: Изд-во политической литературы, 1975. – 495 с.

20. Алексеев, М.П. Русская культура и романский мир / М.П. Алексеев. – М.: Наука, 1985. – 539 с.

21. Амосова, Н.Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка / Н.Н. Амосова. – М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1956. – 218 с.

22. Андреева, И.С. Значение морфологических данных при типологической классификации языков / И.С. Андреева. // Актуальные проблемы прусского языка и методики его преподавания. – М.: Флинта: Наука, 2008. – С. 53-55.

23. Андрианова, Н.С. Военная научно-техническая терминология французского происхождения в современном русском языке: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук / Н.С. Андрианова. – Казань, 2009 – 27 с.
24. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
25. Арапова, Н.С. Кальки в русском языке постпетровского периода. Опыт словаря / Н.С. Арапова. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 320 с.
26. Аристова, В.М. Англо-русские языковые контакты (англицизмы в прусском языке) / В.М. Аристова. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. – 150 с.
27. Аристова, В.М. К истории англо-русских литературных связей и заимствований / В.М. Аристова // Семантические единицы в категории русского языка в диахронии. – Калининград, 1997. – С. 12-19.
28. Ахманова, О.С. Морфологическая структура слова в языках различных типов / О.С. Ахманова. – М., Л., 1963. – 234 с.
29. Багана, Ж. К вопросу о территориальной вариативности французского языка / Ж. Багана, Н.В. Трещева // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность. – 2011. – №2. – С. 24-27.
30. Балабанова, И.Я. Сравнительные конструкции в пространстве художественного дискурса / И.Я. Балабанова, А.В. Агеева, Т.Е. Калегина // Казанская наука. – 2017. – № 4. – С. 33-35.
31. Балалыкина, Э.А. Основные принципы этимологического анализа / Э.А. Балалыкина. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1980. – 56 с.
32. Балалыкина, Э.А. Семантические законы и история слов / Э.А. Балалыкина // Языковая семантика и образ мира. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2008. – С.214-217.
33. Балалыкина, Э.А. Семантические изменения в пределах заимствованной лексики в русском языке / Э.А. Балалыкина // Ученые записки Казанского университета. – 1998. – Т. 135. – С. 30-39.

34. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли, Е.В. Вентуель, Т.В. Вентуель, Р.А. Будагова. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 416 с.
35. Барамыкова, Г.М. Гендерные характеристики воссоздания хронотопа художественного произведения (на материале русскоязычного фэнтези) / Г.М. Барамыкова // Молодежь и актуальные проблемы современной науки. – Ставрополь: Филиал МИРЭА в г. Ставрополе, 2018. – С. 10-12.
36. Баско, Н.В. Имена существительные на -аж в русском языке (происхождение и функционирование): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук / Н.В. Баско. – М., 1984. – 16 с.
37. Бахтина, С.И. Заимствованная лексика в составе тематической группы "пища и напитки" XVIII – начала XXI вв.: историко-функциональное исследование): Дисс. ... канд. филол. наук / С.И. Бахтина. – Казань, 2008. – 199 с.
38. Баш, Л.М. Дифференциация термина «заимствование»: хронологический и этимологический аспекты / Л.М. Баш // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1989. – №4. – С. 26-28.
39. Безбородова, Л.В. Неография заимствований: к проблеме лингвоинформационного обеспечения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Л.В. Безбородова. – Казань, 2004. – 25 с.
40. Бельчиков, Ю.А. Русский литературный язык во второй половине XIX века / Ю.А. Бельчиков. – М.: Высшая школа, 1974. – 192 с.
41. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
42. Береговская, Е.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование / Е.М. Береговская // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 32-42.
43. Березин, Ф.М. Общее языкознание / Ф.М. Березин, Б.Н. Головин. – М.: Просвещение, 1979. – 416 с.

44. Бернгардт, О.В. Речь ребенка-билингва как предмет лексикографического описания: Дисс. ... канд. филол. наук / О.В. Бернгардт. – Ярославль, 2009. – 218 с.
45. Бец, М.В. Выявление лингвокультурных особенностей национальной языковой личности на примере интернет-комментариев к новостям / М.В. Бец // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 4 (41). – С. 55-57.
46. Бибихин, В.В. Опыт сравнения разных переводов одного текста / В.В. Бибихин // Тетради переводчика. – 1976. – № 13. – С. 37-46.
47. Биржакова, Е.Э. О роли переводных текстов в изучении иноязычной лексики XVIII в. / Е.Э. Биржакова // Очерки по истории русского языка и литературы XVIII в. – 1969. – Вып. 2-3. – С. 138-143.
48. Биржакова, Е.Э. Отражение функционально-стилистической дифференциации русской лексики в двуязычных словарях XVIII в. / Е.Э. Биржакова // Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка. – Л., 1984. – С. 133-146.
49. Биржакова, Е.Э. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования / Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова, Л.Л. Кутина. – Л.: Наука, 1972. – 431 с.
50. Богатова, Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии / Г.А. Богатова. – М.: Наука, 1984. – 254 с.
51. Богородицкий, В.А. Из чтений потсравнительной грамматике индоевропейских языков / В.А. Богородицкий. – Варшава: типогр. Варшавск. учеб. окр., 1895. – Вып. 1. – 53 с.
52. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – 391 с.
53. Брагина, А.А. Чужое – свое (от заимствования к словотворчеству) / А.А. Брагина // Грамматика и норма. – М.: Наука, 1977. – С. 250-267.
54. Брагина, А.А. Лексика языка и культура страны. – М.: Русский язык, 1981. – 151 с.

55. Будагов, Р.А. История слов в истории общества / Р.А. Будагов. – М.: Просвещение, 1971. – 270 с.
56. Будагов, Р.А. Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки) / Р.А. Будагов. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1963. – 300 с.
57. Будник, Е.А. Использование сопоставительного метода в лингвистических исследованиях / Е.А. Будник // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания. – М.: Флинта: Наука, 2008. – С. 63-66.
58. Булатова, Р.Р. Артурианская легенда: лексический аспект воссоздания средневекового антуража в современной фэнтези / Р.Р. Булатова, А.В. Агеева // TERRA LINGUAЕ. Сборник научных статей. – Казань: ТАИ, 2015. – С. 116-119.
59. Булаховский, Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века (Лексика и общие замечания о слоге) / Л.А. Булаховский // 2-е изд., пересмотр. и доп. – Киев: Изд-во Киевского гос. ун-та им. Т.Г. Шевченко, 1957. – 492 с.
60. Булаховский, Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис / Л.А. Булаховский. – М.: Учпедгиз, 1954. – 468 с.
61. Булич, С.К. Заимствованные слова и их значение для развития языка / С.К. Булич. – Варшава, 1986. – 18 с.
62. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие / У.Вайнрайх // Новое в лингвистике.–1972. – Вып. VI. Языковые контакты. – С. 25-60.
63. Валиуллина, Л.К. Лексика арабского происхождения в русском и татарском языках: сопоставительный аспект: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Л.К. Валиуллина. – Чебоксары, 2004. – 19 с.
64. Васильев, Л.М. Достоинства и недостатки компонентного анализа в семантических исследованиях / Л.М. Васильев // Исследования по семантике. – Уфа, 1984. – С. 3-8.
65. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая, М.А. Кронгауз, Е.В. Падучева. – М.: Русские словари, 1997. – 411 с.

66. Вербицкая, Л.А. Вариантность как основная черта развивающейся системы / Л.А. Вербицкая // Славистический сборник. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. – С. 36-44.
67. Вербицкая, Л.А. Давайте говорить правильно: пособие по русскому языку / Л.А. Вербицкая. – М.: Высшая школа, 2003. – 239 с.
68. Вербицкая, Л.А. Звуковые единицы русской речи и их соотношения с оттенками и фонемами: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Л.А. Вербицкая. – Л., 1964. – 19 с.
69. Верещагин, Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е.М. Верещагин. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. – 160 с.
70. Виллар, Ф. Заимствованная лексика в практике обучения французскому языку / Ф. Виллар // Актуальные проблемы русского языка и методики преподавания. – М.: Флинта: Наука, 2008. – С. 87-91.
71. Винарская, Е.Н. Раннее речевое развитие ребенка и проблемы дефектологии: Периодика раннего развития. Эмоциональные предпосылки освоения языка / Е.Н. Винарская. – М.: Просвещение, 1987. – 165 с.
72. Виноградов, В.А. Диглоссия // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.
73. Виноградов, В.В. Основные типы лексического значения слова // Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – С. 162-192.
74. Виноградов, В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1982. – 529 с.
75. Володарская, Э.Ф. Изменение ударения во французских заимствованиях английского языка как признак интеграции иноязычного материала / Э.Ф. Володарская // Вопросы филологии. – 2005. – №3. – С. 31-40.
76. Габдреева, Н.В. Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода: монография / Н.В. Габдреева. А.В. Агеева, А.Р. Тимиргалеева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 328 с.

77. Габдреева, Н.В. Лексика французского происхождения в русском языке (историко-функциональное исследование). Галлицизмы русского языка: происхождение, формирование, развитие / Н.В. Габдреева. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2001. – 339 с.
78. Габдреева, Н.В. История французской лексики в русских разновременных переводах / Н.В. Габдреева. – М.: Ленанд, 2011. – 304 с.
79. Гак, В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В.Г. Гак. – М.: Просвещение, 1983. – 287 с.
80. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.
81. Гак, В.Г. Теория и практика перевода / В.Г. Гак. – М.: Интердиалект, 2000. – 467 с.
82. Гальди, Л. Слова романского происхождения в русском языке / Л. Гальди. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1958. – 81 с.
83. Гарбовский, Н.К. Теория перевода / Н.К. Гарбовский. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2004. – 542 с.
84. Голованивская, М.К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка / М.К. Голованивская. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1997. – 279 с.
85. Голуб, И.Б. Русский язык и культура речи / И.Б. Голуб. – М.: Логос, 2005. – 342 с.
86. Горбачевич, К.С. Вариантность слова и языковая норма (на материале современного русского языка) / К.С. Горбачевич. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1978. – 238 с.
87. Готлиб, К.Г.М. Междязычные аналогизмы французского происхождения в немецком и русском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. / К.Г.М. Готлиб. – Новосибирск, 1966. – 18 с.
88. Грановская, Л.М. Галлицизмы: современный этап заимствования / Л.М. Грановская // Язык и мы. Мы и язык. – М.: РГГУ, 2006. – С. 155-164.

89. Грот, Я.К. Спорные вопросы русскаго правописанія / Я.К. Грот. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1894. – 164 с.
90. Гусарова, А.Д. Жанр фэнтези в русской литературе 90-х гг. двадцатого века: проблемы поэтики: Дисс. ... канд. филол. наук / А.Д. Гусарова. – Петрозаводск, 2009. – 225 с.
91. Димитрова, Т.Р. Семантическое освоение слов, заимствованных русским и болгарским языками из французского: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Т.Р. Димитрова. – М., 1984. – 17 с.
92. Дмитриева, О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / О.А. Дмитриева. – Волгоград, 2007. – 40 с.
93. Дементьев, Н.Р. Сленг сетевых игр: формирование и развитие (на материале французского сектора FPS) / Н.Р. Дементьев // Молодежь и актуальные проблемы современной науки. – Ставрополь: Филиал МИРЕА в г. Ставрополе, 2018. – С. 18-22.
94. Елисеева, И.Ю. Формирование литературоведческой терминологии в русском языке XVIII века (обозначение жанров): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / И.Ю. Елисеева. – Ленинград, 1984. – 259 с.
95. Ермоленкина, Л.И. Особенности этико-эстетической оценки человека в метафоре (на материале русских народных говоров) / Л.И. Ермоленкина // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения, журналистики. – Томск, 2001. – С. 177-180.
96. Ефремов, Л.П. Заимствованное слово и прототип / Л.П. Ефремов // Русское и зарубежное языкознание. – 1970. – Вып. 3. – С. 18-22.
97. Жаринов, Е.В. Жанр «фэнтези» в современной англо-американской беллетристике [Электронный ресурс] / Е.В. Жаринов. – Режим доступа: http://www.samopiska.ru/main_dsp.php?top_id=1153 (дата обращения: 15.01.2016).
98. Жданова, М.А. Терминология экстремальных видов спорта в русском языке: некоторые особенности функционирования / М.А. Жданова, А.В. Агеева / Terra Linguae. Сборник научных статей. – Казань: Изд-во ТАИ, 2015. – С. 124-127.

99. Закамулина, М.Н. Аспектуальность в татарскомаи французском языках. Сопоставительное исследование / М.Н. Закамулина. – Казань: Магариф, 1999. – 127 с.
100. Закамулина, М.Н. Очерки по аспектологии. Проблема реализации частных значений / М.Н. Закамулина. – Казань: КГЭУ, 2016. – 244 с.
101. Залевская, А.А., Медведева, И.Л. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия: Учебное пособие / А.А. Залевская, И.Л. Медведева. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – 194 с.
102. Зализняк, А.А. Русское именное словоизменение / А.А. Зализняк. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 760 с.
103. Зиндер, Л.Р. Общая фонетика / Л.Р. Зиндер. – М.: Высшая школа, 1979. – 312 с.
104. Знамеровская, А.О. Лингвистические принципы локализации компьютерных игр (на материале игры "Ведьмак 3: Дикая Охота") / А.О. Знамеровская // Молодежь и актуальные проблемы современной науки. – Ставрополь: Филиал МИРЭА в г. Ставрополе, 2018. – С. 22-25.
105. Зубкова, Л.Г. Фонетическая реализация консонантных противоположений в русском языке / Л.Г. Зубкова. – М.: Унив. дружбы народов, 1974. – 112 с.
106. Иваницкая, А.А. Заимствование иноязычной лексики ишее освоение: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / А.А. Иваницкая. – Киев, 1980. – 21 с.
107. Иванова, Е.А. Русская лексика как источник пополнения французского словаря и дискурса XV-XX вв. (системно-функциональный аспект): Дисс. ... канд. филол. наук / Е.А. Иванова. – Новосибирск, 2003. – 229 с.
108. Ивин, А.А. Аксиология. Научное издание / А.А. Ивин. – М.: Высшая школа, 2006. – 390 с.
109. Изюмская, С.С. Иноязычные вкрапления в современном художественном тексте (на материале произведений Б. Акунина и В. Пелевина) / С.С. Изюмская // Ученые записки Казанского университета. – 2011. – Т. 153, кн. 6. – С. 204-211.

110. Иллич-Свитыч, В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). введение. Сравнительный словарь / В.М. Иллич-Свитыч. – М.: Наука, 1971. – 372 с.
111. Ильяшенко, Т.П. Языковые контакты / Т.П. Ильяшенко. – М.: Наука, 1940. – 204 с.
112. Калиневич, М.М. Заимствования из французского языка в современном русском литературном языке в свете фонологической и морфологической систем / Maria Magdalena Kaliniewicz. – Poznan: Wyd-wo nauk. Uniw. im. A. Mickiewicza, 1978. – 72 с.
113. Калинин, А.В. Лексика русского языка / А.В. Калинин. – М.: Московский университет, 1978. – 232 с.
114. Карпоян, С.М. Отрицательные модальные оценки в интернет-комментарии / С.М. Карпоян // Научная мысль Кавказа. – 2011. – №3. – С. 115-119.
115. Карпоян, С.М. Эпистемические речевые акты в интернет-комментарии / С.М. Карпоян // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2011. – № 5. – С. 38-43.
116. Киндеревич, А.И. Галлицизмы в русских переводах XIX века (на материале произведений французских писателей): Дисс. ... канд. филол. наук / А.И. Киндеревич. – Казань, 1992. – 251 с.
117. Китанина, Э.А. Прагматика иноязычного слова в русском языке: монография / Э.А. Китанина. – Ростов-на-Дону: РГЭУ «РИНХ», 2005. – 416 с.
118. Козырева, О.А. Билингвизм как междисциплинарная проблема / О.А. Козырева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – № 13 (141). – С. 150-153.
119. Коканина, Л.Б. Национально-ориентированные фразеологические единицы в контексте / Л.Б. Коканина. – Иркутск: ИГПИИЯ, 1991. – 427 с.
120. Комиссаров, В.Н. Перевод и языковое посредничество / В.Н. Комиссаров // Тетради переводчика. – 1984. – № 21. – С. 18-27.

121. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В.Г. Костомаров. – СПб.: Златоуст, 1999. – 330 с.
122. Кошель, П.В. Французский интернет-комментарий как речевой жанр / П.В. Кошель // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 10 (670). – С. 80-89.
123. Крысин, Л.П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л.П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
124. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях. / Л.П. Крысин. – М.: Знак, 2008. – 356 с.
125. Крысин, Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л.П. Крысин. – М.: Наука, 1968. – 208 с.
126. Крысин, Л.П. Языковое заимствование как проблема диахронической социолингвистики // Диахроническая социолингвистика. – М., 1993. – С. 131-151.
127. Кутина, Л.Л. Формирование языка русской науки / Л.Л. Кутина. – Л.: Наука, 1966. – 221 с.
128. Леонтьев, А.А. Иноязычные вкрапления в русскую речь / А.А. Леонтьев // Вопросы культуры речи. – М.: Наука, 1966. – С. 60-68.
129. Листрова-Правда, Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века / Ю.Т. Листрова-Правда. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. – 144 с.
130. Ломакина, З.И. Заимствование и освоение русским языком иноязычной лексики в 60-80-е годы XX века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / З.А. Ломакина. – Киев, 1985. – 24 с.
131. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 1999. – 415 с.
132. Лурия, А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия // под редакцией Е.Д. Хомской. – М: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.

133. Лутфуллина, Г.Ф. Потенциал аналитических средств именной группы в выражении референтности (на материале французского и татарского языков) / Г.Ф. Лутфуллина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 10 (78). – С. 225-229.

134. Лутфуллина, Г.Ф. Абстрактные имена существительные, выражающие «порцию» информации / Г.Ф. Лутфуллина, Л.Б. Кадырова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2013. – № 4. – С. 87-89.

135. Манина, С.И. Иноязычные вкрапления в контексте прагматики / С.И. Манина // Культурная жизнь Юга России. – 2008. – № 2 (27). – С. 141-143.

136. Манфред, А.З. К истории русско-французских культурных связей 70-80 гг. XIX в. / А.З. Манфред // Очерки истории Франции. – М., 1961. – С. 348-393.

137. Маринова, Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка: учебное пособие / Е.В. Маринова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 296 с.

138. Мариноха, С.В. Процесс ассимиляции французской заимствованной лексики в русском языке [Электронный ресурс] / С.В. Мариноха. – Режим доступа: www.vvsu.ru/files/CE4F8DE2-37D6-4784-A379-B0BAD64B6A7E.pdf. (дата обращения: 15.01.2016).

139. Мартысюк, М. Характеристика немецких заимствованных имен существительных в русском языке / М. Мартысюк. – Poznan: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1978. – 130 с.

140. Матусевич, М.И. Современный русский язык. Фонетика / М.И. Матусевич. – М.: Просвещение, 1976. – 288 с.

141. Мельников, Г.П. Системная типология языков / Г.П. Мельников. – М.: Наука, 2003. – 392 с.

142. Мельчук, А.И. Статистика и зависимость рода французских существительных от окончания / А.И. Мельчук // Вопросы статистики речи. – Л., 1958. – С. 112-130.

143. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 207 с.

144. Моисеева, Е.Н. К вопросу о билингвизме и двуязычии / Е.Н. Моисеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2008. – № 2 (9). – Ч. I. – С. 145-147.
145. Моряхина, Н.В. О некоторых способах создания терминов-слов в области менеджмента и их структуре / Н.В. Моряхина // Вестник Чувашского университета. – 2007. – № 4. – С. 200-202.
146. Муравьев, В.Л. Карусель / В.Л. Муравьев // Русская речь. – 1976. – № 5. – С. 87-90.
147. Мучник, И.П. Категория рода и ее развитие в современном русском литературном языке / И.П. Мучник // Развитие современного русского языка. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963. – С. 39-80.
148. Новиков, Л.А. Современный русский язык: учебник / Под общ. редакцией Л.А. Новикова. – СПб.: Изд-во «Лань», 2003. – 864 с.
149. Огиенко, И.И. Иноземные элементы в русском языке. История проникновения заимствованных слов в русский литературный язык / И.И. Огиенко. – Киев: Тип. В.П. Бондаренко и П.Ф. Гнездовского, 1915. – 136 с.
150. Петренко, В.И. О некоторых особенностях грамматической ассимиляции французских лексических заимствований в русском языке / В.И. Петренко // Вопросы теории романско-германских языков. – 1975. – Вып. 6. – С. 94-98.
151. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1-2 / А.А. Потебня. – М.: Учпедгиз, 1958. – 534 с.
152. Протасова, Е.Ю. Дети и языки / Е.Ю. Протасова. – М.: Центр инноваций в педагогике, 1998. – 276 с.
153. Пылакина, О.А. Галлицизмы сферы фортификационного дела в русской переводной письменности начала XVIII в. / О.А. Пылакина // Актуальные вопросы русской филологии. – М., 1976. – С. 66-75.
154. Разумовская, В.А. Русские заимствования в иностранных языках как явление столкновения культур / В.А. Разумовская // Исследования по

лексикологии и грамматике русского языка. – Познань: Изд-во Университета им. А. Мицкевича, 2005. – С. 77-80.

155. Рапанович, А.Н. Фонетика французского языка / А.Н. Рапанович. – М.: Высшая школа, 1973. – 291 с.

156. Рацибурская, Л.В. Неология и неография современного русского языка / Т.В. Попова, Д.В. Гугунава, Л.В. Рацибурская. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 168 с.

157. Рейцак, А.К. К вопросу о критериях освоенности заимствованной лексики / А.К. Рейцак // Вопросы теории и методики изучения иностранного языка. – 1962. – Вып. 2. – С. 425-434.

158. Реформатский, А.А. Введение в языкознание / под редакцией В.В. Виноградова. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 536 с.

159. Роже, Л.М. Аспекты изучения заимствований в русском языке и оптимизация их лексикографического представления: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Л.М. Роже. – М., 1985. – 16 с.

160. Рыжова, Л.П. Французская прагматика / Л.П. Рыжова. – М.: URSS, 2015. – 240 с.

161. Савельева, И.В. К вопросу о жанровых признаках интернет-комментария / И.В. Савельева // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвузовский сборник научных трудов. – Орел, 2013. – С. 194–202.

162. Садретдинов, Р.И. Основные тенденции становления фонетико-графического облика англицизмов во французском языке IT-сферы / Р.И. Садретдинов, А.В. Агеева // TERRA LINGUAЕ. Сборник научных статей. – Казань: ТАИ, 2015. – С. 72-74.

163. Сахратова, Э.И. Феномен ложных друзей переводчика в научно-популярной и научно-технической литературе / Э.И. Сахратова, А.В. Агеева // Актуальные проблемы романских языков и современные методики их преподавания. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Казань: Отечество, 2015. – С. 132-137.

164. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; Пер. с англ. под ред. и с предисл. д-ра филол. наук проф. А.Е. Кибрика // Изд. 2-е. – М.: Прогресс, 2002. – 656 с.

165. Сергиевский, М.В. История французского языка / М.В. Сергиевский. – М.: Изд-во иностр. лит., 1947. – 273 с.

166. Складаревская, Г.Н. Толковый словарь современного русского языка: яз. изм. конца XX столетия / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [составитель Е.Ю. Ваулина и др.]; под ред. Г.Н. Складаревской. – Москва: Астрель: Транзиткнига, 2005. – 894 с.

167. Сорокин, Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30-90-е годы XIX века / Ю.С. Сорокин. – М.; Л.: Наука, 1965. – 565 с.

168. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.

169. Спивак, Д.Л. Метафизика Петербурга: французская цивилизация / Д.Л. Спивак. – СПб.: Алетейя, 2005. – 528 с.

170. Супрун, Л.Е. Лекции по языкознанию / Л.Е. Супрун. – Минск: Высшая школа, 1971. – 188 с.

171. Тимиргалеева, А.Р. Иноязычная лексика немецкого происхождения в русском языке новейшего периода: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 2006. – 25 с.

172. Трубецкой, Н.С. Основы фонологии / Н.С. Трубецкой. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 372 с.

173. Успенский, Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни / Б.А. Успенский. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1985. – 215 с.

174. Успенский, Б.А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка / Б.А. Успенский. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1983. – 143 с.

175. Федоров, А.В. Введение в теорию перевода (лингвистические проблемы) / А.В. Федоров. – М.: Издательский Дом "ФИЛОЛОГИЯ ТРИ", 2002. – 416 с.
176. Хауген, Э. Процесс заимствования / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – 1972. – Вып.6. Языковые контакты. – С. 350-371.
177. Хютль-Ворт, Г. О западноевропейских элементах в русском языке XVIII в. / Г. Хютль-Ворт // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. – М., 1974. – С. 144-153.
178. Чернец, Л.В. Иноязычная речь в художественном произведении / Л.В. Чернец // Русская словесность. – 2004. – № 7. – С. 6-12.
179. Черных, П.Я. Очерк русской исторической лексикологии / П.Я. Черных. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1956. – 236 с.
180. Шайхутдинова, Р. Р. Англо-русские языковые контакты конца XX – начала XXI вв. в сравнительном освещении: Дисс. ... канд. филол. наук / Р.Р. Шайхутдинова – Казань, 2008. – 211 с.
181. Шанская, Т.А. Восприятие французской культуры русским дворянством (первая четверть XIX века): Автореф. дисс. ... канд. истор. наук / Т.А. Шанская. – Казань, 2001. – 26 с.
182. Шахрай, О.Б. К проблеме классификации заимствованной лексики / О.Б. Шахрай // Вопросы языкознания. – 1961. – № 2. – С. 53-59.
183. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 278 с.
184. Щерба, Л.В. Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским / Л.В. Щерба. – М.: Высшая школа, 1963. – 308 с.
185. Эрвин-Трипп, С.М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия / С.М. Эрвин-Трипп // Новое в лингвистике. – 1975. – Вып. VII. Социолингвистика. – С. 336-362.

186. Этманова, Л.А. Психолингвистические особенности языкового сознания естественных билингвов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Л.А. Этманова. – Москва, 2006. – 20 с.

187. Ярцева, В.Н. Развитие национального литературного английского языка / В.Н. Ярцева. – М.: Изд-во Наука, 1969. – 59 с.

188. Abdullina, L.R. The Evolution of the "Comment" Genre: Theoretical Aspect / L.R. Abdullina, A.V. Ageeva, E.A. Smirnova // World Applied Sciences Journal. – 2014. – 29 (3). – P. 354-358.

189. Ageeva, A.V. On-line / internet comments as the reflection of national mentality (case study of the french and russian languages) / A.V. Ageeva, L.R. Abdullina, N.R. Latypov // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication. – 2016. – July. – P. 1016-1021.

190. Ageeva, A.V. Gallicisms in the Russian Language: Theory and Practice of Language Contact Study / A.V. Ageeva, N.V. Gabdreeva, K.M. Amirkhanova // The Social Sciences. – 2016. – 11 (17). – PP. 4085-4088.

191. Ageeva, A.V. Semasiological relations between the lexical parallels in the French and Russian languages (a case study of the French borrowed vocabulary) / A.V. Ageeva, L.R. Abdullina, N.R. Latypov // Journal of Sustainable Development. – 2015. – V. 8. Issue 4. – P. 53-60.

192. Ageyeva, A.V. Language situation in the Russian society at the start of the 19th century: Bilingualism or diglossia? / A.V. Ageyeva, V.N. Vassilyeva, G.I. Galeyeva // Journal of Language and Literature. – 2015. – V. 6. Issue 1. – P. 322-326.

193. Aminova, A. Lexico-Semantic Group of Verbs Characterizing Human Behavior as a Fragment of the Linguistic World View / A. Aminova, A. Aydarova // International Journal of Humanities and Cultural Studies. Special Issue. – July 2016. – P. 158-165.

194. Amirkhanova, K. Enhancing Students' Learning Motivation through Reflective Journal Writing / K. Amirkhanova, A. Ageeva, R. Fakhretdinov // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. – 2016. – Volume XII. – P. 14-18.

195. Atifi, H. Follow-ups and dialogue in online discussions on French politics / H. Atifi, M. Marcoccia // *The Dynamics of Political Discourse: Forms and functions of follow-ups.* – 2015. – P.109-139
196. Aydarova, A. The Negative Evaluative Component within the Semantic Structure of Behaviour Verbs in the Russian, English and Tatar Languages / A. Aydarova, A. Aminova // *Journal of Language and Literature.* – 2016. – Vol. 7. No. 3. – P. 149-152.
197. Béchade, H-D. Phonétique et morphologie de français moderne et contemporain / H.-D. Béchade. – Paris: PUF, 1992. – 304 p.
198. Bertrand, O. Histoire du vocabulaire français origines emprunts & création lexicale / O. Bertrand. – Paris: Broché, 2011. – 230 p.
199. Bondrea, E. La Francophonie: langues et identités / E. Bondrea // *Ouvrage collectif.* – Chisinau: ULIM, 2007. – 238 p.
200. Bruneau, Ch. Manuel de phonétique pratique / Ch. Bruneau. – Paris, 1931. – 133 p.
201. Chevalier, J.-Cl. Histoire de la grammaire française / J.-Cl. Chevalier. – P.:Presses universitaires de France, 1994. – 126 p.
202. Colin, J.-Y., Mourlhon-Dallies, F. Du courrier des lecteurs aux forums de discussion sur l'internet: retour sur la notion de genre / J.-Y. Colin, F. Mourlhon-Dallies // *Les discours de l'internet: nouveaux corpus, nouveaux modèles? Les carnets du Cediscor.* – 2017. – Vol. 8. – P. 113-139.
203. Crystal, D. Language and the internet / D. Crystal // Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 304 p.
204. Dauzat, A. Histoire de la langue française / A. Dauzat. – Paris, 1930. – 458 p.
205. Deroy, L. L'emprunt linguistique / L. Deroy. – Liège, 1956
206. Egorov, D. Automated dating of the world's language families based on lexical similarity / D. Egorov // *Current Anthropology.* – Volume 52, Issue 6. – December 2011. – P. 841-875.
207. Ferguson, Ch. A. Diglossia / Charles A. Ferguson // *Word.* – 1959. – n°15. – P. 325-340.

208. Goosse, A. La néologie française aujourd'hui. Observations et réflexions / A. Goosse. – Paris : Broché, 1991. – 72 p.
209. Graedler, A-L. Morphological, semantic and functional aspects of English lexical borrowings in Norwegian / A-L. Graedler. – Oslo, 1995. – 205 p.
210. Grammont, M. Traité de prononciation française / M. Grammont. – Paris, 1951. – 318 p.
211. Grevisse, M. Le Bon Usage : Grammaire française / M. Grevisse, A. Goosse. – Louvain-la-Neuve: Duculot, 2007. – 1600 p.
212. Guiraud, P. Les mots étrangers / P. Guiraud. – Paris : PUF, 1971. – 128 p.
213. Hagège, C. Le français et les siècles / C. Hagège. – Paris: Odile Jacob, 1987. – 313p.
214. Herring, S. C. Computer-mediated conversation: Introduction and overview [Электронный ресурс] / S. C. Herring // Language@. – 2010. – n°7. – Режим доступа: www.languageatinternet.org/articles/2010/2801 (дата обращения: 10.01.2014)
215. Humbley, J. Vers une typologie de l'emprunt linguistique / J. Humbley // Cahier de lexicologie. Besançon. – 1975. – n°25. – P. 46-70.
216. Karabulatova, I.S. Turkic and Slavs: Bi-Polylinguism in Globalization and Migrations (On an Example of Tumen Region) / I.S. Karabulatova, Z.V. Polivara // Middle-East Journal of Scientific Research. -2013. – Volume 17, Issue 6. – P. 832-836.
217. Lagueux, P.-A. «La part des emprunts à l'anglais dans la création néologique, en France et au Québec », Le français en contact avec l'anglais: en hommage à Jean Darbelnet / P.-A. Lagueux. – Paris: Didier Érudition, 1988. – 171 p.
218. Loubier, C. De l'usage de l'emprunt linguistique / C. Loubier. – Montréal : Office Québécois de la langue française, 2011. – 77 p.
219. Marçais, W. La diglossie arabe. La langue arabe dans l'Afrique du Nord. L'arabe écrit et l'arabe parlé dans l'enseignement secondaire / W. Marçais // L'enseignement public. – 1930. – n° 97. – P. 401-409.

220. Marcoccia, M. On-line Polylogues : conversation structure and participation framework in Internet. Newsgroups / M. Marcoccia // Journal Of Pragmatics. – 2011. – 36-1. – P. 115-145.

221. Martinet, A. Remarques sur le système phonologique du français / F. Martinet // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. – Paris, 1933. – P. 191-202.

222. Mukhametshina, R.F., Galimullina, A.F. Inculcation of Bilingual personality in context of cultural dialogue (as exemplified by Tatarstan Schools) / R.F. Mukhametshina, A.F. Galimullina // Middle-East Journal of Scientific Research. – 2014. – Volume 20, Issue 12. – P. 2135-2138.

223. Pergnier, M. « A propos des emprunts du français à l'anglais. » Le français en contact avec l'anglais: en hommage à Jean Darbelnet / M. Pergnier. – Paris: Didier Erudition, 1988. – 171 p.

224. Perret, M. Introduction à l'histoire de la langue française / M. Perret. – Paris : Colin, 2014. – 240 p.

225. Picoche, J. Précis de lexicologie française / J. Picoche. – Paris : Nathan, 1977. – 181 p.

226. Picoche, J. Structures sémantiques du lexique français / J. Picoche. – Paris : Nathan, 1986. – 143 p.

227. Riegel, M. Grammaire méthodique du français / M. Riegel., J-C. Pellat., R. Rioul. – Paris : PUF, 1994. – 1152 p.

228. Rivarol, (de), A.C. De l'Universalité de la langue française / A.C. de Rivarol. – Paris : Cocheris, 1797. – 62 p.

229. Sabirova, D.R. Ethnocultural Component of Foreign-Language Education: Innovative Mode / D.R. Sabirova // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – № 3. – P. 356-362.

230. Sablayrolles, J.-F. Les Néologismes / J.-F. Sablayrolles, J. Pruvost. – Paris : PUF, 2012. – 128 p.

231. Tournier, J. Les mots anglais du français / J. Tournier. – Paris : Belin, 1998. – 621 p.

232. Tournier, J. Un champ d'emprunt du français à l'anglais. La désignation des personnes / J. Tournier // Cahier de lexicologie. – 1997. – Vol.70. – P. 185-197.

233. Trescases, P. Aspects du mouvement d'emprunt à l'anglais reflétés par trois dictionnaires de néologisme / P. Trescases // Cahier de lexicologie. Besançon, 1983. – Vol.42. – P. 86-101.

234. Tuallion G. Régionalismes de France / G. Tuallion // Revue de linguistique romane. – 1978. – Vol. 42. – P. 165-166.

235. Verdoodt, A. Les problèmes des groupes linguistiques en Belgique / A. Verdoodt. – Louvain-la-Neuve, 1973. – 165 p.

236. Wilmet, M. Le français de Belgique: fiction ou réalité / M. Wilmet. – Quebec: CIRAL, 2000. – 355 p.

Список иллюстративного материала

1. Айдукович, Ё. Контактологический словарь адаптации русизмов в восьми славянских языках / Ё. Айдукович. – Белград: Фото Футура, 2004. – 772 с.

2. Балдано, И.Ц. Мода XX века: Энциклопедия / И.Ц. Балдано. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 400 с.

3. Баш, Л.М. Современный словарь иностранных слов. Толкование / Л.М. Баш. – М.: Цитадель, 2005. – 928 с.

4. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

5. Булгаков, М.А. Мастер и Маргарита: роман / М.А. Булгаков. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 303 с.

6. Валентинов, А. Овернский клирик: роман / А. Валентинов. – М.: Эксмо, 2007. – 384 с.

7. Грибоедов, А.С. Горе от ума / Д.И. Фонвизин, А.С. Грибоедов, А.Н. Островский. Избранные сочинения. – М.: Худож. лит., 1989. – 608 с.

8. Дурова, Н.А. Записки кавалерист-девицы / Н.А. Дурова // Переиздание. – Казань: Татарское кн.изд-во, 1979. – 200 с.
9. Ильф, И. Двенадцать стульев: Роман / И. Ильф, Е. Петров. – М.: Просвещение, 1987. – 272 с.: ил
10. Комлев, Н.Г. Словарь иностранных слов / Н.Г. Комлев. – М.: Эксмо, 2006. – 672 с.
11. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. 2-е изд. / Л.П. Крысин. – М.: Изд-во Эксмо, 2007. – 944 с.
12. Логинов, С.В. Земные пути: роман / С.В. Логинов. – М.: Эксмо, 1999. – 384 с.
13. Логинов, С.В. Колодезь: роман / С.В. Логинов. – М.: Эксмо. – 75 с.
14. Логинов, С.В. Многорукий бог далайна / С.В. Логинов. – НН., 1994. – 108 с.
15. Лукин, Е.Ю. Катали мы ваше солнце / Е.Ю.Лукин. – М.: АСТ, 1998. – 300 с.
16. Лукин, Е.Ю. Там, за Ахероном / Е.Ю. Лукин. – М.: АСТ, 1995. – 70 с.
17. Михельсон, М.И. Толковый словарь иностранных слов, пословиц и поговорок / М.И. Михельсон. – М.: АСТ, 2006. – 1120 с.
18. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Ркжим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 22.11.2016).
19. Новейший словарь иностранных слов и выражений / Отв. за вып. В.В. Адамчик. – Минск: Современный литератор, 2003. – 976 с.
20. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Изд-во Сов. Энциклопедия, 1973. – 846 с.
21. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Л.И. Скворцова. – М.: Оникс, 2004. – 1200 с.
22. Олди, Г.Л. Приют героев: роман / Г.Л. Олди. – М.: Эксмо, 2007. – 512 с.
23. Олди, Г.Л. Три повести о чудесах: роман / Г.Л. Олди. – М.: Эксмо, 2008. – 448 с.
24. Олди, Г.Л. Шмагия: Роман / Г.Л. Олди. – М.: Эксмо, 2007. – 354 с.

25. Пушкин, А.С. Собрание сочинений в 10 томах / А.С. Пушкин. – М.: ГИХЛ, 1960.
26. Резанова, Н.В. Дорога висельников: роман / Н.В. Резанова. – М.: Эксмо, 2008. – 480 с.
27. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи / Составлен под ред. А.Н. Чудинова // Изд. третье, испр. и доп. – СПб.: Издание В.И. Губинского, 1910.
28. Словарь русского языка: в 4-х тт. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985.
29. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В. Дмитриева. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 1578 с.
30. Толковый словарь русского языка конца XX в. / Под ред. Г.Н. Складчиковой. – СПб.: Фолио-Пресс, 2002. – 700 с.
31. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1935-1940.
32. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М.: Астрель, 2003. – 864 с.
33. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. – М.: Русский язык – Медиа, 2006. – Т. 1. – 621 с.
34. Шагалова, Е.Н. Словарь новейших иностранных слов (конец XX – начало XXI века): более 3000 слов и словосочетаний / Е.Н. Шагалова. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – 943 с.
35. Яновский, Н.М. Новый словотолкователь / Н.М. Яновский. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1804-1806 с.
36. Académie Française [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.academie-francaise.fr/dire-ne-pas-dire/neologismes-anglicismes> (дата обращения: 17.01.2017).

37. Centre Nationale des Ressources Textuelles et Lexicales [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cnrtl.fr/etymologie/> (дата обращения: 22.11.2016).
38. David, Ch. Petit lexique du français managérial [Электронный ресурс] / Ch. David // L'Express, L'Expansion, 21/04/1994. – Режим доступа: http://lexpansion.lexpress.fr/actualite-economique/petit-lexique-du-francais-managerial_1387713.html (дата обращения: 30.11.2014).
39. Dictionnaire de la langue française [Электронный ресурс] / E.Littré // 2e édition revue et augmentée. – Paris: Hachette, 1873-1877. – Режим доступа: <http://litre.reverso.net/dictionnaire-francais/> (дата обращения: 19.11.2016).
40. Dictionnaire des termes officiels de la langue française. – Paris: Journal Officiel de la République Française, 1994. – 461 p.
41. Institut national de la statistique des études économiques (Insee). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.insee.fr/fr/methodes/default.asp?page=definitions/inflation.htm> (дата обращения: 17.01.2017).
42. Langue française et langues de France [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.culturecommunication.gouv.fr/Politiques-ministerielles/Langue-francaise-et-langues-de-France/> (дата обращения: 09.10.2016).
43. Larousse. Dictionnaire français [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais> (дата обращения: 15.01.2016).
44. Le Petit Robert. – Paris: Le Robert, 2005. – 2844 p.
45. Le Robert et Collins. – Paris: Le Robert, 2013. – 2220 p.
46. Le Trésor de la langue française [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.atilf.fr/> (дата обращения: 17.01.2017).
47. Mangiante, J.-M. Place et rôle du lexique spécialisé dans les discours de français commercial et économique, Recherche et pratiques pédagogiques en langues de spécialité [Электронный ресурс] / J.-M. Mangiante // Vol. XXI N° 4 | 2002, mis en ligne le 19 novembre 2013. – Режим доступа: <http://apliut.revues.org/4109> (дата обращения: 29.11.2014).

48. Niobey G. Dictionnaireyanalogique / G. Niobey, R. Lagane. – P.: Larousse, 2014. – 550 p.
49. Office Québécois de la Langue française [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bdl.oqlf.gouv.qc.ca/bdl/gabarit_bdl.asp?id=3805 (дата обращения: 12.04.2017).